DOI 10/21209/1996-7853
DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2

ISSN 1996-7853
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE "Transbaikal State University"

672039, Russia, Transbaikal TERRITORY, Chita, 30 Aleksandro-Zavodskaya st.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

ADDRESS

672007, Russia, Chita, 129 Babushkina st.
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

http://www.zabvektor.com

Vol 12, No. 2
2017

Том 12, № 2
2017

Гуманитарный вектор

Издаётся с 1997 г.
Выходит пять раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54189 от 17.05.2013

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук: *философские науки, филологические науки, исторические науки и археология*

Направление номера журнала *Филологические науки*

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики

Подписной индекс журнала в «Пресса России» ***42407***

Размещение и индексация журнала Научная электронная библиотека (РИНЦ), CrossRef, Университетская библиотека онлайн, КиберЛенинка, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, IPRbooks, ERICH PLUS, Index Copernicus, JIFACTOR, ИВИС

Редакционная коллегия

Главный редактор
И. В. Ерофеева, доктор филологических наук, доцент

Выпускающий редактор
М. В. Пименова, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
Ц. П. Ванчикова, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия)

Б. В. Базаров, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);
Батмаз Вейзель, доктор наук, профессор (Стамбул, Турция);
Т. В. Бернюкевич, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);
Андре Буржо, доктор социальных наук (Париж, Франция);
Т. В. Воронченко, доктор филологических наук, профессор (Чита, Россия);
М. И. Гомбоева, доктор культурологии, профессор (Чита, Россия);
З. К. Дербишева, доктор филологических наук, профессор (Бишкек, Кыргызстан);
В. С. Диев, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);
Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Москва, Россия);
Е. Ю. Захарова, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);
В. К. Зубарева, доктор филологических наук, профессор (Филадельфия, США);
Т. Ю. Игнатович, доктор филологических наук, доцент (Чита, Россия);
Изухо Масами, доцент (Токио, Япония);
А. А. Камалова, доктор филологических наук, профессор (Ольштын, Польша);
В. И. Карасик, доктор филологических наук, профессор (Волгоград, Россия);
В. В. Колесов, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
М. В. Константинов, доктор исторических наук, профессор (Чита, Россия);
В. А. Маслова, доктор филологических наук, профессор (Витебск, Беларусь);
Б. Я. Мисонжников, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
С. А. Михайлов, доктор политических наук, профессор (Сыктывкар, Россия);
А. Н. Новиков, кандидат географических наук, доцент (Чита, Россия);
Н. С. Розов, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);
Грег Саймонс, доктор наук, доцент (Уппсала, Швеция);
Д. В. Сергеев, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);
Сонг Чжон Су, доктор филологических наук, профессор (Сеул, Корея);
Д. Л. Стровский, доктор политических наук, профессор (Ариэль, Израиль);
Д. В. Трубицын, кандидат философских наук, доцент (Чита, Россия);
М. Н. Фомина, доктор философских наук, профессор (Чита, Россия);
Граля Хероним, доктор исторических наук (Варшава, Польша);
И. В. Черникова, доктор философских наук, профессор (Томск, Россия);
Чжао Сяобин, доктор литературы, доцент (Баодин, КНР)

Ответственный секретарь
Е. В. Седина, кандидат культурологии

Редактор О. Ю. Гапченко,
редактор перевода В. М. Ерёмина,
вёрстка М. Р. Коптеловой, дизайн обложки В. В. Михалев

Подписано в печать 31.03.2017.
Дата выхода в свет 15.05.2017.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура "Arial".
Способ печати оперативный. Заказ № 17061.
Усл. печ. л. 21,5. Уч.-изд. л. 19,1.
Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).
Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Журнал представляет собой сборник оригинальных и обзорных научных статей по русской и зарубежной филологии, языкознанию, языковой картине мира, медиалингвистике и профессиональному образованию. Также в журнале представлены материалы российских и зарубежных авторов по востоковедению, освещающие проблемы истории, религии, этнографии, материальной и духовной культуры стран Востока.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

© Забайкальский государственный университет, 2017

Humanitarian Vector

Founded in 1997
Published five times a year

Gumanitarnyi Vektor

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate
ПИ No. ФС77-54189 of 17.05.2013

The journal is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences: *Philosophical Sciences, Philological Sciences, Historical Sciences and Archeology*

Journal issue direction
Philological Sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them do not necessarily reflect the views of the editorial board

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards

Subscription index of the journal in "Press of Russia" ***42407***

Journal Placement and indexing
Russian Science Citation Index (RSCI), CrossRef, University library online, CyberLeninka, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, IPRbooks, ERIH PLUS, Index Copernicus, JIFACTOR, IVIS

Editorial Board

Editor-in-Chief
I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, Associate Professor

Main Handling Editors:
M. V. Pimenova, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);
Ts. P. Vanchikova, Doctor of History, Professor (Ulan-Ude, Russia)

B. V. Bazarov, Doctor of History, Professor (Ulan-Ude, Russia);
V. Batmaz, Doctor of Sciences, Professor (İstanbul, Turkey);
T. V. Bernyukevich, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
Bourget Andre, Doctor of Sociology (Paris, France);
T. V. Voronchenko, Doctor of Philology, Professor (Chita, Russia);
M. I. Gomboeva, Doctor of Culturology, Professor (Chita, Russia);
Z. K. Derbisheva, Doctor of Philology, Professor (Bishkek, Kyrgyz Republic);
V. S. Diev, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia);
N. L. Zhukovskaya, Doctor of History (Moscow, Russia);
E. Yu. Zakharova, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
V. K. Zubareva, Doctor of Philology, Professor (Philadelphia, PA, USA);
T. Yu. Ignatovich, Doctor of Philology, Associate Professor (Chita, Russia);
Masami Izuho, Associate Professor (Tokyo, Japan);
A. A. Kamalova, Doctor of Philology, Professor (Olsztyn, Poland);
V. I. Karasik, Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russia);
V. V. Kolesov, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);
M. V. Konstantinov, Doctor of History, Professor (Chita, Russia);
V. A. Maslova, Doctor of Philology, Professor (Vitebsk, Belarus);
B. Ya. Misonzhnikov, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);
S. A. Mikhailov, Doctor of Political Science, Professor (Syktyvkar, Russia);
A. N. Novikov, Candidate of Geography, Associate Professor (Chita, Russia);
N. S. Rozov, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia),
G. Simons, Doctor of Sciences, Associate Professor (Uppsala, Sweden);
D. V. Sergeev, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
Song Chon Su, Doctor of Philology, Professor (Seoul, Korea);
D. L. Strovsky, Doctor of Political Sciences, Professor (Ariel, Israel);
D. V. Trubitsin, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
M. N. Fomina, Doctor of Philosophy, Professor (Chita, Russia);
Grala Hieronim, Doctor of History (Warsaw, Poland);
I. V. Chernikova, Doctor of Philosophy, Professor (Tomsk, Russia);
Zhao Xiaobing, Doctor of Literature, Associate Professor (Baoding, People's Republic of China)

Executive Secretary
E. V. Sedina, Candidate of Culturology

Corrector O. Yu. Gapchenko,
Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Make-up M. R. Koptelova, Cover design V. V. Mikhalev

Signed to print 31.03.2017.
Date of publication 15.05.2017.
Format 60×84 1/8. Offset paper. Headset "Arial".
Operative printing. Order No. 17061.
Conv. quires 21,5. Ed.-print quires 19,1.
Circulation 1000 copies. (1 st factory 1–100 copies).
Free price

Printed FSBEI HE "Transbaikal State University"
672039, Russia, Chita, 30 Aleksandro-Zavodskaya St.

The journal is a collection of original and review scientific papers on Russian and foreign philology, linguistics, linguistic worldview, media linguistics, and professional education. The journal also presents materials of Russian and foreign authors on oriental studies dealing with the issues of history, religion, ethnography, material and spiritual culture of Oriental countries.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university professors, lecturers, postgraduate students, students, workers in culture and education.

© Transbaikal State University, 2017

ГУМАНИТАРНЫЙ вектор

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ 6

Кудрявцева П. Б. Особенности анализа ораторской прозы методом ключевых слов (на материале речи И. С. Тургенева на открытии памятника А. С. Пушкину в 1880 году в Москве) 6
Панкратова Т. Б. Неизвестные произведения В. А. Курочкина 13
Хазанкович Ю. Г. Литературы автохтонных народов Севера до и после 1917 года: опыт историко-критической рефлексии 22
Юдин Л. А. Анализ сборника графических адаптаций рассказов А. Платонова «Цветы на земле» 29

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ 36

Абдыраманова А. Ш. О взаимосвязях кыргызской советской литературы периода «оттепели» и «застоя» 36
Березина А. В. Эволюция образа мужчины в лирике Форуг Фаррохзад 42
Керова Л. В. Образование гипокористических форм личных имён в английском и немецком языках 49
Ткаченко С. Г. Показатели низкой степени признака в толкованиях английских фразеологических единиц с градуальной семантикой 58
Чернышева Л. Н. Роль внешнего фактора в развитии терминологической лексики амхарского языка 64

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА 70

Батюшкина М. В. Законодательный текст, его адресант и адресат 70
Виноградова С. М., Силин И. С. Текст как выражение природы научного знания (на примере исследований международных отношений и мировой политики) 79
Кузина Ю. В. Сопоставительное исследование архетипического концепта Божественный ребёнок в сказочной повести Л. Ф. Баума *“The Wonderful Wizard of Oz”* и её русскоязычных аналогах 88
Пименова М. В., Кравченко Н. В. Заглядывая за вуаль слов: о чём могут рассказать названия дней недели в русском и английском языках? 96
Скворцова А. В. Когнитивные основы выделения лексико-семантической группы «Реляционные имена» 102

МЕДИАЛИНГВИСТИКА 109

Гришанина А. Н. Личность в координатах социальных сетей: конструктивизм и деструктивизм речевого поведения 109
Мясникова М. А., Эйнгорн А. С. Роль ведущего новостей в ходе экранно-клипового моделирования телепространства 116
Олейников С. В. Медиапространство Приднестровья в контексте аксиологической системы современной личности 122
Тепляшина А. Н. Языковая личность как субъект новой эстетики публицистического дискурса 130
Тибинько Н. Д. Репрезентация категории интертекстуальности в англоязычном политическом дискурсе (на примере СМИ) 138

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ 145

Ванчикова Ц. П. О культе Гэсэра по обрядовым текстам на монгольском языке 145
Жамсаранова Р. Г. Концептуальная семантика ономаконцепта *волк* 152
Сундуева Е. В. Превербы с корневым согласным *l* в монгольских языках 163

ЗВЕНЯЩАЯ СТРУНА: ДУША УЧЁНОГО 170

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ 176

Дербишева З. К., Кульгильдинова Т. А., Пименова М. В. XXIII Зимняя научная школа, посвящённая 75-летию Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, 19–23 декабря 2016 г.) 176

HUMANITARIAN Vector

CONTENTS

RUSSIAN PHILOLOGY 6

Kudryavtseva P. B. Features of the Rhetorical Text Analysis Using the Keyword Method (the Case of I. S. Turgenev's Speech at the Unveiling of the Monument to Alexander Pushkin in Moscow, 1880) . . . 6
Pankratova T. B. Unknown Works by V. A. Kurochkin 13
Khazankovich Yu. G. The Literatures of Indigenous Peoples of the North Before and After 1917: Experience of Historical and Critical Reflection 22
Yudin L. A. Analysis of the Collection of Graphic Adaptations of Short Stories by Andrei Platonov *Flowers on the Ground* 29

FOREIGN PHILOLOGY 36

Abdyramanova A. Sh. On Interrelation of the "Thaw" and "Stagnation" Periods in Kyrgyz Soviet Literature 36
Berezina A. V. The Evolution of a Man's Image in the Poetry by Forough Farrokhzad 42
Kerova L. V. Hypocoristic Forms of Personal Names in English and German 49
Tkachenko S. G. Downtoners in the Definitions of the English Phraseological Units of Gradual Semantics 58
Chernysheva L. N. The Influence of the External Factors on the Development of Terminology in Amharic . . . 64

LINGUISTIC WORLDVIEW 70

Batyushkina M. V. Text of Law, its Addresser and Addressee 70
Vinogradova S. M., Silin I. S. The Text as an Expression of the Nature of Scientific Knowledge (the Case of the International Studies) 79
Kuzina Yu. V. Comparative Research of the Archetypal Concept of The Divine Child in L. F. Baum's Fairy Story *The Wonderful Wizard of Oz* and its Russian Analogues 88
Pimenova M. V., Kravchenko N. V. Looking Behind the Veil of Words: What Can the Names of the Days of the Week Tell in the Russian and English Languages? 96
Skvortsova A. V. Cognitive Basis of Allocation of the Lexical-Semantic Group "Relational Names" 102

MEDIA LINGUISTICS 109

Grishanina A. N. The Personality in Social Networking: Constructivism and Destructiveness of Verbal Behavior 109
Myasnikova M. A., Eyngorn A. S. The Role of the News Presenter in the Process of Screen-Clip TV Space Modeling 116
Oleynikov S. V. Media Space of Pridniestrovye in the Context of Axiological System of the Modern Personality 122
Teplyashina A. N. Linguistic Personality as a Subject of a New Aesthetics of Journalistic Discourse 130
Tibin'ko N. D. Representation of Category of Intertextuality in English Political Discourse (the Case of the Mass Media) 138

ORIENTAL STUDIES 145

Vanchikova Ts. P. The Cult of Geser in Mongolian Ritual Texts 145
Zhamsaranova R. G. Conceptual Semantics of Onomaconcept *Wolf* 152
Sundueva E. V. Preverbs with Stem Consonant l in Mongolian Languages 163

A RINGING STRING: THE SOUL OF A SCIENTIST 170

SCIENTIFIC LIFE 176

Derbisheva Z. K., Kul'gil'dinova T. A., Pimenova M. V. XXIII Winter Scientific School: the 75th Anniversary of Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages (Almaty, 19–23 December, 2016) 176

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

RUSSIAN PHILOLOGY

УДК 808.5
DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-6-12

Полина Борисовна Кудрявцева,
аспирант,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
(119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 1-й корпус),
e-mail: pbkudryavtseva@gmail.com

Особенности анализа ораторской прозы методом ключевых слов (на материале речи И. С. Тургенева на открытии памятника А. С. Пушкину в 1880 году в Москве)

В статье рассматриваются особенности метода ключевых слов в литературоведении и в риторической критике. Методом исследования стал сопоставительный семантико-синтаксический анализ, базирующийся на дедуктивных принципах работы с текстом. Сопоставляя различные подходы, автор выводит ряд важных признаков ключевого слова, которые будут наиболее значимыми при выявлении этих единиц в тексте (текстообразующая функция, смысловой центр текста, центральное звено пучка ассоциативных связей, регулярность в употреблении). Делается вывод о необходимости введения новой единицы анализа – структурно-семантического комплекса, – которая бы не только совмещала в себе все вышеперечисленные признаки, но и основывалась на теории риторики. В статье даётся определение структурно-семантического комплекса, а также отмечаются основные черты этого инструмента анализа риторического текста. На примере речи И. С. Тургенева, произнесённой на открытии памятника А. С. Пушкину в 1880 году, разбирается алгоритм поиска и дальнейшей интерпретации структурно-семантических комплексов текста. Отмечается, что, благодаря опоре прежде всего на лингвистические аспекты, предложенная схема потенциально может решать широкий спектр актуальных практических задач, связанных с анализом риторического произведения.

Ключевые слова: риторическая критика, риторика, метод ключевых слов, ключевое слово, анализ текста, структурно-семантический комплекс

Вводная часть. Поиск ключевых слов текста – важный этап на пути понимания возможных скрытых смыслов и авторского замысла. На протяжении десятилетий учёные гуманитарного профиля используют этот инструмент для анализа разнообразного материала – от эссе до обширного корпуса текстов [3; 5; 12; 13]. Чаще всего исследователи прибегают сразу к нескольким методикам, с помощью которых вычленяется главная информация и решается задача её дальнейшей интерпретации. В этом случае нахождение ключевых слов текста становится одним из начальных этапов анализа, на котором базируются научные гипотезы. Подобную картину мы наблюдаем прежде всего в литературоведческих работах [1; 2 и др.]. Текст здесь рассматривается не как замкнутая система, а как неотъемлемая часть всего творческого наследия писателя, его эстетических установок и доминирующей литературной традиции. В таких исследованиях так или иначе происходит сопоставление нескольких произведений одного автора, что сближает ключевое слово и лейтмотив, мотив, сквозной образ.

В риторической критике, науке, появившейся в России в 80-е годы XX века, во многом благодаря необходимости анализа разнообразных публичных выступлений, приобретающих всё большее и большее значение в

© *П. Б. Кудрявцева, 2017*

жизни общества, применяется иной подход. Эта дисциплина, зародившаяся и получившая широкое развитие в США, является по своей сути совокупностью методов и приёмов, позволяющих критику как можно более эффективно работать с риторическим произведением. Особый интерес представляют те методы, которые не только направлены на анализ экстралингвистических факторов, но и тесно связаны с лингвистическими аспектами текста. Опора на текст, глубокий семантический анализ, внимание к синтаксическим связям – вот, что отличает метод ключевых слов (в одной из своих разновидностей получивший название кластерного метода).

Данные о методологии и методики исследования. Избранный нами сопоставительный семантико-синтаксический анализ позволил не только выявить отличия в интерпретации рассматриваемого метода ключевых слов в различных филологических науках, но и предложить унифицированную единицу поиска скрытых смыслов, основанную на функциональном подходе к изучению текста.

Результаты исследования, их обсуждение. В литературоведческих работах процедура поиска ключевых слов текста подробно не прописывается и зачастую ограничена статистическими выкладками автора. В риторической критике, напротив, внимание учёного сосредоточено на последовательности шагов, позволяющих найти ключевые слова, которые выявляются с помощью двух параметров: частоты употребления лексемы и интенсивности её появления в тексте. Основной сложностью данного метода является подбор терминов, группирующихся вокруг ключевых слов. Для упрощения этой операции учёные предлагают прослеживать причинно-следственные связи между ключевым словом и другими словами текста, выявляя прямые и косвенные зависимости между ними. Выявив таким образом «словарь» ключевых слов и терминов данного текста, мы находим, с помощью чего они объединяются в один кластер[1]. Рассмотрев все кластеры текста, мы можем понять, почему речь стала эффективной, как языковые средства повлияли на возникновение того или иного риторического артефакта[2]. Этот метод разработал и впервые применил на практике один из основателей американской риторической традиции Кеннет Бёрк (Kenneth Burke) [14].

Примечательно, что объём понятия «ключевое слово» почти не изменяется от направления к направлению, иначе говоря, если учёный рассматривает ключевое слово, его внимание будет приковано к конкретным лексемам или дву- и трёхчленным сочетаниям лексем. Однако в рамках риторической критики предлагается группировать ключевые слова и рассматривать их совокупность как более крупную структурно-семантическую единицу текста, что, на наш взгляд, гораздо нагляднее демонстрирует процесс вербализации смыслов, которые автор закладывает в текст. Очевидно, что слово, каким бы многозначным оно ни было, не может отразить весь спектр внутренних отношений и мотивировок, заложенных в тексте. Ключевое слово – это сложный комплекс смысловых и формальных отношений, совмещающий в себе различные признаки и обладающий особыми по сравнению с другими словами текста свойствами и функциями. Это уже не вполне слово, а, скорее, некий строевой метаэлемент.

К подобной трактовке данного термина нас подталкивает сама семантика слова «ключ». «Метафорическое значение слова “ключ” – “средство, возможность для разгадки, понимания чего-л., для овладения чем-л.”, и оттенки его – “условная система обозначения букв, цифр и т. п., на которой основан способ прочтения какого-л. шифрованного текста”, и “подстрочник к иностранному тексту, а также сборник ответов к задачнику” передают идею “открывания или закрывания, доступа к чему-то”. Слово “ключ” или словосочетание “ключевое слово” используются именно для фиксации особой функции слова – быть знаком, орудием доступа в некую смысловую область – текстовую, ментальную, чтобы “освоить” эту область с различными целями (ср. понятие выдвижения – “концепт, характеризующий важность помещения на первый план по своей значимости той или иной языковой формы, которая выступает в качестве поискового стимула, или ‘ключа’, в процессах информации”)» [10, с. 37–38].

Рассмотрев практику применения и теорию метода ключевых слов в рамках различных гуманитарных научных дисциплин, мы выявили ряд важных признаков ключевого слова, которые, на наш взгляд, являются основополагающими при их поиске в тексте.

1. Ключевое слово – это опорный элемент текста, характеризующийся повышенной частотностью появления. Благодаря этому свойству текст приобретает связность, повторение одной и той же лексической еди-

[1] Кластер – совокупность объединённых элементов, относящихся к одному и тому же ключевому слову.

[2] Риторический артефакт – это последствия или ощутимые признаки риторического акта.

ницы возвращает нас к предмету речи, концентрируя на нём внимание читателя/слушателя. Автор как бы «опирается» на эти слова при формулировании главной мысли текста. Благодаря частотности ключевого слова мы можем говорить о его текстообразующей функции, которая была отмечена, например, в работах М. В. Субботиной. «Ключевые слова – это строевые слова произведения, определяющие словесное ядро образа в каждом фрагменте текста, составляющем относительно образную структуру, например, абзац» [11, с. 30], – пишет она в своей диссертации.

2. Ключевое слово – смысловой центр текста. На эту особенность в своих исследованиях обратил внимание Кеннет Бёрк. В его определении ключевое слово интерпретируется как некие идеи или основные темы, о которых идёт речь в тексте. Иначе говоря, ключевое слово в этом случае приравнивается к предмету речи. Значит, оно становится не только одномерной семантической единицей, но целым семантическим комплексом, обобщающим в себе различные смыслы. Восприятие ключевого слова как «смыслового сгустка», «смыслового пункта», «смысловой вехи» характерно для психолингвистов.

Нами был сделан вывод, что смысловая составляющая ключевого слова едва ли не более важна, чем количество его повторений в тексте, ведь «риторическая критика как всякий анализ текста служит прояснению смыслов, в нём заложенных» [9, с. 15]. Значит, при его анализе методом ключевых слов необходимо обращать пристальное внимание на синонимические, антонимические, метафорические отношения между лексемами, пытаться встроить каждое гипотетически ключевое слово в лексико-семантическую структуру произведения.

3. Ключевое слово – центральное звено пучка ассоциативных связей. Как мы уже отмечали ранее, с помощью ключевых слов формируется структурная и смысловая «ткань» текста. Однако оно не является значимым до тех пор, пока не возникает тесное его взаимодействие с другими словами. Они могут быть формально выражены в тексте или только подразумеваться автором, который в таком случае будет обращаться к ассоциативной памяти читателя/слушателя. Важно, чтобы ключевое слово обладало максимальным количеством потенциальных связей, даже если не все они будут реализованы в данном риторическом произведении. Ключевое слово должно совмещать в себе поливалентность и инвариантность, представлять собой особый комплекс потенциальных и формально выраженных отношений. Благодаря тому, что ключевое слово является центральным звеном пучка ассоциативных связей, мы можем утверждать, что его нельзя рассматривать в отрыве от других связанных с ним слов текста. Кроме того, отметим, что именно ключевое слово текста будет «диктовать» доминирующую сему для других, связанных с ним слов. Так, например, в тексте, где ключевым словом будет лексема «художник», на первый план выйдут такие семы, как «искусство», «живопись». Следовательно, в многозначных словах «полотно», «мотив», «краски» именно общие семы возьмут на себя роль связующего звена между ключевым словом и подчинёнными ему единицами текста.

4. Регулярность в употреблении ключевых слов. Этот признак чрезвычайно важен при анализе того или иного риторического произведения. Именно распределение слов в тексте позволяет отделить неключевые слова от ключевых. Однако теоретическое осмысление этого признака мы находим только в работах А. Н. Качалкина [4]. Другие учёные не выделяют его в качестве самостоятельного, объединяя с показателем частотности.

Несмотря на тесную связь этих признаков, нельзя ставить между ними знак равенства. При анализе риторического произведения нам скорее, будут важны те слова, которые регулярно используются на протяжении всего текста. Именно о них мы будем говорить, как о словесном отражении авторской идеи. Количественные же характеристики не всегда будут маркировать именно ключевые слова. Например, понятие, использованное много раз лишь в нескольких абзацах, мы почти наверняка отнесём к словам «второго порядка». Слово, которое встретилось нам почти в каждом абзаце, напротив, почти наверняка будет смысловым центром текста.

Для анализа риторического произведения необходима такая единица, которая бы являлась выразителем основных смыслов и идей, заложенных автором. Вследствие вышеизложенных причин в нашей работе мы предлагаем отказаться от термина «ключевое слово» и ввести понятие «структурно-семантический комплекс» (ССК). По своему внутреннему содержанию эта единица приближается к смысловому сгустку[1], который

[1] Смысловой сгусток – сжатый в концепт текстовый отрезок, хранящийся в семантической памяти реципиента, который в любой момент может быть восстановлен в словах, не совпадающих буквально с воспринятыми, но в которых интегрирован тот же смысл, который заключался в лексическом отрезке полученного высказывания [Роднянский,1986. С.106–113].

используется в работах психолингвистов. Под структурно-семантическим комплексом мы будем понимать совокупность иерархически выстроенных лексических единиц, связанных между собой синтаксическими и семантическими отношениями и выражающих одну из идей риторического текста.

Обозначим основные черты структурно-семантического комплекса, которые были выведены в ходе анализа некоторого количества риторических произведений:

1) ССК неодносоставен, состоит из нескольких элементов;

2) ССК разнороден, т. е. все входящие в него элементы выстраиваются в особую иерархическую систему, где одни элементы становятся **ядром**, а другие образуют **периферию**;

3) ядро часто формируется с помощью контекстных синонимов, а также однокоренных слов. Это помогает расширить или конкретизировать ССК, сконцентрировать на нём внимание аудитории;

4) совокупность периферийных элементов более разнородна, в ней реже встречаются развёрнутые синонимические ряды, однокоренные слова. Однако все периферийные элементы тесно связаны с ядром ССК. Кроме того, именно за счёт периферии возникает связь между всеми ССК текста;

5) в одном тексте, как правило, можно обнаружить несколько ССК;

6) совокупность ССК текста является выразителем основной его идеи.

Все ССК текста можно разделить на основные и второстепенные. Под основными ССК мы будем понимать те комплексы, которые выражают основную идею текста, наиболее полно раскрывают авторский замысел. Второстепенные ССК не концентрируют на себе внимание читателя на протяжении всего текста, они только характеризуют основные ССК. Важно понимать, что в одном тексте может быть сразу несколько основных ССК.

Структурно-семантический комплекс, таким образом, становится более крупной по сравнению с ключевым словом единицей анализа текста. Следовательно, процесс его выделения в риторическом произведении становится проще и объективнее.

Продемонстрируем некоторые принципы поиска и дальнейшей интерпретации ССК текста на примере одной из эпидейктических речей, произнесённых на открытии памятника А. С. Пушкину в 1880 году в Москве. Строго говоря, для эпидейктической речи характерен устойчивый репертуар приёмов, позволяющих сконцентрировать внимание слушателей на предмете речи. Это и различные аргументативные тактики, и выстраивание образа ритора по определённому ещё во времена Аристотеля канону, и особенности произнесения речи, влияющие на её композицию и стиль. Однако это вовсе не исключает возможности оценки эпидейктической речи по параметру влиятельности. В качестве практического материала нами была выбрана речь И. С. Тургенева, которая, несмотря на весомую роль писателя в жизни оппозиционной интеллигенции того времени, была принята публикой не слишком восторженно. В нашей статье мы с помощью анализа лингвистического материала попытаемся определить, почему это риторическое выступление так и не смогло стать ни эффективным, ни влиятельным.

Основная тема речи – роль А. С. Пушкина в становлении современного авторам русского народного самосознания. Этот фактор, определяющий смысловую составляющую ССК, влияет на соотношение компонентов ядра и периферии каждого комплекса, а также обеспечивает связь между самими ССК. Именно поэтому поиск структурно-семантических комплексов текста мы начнём с поиска пропозиции, под которой мы будем понимать тезу – ключевую мысль текста. В данной речи это значительно облегчается композиционными особенностями: в тексте легко можно выделить вступление и заключение, в которых традиционно рекомендуется озвучивать свою главную мысль. Проанализировав обе этих части, мы пришли к выводу, что почти вся теза данного риторического произведения формально выражена в тексте. Мы сформулировали её с помощью одной из сентенций последнего абзаца: *заслуги художника-поэта Пушкина велики и достойны народной признательности*.

Как уже говорилось ранее, обычно ядро основного ССК совпадает с предметом речи. Это риторическое произведение посвящено Пушкину и его заслугам перед Отечеством. Значит, ядром основного ССК является слово *«Пушкин»*. Кроме того, отнесём к этому ядру и контекстные синонимы: *поэт, художник, гений*. Теперь выделим периферию основного ССК, разделив все контексты, где так или иначе упоминается предмет речи, на две группы: первая будет характеризовать ядро основного ССК, а вторая – формировать вокруг ядра «облако» самостоятельных семантических единиц. Мы видим, что вторая группа представлена более многочисленным и разнообразным набором контекстов.

Проанализируем выделенные ранее контексты и попробуем вычленить те единицы, которые повторяются чаще всего. На данном этапе мы будем ориентироваться и на повторяемость слова, и на его семантику. Слова, имеющие несколько общих сем (например, *творчество* и *искусство* в анализируемом нами тексте), чаще всего будут входить в один и тот же ССК. После рассмотрения всех контекстов мы предполагаем наличие ещё двух ССК в данном риторическом произведении.

Во-первых, это ССК, условно названный нами «искусство». К его ядру отнесём такие лексические единицы, как *художество, поэзия, искусство, творчество, литература*. Периферия данного ССК будет содержать гораздо меньше контекстов, что также подталкивает нас к разграничению основного и второстепенных ССК.

Мы видим, что в выделенной нами периферии часто встречаются лексемы *жизнь* и *правда*. Проверим, не являются ли они отдельными ССК. Для этого проанализируем периферии других ССК, а также посмотрим, насколько равномерно распределены данные слова в тексте. Так как они почти не встречаются в остальных периферия, в тексте возникают спорадически и нигде не берут на себя роль семантического центра, мы можем сделать вывод, что они не являются самостоятельными ССК текста.

Отметим также, что выделенные лексемы данного ССК характеризуются отсутствием негативной коннотации. По этой причине мы намеренно не делили полученные контексты на характеризующие и дополняющие, так как они имеют приблизительно один и тот же набор лексических средств выражения. Этот факт косвенно подтверждает то, что любой второстепенный ССК текста обладает более однородной периферией. Подобное наблюдение является лишь гипотезой и будет проверено в последующих наших работах.

Наиболее спорным является выделение третьего ССК данного текста. Для этого сравним обе выделенные нами периферии. Как мы видим, и в том, и в другом случае возникают слова *народный, национальный, русский, всемирный* и их производные. Это даёт нам основание предположить, что данные лексемы формируют ядро третьего ССК. Значит, необходимо понять, как иерархически правильно выстроить их внутри этого комплекса. Обратимся к тексту риторического произведения:

а) уже во втором абзаце *русский* приравнивается к *народному* (*«Пушкин был первым русским художником-поэтом… художество как воспроизведение, воплощение идеалов, лежащих в основах народной жизни…»*);

б) лексема *народный*, в свою очередь, приравнивается к лексеме *национальный* (*«И всё-таки Гёте, Мольер и Шекспир – народные поэты в истинном значении слова, то есть национальные»*);

в) слово *национальный* И. С. Тургенев приравнивает к слову *всемирный* (*«Но можем ли мы по праву назвать Пушкина национальным поэтом в смысле всемирного – эти два выражения часто совпадают»*).

Подобные авторские замечания подталкивают нас к тому, чтобы мы рассматривали все вышеперечисленные лексемы как единый семантический комплекс, являющийся ядром ССК. Проанализировав все контексты, представленные в периферии данного ССК, мы можем говорить о наличии особой иерархии внутри компонентов ядра. Уравнивая их между собой с помощью формальных средств, И. С. Тургенев всё же помещает их на разные ступени иерархической лестницы. Представим это в виде схемы

Всемирный
Национальный
Русский
Народный

Иерархия ССК «Народный» в речи И. С. Тургенева

Кроме этого, стоит упомянуть о некой промежуточной ступени, которую автор речи помечает лексемой *национально-всемирный* и не даёт пояснения, или дополнительных контекстов, призванных помочь читателю понять, что под этим словом подразумевается.

Возникает столкновение формальных и семантических средств выражения смыслов. Идея, заложенная автором в тексте, теряется за рядами слов, направленных на её выражение. Мы полагаем, что именно это во многом и стало причиной не слишком успешного выступления И. С. Тургенева на первом заседании Общества любителей русской словесности.

После выделения всех ССК текста проверим, насколько правильно это было сделано. Обратимся к тезе речи, которую мы нашли ранее. Напомним, что мы сформулировали её так: *заслуги художника-поэта Пушкина велики и достойны народной признательности*. Компоненты всех выделенных нами

ССК в той или иной степени присутствуют в пропозиции. Они также широко представлены во вступлении и в заключении речи. Значит, есть основания полагать, что все ССК выделены нами верно.

Посмотрев на все выделенные периферии, мы делаем вывод, что ССК текста объединены между собой лексико-синтаксическими отношениями. Говоря о тех связях, которые объединяют ССК текста, отметим тесное взаимодействие ССК «Пушкин» с ССК «искусство». Однако основным ССК следует всё же признать первый структурно-семантический комплекс, обладающий наиболее самостоятельной периферией. Значит, второстепенными станут ССК «искусство» и «народный», периферии которых содержат большое количество общих элементов, выражающих одни и те же смыслы.

Опираясь на распределение компонентов всех ССК по тексту, мы делаем вывод, что основной акцент автора речи сделан на ССК «Пушкин». Образ поэта как бы «перекрывает» все остальные идеи, делая их для адресата менее самостоятельными и важными. Это речь о Пушкине – и только о нём. Из-за отсутствия в данном риторическом произведении «второго» плана, скрытых смыслов, мы можем говорить о некой его «плоскости», одномерности. Подобный вывод мы сделали, опираясь на анализ структурно-семантических комплексов текста.

Подтверждение находим в суждениях Маркуса Ч. Левитта, который занимался историей празднества: «Вся речь Тургенева была проникнута глубоким уважением к Пушкину; она была признана серьёзным критическим выступлением, однако не удовлетворила всеобщему желанию услышать или убедительную оценку значения поэта, или важное политическое заявление и не стала, как ожидалось, “гвоздём программы”. <…> Достоевский писал в тот вечер жене, что в тот вечер Тургенев “унизил” Пушкина, поскольку пытался отнять у Пушкина звание национального поэта. <…> Чрезмерная рассудительность, которую уловили в тоне Тургенева современники, отражала, по-видимому, давнишнюю тревогу о слабой позиции российской словесности и неуверенность в близких успехах либерализма» [6, с. 124, 127].

Заключение. Как мы видим, извлечение информации с помощью структурно-семантических комплексов текста позволяет несколько объективизировать анализ риторического текста. С одной стороны, при выведении этой единицы мы приняли за точку отсчёта принципы, лежащие в основе метода ключевых слов. С другой, прописывая последовательность шагов, мы опирались прежде всего на теорию риторики, что делает предложенную нами процедуру приемлемой именно для анализа ораторской прозы. В заключение можно отметить, что благодаря опоре прежде всего на лингвистические аспекты предложенная схема может решать широкий спектр актуальных практических задач, связанных с анализом риторического произведения.

Список литературы

1. Антипенко Е. М. Правила семантического вывода в текстах художественной литературы (на материале романов Дж. Фаулза «Коллекционер», «Маг» и «Женщина французского лейтенанта»): дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2000. 196 с.

2. Батурина Е. Н. Роль ключевых слов в семантической структуре художественного текста: на материале текста романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Владивосток, 2005. 160 с.

3. Бубнова Н. А. Ключевые слова социального словаря как инструмент речевого воздействия и манипуляции сознанием в аналитической публицистике: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2012. 224 с.

4. Качалкин А. Н. Ключевые слова и доминанты: их функциональное сходство и различие в деловых текстах // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 2010. С. 296–297.

5. Корытная М. Л. Роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста. Тверь, 1996. 190 с.

6. Левитт Маркус Ч. Литература и политика: пушкинский праздник 1880 года: пер. с англ. СПб.: Акад. Проект, 1994. 264 с.

7. Непомнящий В. С. Речи о Пушкине: 1880–1960-е годы. М.: Текст, 1999. 390 с.

8. Роднянский В. Л. О роли ключевых слов в понимании текста // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста. Калинин, 1986. С.106–113.

9. Смолененкова В. В. Основы риторической критики. М.: Макс Пресс, 2012. 192 с.

10. Соломатов С. И. Ключевые слова в журналистском портрете политика и предпринимателя: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2005. 268 с.

11. Субботина М. В. Метафорические отношения между ключевыми словами публицистического текста: на материале публицистики Ф. Абрамова, В. Распутина, А. Солженицына: дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. М., 1992. 179 с.

12. Хованская З. И. Анализ литературного произведения в современной французской филологии. М.: Высш. шк., 1980. 304 с.

13. Шмелёва Т. В. Ключевые слова текущего момента // Коллегиум. 1993. № 1. С. 33–41.
14. Foss S. K. Cluster Criticism. Rhetorical Criticism: Exploration and Practice. Waveland Pr Inc, 2004. 459 p.

Статья поступила в редакцию 28.12.2016; принята к публикации 04.02.2017

Библиографическое описание статьи

Кудрявцева П. Б. Особенности анализа ораторской прозы методом ключевых слов (на материале речи И. С. Тургенева на открытии памятника А. С. Пушкину в 1880 году в Москве) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 6–12. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2.

Polina B. Kudryavtseva,
Postgraduate Student,
Lomonosov Moscow State University
(1/51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia),
e-mail: pbkudryavtseva@gmail.com

Features of the Rhetorical Text Analysis Using the Keyword Method (the Case of I. S. Turgenev's Speech at the Unveiling of the Monument to Alexander Pushkin in Moscow, 1880)

The article investigates the features of the keyword method in literary studies and rhetorical criticism. Comparing various approaches, the author determines a number of essential features which help identify keywords in the text. The study reveals the necessity of introducing a new unit of the structural-semantic system analysis, provides its definition and points out its key features. This paper presents a case study of the Ivan Turgenev's speech at the unveiling of the Pushkin's monument in 1880 and analyses the algorithm of search and further interpretation of structural-semantic systems in its text. It is fundamental to note that by relying primarily on the linguistic aspects, the suggested scheme helps to resolve a wide range of important practical issues connected with rhetorical analysis.

Keywords: rhetorical criticism, rhetoric, keyword method, keyword, text analysis, structural-semantic complex

References

1. Antipenko E. M. Pravila semanticheskogo vyvoda v tekstakh khudozhestvennoi literatury (na materiale romanov Dzh. Faulza «Kollektsioner», «Mag» i «Zhenshchina frantsuzskogo leitenanta»): dis. … kand. filol. nauk: 10.02.04. M., 2000. 196 s.
2. Baturina E. N. Rol' klyuchevykh slov v semanticheskoi strukture khudozhestvennogo teksta: na materiale teksta romana «Prestuplenie i nakazanie» F. M. Dostoevskogo: dis. … kand. filol. nauk: 10.02.01. Vladivostok, 2005. 160 s.
3. Bubnova N. A. Klyuchevye slova sotsial'nogo slovarya kak instrument rechevogo vozdeistviya i manipulyatsii soznaniem v analiticheskoi publitsistike: dis. … kand. filol. nauk: 10.02.01. M., 2012. 224 s.
4. Kachalkin A. N. Klyuchevye slova i dominanty: ikh funktsional'noe skhodstvo i razlichie v delovykh tekstakh // Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. Trudy i materialy. M., 2010. S. 296–297.
5. Korytnaya M. L. Rol' zagolovka i klyuchevykh slov v ponimanii khudozhestvennogo teksta. Tver', 1996. 190 s.
6. Levitt Markus Ch. Literatura i politika: pushkinskii prazdnik 1880 goda: per. s angl. SPb.: Akad. Proekt, 1994. 264 s.
7. Nepomnyashchii V. S. Rechi o Pushkine: 1880–1960-e gody. M.: Tekst, 1999. 390 s.
8. Rodnyanskii V. L. O roli klyuchevykh slov v ponimanii teksta // Psikholingvisticheskie problemy semantiki i ponimaniya teksta. Kalinin, 1986. S.106–113.
9. Smolenenkova V. V. Osnovy ritoricheskoi kritiki. M.: Maks Press, 2012. 192 s.
10. Solomatov S. I. Klyuchevye slova v zhurnalistskom portrete politika i predprinimatelya: dis. … kand. filol. nauk: 10.02.01. Ekaterinburg, 2005. 268 s.
11. Subbotina M. V. Metaforicheskie otnosheniya mezhdu klyuchevymi slovami publitsisticheskogo teksta: na materiale publitsistiki F. Abramova, V. Rasputina, A. Solzhenitsyna: dis. … kand. filol. nauk: 10.02.19. M., 1992. 179 s.
12. Khovanskaya Z. I. Analiz literaturnogo proizvedeniya v sovremennoi frantsuzskoi filologii. M.: Vyssh. shk., 1980. 304 s.
13. Shmeleva T. V. Klyuchevye slova tekushchego momenta // Kollegium. 1993. № 1. S. 33–41.
14. Foss S. K. Cluster Criticism. Rhetorical Criticism: Exploration and Practice. Waveland Pr Inc, 2004. 459 p.

Received: December 28, 2016; accepted for publication February 04, 2017

Reference to the article

Kudryavtseva P. B. Features of the Rhetorical Text Analysis Using the Keyword Method (the Case of I. S. Turgenev's Speech at the Unveiling of the Monument to Alexander Pushkin in Moscow, 1880) // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 6–12. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-6-12.

http://www.zabvektor.com ISSN 1996-7853 ISSN 2542-0038 (Online)

УДК 821.16

Татьяна Борисовна Панкратова,
соискатель,
Литературный институт имени А. М. Горького
(123104, Россия, г. Москва, ул. Тверской б-р, 25–8),
e-mail:Terraincognita-825@yandex.ru

Неизвестные произведения В. А. Курочкина

Творчество Виктора Александровича Курочкина практически не исследовано в отечественном литературоведении и нуждается в расширенном изучении. Вероятно, причиной тому послужили смелые взгляды писателя по отношению к партии, которые он отображал в своих произведениях. В творчестве он стремился к воплощению художественной правды, не желая подстраиваться и угождать цензуре, не соглашался на компромиссы, как и многие его герои, отстаивая справедливость и свои взгляды. Но даже немногочисленная критика о его творчестве не рассматривает всех его произведений. Исследователи в основном обращаются к известным его работам, в то время как некоторые его произведения почти не известны читателю. Виктора Александровича Курочкина в отечественном литературоведении часто несправедливо представляют автором одной повести «На войне как на войне», весьма редко вспоминая о деревенских повестях («Наденька из Аполева», «Последняя весна», «Урод»), или же незаконченной повести «Железный дождь». Однако у Курочкина есть и драматургические, и сценарные опыты, интересные рассказы и фельетоны. В статье рассматриваются некоторые неизвестные и малоизвестные произведения писателя. Произведения анализируются как в контексте других произведений Виктора Курочкина, так и в контексте произведений писателей поколения Курочкина. О некоторых произведениях публично рассказывается впервые. Статья расширяет представление о творчестве Виктора Курочкина, подчёркивает особенности стилистики писателя и меняет представление о литературном процессе 1950–1960-х гг.

Ключевые слова: неизвестные произведения, статьи, фельетоны, юмор, ирония, природа, произведения о войне

Вводная часть. В 2016 году исполнилось 40 лет со дня смерти писателя Виктора Александровича Курочкина. Его творчество давно и прочно вошло в художественное наследие писателей фронтовой памяти. Повести и рассказы писателя не были обойдены вниманием критики. О нём написана книга С. Панферова «Земля и небо Виктора Курочкина: литературный портрет в интерьере из четырёх повестей». В. Курочкину посвящены статьи Р. Мессер, Г. Горышина, В. Конецкого, Г. Нестеровой-Курочкиной, П. Басинского, С. Федякина и других. Его книги рассматривали в своих рецензиях В. Кожинов, С. Орлов, В. Дягелев, Ю. Манн и многие другие. Однако некоторые произведения автора были изданы лишь после его смерти, многие не переиздавались по сей день и практически не известны исследователям и читателям. К примеру, фельетоны, которые В. Курочкин публиковал под псевдонимом, непереиздававшиеся рассказы «Пастух», «После концерта», «Маринка», «Цыган Бенко», «Беспокойная ночь», отрывок «Товарищи офицеры», повесть «Записки народного судьи Семёна Бузыкина», вышедшая без купюр лишь после смерти Курочкина. Эти и другие малоизвестные факты и произведения дают возможность увидеть общую картину творчества Виктора Курочкина, расширить представление о нём, увидеть развитие писательского таланта.

В нашей статье мы рассмотрим неизвестные и малоизвестные произведения В. Курочкина с целью выявления эволюции его творчества, основных особенностей и специфики прозы писателя. Кроме того, неизвестные и малоизвестные произведения проливают свет на замыслы писателя, открывая другого, незнакомого нашему литературоведению, Виктора Курочкина.

Данные о методологии и методики исследования. Культурно-исторический, герменевтический, сравнительно-сопоставительный методы, использованные в исследовании, дают возможность провести анализ художественных текстов и включить объект изучения в общекультурное пространство.

Основные положения и материалы работы могут быть использованы в учебном и исследовательском процессах.

© Т. Б. Панкратова, 2017

Неизвестные и малоизвестные произведения В. А. Курочкина. О фельетонах, опубликованных в газете «Вперёд» г. Пушкина в 1953–1954 годы, когда Виктор Курочкин работал там корреспондентом, стало известно совсем недавно. Благодаря вдове писателя Г. Е. Нестеровой-Курочкиной и вдове друга писателя, Виктора Конецкого, Татьяне Конецкой был установлен этот интересный факт творческой биографии Виктора Курочкина. Дело в том, что он публиковал их под псевдонимом Василий Овсов и никогда о них не упоминал, как, впрочем, и о первом своём рассказе «Пастух», вышедшем чуть ранее, в 1952 году. Вероятно, писатель не считал их серьёзными произведениями, относился к своему творчеству критически строго. В анкете при вступлении в Союз писателей указывал, что литературным трудом занимается с 1956 года. Так, например, В. Конецкий заметил об этом факте: «Он был скромен. Начавши печатать отличные рассказы с пятьдесят второго года, в анкете он пишет: “Литературным трудом занимаюсь с 56-го года”» [7, с. 135].

Однако и в его корреспондентских статьях, и тем более в фельетонах, уже легко узнаётся писательская рука Виктора Курочкина, видны отличительные черты его стиля. В статьях о буднях колхоза появляется поэтичное описание природы: «Зима. Снег пышной периной окутал землю. Мороз крепок, трещит, зарисовывает узоры на окнах» (статья В. Овсова «Цветы к выборам»); «С утра показалось солнце. Оно скользнуло косыми лучами по сивым полям, позолотило деревья и медленно уплыло за лиловый край тучи. И всё поблёкло. Лужи не блестели и, словно налитые свинцом, отражали клочки хмурого неба» (статья В. Овсова «Энтузиасты»)[1].

Удивительно тонкое чувство красоты природы, единства с ней, присуще всем его произведениям и является отличительной чертой стиля писателя. Даже в военной литературе, где, казалось бы, нет возможности замечать красоту природы, Курочкин не обходится без неё: «Цвела земляника, цвела рябина, и черника цвела с можжевельником. А одуванчик уже отцвёл. Из жёлтой корзинки он превратился в дымчатый пузырь и готовился при попутном ветре разбросать по свету своё бесчисленное потомство»[2]. В данном случае важен и философский смысл, природа живёт сама по себе, по своим законам, человек не создает её, но уничтожает войной. Природа у Курочкина всегда живая, словно ещё один герой произведения, действующий, очеловеченный. Так, деревья у него часто символизируют людей, как например берёза в «Заколоченном доме» или яблоня в «Лесорубе» и «Последней весне», или же молодой дубок в повести «На войне как на войне», а животные становятся полноправными персонажами, а иногда и главными героями, как, например, в повести «Урод», в которой рассказывается о жизни искалеченного пса по кличке Урод.

Курочкин выстраивает живые и правдивые диалоги и одним из первых обширно использует их в своих произведениях. Например, в повести «На войне как на войне» Курочкин через диалоги раскрывает внутренний мир своих героев, почти вся повесть строится на них. В литературе 50–60-х диалоги ещё не имели такого значения, не выделялись и не занимали такую значительную часть произведения, преобладали, скорее, сюжетные коллизии. К примеру, первые военные повести Ю. Бондарева, Г. Бакланова и др. Этот вопрос подробно рассматривает в своих «Лекциях по истории русской литературы 20 века» И. Н. Сухих. Ведение повествования через диалог – находка Курочкина. Диалоги оживляют повесть. Вероятно, эта особенность таланта писателя обусловила и его успешные драматические и сценарные опыты.

Эту особенность стилистики В. Курочкина можно увидеть уже в фельетонах, например, «Глазовский застройщик» о нерадивом председателе, который все средства вложил в строительство собственного дома, также выстроен при помощи диалогов председателя, заведующего животноводством и шофёров:

– Иван, ты чего везёшь? – обратился он к колхознику Смирнову.

– Корма на скотный двор.

– Это хорошо… И, немного подумав, приказал, – сваливай.

– Зачем?

– Иван, ты нагрузи паклю и свези…

– Куда?

Анатолий Николаевич замялся:

– Ко мне в Глазово… ну, знаешь, где я строюсь.

– А как же, – вспомнил Иван, – не раз возил туда кирпич… Славный будет дом[3].

[1] Курочкин В. (В. Овсов). Статьи и фельетоны // Вперёд. – 1953–1954. – № 13, 16, 21, 23, 32, 60, 81, 84, 123, 125, 130, 145, 146, 152.

[2] Курочкин В. На войне как на войне. Повести, рассказы / сост. Г. Е. Нестерова-Курочкина. – М.: Правда, 1990. – С. 173. – (Б-ка журн. «Знамя»).

[3] Курочкин В. (В. Овсов). Статьи и фельетоны // Вперёд. – 1953–1954. – № 13, 16, 21, 23, 32, 60, 81, 84, 123, 125, 130, 145, 146, 152.

Кроме того, в фельетонах появляется главная черта прозы Курочкина – добродушная ирония, которая присуща всему его творчеству, даже произведениям о войне. Курочкин всегда уравновешивает грустное и трагичное добродушным юмором. Так и в уже упомянутом фельетоне, воровство и пьянство уравновешено иронией: «Сейчас Николай Анатольевич находится в затруднительном положении. “Наказать, наказать виновника”, – логически размышляет председатель колхоза. Но как? Положение действительно трудное»[1].

Курочкину удаётся, казалось бы, невозможное, совмещение трагического и смешного, при этом произведения его никогда не теряют серьёзного глубокого смысла, а юмор остаётся добрым. Ведь именно в трагичном произведении больше всего нужен контраст света и добра, по мнению Курочкина, всё мрачным быть не может. Ещё В. Пропп отмечал, что комичные, смешные произведения могут быть трагичны по содержанию, в качестве примера он называет «Записки сумасшедшего» и «Шинель» Гоголя, но ещё более уместно сравнение юмора Курочкина с чеховским. И, тем не менее, у В. Курочкина юмор, ирония не заимствованы, его юмор тонок и всегда гармонично уравновешивает грустное в произведении. Не случайно одними из первых литературных опытов писателя стали именно фельетоны, умение изобразить даже грустное, серьёзное с иронией впоследствии стало внутренним светом всех дальнейших произведений Курочкина и является особенностью писательского мировоззрения.

Фельетон «Сборщик податей» о работниках торговли вмещает целый сюжет повести с полноценными художественными образами главных героев и неизменной иронией. Курочкин использует эффемизм «Абессинский налог» для обозначения взятки. Применяет художественные приёмы и тропы. Всё это явно говорит о том, что автор выходит за рамки жанра и уже здесь показывает свой писательский талант.

Фельетон «Бельмесовские эксперименты» – также вполне законченный рассказ с иронией, не обличающий, а, скорее, рассказывающий о странностях характера главного врача больницы Бельмесова, который, возомнив себя Шерлоком Холмсом, решается воспитывать своих сотрудников на опыте, проверяя их бдительность. В. Курочкин, вместо того, чтобы обличать и ругать, раскрывает характер главного героя, показывая особенности, привычки, раскрывая его внутренний мир: «Вот я им испеку штукенцию, век будут помнить, как надо сторожить, – бормотал Степан Кузьмич, торопливо заматывая шарфом шею»[2]. Что говорит, конечно, о художественном даровании автора.

В фельетоне «Клещ» о нечестном зубном враче также целая жизненная история с намеченными образами: «Как же это так? – разводит он руками, – Без патента! …Грубое нарушение всяких правил и законов. Прикрыть частную лавочку! Давно нужно было прикрыть… безобразие!

Однако гнев его действует на Шаца как брань повара на кота Ваську в басне И. А. Крылова»[3].

Курочкина возмущает несправедливость, и в дальнейшем его творчестве мы видим, что даже незначительная несправедливость и подлость всегда уравновешена добром. Ведь всё плохо в жизни не бывает, после грустного случается радостное, плохое чередуется с хорошим. Курочкин не изображает немедленного возмездия или наказания отрицательных героев, а лишь показывает справедливое равновесие добра, а проявляться оно может по-разному. Так, в повести «На войне как на войне» Сане, которого обманула одна девушка, пишет другая; Наденька из повести «Наденька из Аполева», несправедливо обойдённая мужским вниманием, находит свою любовь и выходит замуж и т. д.

Кроме того, создавая эти истории из криминального мира, Курочкин, работавший судьёй, вероятно, использовал свой собственный опыт, который позже выльется в интересную и актуальную сегодня повесть «Записки народного судьи Семёна Бузыкина». Именно после работы судьёй он решился стать писателем, чтобы защищать людей и отстаивать справедливость уже в другом суде, высшем, народном.

Ранние произведения Курочкина отличает довольно высокий уровень мастерства. Не случайно Г. Горышин отметит в статье «Пробиться к человеческим душам»: «Перечитывая подряд всё, что написал Курочкин в разное время, за двадцать лет работы, дивишься цельности творческого наследия этого писателя. Он словно и не бывал никогда “молодым”, “начинающим”» [3, с. 20].

Это касается не только ранних рассказов, но и написанных уже в поздние годы творчества. Они почти не известны читателю, так как не переиздавались, однако весьма

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Там же.

интересны не только для понимания творческого развития писателя, но и литературного процесса в целом.

Его рассказ «Пастух» стал одним из самых первых художественных текстов, представивших послевоенную деревню в творческом арсенале Курочкина. Он был опубликован в 1952 году в «Ленинградской правде». В нём писатель создаёт интересный образ старика Фаддея, который является прообразом последующих деревенских стариков и старух, хранителей памяти, традиций, исконных деревенских устоев. Они как бы связывают поколения человеческого рода. Курочкин часто будет «заселять» ими свои произведения, как и поколение деревенщиков, которые придут в литературу позже. Старики не случайно становятся героями деревенской прозы: они несут в себе традиции, обычаи, культуру нашего народа, обращение к корням, к чести, совести этноса. Деревенская литература пробуждала глубинную память, родовую, этнически-племенную. Память указывала на пахаря, крестьянина, как хранителя духовных основ нации. В. А. Курочкин, как и его современники, считал деревню основой русской жизни, а литературу о ней – органичной частью отечественной культуры.

Исторически сложилось так, что все лучшие произведения русской литературы тесно связаны с природой, с землёй, с исконным чувством родины, почвы под ногами. Русский тип невозможен без бескрайних полей, лесов, озёр, без врождённого ощущения этих пространств. Именно так понимал природу и В. Курочкин. Евгений Носов говорил, что человек – прежде всего пахарь, а воином становится по воле злых обстоятельств. Именно поэтому тема деревни не менее важна для Курочкина, чем военная. Он не идеализирует крестьянство, а художнически правдиво рассказывает нам о тех тяжёлых испытаниях, которые выпали на долю русской деревни и проявились в деревенском мире.

Художественный мир писателя традиционно человечен. Помимо людей в нём оживают и животные. В частности, в «Пастухе» не менее важным персонажем выступает пёс Узнай. Он не только молчаливый собеседник старика. Он ещё и действующее лицо: спасает быка и коров во время грозы, получив при этом серьёзные травмы. В. Курочкин задолго до «Белого Бима» Г. Троепольского и «Мухтара» И. Меттера очеловечивал собаку. Если классики оставляли собаке собачье сознание, то В. Курочкин выписал своего Узная как вполне человеческий характер, всё понимающий, но неспособный говорить. Позже в повести «Урод» он разовьёт эту тему, появившуюся уже в первом маленьком рассказе. Живой мир у автора и в других произведениях будет играть особую роль, он будет очеловечивать животных, делать их не менее важной частью деревенской и человеческой жизни в целом.

Тема самодеятельности, нередко встречающаяся в произведениях писателей 50–60-х, появляется и у В. Курочкина в рассказе «После концерта». Он по-своему показывает это культурное явление того времени. В центре внимания В. Курочкина оказывается старик, талантливый сказочник-сочинитель. Именно они, эти старики и старухи, становятся позже почитателями и пропагандистами знаменитых сказок Б. Шергина, источником фактического материала научных работ по фольклору. Такие сказки станут золотым фондом русского устного народного творчества. В. Курочкин не пишет сказки полностью, он лишь намечает, начинает сказки, приберегая их для других произведений. Основное внимание и тут уделено сути характеров главных героев. Но сама композиция рассказа, его персонажи – старик со старухой – типичны для традиционной сказки. Образ старухи похож на традиционный образ старух из русских народных сказок. Она мудрая, работящая, не сидит без дела, добрая, хотя и строгая с виду. И вместе с тем его Устинья – волшебница, носительница народной мудрости.

Да и старик в рассказе – многозначный образ, несущий в себе множество смыслов. И определённую символику. Он творческий человек – сказитель, но, по сути, сказитель – это тот же писатель. Именно таковым представляет его В. Курочкин, делает его главным героем. И старик рассказывает сказку про барыню, про клад… И тут же возглас слушателей: «Враньё всё это. Не клад, а нужда сунула мужика в озеро»[1]. Это обидело старика, и в то же время он понимает, что не каждому дано постичь необычное. Тут требуется и дар видеть мир по-другому. По-иному в сказке люди понимают такие, казалось бы, явления, как богатство, красота и т. п. В. Курочкин согласен со сказителем: разве быть богатым плохо, если богатство заработано честным трудом.

«– Бабушка Устинья, – спрашиваю я, – правда, тебе чиканашки помогают?

Глаза у старухи глубоко запали и смотрят на меня, как из колодца, холодно и сердито:

– Какие такие чиканашки?

[1] Курочкин В. После концерта: рассказ // Нева. – 1958. – № 3. – С. 83.

– А такие маленькие, с хвостиком, – поясняю я руками. – Потому у вас такая большая морковка и горох сладкий.

– Откуда ты знаешь, что он сладкий? – грозит Устинья пальцем. – Экий ты глупый малец! – Потом она вздыхает, рвёт в полосатый передник зелёные стручки гороха и высыпает мне в картуз.

– Ешь, ешь, баловник. А матке скажи, чтоб не полоскала языком. Работать, работать надо. Лежебока и в праздник без штанов сидит…»[1].

Устинья на самом деле нежадная, добрая, несправедливо обижают её в деревне. В. Курочкину была важнее мысль о том, что работящий крестьянин в деревне всегда был богат. Это он знал сам, живя в деревне. Да и русская пословица «Кто не работает, тот не ест» здесь как нельзя кстати. Это народная мудрость, которая всегда была свойственна художественной литературе, именно она подпитывала русскую словесность изнутри. Хочется заметить, что в произведениях В. Курочкина зашифровано множество подобных примет, народных поговорок, известных нам с детства истин, посланий от предков, которые напоминают о наших корнях, традициях, устоях. В 50–60-е годы появляется интерес к духовной культуре крестьянства, русскому национальному характеру, это одна из причин расцвета деревенской литературы. В. А. Курочкин не просто чувствовал это как никто другой, но и доказывал своим творчеством.

Интересна структура рассказа. Сначала может показаться, что повествование ведётся от третьего лица – главные герои старик со старухой, но ведь есть же и «я» рассказчика, первое лицо, которое ведёт повествование. И «я» это во многом автобиографично, близко характеру самого писателя, да и воспоминания из детства не случайно всплывают у рассказчика, уж очень близко это к воспоминаниям самого автора. Помимо взрослого «я» рассказчика, здесь ещё и детское, которое создаётся использованием приёма ретроспекции.

Особо хочется сказать о том, как точно передан зимний быт в деревне. «Устинья села за прялку и, поплёвывая на пальцы, тянет бесконечно длинную нитку. В трубу забрался ветер, неуклюже ворочается там, сердито колотит по вьюшке и дует, словно в пустую бутылку»[2]. Известно, что В. А. Курочкин родился и вырос в деревне Кушниково Тверской области и прекрасно знал особенности этих краёв, именно поэтому в его деревенских произведениях воссоздаётся быт северных деревень. Это было заметно и в «Заколоченном доме», когда, описывая проблемы колхоза, писатель говорит о традиционной северной культуре – льне, и здесь, в рассказе «После концерта», его Устинья занимается характерным для севера делом.

Однако деревенский быт не является главным для писателя. Для него, как и прежде, важнее всего люди. Люди послушали сказку, порадовались, а до стариков им и дела нет. Бросили их идти одних по грязи и ухабам. Рассказчик встречает их на полдороги, провожает и злится, что не подвезли, не проводили. Рассказ заканчивается скрытой моралью, которую можно сформулировать так: надо беречь, уважать старость, уважать артистов и сказителей.

Цикл произведений о войне у В. Курочкина начинается не с повестей, как у многих писателей его фронтового поколения, а с маленького рассказа «Маринка» («Неравный бой» в более поздней редакции). Рассказ начинается так, как часто начинались воспоминания фронтовиков: «Это случилось весной 1944 года. Войска 1-го Украинского фронта наступали в страшную распутицу…»[3].

Но дальше перед нами сразу предстают боевые будни, грязь, неразбериха, отвалившаяся у танка выхлопная труба осколком ранит майора. Всё это воющие люди видели так часто, что уже привыкли и перестали обращать внимание на всё, как бы само собой разумеющееся. Автор рассказа без отступлений переходит к войне. И сразу бросается в глаза удивительный образ маленькой девочки. Босая, полуодетая, она бежит предупредить наших о наступлении немецких танков. Ребёнок – символ мира – на войне в ожесточённом бою усиливает контраст, война выглядит ещё ужаснее.

У В. Курочкина всегда интересен и важен символический план. Здесь, например, немецкие танки сравниваются с удавом: «…вытянулась колонна фашистских танков. Она напоминала огромного удава. И пока машины двигались, серый удав лениво шевелился и злобно плевался огнём»[4]. Очень точный образ гигантского удава, пугающего уже одним своим несокрушимым видом и поглощающим всё на своём пути. Образ змея – это образ зла, традиционно побеждаемого в русских народных былинах и сказаниях. Та-

[1] Курочкин В. После концерта: рассказ // Нева. – 1958. – № 3. – С. 83–84.
[2] Там же. – С. 84.
[3] Курочкин В. Маринка: рассказ // Звезда. – 1964. – № 2. – С. 91.
[4] Там же. – С. 92.

ковым злом и являлись для русской земли фашистские захватчики.

И хотя рассказ мал по объёму, он вмещает в себя материал повести. Без лишних отступлений и описаний писатель сказал о самом главном: о несовместимости человека и войны на примере судьбы девочки: «Нету у меня папы. Они убили. А мама не ходит – ноги у неё отнялись»[1].

Сама же война воплощена в трёх подвигах наших красноармейцев. Сначала одна тридцатьчетвёрка борется против колонны немецких танков, но лейтенанта ранит. Вместо него в танк садится майор. Уже почти конец войны, однако, майор совершает подвиг, выйдя один против превосходящих сил противника, как это мы нередко видели в произведениях о начале войны («Волоколамское шоссе» А. Бека, «Июль 41-го» Г. Бакланова и т. д.). Но это, по сути, и характеризует всю Великую Отечественную войну, ведь мы победили противника, во много раз превосходящего нас в вооружении и технике, в этом величие нашей победы.

Сержанту сначала кажется бессмысленным поступок майора. Зачем вступать в бой, зная почти наверняка, что погибнешь: «Товарищ майор, куда вы? – попытался удержать его сержант. – Едемте отсюда скорее. Всё равно не задержать их. Только зря погибнем»[2].

Но подвиг он на то и подвиг, чтобы не задумываясь отдать жизнь ради других, ради победы, ради Родины. Именно такие люди, как майор, решили исход войны, и если бы не литература, о многих из них мы бы и не узнали.

Майор подбивает головной танк и погибает сам: «Машина медленно сползла с бугра. Сержант бросился к ней. С трудом он вытащил майора и перенёс на спине в песчаный карьер. Положив его, сержант снял шапку и укоризненно проговорил:

– Зачем же вы меня не послушали, товарищ майор? Что же я теперь делать буду?

– Дяденька Саша, ему очень больно? – всхлипнула Маринка и вытерла кулаком слёзы.

– Нет, ему уже не больно, – ответил сержант»[3].

И всё это время рядом находится девочка, словно напоминая, за что на самом деле воевали, и какой ценой нашему народу досталась победа. Курочкин владел чеховской краткостью, трагедия гибели здесь передаётся им в нескольких предложениях, в которых даже нет самого слова «смерть», объяснение ребёнку усиливает трагизм произошедшего. И само присутствие девочки озаряет всё происходящее святостью и справедливостью, и сержант, сначала сомневавшийся, видя гибель майора, тоже совершает подвиг. Ценой своей жизни он отрезает дорогу танкам, спасая тем самым Маринку и её маму. Ведь, по мнению В. Курочкина, не может быть иначе, зло должно быть наказано, и все погибшие отдали свои жизни ради святого, праведного дела, и этим снимается всякая грязь, несправедливость, иногда неправедность военных реалий, которая часто преобладала во многих произведениях писателей поколения В. А. Курочкина. Ю. Бондарев, Г. Бакланов часто задавались вопросом о напрасных смертях, и в поздних своих произведениях всё больше обвиняли командование и уверялись в том, что можно было снизить потери. В. Курочкин же решил этот вопрос иначе, они погибли за праведное дело и, значит, так было нужно, в этом есть некий религиозный подтекст, совпадающий с православным суждением о том, что на все воля Божья.

У писателя один неравный бой – это Великая Отечественная война. Здесь и подвиг, и бой, и победа, и смерть, и вдовы, и сироты. Поэтому небольшой рассказ В. Курочкина так интересен и оригинален. Следует заметить, что в этом произведении обозначилась неповторимость Курочкина во взгляде на войну, представленную в разных её ликах. Курочкин уравновешивает в композиции произведения тёмное, войну, светлым, достигая тем самым гармоничности, свойственной классическим произведениям, и при этом не теряя реалистичности, серьёзности темы. В данном рассказе таким светом выступает в первую очередь сама девочка, они с мамой остаются жить, наши военные побеждают, да и смерть героев не выглядит мрачной, скорее, вызывает гордость и восхищение. Кроме того, удивительно душевное, добродушное, жалостливое отношение к девочке: увидев её босой, майор берёт ребёнка на руки, просит отнести домой, сержант даёт ей сахара, и сама Маринка искренне переживает за них:

– Как, это опять ты?! – удивился майор.

– Угу, – кивнула девочка.

Но, увидев его строгое лицо, залепетала:

– А мне теперь не холодно. Во, посмотри, – и она показала бежевые от глины полусапожки, обутые на босу ногу, и весело похлопала по плюшевому пальтишку, сшитому из старенького жакета.

[1] Курочкин В. Маринка: рассказ // Звезда. – 1964. – № 2. – С. 92.
[2] Там же. – С. 93.
[3] Там же.

Майор улыбнулся:

– Ах ты, непоседа!»[1].

Таким образом, несмотря на смерть, страшные военные реалии, в рассказе есть надежда на продолжение жизни и радость победы.

Из этого рассказа вырастает повесть «На войне как на войне», ставшая визитной карточкой военной прозы В. А. Курочкина. Она любима читателями, её часто переиздают, по ней был снят фильм, в 2004 году она была переведена на итальянский (перевод Джанлоренцо Пачини). Однако мало кто знает, что писателю было тяжело расставаться со своими героями и он взялся за предысторию повести «На войне как на войне» – «Товарищи офицеры». Героем её становится уже знакомый нам Пашка Теленков. В. А. Курочкин так и не закончил эту повесть, откладывал, правил, не хотел печатать, повесть вышла уже после его смерти, благодаря вдове писателя, Г. Е. Нестеровой-Курочкиной.

Отрывок, рассказ или же неоконченную повесть предваряет пояснение для читателя: «Среди бумаг Виктора Курочкина имеется автобиографическая рукопись, озаглавленная “Товарищи офицеры”. Над нею писатель работал в конце 1965 года. <…> Публикуемый отрывок поможет вдумчивому читателю расширить представление о персонажах повести “На войне как на войне”: о Сане Малешкине и Пашке Теленкове – и проследить процесс вызревания замысла следующей повести Виктора Курочкина – “Железный дождь”.

Время действия в главе “Товарищи офицеры” предшествует периоду, изображённому в повести “На войне как на войне”. Курсанты танкового училища окончили спешное (по условиям военного времени) обучение и с минуты на минуту ждут приказа командования о присвоении им офицерского звания и отправки на фронт»[2].

По этому небольшому отрывку сложно судить в полной мере о замыслах писателя. Но он многое разъясняет в повести «На войне как на войне». Мы видим предбоевую жизнь будущих героев «На войне как на войне», смерть которых очень тяжело переживалась читателем и не давала возможность увидеть дальнейшую войну их глазами.

Саня Малешкин и здесь мечтает о войне, о подвигах:

«– Что, Малешкин? Боишься, что без тебя до Берлина дойдут? – спросил Теленков.

– А пока мы тут сидим, и дойдут… От Курска до фашистского логова осталось – раз плюнуть, – наивно ответил Саня. – И какого чёрта мы тут сидим?.. Кончили учиться, сдали экзамены… А там без нас и войну прикончат»[3].

Эти мысли, присущие молодым ребятам, многие из которых остались в нашей памяти героями и стали прообразами литературных персонажей, не покинут Саню и в повести «На войне как на войне» и приведут его к подвигу.

Отрывок «Товарищи офицеры» прежде всего интересен ещё и тем, что теперь мы видим события и героев повести «На войне как на войне» глазами Пашки Теленкова. Это романная структура. Если бы Курочкин закончил это произведение, повесть «На войне как на войне» могла бы стать частью романа – такого, какой в то время как раз начинает появляться у писателей-фронтовиков. Это и «Горячий снег», и «Июль 1941-го», и «Танки идут ромбом» и многие другие.

У В. Курочкина в «Товарищах офицерах» снова уже знакомое нам: «А у Малешкина опять пилотка задом наперёд… Куда только смотрят дежурный и помкомвзвода?»[4]. Писатель не изменяет своего героя, особенности его характера, мельчайшие детали, привычки, уже знакомые нам по повести «На войне как на войне», что делает образ Малешкина целостным. Попав на фронт, он такой же, простой, бесхитростный паренёк. Мы узнаем его сразу, даже если бы Курочкин не назвал фамилии, Малешкин – герой, который уже живёт сам по себе, и второго такого нет. Пашка Теленков совсем другой, эту разницу в их характерах, воспитании, мыслях, мечтах Курочкин неспроста всё время подчёркивает. Теленков – круглый отличник, его портрет висит на Доске почёта, он уверен в себе, умеет командовать, знает, у кого попросить табаку или горсть изюма, его уважают.

Не обходится и без прекрасного пола, несмотря на то, что женские персонажи не принимают участия в повести, о них только думают, вспоминают, говорят, читают письма, из-за девушки чуть не назревает драка, но будущие офицеры тут же мирятся:

« – Я знаю, – продолжал Баранов, – ты не можешь забыть тот дурацкий случай, когда я ушёл с той девчонкой… Верно?

Валька Баранов попал в точку… Теленков промолчал. Баранов засмеялся…

[1] В. Курочкин. Маринка: рассказ // Звезда. – 1964. – № 2. – С. 92.

[2] Курочкин В. На войне как на войне: повести, рассказы / сост. Г. Е. Нестерова-Курочкина. – М.: Правда, 1990. – С. 422. – (Б-ка журн. «Знамя»).

[3] Там же. – С. 425.

[4] Там же. – С. 430.

– Так её тоже от меня увели на второй день. И увёл-то такой сопливый курсант из пехотного училища…

Теленков не мог сдержаться, чтоб не улыбнуться»[1].

Курочкин здесь также обширно использует иронию, тем самым придавая лёгкость повествованию, акцентируя внимание на юности своих героев, несмотря на постоянный голод и тяжёлые условия пребывания, они шутят, смеются, ссорятся из-за девушек, нет гнетущего осознания тяжести предстоящей отправки на фронт, напротив, им по молодости хочется попасть туда поскорее, совершить подвиги, они завидуют побывавшим на фронте, они ещё не видели реальности войны. Эти приметы своего поколения фронтовиков писателю как никому другому удалось показать очень точно.

Автор мастерски рисует характеры своих героев, при помощи всё той же иронии и незначительных деталей создавая яркие образы. Буквально в нескольких предложениях В. А. Курочкин рассказывает о целой судьбе героя: «Кличку Птоломей он получил, как только появился в училище. И не столько за свой вид, сколько за свои причуды. В первые дни учёбы вместо уставов и наставлений он читал на занятиях Спенсера с Гегелем. Сперва ему за это дали пять суток простого ареста, потом десять – строгого. Но “губа” не отучила его от страсти к философии»[2].

Четырнадцатая батарея строит свинарники и пòлет просо, когда наконец-то приходит долгожданный приказ о присвоении офицерских званий и отправке на фронт. На том и обрывается то ли рассказ, то ли недописанная повесть, а может, и часть романа. Ведь, как мы видим, уже известные образы раскрываются перед нами, при этом оставаясь целостными, что говорит о связанности повествования «Товарищи офицеры» и «На войне как на войне», продолжены темы, проблемы повести «На войне как на войне», даже сама интонация, юмор, лёгкость восприятия, живость, в том числе за счёт диалогов, которых в «Товарищах офицерах» даже больше, чем в «На войне как на войне» – всё это говорит о единстве двух произведений.

Таким образом, перед нами повествование о судьбе двух главных героев, Малешкина и Теленкова, данное с двух точек виденья, два первых лица, что позволяет говорить, конечно же, о романном замысле, как мы уже замечали выше. Однако многие события остаются пропущенными, и мы уже не узнаем про то, как попали на фронт наши герои, каково им было первое время, и всё, что предшествовало повести «На войне как на войне». В. А. Курочкин не закончил и вторую свою военную повесть «Железный дождь», которая также могла, видимо, стать романом.

Результаты исследования. Как мы видим, особенности прозы В. Курочкина проявились ещё в первых его текстах и впоследствии стали отличительными чертами его стилистики. Кроме того, становятся понятны творческие замыслы писателя.

Материалы, основные положения и наблюдения работы будут полезны не только при изучении особенностей развития русской литературы XX века; при чтении курса лекций, спецкурсов, при разработке спецсеминаров для студентов, учебников и методических пособий по русской литературе XX века для вузов и общеобразовательных школ, при написании курсовых и дипломных работ, но и для составления собрания сочинений писателя, которого, к сожалению, пока ещё нет. Произведения В. А. Курочкина, о которых мы рассказали, практически не доступны читателю и малоизвестны исследователям и широкой общественности, в то время как они составляют общую картину творчества писателя, расширяют представление о нём. Поэтому проделанная нами работа представляется весьма актуальной.

Заключение. В данной статье мы рассказали лишь о некоторых малоизвестных и неизвестных произведениях. Творчество Виктора Курочкина содержит богатый материал для исследователей, вероятно, ещё немало открытий ждёт нас при обращении к его произведениям, которые несправедливо долгое время находились в тени и, появляясь теперь, меняют наше представление не только о творчестве Виктора Курочкина, но и о литературном процессе того времени.

Список литературы

1. Басинский П. Орден Виктора Курочкина // Ясная Поляна. М.; Тула, 1997. № 2.
2. Вильчек Л. Пейзаж после жатвы: деревня глазами публицистов. М.: Сов. писатель, 1988. 309 с.
3. Горышин Г. Пробиться к человеческим душам… // Аврора. 1977. № 12. С. 20–26.

[1] Курочкин В. На войне как на войне: повести, рассказы / сост. Г. Е. Нестерова-Курочкина. – М.: Правда, 1990. – С. 436. – (Б-ка журн. «Знамя»).
[2] Там же. – С. 424.

4. Ковский В. Между прошлым и будущим. Заметки о деревенской теме в современном литературном процессе // Дружба народов. 1979. № 6. С. 243–261.
5. Леонов Б. Русская литература о Великой Отечественной войне: очерк пережитого дважды. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2010. 496 с.
6. Нестерова-Курочкина Г. Долгое эхо оборванных струн… СПб.: Росток, 2010. 160 с.
7. Памяти В. Курочкина // Эхо. Вокруг и около писем читателей / В. В. Конецкий. СПб.: Блиц, 2001. С.130–142.
8. Федякин С. Искусство Виктора Курочкина // На войне как на войне: повести / В. Курочкин. СПб.: Азбука-Классика, 2005. С. 5–16.
9. Храпченко М. Б. Художественное творчество. Действительность, человек. М.: Сов. писатель, 1982. 416 с.
10. Якименко Л. На дорогах века. Актуальные вопросы советской литературы. М.: Худож. лит., 1973. 366 с.

Статья поступила в редакцию 11.01.2017; принята к публикации 30.01.2017

Библиографическое описание статьи
Панкратова Т. Б. Неизвестные произведения В. А. Курочкина // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 13–21.

Tatiana B. Pankratova,
Doctoral Candidate,
Maxim Gorky Literature Institute
(25–8 Tverskoy Boulevard, Moscow, 123104, Russia),
e-mail:Terraincognita-825@yandex.ru

Unknown Works by V. A. Kurochkin

Viktor Aleksandrovich Kurochkin's creativity has not been thoroughly studied in domestic literary criticism and needs expanded studying. Perhaps, the reason for that were his courageous views in relation to the party which he displayed in the works. In his creativity, he aspired to the embodiment of the art truth, without wishing to adapt and please censorship, and didn't agree to compromises, as well as many of his heroes defending justice and the views. Few works on his creativity do not consider all his works. In them researchers generally address his most known works while some of his works are almost not known to the reader at all. Viktor Aleksandrovich Kurochkin in domestic literary criticism is often unfairly represented as the author of one famous story *At War as at War*, very seldom remembering rural stories (*Nadenka from Apolevo, The last spring, Freak*), or the incomplete story *Iron Rain*. However, Kurochkin has both dramaturgic and scenario experiences, interesting stories and feuilletons and many other things. In the article, some unknown and little-known works of the writer are considered. Works are analyzed both in the context of other works by Viktor Kurochkin, and in the context of works of writers of Kurochkin's generation. It is publicly told about some works for the first time. The article expands the idea of Viktor Kurochkin's creativity, gives a representation of features of stylistics of the writer and changes representation of the literary process in the 1950–1960s.

Keywords: unknown works, articles, feuilletons, humour, irony, the nature, works about war

References

1. Basinskii P. Orden Viktora Kurochkina // Yasnaya Polyana. M.; Tula, 1997. № 2.
2. Vil'chek L. Peizazh posle zhatvy: derevnya glazami publitsistov. M.: Sov. pisatel', 1988. 309 s.
3. Goryshin G. Probit'sya k chelovecheskim dusham… // Avrora. 1977. № 12. S. 20–26.
4. Kovskii V. Mezhdu proshlym i budushchim. Zametki o derevenskoi teme v sovremennom literaturnom protsesse // Druzhba narodov. 1979. № 6. S. 243–261.
5. Leonov B. Russkaya literatura o Velikoi Otechestvennoi voine: ocherk perezhitogo dvazhdy. M.: Izd-vo Lit. in-ta im. A. M. Gor'kogo, 2010. 496 s.
6. Nesterova-Kurochkina G. Dolgoe ekho oborvannykh strun… SPb.: Rostok, 2010. 160 s.
7. Pamyati V. Kurochkina // Ekho. Vokrug i okolo pisem chitatelei / V. V. Konetskii. SPb.: Blits, 2001. S.130–142.
8. Fedyakin S. Iskusstvo Viktora Kurochkina // Na voine kak na voine: povesti / V. Kurochkin. SPb.: Azbuka-Klassika, 2005. S. 5–16.
9. Khrapchenko M. B. Khudozhestvennoe tvorchestvo. Deistvitel'nost', chelovek. M.: Sov. pisatel', 1982. 416 s.
10. Yakimenko L. Na dorogakh veka. Aktual'nye voprosy sovetskoi literatury. M.: Khudozh. lit., 1973. 366 s.

Received: January 11, 2017; accepted for publication January 30, 2017

Reference to the article
Pankratova T. B. Unknown Works by V. A. Kurochkin // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 13–21.

ISSN 1996-7853 ISSN 2542-0038 (Online)

УДК 821

Юлия Геннадьевна Хазанкович,
доктор филологических наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова
(677000, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42),
e-mail: hazankovich33@mail.ru

Литературы автохтонных народов Севера до и после 1917 года: опыт историко-критической рефлексии

Актуальность темы обусловлена необходимостью критической рефлексии творчества первых писателей-северян в советский и постсоветский периоды. Экскурс в историю подготовки писателей из числа коренных народов Севера, обращение к истокам их творчества, идейно-тематическому содержанию, национальной самобытности художественного слова позволяют представить их как репрезентативные явления своего времени. Если в советское время при анализе первых произведений северян обращались к проблемам литературным и общественно-политическим, то в постсоветский период наблюдается философское восприятие критикой художественного слова северян, его деидеологизированное прочтение и постмодернистское «декодирование». Для постсоветской критики характерна публицистичность и полемичность в оценке художественно-эстетического феномена, коим является литература малочисленных народов Севера. В статье показано, что «постмодернистский» подход к художественным «текстам» северян, написанных в разные периоды истории, не способствует выявлению национальных особенностей художественного слова северян и жанрово-стилевого своеобразия их произведений. Историко-критическая рецепция заявленной темы позволяет представить особенности функционирования художественного слова народов Севера. Идеологические каноны, художественная регламентированность национальных литератур в советский период, с одной стороны, укоренённость литератур народов Севера на образно-тематическом и ценностном уровнях в фольклоре и национальном языке на всех этапах развития, с другой – всё это определило особенности функционирования художественного слова северян в 1920–2000-е годы. В статье выявляются подходы и критерии оценки творчества северян в разные исторические периоды, уточняются методологические принципы изучения литератур. Для достижения поставленной цели применяются сравнительно-исторический и герменевтический подходы.

Ключевые слова: рецепция, малочисленные народы Севера, идеология, советский период, революция, автохтонное слово, критика

Вводная часть. Наше обращение к теме – наказ народного писателя Якутии, эвенского поэта, прозаика и общественного деятеля Андрея Васильевича Кривошапкина. Тема предполагает не только размышление о значении революции 1917 года в зарождении и истории литератур народов Севера в синхроническом и диахроническом аспектах, но и творческую рецепцию завоеваний революции писателями-северянами – от зачинателей до современников, а также критическую рефлексию исследователей национальных литератур.

Данные о методологии и методики исследования. «Датовская» тема актуализирует анализ подходов в оценке творчества северян в разные исторические периоды. Для достижения поставленной цели применяются сравнительно-исторический и герменевтический подходы.

Результаты исследования. Цель сопоставления «старого и нового» в работах советского периода была, по мнению французского исследователя Евы Тулуз, «чисто идеологической: иллюстрировать постулат, что прошлое было плохое, а настоящее-будущее – прекрасное» [17].

Отправной точкой нашей рецепции будет высказывание современного критика: «Северные народы оказались крайне плодовиты на литераторов. Их возникновение и рост не были закономерным процессом там, где нет традиций письменной культуры… Развитие литературы на Севере культивировалось искусственно… Действительно ли нужна письменность архаическому обществу или её

© Ю. Г. Хазанкович, 2017

навязывание бессмысленно, а может даже принесло вред?» [6, с.116]. Прояснить вопрос «Нужна ли письменность архаическому обществу?» можно только через обращение к историко-литературным фактам и свидетельствам.

Через два года после свершения революции, в 1919 году, когда страна была в состоянии гражданской войны, при научно-техническом отделе ВСНХ была создана Комиссия по делам Севера. В этом же году к проектным работам по Северу была привлечена Российская академия наук.

Огромное значение в молодой советской стране уделялось образованию. Северяне не были исключением. В начале 1920-х годов появились первые школы для хантов, эвенков и др. В 1925 году на рабфаке Ленинградского университета состоялся первый набор студентов из числа северян с окраин Сибири и Дальнего Востока, затем подобные учебные отделения были открыты в Томске и Иркутске [18, с. 102–103].

Особую роль в просвещении северян сыграли культбазы. В 1925 году Комитет Севера принял решение о создании культурных центров для приобщения северных кочевников к социалистическому образу жизни. Первые агитационные пьесы на родных языках, обличавших шаманов, кулаков, «врагов народа», были написаны и поставлены на сцене учениками культбазовских школ. Некоторые пьесы остались на скрижалях литературной истории малочисленных народов Севера. Так, в разных местах компактного проживания северян появлялись одноимённые пьесы «Шаман», авторами которых были эскимос Ктугье, ненец И. Ного, нивх Соет, чукча Енок и др. При отсутствии очевидных художественных достоинств их ценность – временная, факт письменного автохтонного слова у ранее бесписьменного народа[1].

В советское время было немало исследований, посвящённых послереволюционному развитию литератур малочисленных народов Севера. О роли Великого Октября в изменении жизни северян и зарождении художественного слова у «инородцев» Севера имеется немало очерков и литературоведческих исследований М.Воскобойникова, Г. И. Ломидзе, М. Н. Пархоменко и других [8; 9; 12; 15; 23]. Это логично, потому что до революции, в имперскую эпоху, у малочисленных народов Севера практически не было условий для формирования письменного художественного слова – тотальная безграмотность и бедность северян, а также отсутствие заинтересованности у властей, за исключением православных миссий, просвещать инородцев, «масса туземного населения жила в подавляющем большинстве вне культурного влияния». Только во второй половине XIX века делаются попытки обратить внимание на грамотность среди «туземцев края». Исключением были церковно-приходские и так называемые «министерские школы», которые давали государственное начальное образование. Были они под патронатом Министерства народного просвещения. Но дело народного образования среди туземцев, по словам Г. Попова, «подвигалось туго». Только после 1905 года с ростом общественного сознания начинает среди народа меняться взгляд на образование [13, с. 223–227; 19].

Но художественное слово инородцев Севера в дореволюционный период всё-таки прозвучало. И оно связано с именем русскоязычного романиста и драматурга Гамаллила Гантимурова, потомка известного эвенкийского княжеского рода. Самый известный и доступный из наследия первого эвенкийского писателя – роман «Ганя Хмуров» (1904). Это произведение из так называемой «задержанной литературы», его автор был потомком княжеского рода Гантимуровых, сам носил княжеский титул, и в советское время, естественно, не был жалован. Он скончался в Иркутске, в 1921 году, а его имя более чем на полвека имя было стёрто из истории литератур народов Севера. Художественная практика Гантимурова уникальна: он был в переписке с В. Г. Короленко, его стиль формировался в традициях областнической литературы Сибири, впервые в литературах народов Севера были обозначены «экзистенциальные» вопросы ответственности и выбора. Но какой-либо исследовательской рецепции феномен творчества Г. Гантимурова почти не получил[2] [2; 20].

В большинстве своём развитие новописьменных литератур, народы которых «до Октябрьской революции не имели письменности и были загнаны в самые глухие места нашей планеты, вымирали от эпидемий, голода и лишений…», началось в первые годы установления советской власти на местах.

[1] Огрызко В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: библиогр. справ. – М.: Лит. Россия, 1998. – Ч. 1. – 535 с.; Огрызко В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: библиогр. справ. – М.: Лит. Россия, 1999. – Ч. 2. – 547 с.

[2] Списки Селенгинского и Нерчинского архивов // Санкт Петербургский филиал архива Российской академии наук. – Ф. 21. – Оп. 4. – Д. 29. – Л. 15.

Это было поистине «историческим чудом» [23, с. 148]. Утверждение оспаривать не будем, учитывая, что уже в середине 1920-х годов первые поэты и прозаики-северяне открыли молодой Советской республике свои народы и культуру через начертанное на бумаге Слово.

Знаменательно, что через 10 лет после свершения революции, в 1927 году, патриарх североведения В. Г. Богораз-Тан и его ученик С. Н. Стебницкий издали на русском языке «Букварь для северных народностей». В предисловии, которое звучало как «Обращение к учителю», авторы обозначили задачи: 1) дать ученику материал из северной жизни, знакомой и привычной ему с раннего детства; 2) научить его при помощи этого материала читать и писать; 3) научить его русскому языку. В 1929 году, благодаря инициативе А. Подгорской, была издана учебная книга «Из нашей жизни». Её основное содержание – короткие рассказы студентов Северного факультета Ленинградского восточного института, в которых «красной строкой проходит мысль – “до” и “после” Октября. Этот мотив почти на два с лишним десятилетия определил содержание большинства произведений литератур малочисленных народов Севера» [11, с. 4–5]. Авторам первых рассказов-зарисовок больше нравилось «рассказывать сказки на бумаге», нежели описывать бытовые и промысловые сцены из своей жизни. Содержание книги было ориентировано на читателей-северян, плохо владеющих русским языком, и после знакомства с ней высшей похвалой было признание: «Так было интересно, словно домой съездил».

В советской республике с 1928 по 1933 гг. на русском языке выходил журнал «Тайга и тундра», в первом номере которого отмечалось, что «это в первый раз северные туземцы, некультурные, бесписьменные, пишут сами о себе» [Там же, с. 6].

Безусловно, это так, потому что до революции были книги для народов Севера, в том числе и учебные, но они зачастую были созданы священниками-миссионерами, и основное содержание их носило религиозный характер. В первые десятилетия советской власти со студентами-северянами работали активно: северяне были не только информантами, но пробовали работать с родным письменным словом – по предложенному педагогом плану на родном языке записывали историю из собственной жизни, своего рода и делали переводы произведений русской классики, А. С. Пушкина в частности, – сказки А. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» (ненец К. Ненянг), повесть «Станционный смотритель» (хант Н.Терешкин), лирики и др.

Опыты перевода, погружение в традиции русской прозы, творчества, в частности М. Горького, драматургию А. Островского, А. Чехова, увлечённость революционной поэзией 1920-х годов, – в этом соединении «мощных поэтических традиций своих народов с высокими достижениями русской и мировой культуры» [23, с. 149] появилась возможность зарождения и становления национальной поэзии – гражданской и лирической, прозы – социально-бытовых рассказов, социально-исторических и лирических повестей, драматургии – одноактных агитационных пьес. Это явление обозначили как «культурный взрыв», «ускоренное» развитие национальных литератур [см.: 10].

Сегодня эту «ускоренность» пытаются поставить под сомнение, равно как и сам факт необходимости существования у народов Севера литературы и письменности. Вновь обращаемся к книге «Цветы во льдах» И. Гобзева. Жанровое обозначение книги необычное: «Литература народов Севера и Дальнего Востока: наблюдения философа и критика». Книга состоит из очерков-медальонов о творчестве/произведении конкретного автора. Так, в очерке «В традициях волшебной сказки», посвящённом творчеству зачинателя удэгейской литературы Дж. Кимонко, автор пишет: «Стиль повести полностью соответствует манере письма советской эпохи, и это мешает проникновению в суть текста, почти повсюду преследуют навязчивое мнение редактора и литературная переработка… Вполне очевидно, что выросший в дикой тайге на берегу речушки в юрте… едва ли мог мыслить категориями марксизма-ленинизма и легко пользоваться распространенными для литературы того времени оборотами…» [6, с. 135].

Подобное «наблюдение» имеет право быть, особенно у читателя, воспитанного на классических образцах русской и мировой литератур, но далёкого от литератур национальных. В этой связи следует обратиться к свидетельству Юлии Шестаковой, переводчика Джанси Кимонко. Она дружила и была вдохновителем Кимонко, жила рядом с писателем в удэгейском посёлке Гвасюги. Именно в её переводе (а он был сделан ещё при жизни Кимонко!) и редакторской обработке повесть удэгейца впервые увидела свет: «Первая часть повести уже была опубликована в Ленинграде в журнале «Звезда» …Писатели

(А. Твардовский, Эм. Казакевич, Л. Сейфуллина и др.) высказали интересные мысли относительно языка, стиля, задавали вопросы, связанные с этнографическими особенностями повести Д. Кимонко, отмечали достоинства перевода [21, с. 74]. Воспоминания Шестаковой – документ, и он при всей субъективности объективен. Кимонко мог «мыслить категориями марксизма-ленинизма», потому что за его плечами было несколько курсов Института народов Севера в Ленинграде и потому что он был человеком своего времени, а не только рождённый «в лесной глуши». Кимонко был близок и понятен Шестаковой – она была в экспедиции в Сихотэ-Алинь, знала культуру удэгейцев, у них был общий с Кимонко хронотоп эпохи, что позволило русской переводчице очень корректно выразить на русском языке мысль-идею с удэгейской душой своего друга. «Манера письма советской эпохи», столь неприемлемая современным критиком, мешать современному читателю не должна, просто должно быть осознание того, что это только начало становления художественного мышления и художественного слова писателей Севера.

Обсуждение результатов. В книге Ивана Гобзева встречается немало негативных и откровенно оскорбительных высказываний в адрес советской власти, которая, по его мнению, душила культуры автохтонных народов, изменила сознание носителей традиционной культуры и почти уничтожила шаманов, попыталась игнорировать сам факт, что большинство будущих писателей коренных народов Севера своё мастерство обретали в стенах Литературного института в Москве и Институте народов Севера в Ленинграде. О столь нетривиальных наблюдениях И. Гобзева высказался профессор МГУ им. М. В. Ломоносова А. В. Ващенко, исследователь фольклора и литератур североамериканских индейцев и народов Севера России: «Дело не столько в демонизме советской власти, которая при таком подходе предстаёт явлением исключительным, сколько в конфликте традиционной культуры и цивилизации, как он проявился в XX веке» [4, с. 6].

Зачинатели литератур народов Севера – юкагир Тэки Одулок, эвен Николай Тарабукин, удэге Дж. Кимонко и другие, не по принуждению, а по велению души, обращались в своих первых писательских опытах к истории и современности своего народа, и обращались через факты своей собственной автобиографии. Подзабытый сегодня советский писатель, автор романа «Последний из удэге», Александр Фадеев заметил: «Дело не в том, где живёт писатель…, с темпераментом борца всегда и везде найдёт новое в жизни… О чём бы писатель ни говорил, какие бы стороны жизни он ни отражал, он во всё это должен вложить свою собственную биографию» [цит. по: 21, с. 78].

Отложенные во времени результаты Октябрьской революции 1917 года сегодня оценивают неоднозначно и сами писатели-северяне. Оценка политики национального строительства в ленинское время, на наш взгляд, должна быть объективна: безусловно, она не остановила сокращение численности говорящих на родных языках (эта тенденция обозначилась ещё в царское время и была отмечена В. Иохельсоном, исследовавшим юкагиров), но именно тогда было положено начало работ по организации национальных районов, созданию письменности для малочисленных народов, изданию книг и учебных пособий на северных языках и др. Позднее работы в этом направлении были заторможены (начиная с 1930-х годов), а затем и свёрнуты (постперестроечное безвременье). В этом можно убедиться, обратившись к полярным суждениям современных писателей-северян: братьев Куриловых – юкагирского поэта Улуро Адо в книге «Избранное» (2012) и писателя Н. Курилова в фантастических рассказах и его поэтическом сборнике «О вчерашнем вспомню…»; творчеству ненки Анны Неркаги; поздней романистике чукчи Юрия Рытхэу; публицистике ханта Еремея Айпина; к повестям и публицистике эвенков Г. Варламовой-Кэптукэ, Александра Латкина, Варвары Даниловой; автобиографической трилогии эвена А. Кривошапкина «Кочевье длиною в жизнь» и др.

Год 1917 – точка бифуркации не только в истории аграрной России, судьбе русского народа и «инородцев» российского государства. Политика молодого советского государства была направлена на создание благоприятных условий для зарождения и развития литератур, в том числе и литератур малочисленных народов Севера как на русском языке, так и родном. При ВЦИК существовал специальный отдел национальностей, который занимался вопросами создания письменности и введения преподавания на родном языке для учащихся-националов [см.: 1].

М. Воскобойников в очерке «Колыбель новописьменных литератур» отмечал, что «северяне писали свои первые рассказы и повести, создавали стихотворения и поэмы на родном языке. Исключением был юкагир

Тэки Одулок, создавший свою повесть на русском языке. В Институте народов Севера родилась письменность для эвенков, эвенов, чукчей, коряков, ненцев, хантов, манси, нивхов и др. С чукчами работал Г. И. Богораз и Г. Мельников, коряками – С. Стебницкий, с нанайцами – В. Аврорин, эвенками – Г. М. Василевич, эвенами – В. И. Цинциус и др.» [22, с. 207]. На протяжении всего существования история литератур народов Севера была сопряжена с историей страны, и это нашло отражение в этапности ее становления и формировании образно-тематического ядра, в ее стилистических особенностях [см.: 5, с. 44–51; 14].

Безусловно, были перекосы и навязывание национальным литературам соцреалистических канонов, но надо признать, что благодаря достаточно продуманной политике советского государства в области литературы с её переводческой практикой, системой выездных творческих семинаров для молодых писателей Севера поддержка литературы на языках профильных литературных журналов и книжных серий (например, «Дружба народов») был создан фундамент для развития художественной словесности Севера как уникального этноэстетического и социокультурного явления и стилистического феномена. В этом феномене можно обнаружить типологические схождения с другими «младописьменными литературами» России, но вместе с тем художественная словесность Севера не утратила укоренённости в национальных ценностях и связей с живой эпической традицией.

Заключение. В литературах малочисленных народов Севера на протяжении всего «советского» периода наблюдалось прохождение ценностно-эстетической самоидентификации, поэтапное обретение «самости» художественного слова: что-то воспринималось, заимствовалось и трансформировалось, что-то исключалось как диссонирующее устнопоэтической традиционной культуре. Но никогда в истории литератур малочисленных народов Севера не было «текстов на манер постмодернизма». Об этом писали А. В. Пошатаева и А. В. Ващенко [4; 16], такой точки зрения придерживается исследователь А. С. Жулева, которая отмечает, что одной из задач изучения литератур народов Севера должно быть описание «художественных языков, существующих на разных этапах истории словесного искусства», «распознавание смысла не только текста, но и традиций, обычаев, бытования, истолкование тайного прошлого и скрытого настоящего в духовной жизни своеобычных северных народов» [7, с. 341].

Следует особо подчеркнуть, что при всей регламентированности советского периода была сохранена укоренённость литератур народов Севера на образно-тематическом и ценностном уровнях в фольклоре и национальном языке. Этот запас прочности, видимо, и позволил, в 1990-е годы во время коренного коммуникативно-ценностного излома в нашем социуме, «трибунно» заявить писателям-северянам о бытийной катастрофе – реальной угрозе исчезновения языков, а вместе с тем и самобытных культур народов Севера с их ценностной системой.

Автохтонное слово, высказанное писателями-северянами в первые годы становления советской власти, не утратило свою мощь в советское время, не потерялось в «идеологемах». Сегодня оно набирает свою силу, оно пассионарно, потому что в традиционной культуре аборигенов Севера слово, художественное в том числе, всегда сакрально, и им никогда не играют.

Список литературы

1. Богданова Г., Винокурова И. Хранитель вепсского слова // Вепсская литература / сост. В. Огрызко. М.: Лит. Россия, 2011. С. 8–30.

2. Болонев Ф. Ф. «Не жесточью, а ласкою»: отношение русских властей к эвенкийскому роду Гантимурову в XVII–XIX веках // Этнокультурное взаимодействие народов Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 30–37.

3. Ващенко А. В. Мы – Ваша совесть. Исповедимые пути родства: хантыйская литература в свете литератур «коренных американцев» // Мир Севера. 2001. № 3. С. 68–71.

4. Ващенко А. В. Сила автохтонного слова // Цветы во льдах / И. Гобзев. М.: Лит. Россия, 2013. С. 3–12.

5. Воскобойников М. Как всё начиналось. Взгляд из 1956 года // Эвенкийская литература / сост. В. Огрызко. М., 2006.

6. Гобзев И. Цветы во льдах. М.: Лит. Россия, 2013. 190 с.

7. Жулева А. С. Этнологический аспект в изучении литератур народов Севера // Вопросы изучения истории национальных литератур. Теория. Методология. Современные аспекты. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 337–366.

8. Комановский Б. Л. Самые молодые литературы. М.: Знание, 1973. 144 с.

9. Ломидзе Г. И. Ленинизм и судьбы национальных литератур. М.: Современник, 1972. 252 с.

10. Михайлов А. К. Ускорение. Якутск: Якут. книжное изд-во, 1984. 111 с.
11. Огрызко В. Литература отчаяния и надежды: вместо обзора // Хантыйская литература / сост. В. Огрызко. М.: Лит. Россия, 2002. С. 3–29.
12. Пархоменко М. Н. Рождение нового эпоса. М.: Современник, 1979. 352 с.
13. Попов Г. А. Сочинения. История христианского просвещения якутов и других инородцев Якутской области: очерки по истории Якутии. Якутск: ИГИ СО РАН, 2005. Т. 1. 275 с.
14. Пошатаева А. В. Литература народов Севера. М.: Наука, 1988. 162 с.
15. Пошатаева А. В. Концепция личности в литературе развитого реализма: миф и время. Ереван, 1980. С. 336–345.
16. Пошатаева А. В. Юрий Рытхэу, Владимир Санги. Опыт реконструкции эстетики переходных эпох // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. М.: Наука, 1998. Вып. 3. С. 122–141.
17. Тулуз Е. Между прошлым и будущим. Старое и новое в произведениях первых литераторов уральских народов Севера: идеология социализма и традиционное мировоззрение // Мансийская литература. М.: Лит. Россия, 2003. С. 101–113.
18. Увачан В. Н. Годы, равные векам: строительство социализма на Советском Севере. М., 1984. 357 с.
19. Хазанкович Ю. Г. Миссионерство и православные мотивы в литературах малочисленных народов Севера. Якутск: Бичик, 2007. 48 с.
20. Хазанкович Ю. Г. Китай и Россия: исторические метаморфозы и литературные парадоксы // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С.171–179.
21. Шестакова Ю. Встречи и расставания. Хабаровск: Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры, 2003. 125 с.
22. Юкагирская литература. М.: Лит. Россия, 2006. 373 с.
23. Якименко Л. Г. На дорогах века. М.: Худож. лит., 1973. 494 с.

Статья поступила в редакцию 15.01.2017; принята к публикации 02.02.2017

Библиографическое описание статьи

Хазанкович Ю. Г. Литературы автохтонных народов Севера до и после 1917 года: опыт историко-критической рефлексии // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 22–28.

Yulia G. Khazankovich,
Doctor of Philology, Associate Professor,
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
(42 Kulakovskogo st., Yakutsk, 677000, Russia),
e-mail: hazankovich33@mail.ru

The Literatures of Indigenous Peoples of the North Before and After 1917: Experience of Historical and Critical Reflection

The relevance of the topic depends on the need for critical reflection of the first indigenous writers in the Soviet and post-Soviet periods. The excursus on the history of writers among indigenous peoples of the North, the reference to the origins of their creative work, ideological and thematic content of the national identity of artistic expression allow us to represent them as a significant event of the time. In Soviet times, the literary and sociopolitical problems were considered important in analyzing the first works of indigenous writers. However, in the post-Soviet period there has been observed a philosophical perception of artistic expression of indigenous writers as well as its non-ideological interpretation and the postmodern “decoding”. Journalistic style and polemical tone in the assessment of artistic and aesthetic phenomenon are characteristic for the post-Soviet criticism. The literature of indigenous peoples of the North is a case in point. The article states that the “post-modern” approach to artistic “texts” of indigenous writers, written in different periods of history, does not contribute to the identification of the national peculiarities of artistic expression and genre-stylistic originality of their works. Historical and critical perception of the subject allows us to represent the peculiarities of artistic expression of indigenous peoples of the North. The canons of ideology, as well as the crisp classification of national literatures in the Soviet period, on the one hand, the focus of Northern peoples’ literature on the figurative, topical and value priorities in the folklore and national language, on the other hand, have determined the peculiarities of artistic expression of northern writers in the 1920–2000s. The article identifies the approaches and criteria to evaluate the creativity of northern writers in different historical periods. The article also specifies the methodological principles for the study of literature. Comparative historical and hermeneutical approaches are used to achieve this goal.

Keywords: perception, indigenous small-numbered peoples of the North, ideology, the Soviet period, the revolution, autochthonous word, criticism

References

1. Bogdanova G., Vinokurova I. Khranitel' vepsskogo slova // Vepsskaya literatura / sost. V. Ogryzko. M.: Lit. Rossiya, 2011. S. 8–30.

2. Bolonev F. F. «Ne zhestoch'yu, a laskoyu»: otnoshenie russkikh vlastei k evenkiiskomu rodu Gantimurovu v XVII–XIX vekakh // Etnokul'turnoe vzaimodeistvie narodov Evrazii. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2002. C. 30–37.

3. Vashchenko A. V. My – Vasha sovest'. Ispovedimye puti rodstva: khantyiskaya literatura v svete literatur «korennykh amerikantsev» // Mir Severa. 2001. № 3. S. 68–71.

4. Vashchenko A. V. Sila avtokhtonnogo slova // Tsvety vo l'dakh / I. Gobzev. M.: Lit. Rossiya, 2013. S. 3–12.

5. Voskoboinikov M. Kak vse nachinalos'. Vzglyad iz 1956 goda // Evenkiiskaya literatura / sost. V. Ogryzko. M., 2006.

6. Gobzev I. Tsvety vo l'dakh. M.: Lit. Rossiya, 2013. 190 s.

7. Zhuleva A. S. Etnologicheskii aspekt v izuchenii literatur narodov Severa // Voprosy izucheniya istorii natsional'nykh literatur. Teoriya. Metodologiya. Sovremennye aspekty. M.: IMLI RAN, 2014. S. 337–366.

8. Komanovskii B. L. Samye molodye literatury. M.: Znanie, 1973. 144 s.

9. Lomidze G. I. Leninizm i sud'by natsional'nykh literatur. M.: Sovremennik, 1972. 252 s.

10. Mikhailov A. K. Uskorenie. Yakutsk: Yakut. knizhnoe izd-vo, 1984. 111 s.

11. Ogryzko V. Literatura otchayaniya i nadezhdy: vmesto obzora // Khantyiskaya literatura / sost. V. Ogryzko. M.: Lit. Rossiya, 2002. S. 3–29.

12. Parkhomenko M. N. Rozhdenie novogo eposa. M.: Sovremennik, 1979. 352 s.

13. Popov G. A. Sochineniya. Istoriya khristianskogo prosveshcheniya yakutov i drugikh inorodtsev Yakutskoi oblasti: ocherki po istorii Yakutii. Yakutsk: IGI SO RAN, 2005. T. 1. 275 s.

14. Poshataeva A. V. Literatura narodov Severa. M.: Nauka, 1988. 162 s.

15. Poshataeva A. V. Kontseptsiya lichnosti v literature razvitogo realizma: mif i vremya. Erevan, 1980. S. 336–345.

16. Poshataeva A. V. Yurii Rytkheu, Vladimir Sangi. Opyt rekonstruktsii estetiki perekhodnykh epokh // Istoriya natsional'nykh literatur. Perechityvaya i pereosmyslivaya. M.: Nauka, 1998. Vyp. 3. S. 122–141.

17. Tuluz E. Mezhdu proshlym i budushchim. Staroe i novoe v proizvedeniyakh pervykh literatorov ural'skikh narodov Severa: ideologiya sotsializma i traditsionnoe mirovozzrenie // Mansiiskaya literatura. M.: Lit. Rossiya, 2003. S. 101–113.

18. Uvachan V. N. Gody, ravnye vekam: stroitel'stvo sotsializma na Sovetskom Severe. M., 1984. 357 s.

19. Khazankovich Yu. G. Missionerstvo i pravoslavnye motivy v literaturakh malochislennykh narodov Severa. Yakutsk: Bichik, 2007. 48 s.

20. Khazankovich Yu. G. Kitai i Rossiya: istoricheskie metamorfozy i literaturnye paradoksy // Problemy Dal'nego Vostoka. 2008. № 5. S.171–179.

21. Shestakova Yu. Vstrechi i rasstavaniya. Khabarovsk: Khabarovskii kraevoi blagotvoritel'nyi obshchestvennyi fond kul'tury, 2003. 125 s.

22. Yukagirskaya literatura. M.: Lit. Rossiya, 2006. 373 s.

23. Yakimenko L. G Na dorogakh veka. M.: Khudozh. lit., 1973. 494 s.

Received: January 15, 2017; accepted for publication February 02, 2017

Reference to the article

Khazankovich Y. G. The Literatures of Indigenous Peoples of the North Before and After 1917: Experience of Historical and Critical Reflection // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 22–28.

http://www.zabvektor.com ISSN 1996-7853 ISSN 2542-0038 (Online)

УДК 82-311.5
DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-29-35

Лев Алексеевич Юдин,
аспирант,
Южно-Уральский государственный университет
(454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76),
e-mail: dalistar@yandex.ru

Анализ сборника графических адаптаций рассказов А. Платонова «Цветы на земле»

Предметом изучения в данной статье является сборник графических адаптаций «Цветы на земле», созданный по мотивам следующих рассказов Андрея Платонова: «Юшка», «Железная старуха», «Корова», «Дерево Родины», «Возвращение», «Цветок на земле» и «Неизвестный цветок». Под графическими адаптациями понимаются комиксы по мотивам литературных произведений. Проанализированы следующие графические рассказы: «Юшка», «Цветок на земле», «Корова» и «Неизвестный цветок». В статье рассмотрены основные способы переноса вербального нарратива рассказов А. Платонова в комиксный невербальный формат и выделены особенности адаптирования каждого из рассказов, например, сегментирование нарратива на фрагменты, сокращение авторского повествования, визуальный акцент на деталях и т. д. Проанализирована визуальная составляющая графических адаптаций, а именно, линии и особенности цветовыражения. Все адаптации, созданные разными художниками, объединяет то, что они выполнены в чёрно-белых тонах, что позволяет комиксу не вступать в противоречие с содержанием рассказов, а передать философскую составляющую произведений А. Платонова. Также изучена мотивно-образная связь графических адаптаций с оригиналами рассказов А. Платонова. В графических рассказах сохранена концептосфера творчества А. Платонова.

Ключевые слова: комикс, рассказ, невербальный нарратив, графическая адаптация, визуальность, А. Платонов, нарратив

Вводная часть. Одной из основных тенденций развития литературы в XXI веке является её стремительная визуализация. Направленность современной литературы на визуальность особенно интересна, поскольку литературу можно назвать практически полностью вербальным искусством. Пути проникновения визуальности в литературу самые разные: начиная от изменений формы и структуры текста (фигурный текст, появление в тексте изображений) и заканчивая полной привязкой к видеоформату (видеопоэзия). Самой известной формой слияния литературы с изображением является комикс.

Комикс – самобытный жанр, завоевавший популярность в мире с середины XX века, наряду с кинематографом и телевидением. К комиксу обращались многие известные писатели, среди них Курт Воннегут, Стивен Кинг, Рей Бредбери, Умберто Эко. Технику комикса использовали в своих работах такие художники, как Казимир Малевич, Фрэнк Фразетта, Жан Жиро, Мило Манара. Во многих странах мира «рассказы в картинках» занимают одну из главных позиций массовой культуры: например, во Франции, Бельгии, Германии комикс, или по сложившейся традиции в исследовательской литературе, графическая проза, стоит на одном уровне с традиционными литературными произведениями и признаётся отдельным видом искусства; в Японии манга имеет свою традиционную школу и считается национальным достоянием; в США – это десятки тысяч тиражей каждый месяц, различные премии и фестивали; в Англии комикс используется в педагогике, а именно, создаются адаптации классических литературных произведений к комиксу. За последние годы интерес к комиксу проявили учёные различных областей: литературоведы, культурологи, социологи, языковеды, семиологи.

Комикс как особый вид искусства зародился в начале XX века в США. Основное же развитие пришлось на середину прошлого столетия там же, в США, и в некоторых странах Европы. До середины XX века комикс практически не изучался, за исключением работ некоторых художников, в которых комикс присутствует только лишь в качестве особого способа изображения. В середине века ситуация изменилась – комикс стали воспринимать всерьёз. Умберто Эко по это-

© Л. А. Юдин, 2017

му поводу говорил: «Минуло то время… когда критическое исследование феномена комикса сопровождалось… хором упрёков» [7, с. 30]. Первое цельное научное исследование феномена комикса появилось лишь в последней четверти XX века в США.

Данные о методологии и методики исследования. В России комикс не получил большого отклика по многим причинам: основная проблема заключалась, конечно же, в западной эмблематике комикса. «Россия (особенно активно в советское время) боролась с массовой культурой (её обольщениями и угрозами) таким образом, чтобы она никогда не существовала в виде постоянной концепции» [10, с. 5]. Об этом говорит и российский писатель Виктор Ерофеев: «Все временные рекорды неприятия комикса побила Россия. Сто лет существования комикса, этого девятого по счёту искусства, прошли мимо неё. За её пределами – стомиллионные тиражи, ежедневное чтение целых наций; в России – одиночные выстрелы» [4, с. 433].

Даже в наше время, когда комикс-культура является достоянием США, многих стран Европы и Азии, рисованные истории по-прежнему плотно ассоциируется с Новым светом. Также, возможно, причиной послужило и то, что такой гетерогенный принцип изложения истории, в котором слово и картинка становятся единым, был попросту непонятен и сложен в освоении для людей, живших в России. Но, несмотря на это, за последние несколько лет интерес к комиксу резко возрос. Стали появляться отечественные авторы комиксов, теоретические работы, выполненные российскими исследователями. Наиболее значимыми работами являются: историко-критический обзор «Девятое искусство» Евгения Харитонова, в которой он описал и разобрал историю мирового комикса, а также статья «Комикс и комиксовая болезнь» Виктора Ерофеева, в которой он проанализировал и дал оценку феномену комикса в русской культуре. Издательство «НЛО» в 2012 году выпустило сборник статей «Русский комикс», в котором предпринялась попытка дать всесторонний и последовательный анализ русского комикса. Также появляются издательства, ориентированные на выпуск комикса, переводятся зарубежные произведения, появляются собственные адаптации романов к комиксу. Важно отметить, что современная наука стремится изучать комикс как «метажанр – некое междисциплинарное, синтетическое образование, объединяющее разные виды искусства» – изобразительное искусство и литературу [4, с. 328]. Исходя из этого, логично при изучении комикса оперировать литературными понятиями.

Особый исследовательский интерес представляют так называемые комикс-адаптации – комиксы, основой для которых послужили реальные литературные произведения. Первые переложения литературных произведений произошли в Югославии в начале XX века: речь идёт о русских эмигрантах-художниках, которые, по сути, создали основу восточно-европейского комикса. «Когда речь идёт о развитии такого жанра, как рисованная сюжетная история, то русских имён там настолько много, что возникает искушение назвать югославский комикс периода до Второй мировой войны русским явлением» [1, с. 1]. Для переложения они использовали произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и др. Следующие адаптации появились в США в 1930 году. Первой американской адаптацией стало произведение Эдгара Райса Берроуза «Тарзан». Через 30 лет издательство комиксов Marvel выпускает целый ряд адаптаций, среди них произведения Р. Стивенсона, Г. Уэллса, Гомера, Ч. Диккенса, В. Гюго, Ж. Верна, Д. Свифта, М. Твена, А. Дюма, В. Скотта, Д. Дефо, М. Шелли, Э. А. По, Д. Лондона, Л. Кэрролла и др. В России первые комикс-адаптации появились в 1980–1990-е годы, самый известный из них – это комикс «Анна Каренина» Кати Метелицы, известный как у нас, так и за рубежом. Самый же популярный у комиксистов русский роман, используемый для адаптации, – «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова. Также имеются комикс-адаптации, созданные по мотивам произведений Ф. М. Достоевского, В. О. Пелевина, А. С. Пушкина, братьев Стругацких, А. Н. Толстого и других.

Результаты исследования. Одной из последних работ, созданной по мотивам произведений русских писателей, является сборник графических адаптаций рассказов Андрея Платонова «Цветы на земле». Книга была выпущена в 2015 году в городе Воронеже (место рождения А. Платонова) и включает в себя семь рассказов: «Юшка», «Железная старуха», «Корова», «Дерево Родины», «Возвращение», «Цветок на земле» и «Неизвестный цветок». Большая часть из этих рассказов представляет детское хрестоматийное чтение. Также в конце книги имеется сопроводительная статья «Человек – цветущее растение…», написанная Анной Юрьевной Грязновой, кандидатом филологических наук, специалистом по творчеству А. Платонова.

Все адаптированные рассказы написаны разными авторами и имеют разную форму и стиль. Одним из факторов, объединяющих рассказы, является присутствие почти во всех рассказах детей в качестве главных героев. Дети – частые герои платоновских рассказов. По словам А. Ю. Грязновой, «дети в его произведениях – это маленькие взрослые, они трудятся наравне со всеми, они не по годам рассудительны, нередко знают больше старших и поучают их» [8, с. 133]. Можно предположить, что в честь платоновских детей-героев и назван сборник рассказов – «Цветы на земле»: дети и есть те самые цветы на земле, которые «чувствуют глубокую родственную связь между человеком и природой» [Там же, с. 134], которые понимают и прислушиваются к миру вокруг себя. Н. Н. Брагина писала по этому поводу: «…путь духовного становления многих героев Платонова ведёт назад, в детство, где всё едино и целостно, где не порвалась ещё связь маленького человека с космосом» [3, с. 365].

Все адаптации сборника придерживаются оригиналов, следуют сюжету рассказов А. Платонова. Объяснить это можно тем, что обычно для комиксных адаптаций авторы используют романы или повести, которые достаточно объёмны и обладают множественными сюжетными линиями, определённым количеством героев, развитой структурой. Рассказ же не обладает такими характеристиками, как роман или повесть, поэтому художникам сборника не пришлось разрезать нарратив рассказов на части и заново перестраивать его под комиксный формат.

Также все адаптации объединяет то, что они выполнены в чёрно-белых тонах. Содержание рассказов поднимает сложные темы мироздания, отношения и взаимосвязь человека с природой, и цвет как сильный эмоциональный инструмент мог придать всему сборнику некую несерьёзность или вовсе причислить книгу к разряду детской литературы.

Обсуждение результатов. Первый рассказ, с которого начинается сборник – «Юшка». Адаптация выполнена Дмитрием Нестераком. Рассказ повествует о старике Ефиме Дмитриевиче (он же Юшка), который работает у кузнеца и болеет тяжёлой болезнью. Юшка является местным юродивым, над которым насмехается вся деревня, оскорбляет его, дети, следуя примеру взрослых, кидают камни в Юшку. Единственным человеком, кто любит и понимает Юшку, является сирота, которую Ефим Дмитриевич воспитал и вырастил. Постоянные издевательства приводят к смерти Юшки. «Юшка» – один из рассказов сборника, в котором главный герой не ребёнок, а наоборот – старик, но старик, который обладает по-детски открытой и чистой душой.

Адаптация выполнена в достаточно традиционной манере: ровные чёткие кадры, которые разделяют страницу на эпизоды. Комикс рассказывает историю, вычленяя самые динамичные моменты рассказа: работа Юшки в кузнице, где кадры показывают, как он ходит за водой, помогает кузнецу; встреча Юшки с детьми и взрослыми, где дети бросают в него камни, а взрослые избивают его и т. д. Наполнение кадров помимо нарративной составляющей определяется эмоциональным планом. Д. Нестерак использует для визуализации кадров моменты с наивысшим эмоциональным напряжением: издевательства детей и взрослых над Юшкой; один из кульминационных моментов, когда юродивый в споре с прохожим «осерчал в ответ», из-за чего и был избит до смерти; сцена прихода дочери Юшки на его могилу и т. д.

Также присутствует в тексте комикса шрифтовая акциденция. Речь местных жителей, когда они начинают избивать Юшку, в филактерах выделяется жирным шрифтом, показывая эмоциональность и агрессивность произносимой речи. Стиль рисунка в комиксе достаточно прост: это небрежные линии, похожие на обычные наброски.

Присутствуют в комиксе кадры, имеющие вневременные характеристики. Речь идёт о кадрах, в которых отсутствует привычная прямоугольная рамка. Каждое лето Юшка ходил через лес к сироте, которую он содержал, наслаждался благоуханием трав и «не скрывал более своей любви к живым существам». Момент похода Юшки по лесу описан на развороте, и на одном из кадров на его руку садится бабочка. Далее по сюжету, когда Юшка начинает спорить с мужиком о своём существовании, мужик бьёт старика в грудь, Юшка падает, и на всю следующую страницу разбиты кадры, в которых показано, как с руки Юшки взлетает бабочка. Кадры, показывающие эти моменты, симметрично распределены по всей странице и не имеют рамок. Этот же приём используется уже на следующей странице, где показаны похороны Юшки. В первом кадре изображены люди, которые присутствуют на похоронах, во втором – старик, который лежит в гробу. И в первом, и во втором случае безрамочность кадров показывает одновременность событий. Комикс, не имея возможности кинопанорамой показать место и передать атмосферу события, стирает границы у кадров,

стараясь слить кадры в один сплошной. Кадры разделяются только пробелом, но он уже играет важную роль – место для ментальной операции, где читатель может объединить кадры между собой, связать их семантически. Известный американский исследователь комиксов Скотт Макклауд писал об этой операции следующее: «Кадры разделяют время и пространство на череду отдельных моментов, проносящихся в ритме стаккато. Но домысливание (ментальная операция, проходящая в пространстве между кадрами) позволяет нам объединить эти моменты и мысленно сконструировать непрерывную, целостную реальность» [6, с. 67].

Нестандартно, в плане элиминирования рамок из кадров, выполнен рассказ «Цветок на земле». Привычные для комикса кадры отсутствуют в рассказе полностью, всё содержимое изображено на весь разворот.

Адаптация создана художником Антоном Савиновым и повествует о дедушке Тите и его внуке Афоне. Внук Афоня пытается узнать у дедушки, которому почти девяносто лет, «что есть самое главное на свете?». Рассказ достаточно прост по сюжету, Платонов не уделяет большого вниманию времени и месту, где проходит вся история, не называется и имя матери Афони. Об этом говорит и название рассказа, в котором не упоминается, название цветка. Главное, вокруг чего строится весь рассказ, – это вопрос Афони «что есть самое главное на свете?». В таком виде рассказ Платонова приобретает характер притчи.

Этим можно объяснить необычный характер комикса. Для комиксного нарратива очень важна динамика сюжета, постоянное развитие, которое в притче отсутствует. Поэтому в комиксе визуализируется абсолютно всё, что выполняет любое минимальное действие, например, остановка Афоней маятника на часах. Интересно визуализирован образ деда Тита. В рассказе Платонова дед предстаёт таким мудрецом, который находится в полной гармонии с природой, который прожил долгую жизнь и уже «всё знает». В комиксе дед изображён высоким, большим старцем, с длинной седой бородой, морщинистым лицом и, в общем, внешне напоминает отчасти стереотипный образ Бога. Борода деда Тита, как символ мудрости и знания, используется автором и для визуализации единства деда с природой – в моментах, когда дед с Афоней выходят из дома в поле, борода деда, наподобие полос со звуком часов, о которых было сказано выше, растягивается на все страницы, как бы сливаясь с поверхностью поля. И создаётся ощущение, что поле и борода деда – это одно и то же, что дополняет образ деда Тита как Бога.

Связь образов «старика» и «ребёнка» характерна для творчества А. Платонова. По словам Л. В. Червяковой: «Детство и старость – два полюса человеческого существования – соединяются, воплощая идею диалектического слияния “начала” и “конца”, что создаёт ощущение целостности и вечности жизни» [9, с. 270]. В этом плане интересно визуализирована работа часов-ходиков, которые убаюкивали деда: через некоторые страницы комикса, когда дед и внук находятся внутри дома, на развивающихся полосах, растянутых на всю страницу, написано «тик-так». Приём с визуализацией именно звука работы часов хорошо передаёт атмосферу вечности, а также в каком-то смысле состояние «вечного сна», в котором постоянно находится дед Тит. В таком состоянии безвременности и происходит взаимодействие «начала» и «конца», старика и ребёнка через постоянный вопрос Афони, спрашивающего у деда: «Что есть самое главное на свете?». О связи двух образов пишет и Е. И. Аюпова, цитирую самого А. Платонова: «…в платоновской мифопоэтике образ ребёнка на глубинном уровне связан с понятиями времени и вечности, с идеей соединения прошлого и будущего, о чём свидетельствует и сам писатель. Так, в статье “Клуб-школа” Платонов писал: “В ребёнке сосредоточено всё прошлое жизни, и в этом прошлом чуть очерчены контуры будущего, хрупкие фигуры ещё не бывшего, но возможного”» [2].

Большое внимание А. Савинов уделил деталям рассказа. Отец Афони – солдат на фронте, его мать каждый день уходит на работу – всё это изображено в комиксе, причём на первых страницах: мужчина в форме солдата и в каске, женщина, уходящая с сумкой из дома. Сбор цветов Афоней, обмен этих цветов на железный гребешок, вручение этого гребешка деду Титу. Наполнение комикса деталями рассказа позволяет комиксу сохранить сюжетную структуру и избежать трансформации в простое иллюстрирование диалога.

Несмотря на отсутствие динамики и развития в рассказе имеется большое количество диалогов. По сути, весь рассказ – это один длинный диалог деда Тита и Афони. Вербальная основа комикса – это диалоги и монологи, что позволило достаточно полно перенести текст оригинала в комикс, не

меняя последовательности повествования. Иначе же дело обстоит с комиксом «Корова».

Адаптация рассказа «Корова» создана художником Леонидом Блюммером. Это единственная адаптация всего сборника, в которой изменён ход повествования. Изменению поддаётся только малая часть, самое начало рассказа, но, несмотря на небольшой объём изменённой части, трансформация текста очень показательна.

Рассказ повествует о мальчике Васе Рубцове, сыне путевого сторожа. У семьи Васи есть корова, у которой родился телёнок. Из-за болезни телёнка отец Васи сдаёт телёнка на мясо. После смерти своего телёнка корова перестаёт есть, плохо работает и в итоге попадает под поезд.

Повествование в оригинале рассказа начинается с описания жизни Васи, его быта и отношений с коровой. Далее по сюжету Вася встречается взглядом со случайным пассажиром поезда, после чего идёт встречать вечерний поезд. Адаптация начинается со встречи Васи со случайным пассажиром, которого художник изобразил в виде самого Платонова. После этого следуют кадры, рассказывающие о жизни Васи, о корове, о больном телёнке, и встреча Васей вечернего поезда. Все кадры располагаются на одном развороте и сопровождаются минимальным количеством текста.

Вступление рассказа в оригинале содержит в себе только текст автора, нарратора, который описывает жизнь Васи Рубцова. Комикс в этом плане относится к жанрам, которые не имеют в своём повествовании нарратора, поэтому изобразить чистый авторский текст комиксному нарративу крайне сложно. Имеется ряд художественных приёмов, который позволяет внедрить текст автора в комикс. Один из таких использует Л. Блюммер – показ общего плана, приём используется и в кинематографическом нарративе. Употребление такого приёма характерно в самом начале комиксного повествования, для введения читателя в историю произведения, часто такие кадры сообщают о времени, где происходит действие, о месте событий, о главных героях и т. д. Так в кадрах изображены корова с телёнком в сарае, отец Васи, который ведёт телёнка к ветеринару, мчащийся вечерний поезд. В дальнейшем комикс полностью следует оригиналу и заканчивается, как и в оригинале, сочинением Васи в школе.

Рассказ А. Платонова «Корова» демонстрирует ещё одну черту детского мировосприятия – любовь к миру, неравнодушие ко всему вокруг. «Ребёнок стремится постичь сущность жизни и всех живых существ – именно эта черта отличает многих малолетних платоновских героев… Ребёнок пытается постичь некое глубинное родство всего сущего, найти в окружающих объектах что-либо родственное своей душе» [1]. Так, Вася Рубцов бескорыстно стремится помочь машинисту поезда, тяжело воспринимает новость о смерти телёнка, пытается всеми силами помочь корове, которая перестала есть. Это и определило эмоциональную наполненность кадров. К примеру, кадр, когда Вася узнаёт о том, что корова попала под поезд, выглядит следующим образом: Вася стоит в центре кадра в полный рост, уронив портфель на пол и, потирая глаза кулаками, собирается плакать. Интересно, что в кадре полностью отсутствует фон, что акцентирует внимание на расстроенном Васе, тем самым вычленяя важный эмоциональный компонент рассказа.

Присутствие в оригинальном рассказе большого количества авторского текста и небольшого числа диалогов определяет сложную раскадровку комикса. В адаптации присутствует множество кадров, размещенных вне рамок. Также имеются кадры, отделенные от основного массива кадров, кадры, размещенные не в привычных прямоугольных рамках, а в круглых. Например, резкое торможение поезда помещено в зигзагообразные рамки, что передает резкость действия, его моментальность и динамику. Таким сильным разделением кадров художник пытается как можно полнее перенести сюжет оригинала в комикс. Это можно назвать своеобразным приемом, позволяющим перенести авторский текст в невербальный формат, и речь идет не только об изображении в привычном смысле, но и о символах, знаках, формах линий. Такое повествование существенно усложняет восприятие комикса для читателя неподготовленного, поскольку привычное последовательно восприятие кадров исчезает, и чтение должен выстраивать сам читатель, выбирая кадры интуитивно.

Рассказ, закрывающий сборник, называется «Неизвестный цветок». Адаптация создана Дмитрием Нарожным. Комикс достаточно мал по объему и примечательно то, что в нем полностью отсутствует вербальная часть. Оригинал, по которому создан комикс, является сказкой, о неизвестном цветке, который сумел вырасти среди пустоши и глины. Рассказ перекликается с другим рассказом сборника – «Цветок на земле». Оба рассказа повествуют о цветке, который, несмотря на

все невзгоды и непогоду, вырастает на земле и, погибая, дает жизнь другим цветам. Параллель можно провести не только в сюжете: рассказы А. Платонова похожи по своему характеру на более малые формы – на притчу и на сказку. Разница лишь в том, что притча «Цветок на земле» рассказывает, в чём заключается «самое главное дело», а в сказке «Неизвестный цветок» к этой мысли читатель должен прийти сам.

Так же, как и в комиксе «Корова», автор «Неизвестного цветка» столкнулся с наличием большого объёма речи автора и практически полным отсутствием текста персонажей. Как и Л. Блюммер, Д. Нарожный использует приёмы общего плана. Поскольку ведущий для комикса текст персонажей отсутствует, автору потребовалось в буквальном смысле слова визуализировать всё, что описывает А. Платонов, тем самым авторский текст практически целиком переходит в невербальный вид. Полное отсутствие вербальной составляющей значительно затрудняет понимание содержания комикса для читателя, который незнаком с оригиналом, так как не весь текст автора возможно изобразить визуально, например, абстрактные выражения, понятия, описывающие время, и т. д. Это значит, что некоторая смысловая часть, вложенная автором в оригинал, теряется при таком категоричном переносе нарратива из вербального в невербальное состояние. Потеря авторских смысловых нагрузок может привести не только к затруднённости восприятия некоторых моментов, но и в целом к непониманию излагаемого в произведении.

Малый объём оригинала адаптации, использование общих планов, отсутствие вербального нарратива – всё это повлияло на определённое расположение кадров. В комиксе всего два разворота, и оба они дублируют друг друга. Левая сторона разворота в три длинных кадра рассказывает предысторию появления цветка и создания местности, в которой ему предстоит расти, правая сторона разворота в пяти кадрах показывает, как Даша находит цветок. В первой части комикса Даша находит цветок, который вырос на пустоши под камнем, во второй – Даша ищет цветок на том же месте спустя год. При этом комикс имеет достаточно простую рисовку с правильными пропорциями, напоминающую изображения из детских книг, а также ровные, прямоугольные формы кадров. В таком виде комикс-адаптация Д. Нарожного выступает, скорее, в форме иллюстраций оригинала сказки А. Платонова, нежели самостоятельной комикс-адаптации, и в данном случае представляет авторское видение сказки.

Заключение. Таким образом, сохраняя сюжеты рассказов А. Платонова, художники сборника графических адаптаций представляют известные рассказы писателя в новой, не свойственной рассказу манере, и продолжают поиск новых путей взаимодействия литературы с изобразительным искусством. Несмотря на то, что комикс по-прежнему остаётся для российского читателя явлением чужим и непринятым, данный сборник адаптаций делает большой вклад в становление комикс-культуры в России в целом.

Список литературы

1. Антанасиевич И. Адаптация русской классики в комиксах королевской Югославии // Научный результат. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. 2016. Т. 2. № 1.

2. Аюпова Е. И. Концепт «ребёнок» в рассказ Андрея Платонова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. № 30. С. 17–22.

3. Брагина Н. Н. Мироздание А. Платонова: опыт реконструкции. Изд. 2-е, испр. и доп. Иваново: Талка, 2010. 416 с.

4. Ерофеев В. В. В лабиринте проклятых вопросов: эссе. М.: Союз фотохудожников России, 1996. 624 с.

5. Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург: УГПУ, 2010. 904 с.

6. Макклауд С. Понимание комикса. Невидимое искусство: пер. с англ. Kitchen Sink, 1993. 216 с.

7. Русский комикс / сост. Ю. Александров, А. М. Барзах. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 352 с.

8. Цветы на земле: графические адаптации рассказов Андрея Платонова / сост. А. Лахин, Д. Нестерак. Воронеж: Гротеск, 2015. 136 с.

9. Червякова Л. В. Детство как темпоральная категория в рассказах Платонова второй половины 1930–1940-х гг. // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5. С. 266–271.

10. Alaniz José Komiks: comic art in Russia. University Press of Mississippi, Jackson, 2010. 280 p.

Статья поступила в редакцию 03.08.2016; принята к публикации 06.10.2016

Библиографическое описание статьи

Юдин Л. А. Анализ сборника графических адаптаций рассказов А. Платонова «Цветы на земле» // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 29–35. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-29-35.

Lev A. Yudin,
Postgraduate Student,
South Ural State University
(76 pr. Lenina, Chelyabinsk, 454080, Russia),
e-mail: dalistar@yandex.ru

Analysis of the Collection of Graphic Adaptations of Short Stories by Andrei Platonov *Flowers on the Ground*

The object of the study in this article is a compilation of graphic adaptations *Flowers on the ground* based on the stories by Andrei Platonov. Stories *Yushka, Iron old woman, Tree of the motherland, Flower on the ground, The Return, The cow and unknown flower*. By the graphic adaptations we mean comics based on literary works. The graphic stories *Yushka, Flower on the ground, The cow and unknown flower* are analyzed in this article. The article describes the basic methods of transferring verbal narrative stories by A. Platonov in comics of nonverbal format. We highlighted features of adaptation of each story, such as segmentation of narrative into fragments, reducing the author's narration, the visual emphasis on the details, etc. Also, we analyzed the visual component of the graphic adaptation, namely, the lines and features color expression. All adaptations created by different artists, united by black and white colors, which allows comics not to conflict with the content of the stories, and to convey the philosophical component of the works by A. Platonov. Motif-figurative relationship of the graphic adaptations of short stories by Andrei Platonov and original novels is studied. The graphic stories preserved concept sphere of Andrei Platonov's creativity.

Keywords: comics, novel, non-verbal narrative, graphic adaptation, visuality, A. Platonov, narrative

References

1. Antanasievich I. Adaptatsiya russkoi klassiki v komiksakh korolevskoi Yugoslavii // Nauchnyi rezul'tat. Ser. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya. 2016. T. 2. № 1.
2. Ayupova E. I. Kontsept «rebenok» v rasskaz Andreya Platonova // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2008. № 30. S. 17–22.
3. Bragina N. N. Mirozdanie A. Platonova: opyt rekonstruktsii. Izd. 2-e, ispr. i dop. Ivanovo: Talka, 2010. 416 s.
4. Erofeev V. V. V labirinte proklyatykh voprosov: esse. M.: Soyuz fotokhudozhnikov Rossii, 1996. 624 s.
5. Leiderman N. L. Teoriya zhanra. Ekaterinburg: UGPU, 2010. 904 s.
6. Makklaud S. Ponimanie komiksa. Nevidimoe iskusstvo: per. s angl. Kitchen Sink, 1993. 216 s.
7. Russkii komiks / sost. Yu. Aleksandrov, A. M. Barzakh. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 352 s.
8. Tsvety na zemle: graficheskie adaptatsii rasskazov Andreya Platonova / sost. A. Lakhin, D. Nesterak. Voronezh: Grotesk, 2015. 136 s.
9. Chervyakova L. V. Detstvo kak temporal'naya kategoriya v rasskazakh Platonova vtoroi poloviny 1930–1940-kh gg. // «Strana filosofov» Andreya Platonova: problemy tvorchestva. M.: IMLI RAN, 2003. Vyp. 5. S. 266–271.
10. Alaniz José Komiks: comic art in Russia. University Press of Mississippi, Jackson, 2010. 280 s.

Received: August 03, 2016; accepted for publication October 06, 2016

Reference to the article
Yudin L. A. Analysis of the Collection of Graphic Adaptations of Short Stories by Andrei Platonov Flowers on the Ground // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 29–35. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-29-35.

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ

FOREIGN PHILOLOGY

УДК 894.341

Айнагуль Шабданбаевна Абдыраманова,
кандидат филологических наук, доцент,
Бишкекский гуманитарный университет
(720044, Кыргызстан, г. Бишкек, пр-т Мира, 27),
e-mail: a.abdyramanova@yandex.ru

О взаимосвязях кыргызской советской литературы периода «оттепели» и «застоя»

В статье рассматриваются процессы типологических схождений в произведениях русской и кыргызской литературы на примере «деревенской прозы», развивавшейся в период «хрущёвской оттепели» и «брежневского застоя». Анализ романа «Дыйкандар» («Дехкане») Ш. Абдыраманова в сравнительном ключе с использованием культурно-исторического и биографического методов исследования показал, что и по времени, и по мироощущению проблемы писателей-«деревенщиков» были созвучны мироощущению писателя Ш. Абдыраманова, сына дехканина, прожившего в селе половину жизни и хорошо знавшего проблемы села. В то же время единое историко-культурное пространство и партийный надзор предопределили оценку произведений и методы преследования и наказания авторов, выходящих за рамки дозволенного. Сравнительно-типологическое исследование романа Ш. Абдыраманова «Дыйкандар» и повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» как примера внутрилитературной связи привело к интересным выводам. Проблематика произведений во многом сходна, в обоих есть критика существующих реалий сельской жизни и партийного руководства, написаны они примерно в одно время (1968, 1966), но оценка и восприятие их критикой и партийной номенклатурой совершенно противоположная. В статье приводятся новые сведения, объясняющие причины такого расхождения. Таким образом, роман Ш. Абдыраманова «Дыйкандар» представлен в статье одновременно и как объект межлитературных и внутрилитературных связей советской литературы периода «оттепели» и «застоя».

Ключевые слова: литература «оттепели», «брежневский застой», межлитературные и внутрилитературные связи, типологические сходства, цензура, идеологический диктат, анализ художественного текста

Вводная часть. Прошедшее время, смена общественного устройства, новый взгляд на советскую действительность и многие другие факторы дают возможность новых подходов к анализу произведений периода «оттепели» и «застоя», к переоценке некоторых произведений. В своём интервью литературовед И. Куклин отмечает: «...мне кажется, необходимо демифологизировать многие явления советской истории, а для этого понять, что происходило с советским обществом на поздних этапах его развития, с 1950–1980-х годов» [3]. Культурно-исторический и биографический методы, ставшие основой исследования романа Ш. Абдыраманова «Дыйкандар» («Дехкане», 1968), объясняют факторы негативного восприятия этого произведения партийной номенклатурой и острой дискуссией литературоведов.

В советское время кыргызскую литературу называли «новописьменной», что придавало ей статус ученической. На начальном этапе становления это было вполне правомерно. Кыргызскую литературу можно назвать литературой «ускоренного развития», свидетельством тому стал выход произведений литературы на всесоюзную, а затем и мировую арену в течение 30–40 лет. Немалую роль при этом играли различные связи

© *А. Ш. Абдыраманова, 2017*

с русской классической, советской и мировой литературой.

Данные о методологии и методики исследования. Контактные и типологические связи представляют собой два взаимосвязанных аспекта сопоставительных исследований. «Анализ фактов проявления различных видов и типов этих аспектов на примере функционирования киргизско-русской преемственности свидетельствует о том, что диалектика межлитературных и внутрилитературных связей выступает в качестве одной из существенных составных частей движущих сил в системе национальной литературы», – отмечал в своей диссертации о влиянии русской классики на кыргызскую литературу известный исследователь К. Мамбеталиев [4, с. 5].

Результаты исследования. Как часть советской литературы наша литература прошла все этапы развития общесоюзного литературного процесса, со всеми положительными и отрицательными моментами. Тематика, проблематика советской литературы находили отражение и в кыргызской литературе чаще всего с некоторым временным промежутком. Этот промежуток составлял от 10 до 30 лет. Например, русский советский исторический роман формируется к 30-м – началу 40-х годов («Пётр I» А. Толстого, «Севастопольская страда» С. Сергеева-Ценского и др.). Первый исторический роман в кыргызской литературе «Сломанный меч» Т. Касымбекова вышел в 1960 году. Русский производственный роман формируется к 30-м годам XX века (Ф. Панферов «Бруски», В. Катаев «Время, вперёд!» и др.). Первый кыргызский производственный роман «Свет под землёй» С. Сасыкбаева вышел в 1958 г.

Случалось, когда кыргызская литература поднимала новую проблематику, например, первая повесть Ч. Айтматова «Лицом к лицу» (1957) с темой дезертирства, совершенно не разрабатываемой и закрытой ранее. «Айтматов пошёл против официозного представления о советском человеке, который всемерно воспевался, показал другую, изнаночную сторону» [1, с. 50]. В 1974 году издана повесть В. Распутина «Живи и помни», которая посвящена той же теме. Литературовед З. Г. Османова отмечает: «Айтматов в своё время в повести “Лицом к лицу” поставил сложнейшую проблему и предложил одно из многих возможных её художественных решений. Распутин, в свою очередь, продолжил художественное исследование аналогичной коллизии, обогатив другим, национальным, близким ему жизненным материалом, в духе художественных исканий советской литературы 70-х годов» [5].

Обратимся к роману Ш. Абдыраманова «Дыйкандар», как примеру межлитературных и внутрилитературных связей кыргызской литературы периода «оттепели» и «застоя». Это случай, когда произведение кыргызской литературы создавалось параллельно с деревенской прозой русских авторов и совпадало с ней по содержанию и духу.

В период «оттепели» в русской литературе формируется «деревенская проза», основной темой которой становится село и его изменения, отношения человека и природы, крестьяне, хранящие национальные традиции. Это произведения А. Солженицына, С. Залыгина, В. Белова, В. Шукшина, Б. Можаева 60-х годов. В обществе, где пролетариат являлся ведущей силой, крестьяне оставались в тени. Один из ярких «деревенщиков» Ф. Абрамов, отказавшись от лакировки действительности, призывал писать: «только правду – прямую и нелицеприятную» [2]. В. Распутин подчёркивал, что его обязанностью является рассказать о деревне, которая его вскормила и где он вырос.

При самых различных подходах к проблематике главным стало изображение богатого и разнообразного мира «уходящей» деревни, её жителей, традиций, мировидения. Острый критический взгляд на действительность не всех устраивал, произведения не раз повергались осуждению, запрещались в своё время. «По поводу очерка В. Абрамова “Вокруг да около” (1963) критик писал: “Озлобленная клеветническая позиция автора… грубое искажение жизни. Не критика недостатков, а смакование их”. Таких выводов, влекущих за собой наказание и снятие редакторов, было достаточно много» [6].

Для выяснения причин типологических схождений романа Ш. Абдыраманова с «деревенской прозой» обратимся к биографии писателя. Как и многие писатели советского времени, он обучался в Литературном институте им. А. М. Горького в период с 1964 по 1966 годы. Это время, когда литература становится ведущей формой общественного сознания, время культурных реформ, политических и идеологических кампаний, свидетелем которых становится писатель. Среди его сокурсников были Пётр Проскурин и Римма Казакова, внёсшие значительный вклад в развитие советской литературы. Писатель подчёркивал, что общение с передовыми преподавателями своего времени, такими как

Е. Примаков, молодыми писателями-единомышленниками оказало влияние на его мировоззрение. Эти факты жизни автора нашли отражение в его творчестве.

В романе «Дыйкандар» впервые критически рассматривается нелегкая судьба дехкан (крестьян) периода зрелого социализма, 50–60-х годов XX века, в воспоминаниях персонажей обозначены проблемы кыргызских дехкан ещё начала XX века.

Роман «Дыйкандар» был задуман и написан в период «оттепели», в период относительной свободы творчества, романтики «социализма с человеческим лицом». Проблемы писателей «деревенщиков» были созвучны мироощущению писателя Ш. Абдыраманова, сформировавшегося и прожившего в селе долгое время. Вместе с тем Ш. Абдыраманов своим романом отвечает на вопросы, поставленные перед литературой «оттепели». Какова роль советской интеллигенции в обществе? Каковы её взаимоотношения с партией? Эти вопросы важны для человека, проработавшего в сельской школе учителем, а затем директором школы десять лет [7].

Писатель был честен в изображении действительности, всё то, что описано в романе, существовало в реальности, это была голая и нелицеприятная правда. Вполне можно согласиться с мнением исследователя Д. Чокоевой о том, что по своим характеристикам такое представление действительности и главного героя ближе критическому реализму XIX века [10, с. 88].

Сразу после опубликования журнального варианта романа «Дыйкандар» вышла статья У. Укаева «Атына жооп бере албаган роман» («Роман, который не соответствует названию») в газете «Советтик Кыргызстан» («Советская Киргизия»). Суть статьи заключалась в том, что писатель показывает сплошные недостатки и не показывает силы, способные своевременно устранить их: «Романдын баш аягына чейин “колхоздук демократия тепсендиде калган”» («От самого начала и до конца романа превалируют выражения “колхозная демократия была растоптана”»); «бийлик кимдин колунда болсо, демократия ошонун колунда» («у кого власть, у того в руках и демократия»); «…деген биздин жаркын турмушубуга көзкөрүнөө ушак айтылган сөздөр үстөмдук кылат» («...которые возводят очевидные сплетни на нашу светлую жизнь») *(Перевод мой – А. А.)* [9, с. 176].

Время «брежневского застоя», когда роман был опубликован, характеризуется постепенным ужесточением цензуры, свёртыванием «свободы слова», преследованиями и гонениями на инакомыслящих. Роман обсуждался на уровне горкома, облисполкома и на республиканском уровне. Как много подобного рода примеров можно привести из советской литературы. Об этом писал ещё А. Т. Твардовский: «Как же было не в догадку – // Просто вызвать на бюро // Да призвать тебя к порядку, // Чтобы выправил перо!» [7]. Главному редактору журнала «Ала-Тоо», где роман был напечатан, автору знаменитого романа «Сломанный меч» Т. Касымбекову (этот роман также был переписан по указанию партийного руководства) был объявлен строгий выговор, Ш. Абдыраманова сняли с должности ответственного секретаря Ошского областного отделения Союза писателей.

Не только в период «застоя», но даже в период «оттепели» было запрещено критиковать Коммунистическую партию. Следуя этому указанию, местное руководство вынудило кыргызского писателя сделать цензурную правку и купюры текста. Фактически роман пришлось переписывать под диктовку бюро обкома партии (вспомним слова Секретаря Союза писателей СССР Александра Фадеева, который говорил, что надо следовать не влечениям сердца, а партийным установкам).

В переработанном виде роман вышел лишь в 1977 году и только потом был переведён на русский язык. В это время интерес к деревенской прозе угасал, время было упущено.

В процессе развития советской литературы случались вещи, на первый взгляд, необъяснимые. За два года до выхода романа Ш. Абдыраманова «Дыйкандар» в Москве опубликована повесть Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!»[1]. В ней главный герой Танабай борется за свою правду, против самоуправства председателя колхоза и районного прокурора. Писатель описывает тяжелейшие условия, в которых приходится работать чабанам. Танабай выступает против приписок, против методов руководства колхозом и районом, выявляет вину и разоблачает виновников, его несправедливо обвиняют в растрате государственного имущества, лишают партийного билета. Много усилий потребовалось Танабаю для восстановления справедливости, восстановления в партии.

Многое из перечисленного есть в романе «Дехкане» Ш. Абдыраманова: критика методов партийного руководства, недостатков в

[1] Айтматов Ч. Прощай, Гульсары! // Ранние журавли / Ч. Айтматов. – Фрунзе: Мектеп, 1984. – 494 с.

управлении сельским хозяйством; примеры приписок и полнейшего самоуправства председателя; противостояние председателя колхоза и главного героя. При этом оценка повести Ч. Айтматова была абсолютно другой (в 1968 году Ч. Айтматов получает Государственную премию за повесть «Прощай, Гульсары!»), чем романа Ш. Абдыраманова.

Исследователь Б. Шамшиев в своей статье о творчестве Шабданбая Абдыраманова задаётся вопросом, почему схожий по тематике с повестью Ч. Айтматова роман «Дыйкандар» был подвергнут столь сильной критике? И тут же приводит пословицу: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку» [11, с. 91]. В этом есть логика. Обратимся к статье «Советская культура в период оттепели и застоя», в которой говорится: «Усиление административного нажима можно проследить в различных сферах культурной жизни. Трудные, порой невыносимые условия создавались для работы педагогов-новаторов, *вне критики оказывались произведения или научные работы авторов, занимавших высокие посты» (выделено мной – А. А.)* [7, с. 4]. К моменту публикации повести «Прощай, Гульсары!» (1966) Ч. Айтматов был лауреатом Ленинской премии за сборник «Повести гор и степей» (1963); была издана повесть «Джамиля» (1958), принёсшая мировую славу, сняты художественные фильмы по повестям «Джамиля» режиссёра А. Кончаловского, «Зной» («Верблюжий глаз») Л. Шепитько. Кроме того, с 1964 по 1986 годы Ч. Айтматов был первым секретарём Союза кинематографистов Кыргызстана.

Ш. Абдыраманов приводит примеры отрицательных методов партийного руководства не только местного, районного, но и областного уровня. Главный герой Садык Балбаков – главный экономист колхоза – ищет правду на уровне республиканском, что означает критику действий более высоких эшелонов власти. Наконец, с большим трудом правда восторжествовала..., но Садык умирает от разрыва сердца, так и не дождавшись справедливости. Это в первоначальном варианте. В переработанном – Балбаков остаётся в живых, правда торжествует, а виновные наказаны.

Ч. Айтматов заострил внимание на морально-нравственных страданиях Танабая после исключения из партии. Ш. Абдыраманов – на примерах физического воздействия на чабана Шалпыка, ослушавшегося председателя Балтабаева: на собрании колхозников его исключают из колхоза за якобы прогулы, в выдаче паспорта ему отказывают, поэтому он не может выехать на работу в город. Только что отстроенный дом, разравнивают с землёй. Шалпык вынужден вернуться на работу, а больная жена (из-за чего Шалпык отказывался быть чабаном) вскоре умирает. Бездушие председателя колхоза видится в отсутствии чувства вины, в «благодеянии» (выделяет деньги на похороны) после долгих нравоучений.

Автор подробно и со знанием дела описывает факты приписок в колхозе: в сборе хлопка, когда для выполнения плана используются неучтённые поля или участки из других колхозов, когда для выполнения плана, чтобы взять от каждой овцематки по 200 голов ягнят, приписываются неучтённые стада овец или ягнята берутся у других чабанов и т. д.

Одной из проблем, выдвигаемых русскими писателями-«деревенщиками», было представление сельского жителя как нового идеала. В романе «Дыйкандар» есть два образа крестьян, их судьбу автор прослеживает от самого детства – кыргыз Минбай и узбек Мамажан-буба. Отношение этих людей к природе, знание секретов земледелия, их нравственная позиция и человеческие качества являются для автора традиционными, настоящими и правильными. «Жизнь Минбая неразрывно связана с этой землёй, с запахом пыли. Вся суть жизни его – эта земля. Он жил ради этой земли. Потому и жизнь его прошла беспокойно, скандально. Иногда жизнь брала за загривок и давила, иногда Минбай взнуздывал её... И всё из-за земли. Минбай никогда не был равнодушен к ней»[1] *(Перевод мой – А. А.)*.

Главная мысль романа заключена в том, что земля должна принадлежать таким дехканам, которые знают её секреты, знают, как на ней работать во взаимодействии с природой. В романе приводится случай, когда партийный функционер, желающий быстрее вырастить урожай хлопка, приказал каждый день поливать поле, хлопок быстро вырос в 2 метра, но урожай был погублен, была нарушена техника полива. В повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» примерно об этом говорит Танабай: «Колхозом вроде не сами колхозники управляют, – а кто-то со стороны. Точно бы со стороны виднее, что делать, как лучше работать, как вести хозяйство. Крутят, вертят хозяйство то так, то эдак, а толку никакого»[2].

[1] Абдыраманов Ш. А. Дыйкандар: роман // Ала-Тоо. – 1968. – № 6. – С. 43.

[2] Айтматов Ч. Прощай, Гульсары! // Ранние журавли / Ч. Айтматов. – Фрунзе: Мектеп, 1984. – С. 334.

Заключение. Таким образом, критический подход к изображению жизни села и сельчан, характерный для «деревенской прозы» периода «оттепели» и «застоя», неоднозначная их оценка и восприятие, преследования и способы наказания как типологически сходные явления отражаются в судьбе кыргызского писателя Ш. Абдыраманова и его романе «Дыйкандар». Автор отказался от приукрашивания действительности, заострил внимание на тяжёлой судьбе кыргызского земледельца. Если в конце XIX века дехканин оказался под двойным гнётом – местной власти и русских переселенцев, поддерживаемых русским царём, – то и в описываемое время положение крестьян не лучше. Земледелец страдает от самоуправства своего председателя и партийных чиновников разного уровня. Писателя волнует отход от земли, бездарное руководство, приводящее к обнищанию села, расхождение слова и дела, которые стали нормой жизни.

Произведения русской «деревенской прозы» глубоко исследовались и нашли достойное место в современной русской литературе. Разностороннее исследование романа Ш. Абдыраманова и определение его роли и места в кыргызской литературе ещё ждёт своего часа. Работа по пересмотру и переоценке произведений советского периода в кыргызском литературоведении ещё далеко не завершена.

Список литературы

1. Абдыраманова А. Ш. Поэтика современных кыргызских повестей (70–80-х гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Бишкек, 2002. 163 с.

2. Абрамов Ф. Люди колхозной деревни в послевоенной прозе // Новый мир. 1954. № 4. С. 210–231.

3. Куклин И. Сегодня – время ускоренного развития литературы [Электронный ресурс] // Урал. 2013. № 5. Режим доступа: http://www.dusch2.ru/ural/2013/5/k14.html (дата обращения: 13.04.2016).

4. Мамбеталиев К. Идейно-художественное обогащение киргизской советской прозы и наследие русской классики: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Фрунзе, 1987. 187 с.

5. Османова З. Г. О взаимосвязи и взаимовлиянии литератур народов СССР // Литература в школе. 1976. № 1. С. 36–45.

6. Отечественная литература XX века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.shporiforall.ru/otechestvennaya-literatura-20-veka/18-tema-derevni-v-proze-60-x-i-80-x-godov-v-belov-f-abramov-v-rasputin-v-astafev-b-mozhaev.html (дата обращения: 16.10.2016).

7. Советская культура в период «оттепели и «застоя» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http//www.cultnow. ru/hooms-587–1.html (дата обращения: 20.04.2016).

8. Твардовский А. Т. Поэмы. М.: Книжная палата, 1988. 313 с.

9. Укаев К. У. Ыр нөшөрү: адабий сын макалалар. (Ливень из песен: литературно-критические статьи). Фрунзе: Кыргызстан, 1982. 232 с.

10. Чокоева Д. Ч. Шабданбай Абдырамановдун «Дыйкандар» романынындагы чындык жана социалисттик реализм (Правда и социалистический реализм в романе Ш. Абдыраманова) // Кыргыз тили жана адабияты. 2011. № 18. С. 87–90.

11. Шамшиев Б. Ш. Шабданбай Абдырамановдун корком ааламы (Художественный мир Шабданбая Абдыраманова) // Кыргыз тили жана адабияты. 2011. № 18. С. 90–93.

Статья поступила в редакцию 23.10.2016; принята к публикации 30.01.2017

Библиографическое описание статьи

Абдыраманова А. Ш. О взаимосвязях кыргызской советской литературы периода «оттепели» и «застоя» // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 36–41.

Ainagul Sh. Abdyramanova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Bishkek Humanitarian University
(27 pr. Mira, Bishkek, 720044, Kyrgyzstan),
e-mail: a.abdyramanova@yandex.ru

On Interrelation of the “Thaw” and “Stagnation” Periods in Kyrgyz Soviet Literature

The article considers processes of typological mergers in Russian and Kyrgyz literature works taking as an example the “rustic prose”, which used to flourish during “Khrushchev’s Thaw” and “Brezhnev’s Stagnation” periods. The comparative analysis of the novel *The Peasants* by Sh. Abdyramanov was accomplished using cultural, historic and biographic methods; it showed that issues highlighted by “rustic” writers were in sync with the times and outlooks of Sh. Abdyramanov, who was a peasant’s son, lived half of his life in the country and was aware of issues bothering

it. At the same time single historic and cultural expanse and the Communist Party's total control predestined estimation of works and punishment methods for authors who dared to step out of line. Comparative and typological analysis of the novel *The Peasants* by Sh. Abdyramanov and *Farewell, Gulsary!* by Ch. Aitmatov as an example of intra-literary ties led to an interesting conclusion. Both works cover similar range of issues, both convey criticism of day-to-day realities of rural life and the Party leadership, both were written around the same time (1968, 1966), but their estimation and perception by critics and the Party bosses was totally inverse. The article contains new findings explaining the reasons for such a divergence. Thus, in the article the novel *The Peasants* by Sh. Abdyramanov appears both as an object of inter-literary and intra-literary ties of the Soviet literature of the "Thaw" and "Stagnation" periods at the same time.

Keywords: the "Thaw" period literature, "Brezhnev's Stagnation", inter-literary and intra-literary ties, typological similarities, censorship, ideological dictate, literary text analysis

References

1. Abdyramanova A. Sh. Poetika sovremennykh kyrgyzskikh povestei (70–80-kh gg.): dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.02. Bishkek, 2002. 163 s.

2. Abramov F. Lyudi kolkhoznoi derevni v poslevoennoi proze // Novyi mir. 1954. № 4. S. 210–231.

3. Kuklin I. Segodnya – vremya uskorennogo razvitiya literatury [Elektronnyi resurs] // Ural. 2013. № 5. Rezhim dostupa: http://www.dusch2.ru/ural/2013/5/k14.html (data obrashcheniya: 13.04.2016).

4. Mambetaliev K. Ideino-khudozhestvennoe obogashchenie kirgizskoi sovetskoi prozy i nasledie russkoi klassiki: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.02. Frunze, 1987. 187 s.

5. Osmanova Z. G. O vzaimosvyazi i vzaimovliyanii literatur narodov SSSR // Literatura v shkole. 1976. № 1. S. 36–45.

6. Otechestvennaya literatura KhKh veka [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.shporiforall.ru/otechestvennaya-literatura-20-veka/18-tema-derevni-v-proze-60-x-i-80-x-godov-v-belov-f-abramov-v-rasputin-v-astafev-b-mozhaev.html (data obrashcheniya: 16.10.2016).

7. Sovetskaya kul'tura v period «ottepeli i «zastoya» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http//www.cultnow.ru/hooms-587-1.html (data obrashcheniya: 20.04.2016).

8. Tvardovskii A. T. Poemy. M.: Knizhnaya palata, 1988. 313 s.

9. Ukaev K. U. Yr nəshərɣ: adabii syn makalalar. (Liven' iz pesen: literaturno-kriticheskie stat'i). Frunze: Kyrgyzstan, 1982. 232 s.

10. Chokoeva D. Ch. Shabdanbai Abdyramanovdun «Dyikandar» romanynyndagy chyndyk zhana sotsialisttik realizm (Pravda i sotsialisticheskii realizm v romane Sh. Abdyramanova) // Kyrgyz tili zhana adabiyaty. 2011. № 18. S. 87–90.

11. Shamshiev B. Sh. Shabdanbai Abdyramanovdun korkom aalamy (Khudozhestvennyi mir Shabdanbaya Abdyramanova) // Kyrgyz tili zhana adabiyaty. 2011. № 18. S. 90–93.

Received: October 23, 2016; accepted for publication January 30, 2017

Reference to the article

Abdyramanova A. Sh. On Interrelation of the "Thaw" and "Stagnation" Periods in Kyrgyz Soviet Literature // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 36–41.

http://www.zabvektor.com ISSN 1996-7853 ISSN 2542-0038 (Online)

УДК 801.73:82-1=22
DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-42-48

Анна Владимировна Березина,
доктор философии, старший преподаватель,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел России
(119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76),
e-mail: a.berezina@inno.mgimo.ru

Эволюция образа мужчины в лирике Форуг Фаррохзад

Данное исследование направлено на заполнение лакун, существующих в анализе художественных текстов иранской поэтессы Форуг Фаррохзад, ярчайшей представительницы нового течения «ше'р-е ноу» («новой поэзии»), в частности, на выявление эволюции женского восприятия второго компонента бинарной системы. Методологической основой работы стал инструментарий феминистской литературной критики. Присутствие образа мужчины в поэзии Форуг – естественное и необходимое условие для транслирования любви, квинтэссенция жизненной философии автора. Данный собирательный образ многолик и естественно эволюционирует параллельно со становлением самой поэтессы по мере накопления жизненного опыта, трансформацией её самосознания, так как транслируется читателю через субъективную действительность и личностное восприятие автора. В её ранних стихотворениях образ мужчины лишён конкретного материального воплощения, его концептуальную основу составляет проекция эмоционального состояния женщины. Представлены привычные архетипы бинарных компонентов, их типичные роли и культурно-смысловые коды в пределах традиционного патриархального мировоззрения. В поздней лирике Форуг отказывается от философии андроцентризма, демонстрируя дихотомичное единство изначально оппозиционных элементов, перестановку гендерных партий, классических характеристик первообразов, синкретизм определяющих их черт. В ходе исследования был проанализирован весь поэтический материал Форуг Фаррохзад, а представленные стихотворения впервые переведены на русский язык автором статьи. Результаты исследования могут быть полезны востоковедам и литературоведам и использованы в ходе реализации учебных программ филологических дисциплин.

Ключевые слова: Форуг Фаррохзад, феминистская литературная критика, образ мужчины, гендерный дискурс, феминность, маскулинность

Вводная часть. Форуг Фаррохзад (1934–1967) [3, с. 180] – поэтесса-новатор в современной персидской поэзии, чья самобытная манера письма открыла читателям ранее неизвестные грани женской лирики: иное восприятие реальности, демонстрацию сугубо личных ощущений, выявление конфликта «женщина – социум» и др. Её небезосновательно считают самой успешной преемницей, первой женщиной-продолжательницей поэтической манеры Нимы Юшиджа, называемой в Иране «новой поэзией» («ше'р-е ноу»). Под этим термином в литературоведении принято понимать не только новую, свободную форму стиха, но и новую проблематику, видение явлений мира, образность и способы организации словесного материала [6, с. 7]. Также названное художественное течение характеризуется изобилием индивидуально-авторских семантических и лексических неологизмов и окказионализмов. Именно творчество Фаррохзад спровоцировало очередной эволюционный скачок в развитии литературно-критической мысли, расширив диапазон исследования и сгенерировав принципиально иной подход к анализу художественного текста. Хотя иранские литераторы моментально отреагировали на новое слово в «женской поэзии», однако упомянутый «скачок», с точки зрения становления научного знания, методологии и школы, оказался несколько отложенным во времени – феминистская литературная критика сформировалась в Иране лишь около двадцати лет назад.

В общем контексте этот вид литературной критики исходит из того, что каждое из созданных литературных произведений несёт на себе неизгладимый мировоззренческий код его автора. Проводя исследования любого словесного материала, нельзя пренебрегать влиянием, которое оказывает на текст пол творца, и анализировать произведения, созданные женщинами, вне гендерного дискурса. Феминистская литературная критика

© А. В. Березина, 2017

образует мощный идейно-эстетический принцип воссоздания и осмысления бытийности, реализующийся через обращение к образу женщины.

Объект и методика исследования. Ключевым звеном в спектре гендерных исследований остаются выраженные в творчестве взаимоотношения внутри двоичной оппозиции «мужчина – женщина». К предмету анализа данного большого смыслового блока в рамках феминистской литературной критики можно отнести и выявление стереотипности взаимосвязей элементов, и репрезентирующие мужчину лексические средства, и интерпретацию относящихся к конкретному денотату коннотативных значений, и моделирование поэтессами собирательного образа. Данное исследование направлено на заполнение лакун, существующих в анализе поэтических текстов Форуг Фаррохзад, в частности, выявление женского восприятия второго компонента бинарной системы, применяя методологию и инструментарий феминистской литературной критики.

Прежде, чем приступить непосредственно к анализу художественного материала, следует отметить, что, докатившись до Ирана в конце XIX века, волна феминизма столкнулась с национальными воззрениями, укладом жизни, большей когерентностью общественного устройства и религии. Идеи феминизма не заняли лидирующих позиций на философской и научной почве, подверглись воздействию национальных культурных ценностей, порождая разночтения и интерпретации признанного на Западе учения. По мнению иранского исследователя феминизма М. Гупранлу, в Иране феминизм и гендерный дискурс подверглись реструктуризации, что исключило гегемонию данного течения [4, с. 42]. В своих работах ведущие иранские исследователи феминизма Парвин Пайдар, Махбубе Аббаси-заде, Алиакбар Мехди доказывают, что феминизм в Иране существует в адаптированной под местный менталитет и реалии форме [7, с. 32]. Поэтому на начальном этапе литературная критика произведений Форуг сводилась к критике интимной лирики с элементами автобиографии, пропущенной через фильтр гегемонного маскулинного сознания, сложившегося в патриархальном обществе, безотносительно к идейной эстетике женского художественного слова.

Поэзия Фаррохзад, как правило, сводится к частностям, порождая тем самым не всегда комплиментарную оценку критиков – консервативное иранское общество оказывается не готовым к демонстрации духовной обнажённости женского естества. «Камерность» её стихотворений, общая направленность вовнутрь, превалирующие сентиментальные настроения, интимный исповедальный характер письма, введённые Форуг и ставшие позже неизменными атрибутами женской новой поэзии в Иране, позволяют критикам сосредоточиться на исследовании в первую очередь культурно-психологического аспекта феминистской литературы.

Жизнь поэтессы описана в разных источниках, в том числе некоторых русскоязычных, из которых известно, что опыт перенесённых жизненных потрясений Фаррохзад талантливо отражала в своих произведениях. Её поэзия хотя и охватывает широкий круг мотивов, волнующих поэтессу и частично относящихся к философскому канону классической персидской поэзии, глубоко лирична и интимна, что уже само по себе открывает исследователям новый, «женский» ракурс в аналитике представленного этнокультурного поля. Восприятие лирики на персидском языке может вызывать определённые сложности из-за отсутствия грамматической категории рода. Однако относительно творчества Фаррохзад вопрос корректной перцепции снимается благодаря таким необходимым атрибутам женского письма, как восприятие и анализ бытийности с позиции феминной субъективности, проявление инстинктивной природы женщины и чувственности, описание материнского инстинкта, нелёгкой женской доли, лексического выражения присутствия посредством описания будуара, личных вещей и туалетных принадлежностей [3, с. 186]. В отдельных случаях она открыто высказывает феминистские идеи о гражданско-правовом равенстве женщин и мужчин, активно призывает женщин бороться за свои права, предлагая в качестве безотказного оружия «пить кровь мужчин», то есть выстраивать жёсткую линию поведения с ними [2, с. 471].

Результаты и их обсуждение. Эмоционально-психологическое состояние героини в лирике Форуг отражает её отношения с мужчинами, входившими в ближайшее окружение поэтессы в разные периоды жизни: супругом Парвизом Шапуром, с которым она развелась после трёх лет брака; сыном Камьяром, которого у неё отобрали после развода; кинопродюсером Эбрахимом Голестаном, ставшим её второй и последней любовью [3, с. 181, 184]. Из писем Форуг известно, что её отец, Мохаммад Фаррохзад, который служил полковником при Реза-шахе, не принимал

творческих поисков дочери, оказывал на неё огромное психологическое давление, ущемляя естественное стремление к свободе и независимости [5, с. 275].

Мужчина обнаруживает своё присутствие практически во всей лирике Фаррохзад и в качестве реального объекта любви, и как форма собственного истолкования определённого эстетического идеала, образа-переживания. Данный собирательный образ маскулинности многолик и естественно эволюционирует параллельно со становлением самой поэтессы по мере накопления жизненного опыта, с трансформацией её самосознания, так как транслируется читателю через субъективную действительность и личностное восприятие автора.

Следует отметить, что в лирике поэтессы мягким протестом звучит мотив тождественности, однoприродности женщины и мужчины: они созданы по одному образу и подобию, обладают аналогичными мыслями и чувствами, поэтому женщине не чуждо стремление к независимости и самоутверждению [1, с. 90]. Лирический герой не является смысловой доминантой общего поэтического контекста, мы не обнаруживаем его прямого описания, внятного речевого портрета. Однако в нём видится источник абсолютного большинства душевных порывов Форуг, тем самым читателю и критику предлагается конструирование дополнительных смыслов в рамках заданных текстом условий, делая ссылки на сопутствующие обстоятельства, в частности – переживания и эмоциональное состояния героини. Рассмотрим способы его репрезентации в разные периоды жизни Форуг Фаррохзад.

Поэтические строки дебютного сборника стихотворений «Асир» («Пленница»), изданного в 1955 году, фиксирует уверенное присутствие мужчины, как неотъемлемого элемента полноценной жизни женщины, главным образом в качестве второго компонента, необходимого для физического проявления любви. Однако большинство стихотворений несёт оттенок трагичности, нередко мужской образ наделён негативными характеристиками, как-то: неверностью, неискренностью, двуличностью; он призван лишь соблазнять и совращать, вызывать у женщин приземлённые желания, чрезмерно проявлять чувственность:

Нужно смешать аромат его тихого поцелуя
С восторженным стоном,
В волосы той женщины-ведуньи
Пролить исступлённо любовь и страсть.
Нужно испить вино поцелуя
Из чаши обманчивых губ,
Охмелев, приникнуть и успокоиться
В пристанище красивой груди[1].

Взаимоотношения внутри дуалистической пары находят лексическое выражение через атрибуты плотского начала: «поцелуй» («бусэ»), «страсть» («хавас»), «стон» («нале»), однако в сочетании с традиционными поэтическими и даже суфийскими символами: «любовь» («эшг»), «вино» («шараб»), «тэкиегах» («пристанище») стихотворение обретает некую гармонию и одухотворённость. Форуг свойственно умелое комбинирование платонического и телесного, возвышенного и земного, причём всё духовное исходит главным образом от женщины – ей присущи переживания, терзания и душевные муки. Разграничивая основные задачи и распределяя гражданские роли, поэтесса руководствуется доминирующей патриархальной картиной мира: муж отвечает за материальные блага семьи, в то время как жена является создательницей здорового эмоционально-духовного климата в доме. Однако иногда встречаются и примеры «самобичевания», в которых героиня Фаррохзад примеряет нехарактерный для неё образ виновницы в разлуке:

Словно дитя, раскаявшись, помчалась,
Чтоб презренно кинуться ему в ноги,
Чтоб сказать, что безумною была.
Смилостивишься ли надо мною?

Наблюдается трансформация характерных для мужчины и женщины гендерных ролей: он становится жертвой в отношениях, отверженный героиней, а она уходит от своей роли, активно проявляя маскулинную природу. Однако в приведённом отрывке мы имеем дело с косвенной демонстрацией данной инверсии – собственно моментом покаяния, возвращением к привычным репрезентантам гендерного признака, что позволяет сделать вывод о «мнимой маскулинизации» женского образа. Традиционно номинальное присутствие лирического героя лишает рассматриваемый художественный материал и намёка на отображение «феминизации» мужчины (то есть наделение его психическими признаками, присущими женскому полу, и несвойственными ему гендерными ролями), следовательно, культурологического дисбаланса.

[1] Все стихотворения, приведённые в статье, взяты из книги: Фаррохзад Ф. Полное собрание стихотворений. – Тегеран: Марз-е фекр, 2004. – 390 с. Здесь и далее перевод А. В. Березиной.

Крайне редко в ранней поэзии Фаррохзад появляются позитивные дескрипции героя, в художественный текст вводятся такие эпитеты, как «совершенный», «благородный». Поэтесса применяет подобные атипичные для своей лирики описания мужчины в минуты разлуки с любимым, когда душа её переполнена нежностью и тихой тоской, когда она пишет о том, как сильно скучает:

Город на берегу ревущей реки,
Где спутанные пальмы и лунные ночи,
Город на берегу реки и моего сердца,
Где была в плену объятий гордого мужчины...

Приём идеализации в творческой деятельности принято считать выходом автора за рамки обыденного мышления, более глубоким постижением реальности. Светлые воспоминания о былых счастливых временах, ностальгия по утраченному – гармонии с природой, уютному родному дому, внутреннему ощущению блаженства, духовному единству с партнёром – оживляют щемящее чувство в груди. Форуг снова мысленно оказывается во власти лирического героя, становится его пленницей, по сути, жертвой, сознаваясь в принятии сложившихся в обществе гендерных ролей. Такая психологическая установка совпадает с устойчивой в современном Фаррохзад обществе нормой гегемонной маскулинности в соответствии с мужским хабитусом лидерства и доминирования.

Мужская «гордость», или «гордыня», выраженная в персидском языке одной лексемой «горур», подаётся поэтессой в позитивном либо негативном ключе; и колебание чаши весов всецело зависит от единственного фактора – наличия у героя нежных чувств к героине. В рассматриваемом поэтическом отрывке «гордость» мужского образа воспринимается как положительно окрашенное свойство, тождественное самоуважению, чувству собственного достоинства. Отсюда делаем вывод о наличии взаимной любви у людей с психотипами «жертвы» и «хищника»:

Знаю, чего хочу от жизни –
Быть тобой, тобой... с головы до ног тобой.
Если жизнь повториться тысячу раз,
Снова тобой... снова тобой...

В данном фрагменте впервые в творчестве Форуг звучит тезис об отождествлении себя с мужчиной. Она пытается представить идеальные отношения как гармоничное сочетание мужского и женского, положительное гендерное взаимодействие и партнёрство, установление здорового эмоционально-психологического климата в паре. Эту концепцию она будет развивать в своём дальнейшем творчестве.

Сборник «Дивар» («Стена»), вышедший в свет 1956 году, демонстрирует нам новую, смелую Ф. Фаррохзад, бросающую вызов фальши, ханжеству и патриархальному обществу. Она мыслит себя уже свободной и бесстрашной женщиной-поэтом, идёт наперекор общественной морали, рушит старые нравственные устои, открыто проявляет свой протест [9, с. 72]. Поэтесса концентрируется на своём мироощущении, жизненной философии, и в этом поиске себя и тематике творчества теряется описание лирического героя. Его весьма эпизодичное появление в стихах несёт преимущественно негативные коннотации:

Во мне, но так от меня далеко,
Со мной, но отводишь взгляд.
Мой удел – лишь говорить с тобою,
Но ты увлечён другой беседой...

По мнению литературоведа В. Б. Кляшториной, в сборнике «Дивар» поединок между любовью и творчеством занимает основное место. Как и в первом сборнике, власть возлюбленного – это оковы, которые надо сбросить, это колдовские чары, которые воздвигают стену вокруг поэта, от которых надо освободиться [6, с. 201]. Отстранённость и философичность общего контекста и самой героини проецируется на мужчину, придаёт любовной лирике суфийскую тональность. Одновременная трансформация образов, их духовный рост гармонизируют отношения внутри этого дуалистического единства и, если не разрешают конфликт, то смягчают его.

Сборник «Таввалоди дигар» («Новое рождение»), появившийся в печати в 1963 году, являет иную внутреннюю наполненность Фаррохзад: она ощущает проблемы своего времени и занимает позицию принципиального несогласия. С тем, чтобы передать беспросветность существования и отчаянность попыток изменить окружающую реальность, она окрашивает поэзию в мягкие пессимистичные тона, по-философски мудро звучит и тема любви [3, с. 185]. Ещё более философично и глобально звучит описание одиночества и мук неразделённой любви:

Я умирала из-за тебя,
Но ты был всей моей жизнью...
Ты слушал,
Но не видел меня...

Завершились метания поэтессы в поиске ответа на мучащий её вопрос о взаимности нежного чувства. Она грустно и спокойно подводит итог своей жизни: внутреннее истощение, эмоциональная смерть и пустота. Однако глазами Фаррохзад и лирический герой видится нам лишённым признаков жизни – от него, кажется, осталась лишь внешняя оболочка, его внутренний мир сожжён дотла, он лишён жажды жизни.

Безотрадное, мрачное существование не стоит для женщины ни гроша, и она кладёт свою ничтожную жизнь к ногам любимого. Но теперь она ощущает любовь и саму жизнь неотделимой от творчества, которое стало тем единственным, что поэтесса считает ценным и непобедимым:

Всё естество моё – тёмный стих,
Что, повторяя тебя в себе,
Унесёт в рассвет вечных соцветий и побегов.
Я в этом стихе тебя вздохнула, ах,
Я в этом стихе тебя
Привила к дереву, воде и огню.

«Стих» для Форуг – это её исповедь, её священная книга, её религия. Не случайно она отказывается от общепринятых лексем, вводя в контекст малохарактерное для новой поэзии понятие «айе» («стих», «строфа»), используемое для обозначения мельчайшей структурной единицы священного Корана. В переводе с арабского «айе» («айят») может означать «знак», «знамение», «откровение», «чудо», что значительно расширяет возникающий у читателя круг ассоциаций[1]. Чудодейственная исцеляющая сила поэзии может противостоять жизненным циклам, вдохнуть жизнь в любимого, увековечить его в непрерывной череде рассветов и закатов, вписать в книгу жизни. Следует учесть, что иранский критик М. Нушманд предлагает иное интерпретирование лексемы «айе», а именно – рассмотрение её в качестве концепта «ночь», антипода «дня», «рассвета» («сахаргах») [8]. По мнению автора статьи, нельзя ограничиться коннотацией данного слова как сугубо временнóго промежутка. Однако поэтесса действительно могла остановить свой выбор именно на этой полисемантической лексеме для дополнения контекста иным имплицитным смыслом. Таким образом она могла украсить строфу иной образной семантикой, подчеркнуть, что жизненно необходимый для всего сущего солнечный свет является ей лишь с именем любимого человека.

Весенние явления природы – «шекофтанха» («соцветия»), «ростанха» («побеги») – задействованы в сюжете для живописного оформления основной идеи как оптимистические и жизнеутверждающие символы. Философичность темы единства с миром проявлена через введение названий стихий: «дерахт» («дерево»), «аб» («вода»), «аташ» («огонь»). Именно путём «пейванд» («прививания») к природным элементам мужской образ получает репрезентацию. В приведённом отрывке Фаррохзад вводит в текст авторский неологизм «то ра ах кешидам» («я тебя вздохнула»), усиливая тем самым восприятие поэзии читателем.

Спустя 6 лет после гибели поэтессы, в 1973 году, был издан сборник последних стихов Форуг «Иман биаварим бе агазе фасле сард» («Поверим в наступление холодов»), частично опубликованный до её кончины и подводящий грустный итог её яркой, но такой недолгой жизни. Вечный философский вопрос бытия становится ключевым эмотивным и когнитивным мотивом лирики:

Как можно тому, кто идёт так
Терпеливо, тяжело, бесцельно,
Приказать остановиться?
Как можно мужчине сказать, что он неживой,
И никогда живым и не был?

Дуалистическая концепция в мире Фаррохзад сводится к оживлению любимого через спасительное творчество. Поэтесса словно уже постигла тайну мироздания ценой краха собственного мира, но сейчас тайно и бескорыстно реализует высокое стремление увековечить свою любовь. Здесь мужчина обретает вполне конкретный зрительный образ. Форуг раскрывает в единственном демонстрируемом нам визуальном элементе – походке, символизирующей способ преодоления жизненного пути, – самую суть его существования, характеризуя его метко, ограничиваясь лишь тремя эпитетами: «сабур» («терпеливый»), «сангин» («тяжёлый»), «саргардан» («бесцельный»). Таким образом, будто несколькими мазками кисти, почти не касаясь холста, автор рисует перед читателем эмоциональную картину мира человека. Любовь, переходя в вертикальную плоскость, устремляется в небеса, телесная страсть и чувственность уступает место любви возвышенной, боготворящей, когда человек боится нарушить равновесие души другого человека. Эта новая эмоция рационально осмыс-

[1] Персидско-русский словарь: в 2 т. Т. 1 / под ред. Ю. А. Рубинчика. – М.: Сов. энцикл., 1970. – С. 147.

лена как главный источник истинного человеческого бытия, как единственное средство спасения жизни героя, увековечивания его образа.

Заключение. Итак, присутствие образа мужчины в поэзии Форуг – естественное и необходимое условие для транслирования любви, квинтэссенция жизненной философии автора. Анализируя эволюцию собирательного образа мужчины в лирике поэтессы, приходим к выводу, что через него Фаррохзад не только идентифицирует интимные чувства, но познаёт и определяет своё «я» в рамках субъективной действительности. В ранних стихотворениях данный образ лишён конкретного материального воплощения, он наделён преимущественно отрицательными характеристиками, а его концептуальную основу составляет проекция эмоционального состояния женщины. Читателю представлены привычные архетипы женщины и мужчины, их типичные роли и культурно-смысловые коды в пределах традиционного патриархального мировоззрения.

Поздняя лирика Форуг лишена откровенных признаний, эпатажа, провокационных высказываний. Платоническое чувство, проецируемое на мужчину, визуализирует его, наделяет высокими нравственными качествами. При этом Фаррохзад отказывается от философии андроцентризма, демонстрируя дихотомичное единство изначально оппозиционных элементов, перестановку гендерных ролей, типичных характеристик архетипов, синкретизм определяющих их черт. Впервые голос иранской женщины зазвучал доминантно в социокультурном климате современной ей эпохи, сломав традицию мужского доминирования как в литературном поле, так и в общественном сознании.

Список литературы

1. Атташ А., Пейсайар А. Образ женщины в поэзии Низара Габбани и Форуг Фаррохзад // Критические сравнительные исследования. 2013. № 27. С. 73–105.

2. Бахрами Дж. Процесс становления поэзии Форуг // Об эволюции мотивов в поэзии Форуг. Тегеран: Чиста, 2006. С. 470–476.

3. Березина А. В. Малоизвестный гений Форуг Фаррохзад // Филологические науки в МГИМО. 2016. № 8. С. 179–188.

4. Гупранлу М. Причины отсутствия гегемонии феминизма в Иране // Исследовательский журнал о культурной политике. 2010. № 54. С. 39–82.

5. Катузиан М. О грехах Форуг Фаррохзад // Иранистика. 2000. № 46. С. 264–278.

6. Кляшторина В. Б. Новая поэзия в Иране. М.: Наука, 1975. 254 с.

7. Намази М. Помни полёт. Тегеран: Мехр-е борна, 2005. 280 с.

8. Нушманд М. Анализ стихотворения «Второе рождение» Форуг Фаррохзад [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rezanooshmand.blogfa.com/post-421.aspx (дата обращения: 10.12.2016).

9. Юсефи Ш. О серебряной жизни песни. Тегеран: Афаринеш, 2004. 416 с.

Статья поступила в редакцию 22.12.2016; принята к публикации 02.02.2017

Библиографическое описание статьи

Березина А. В. Эволюция образа мужчины в лирике Форуг Фаррохзад // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 42–48. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-42-48.

Anna V. Berezina,
Doctor PhD, Senior Lecturer,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(76 pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia),
e-mail: a.berezina@inno.mgimo.ru

The Evolution of a Man's Image in the Poetry by Forough Farrokhzad

The present research is aimed at filling the gaps that exist in the analysis of literary texts by Iranian poetess Forough Farrokhzad, who was the brightest representative of a new movement called "she'r-e nou" (new poetry), in particular, at identifying the evolution of women's perception of the second component of the binary system. The tools of feminist literary criticism were used as a methodological basis of the work. A man is presented in Forough's poetry to translate love, to reflect the essence of the author's philosophy of life. This collective image is multifaceted and naturally evolves in parallel with the development of the poetess, as she gains the life experience, transforms self-consciousness, because it is transmitted to the reader through the subjective reality and personal perception of the author. In her early poems, the image of a man is deprived

of specific material embodiment, the projection of the woman's emotional state becomes its conceptual basis. The habitual archetypes of the binary components, their typical roles, cultural and semantic codes within the traditional patriarchal worldview are illustrated there. In her late lyrics Forough refuses from androcentric philosophy by demonstrating the unity of the original opposition elements, the permutation of gender parties, classic characteristics of prototypes, syncretism of their defining characteristics. During the study, all the poetic material of Forough Farrokhzad was analyzed, and the presented poems were translated into Russian for the first time by the author of this article. The research results may be useful to orientalists and literary critics and can be used in the implementation of training programs of philological disciplines.

Keywords: Forough Farrokhzad, feminist literary criticism, masculine image, gender discourse, femininity, masculinity

References

1. Attash A., Peisaiar A. Obraz zhenshchiny v poezii Nizara Gabbani i Forough Farrokhzad // Kriticheskie sravnitel'nye issledovaniya. 2013. № 27. S. 73–105.
2. Bakhrami Dzh. Protsess stanovleniya poezii Forough // Ob evolyutsii motivov v poezii Forough. Tegeran: Chista, 2006. S. 470–476.
3. Berezina A. V. Maloizvestnyi genii Forough Farrokhzad // Filologicheskie nauki v MGIMO. 2016. № 8. S. 179–188.
4. Gupranlu M. Prichiny otsutstviya gegemonii feminizma v Irane // Issledovatel'skii zhurnal o kul'turnoi politike. 2010. № 54. S. 39–82.
5. Katuzian M. O grekhakh Forough Farrokhzad // Iranistika. 2000. № 46. S. 264–278.
6. Klyashtorina V. B. Novaya poeziya v Irane. M.: Nauka, 1975. 254 s.
7. Namazi M. Pomni polet. Tegeran: Mekhr-e borna, 2005. 280 s.
8. Nushmand M. Analiz stikhotvoreniya «Vtoroe rozhdenie» Forough Farrokhzad [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.rezanooshmand.blogfa.com/post-421.aspx (data obrashcheniya: 10.12.2016).
9. Yusefi Sh. O serebryanoi zhizni pesni. Tegeran: Afarinesh, 2004. 416 s.

Received: December 22, 2016; accepted for publication February 02, 2017

Reference to the article

Berezina A. V. The Evolution of a Man's Image in the Poetry by Forough Farrokhzad // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 42–48. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-42-48.

http://www.zabvektor.com ISSN 1996-7853 ISSN 2542-0038 (Online)

УДК 811.11-112

Лариса Витальевна Керова,
аспирант,
Донецкий национальный университет
(83001,Украина, г. Донецк, ул. Университетская, 24),
e-mail: larisa.kerova89@gmail.com

Образование гипокористических форм личных имён в английском и немецком языках

В статье рассматриваются способы образования гипокористических форм личных имён в английской и немецкой именных системах. В процессе проведённого анализа представилось возможным выделить основные общие *(-a, -o, -e, -i, -y, -ina(e), -etta(e), -ie, -ey*) и характерные только для английской *(-s, -ita, -ot, -et, -on)* или только для немецкой *(-r, -chen, -el, -lein, -ka/-ko, -z, -ja)* именной системы продуктивные суффиксы, используемые для образования уменьшительно-ласкательных форм личных имён. При более подробном рассмотрении уменьшительно-ласкательных форм, образованных с помощью вышеперечисленных суффиксов, было установлено, что немецкий язык обладает большим количеством морфологических и словообразовательных элементов для образования гипокористических форм, в сравнении с английским языком. В результате исследования также было выявлено, что все гипокористические суффиксы могут быть разделены на 2 группы: стилистически и эмоционально нейтральные суффиксы *(-a, -o, -i, -y, -ina/-ine, -etta/-ette, -ie, -ey, -et, -ot, -on, -z, -el/-l/-le)* и стилистически и эмоционально окрашенные суффиксы *(-e, -ita, -s, -er, -chen, -lein, -ka/-ko/-ke).* Формы личных имён, образованные с помощью стилистически нейтральных суффиксов, обладают потенциалом перехода в разряд самостоятельных личных имён. Следует отметить, что как в английской, так и в немецкой именных системах женские имена, как правило, имеют большее количество вариантов и более разнообразные варианты в сравнении с мужскими именами.

Ключевые слова: личные имена, гипокористическая форма имени, уменьшительно-ласкательная форма имени, сравнительно-сопоставительное языкознание, лингвокультурология

Вводная часть. Язык находится в постоянном развитии, вместе с ним развивается и именная система. Под влиянием современных тенденций глобализации и экстралингвистических факторов, таких как: мода на имена, прагматическая и эмотивная составляющая языкового общения, фонетико-психологический фактор и других появляются и развиваются гипокористические формы личных имён. Материалом исследования являются гипокористические формы личных имён в английской и немецкой именных системах, например: англ. *Rora* < *Aurora, Trixy* < *Beatrice, Gary* < *Garret*; нем. *Anke* < *Anna, Trudechen* < *Gertruda, Heinel* < *Heinrich.*

Появление таких направлений в языкознании, как когнитивная лингвистика [18–20] и лингвокультурология [3; 9] предопределило направление лингвистических исследований последней четверти XX века и первой четверти XXI века. Доминантным стало изучение языка в его неотъемлемой связи с культурой и мышлением определённого этноса. Изучение триады «язык – нация – культура» становится центром относительно молодой области языкознания – лингвокультурологии [4, с. 56]. Лингвокультурология является наукой, смежной с социолингвистикой, сфера исследований которой включает факты культуры и их влияния на функционирование языкового знака. Как утверждает О. Л. Бессонова [2, с. 55], лингвокультурологическому анализу, как одному из направлений антропоцентрической парадигмы, свойственна диада «язык – человек», следовательно, проведённый анализ позволяет выявить ценностные приоритеты, стереотипы, общие и отличительные черты в культуре и ментальности двух народов.

На данном этапе развития лингвистики одним из актуальных направлений лингвокультурологических исследований является изучение антропонимов как на материале отдельных языков [1; 6; 8; 13–15], так и в сопоставительном аспекте [10; 11; 16; 17]. Личные имена, как вид антропонима, являются отображением диалектики взаимодействия языковых и внеязыковых факторов. Изучение личных имен позволяет проникнуть в систему ценностей различных лингвокультурных сообществ. Эта система находит своё отражение в национальной языковой картине мира.

Существует достаточно большое количество исследований, изучающих имена в све-

© Л. В. Керова, 2017

те определённой культуры. Примерами могут служить монографические исследования С. И. Гарагули [5; 6]. В своих исследованиях автор особое внимание уделяет изучению антропонимической прагматики и коммуникативного потенциала английских антропонимических единиц, предлагает авторскую методологию системного изучения и описания личных имен, рассматривает и описывает особенности семантики, структуры, орфографической вариативности личных имён. Социокультурный аспект формирования антропонимикона английского языка анализируется в работе И. С. Чурсиной [13]. Особое внимание автор уделяет морфологическим и фонологическим особенностям личных имён в английском языке в ракурсе социокультурного развития именной системы. Лингвокультурологическому аспекту изучению семантических, структурных и функциональных особенностей антропонимов в английском языке посвящена монография Е. С. Сысоевой «Оценочные антропонимы в английском языке и культуре» [12]. В работе детально описывается влияние экстралингвальных факторов на возникновение оценочного значения в семантической структуре антропонимов.

Проблематика этимологических, исторических, прагматических и эмотивных аспектов семантики личных имён рассматривается в исследовании О. В. Кисель «Семантика личных имён» [8]. В работе прослеживается связь вышеперечисленных аспектов с мотивами имянаречения на материале современного немецкого языка. В диахроническом аспекте изучаются структурно-семантические особенности немецких имён собственных в работе А. Баха «Немецкие имена собственные» [14]. Особенности структуры немецких антропонимов в диахроническом аспекте, а также тенденции развития и экстралингвистические условия, повлиявшие на формирование современного немецкого антропонимикона, анализируются в докторской диссертации А. Н. Антышева «Имена. Немецкие антропонимы» [1].

Большинство вышеупомянутых работ выполнены на материале одного языка. Однако, следует отметить исследование В. А. Ражиной «Прецедентные онимы и их роль в культурно-языковом социуме» [10], в котором поднимается вопрос о лингвокультурологических и прагматических аспектах функционирования ономастических реалий на материале русского и немецкого языков.

Как показывает обзор теоретической литературы, актуальность данного исследования определяется постоянным интересом лингвистов к ономастическим реалиям в общем, в частности, к феномену антропонима. Личные имена представляют собой важнейший языковой источник информации о культуре и истории народов. Сопоставительное исследование английского и немецкого антропонимиконов посредством анализа и синтеза семантических, структурных, исторических и социокультурных изменений, происходящих в его составе, даёт возможность в наиболее интегрированном и законченном виде представить эволюцию системы имен английского и немецкого языков, определить общие и отличительные черты в культуре и ментальности двух народов.

В качестве объекта исследования выступают гипокористические формы личных имён в английском и немецком языках. Предметом исследования являются структурные особенности гипокористических форм личных имён в английском и немецком языках, рассматриваемые в лингвокультурологическом аспекте.

Материалом исследования послужил корпус языкового материала, который составили гипокористические формы личных имён в английском (2400) и немецком (2300) языках, полученные с помощью сплошной выборки из словарей[1], а также онлайн-интернет-корпусов[2].

Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов исследования в процессе преподавания нормативных курсов лексикологии (разделы «Лексическая семантика», «Словообразование», «Лексикография»), стилистики (разделы «Лексическая стилистика», «Функциональная стилистика»), теории межкультурной коммуникации (раздел «Имена собственные в межкультурной коммуникации») спецкурсов по ономастике и лингвокультурологии современных английских и немецкого языков, в лексикографической практике при составле-

[1] Александрова Т. С., Добровольский Д. О., Салахов Р. А. Словарь немецких личных имён. Происхождение. Значение. Употребление. – М.: Рус. яз., 2001. – 248 с.; Рыбакин А. И. Словарь английских личных имён. – М.: Рус. яз., 1989. – 224 с.; Bahlow H. Dictionary of German names. – Madison: Max Kade Institute for German-American Studies, 2002. – 579 p.; Hanks P., Hodges F. A Dictionary of First Names. – New York; Oxford: Oxford University Press, 2006. – 443 p.; Macleod I., Freedman T. The Wordsworth Dictionary of First Names. – Hertfordshire: Wordsworth Editions, 1995. – 223 p.; Max Gottschald Deutsche Namenkunde. – Berlin: Walter De Gruyter Incorporated, 2006. – 622 p.

[2] Справочник мужских и женских имён различных стран мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.behindthename.com (дата обращения: 12.12.2016); Vorname.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vorname.com (дата обращения: 12.12.2016).

нии двуязычных, сопоставительных словарей антропонимический единиц, написании учебных пособий.

Результаты исследования. Проведённое исследование сделало возможным выделение основных общих *(-a, -o, -e, -i, -y, -ina(e), -etta(e), -ie, -ey*) и характерных только для английской *(-s, -ita, -ot, -et, -on)* или только для немецкой *(-r, -chen, -el, -lein, -ka/ko, -z, -ja)* именной системы гипокористических суффиксов, которые используются для образования уменьшительно-ласкательных форм личных имён.

Наиболее продуктивные гипокористические суффиксы личных имён, характерные как для английского, так и немецкого языков, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Гипокористические суффиксы личных имён, характерные для английского и немецкого языков

Суффиксы	***Английский язык***	***Немецкий язык***
-o	*Cyro < Cyrus,* *Arno < Arnold,* *Niko < Nikolaus,* *Timo < Tim,* *Marko < Markus*	*Ado < Adalbert,* *Dimo < Dietmar,* *Diedo < Dietrich,* *Ebbo < Eberhard,* *Edo < Eduard*
-a	*Alexa < Alexandra,* *Mia < Emilia,* *Shara < Sharon*	*Gerda < Gertrud,* *Adela < Adelheid,* *Welma < Wilhelmina*
-e	*Abe < Abel,* *Ade < Adam,* *Albe < Ablert,* *Aline < Adelina,* *Wynne < Gwendolen,* *Gale < Abigail,* *Dulce < Dulinea*	*Heine < Heinrich,* *Fritze < Friedrich,* *Ede < Eduard,* *Nele < Cornelia,* *Inge < Ingeborga,* *Use < Ursula*
-i	*Lexi < Alexandra,* *Emi < Emilia,* *Lili < Lilly*	*Dami < Damian,* *Henni < Henrich,* *Lenni < Lennard*
-y	*Emily < Emilia,* *Mary < Maria,* *Rosy < Rosa,* *Lucy < Lucia,* мужские:*Bobby,* *Robby < Robert,* *Willy, Billy < William*	*Amy < Amalia,* *Elly < Elena,* *Nelly < Eleanora,* мужские: *Franzy < Franzisco,* *Marty < Martin,* *Eddy < Eduard*
Суффиксы -in/-ina/-ine	*Janine < Janet,* *Laurina < Laura*	*Gesina < Gertuda,* *Adina < Adda*
Суффикс -etta/-ette	*Babette <Elizabeth,* *Colette< Nicole,* *Henriette < Henry*	*Annette < Anna,* *Mariette <Maria*
Суффиксы -ie/-ey	*Stacie, Stacey < Anastacia,* *Carlie, Carley < Carla,* *Abbie, Abbey < Abigail;* *Davey < David,* *Mikey < Michael*	*Marie < Maria,* *Annie < Anna,* *Sofie < Sofia,* *Heinie < Heinriek,* *Marcie < Marcel*

Как показывают примеры, представленные в таблице, суффикс ***-o*** является гипокористическим суффиксом образования уменьшительно-ласкательных форм от мужских личных имён: англ. *Cyro < Cyrus*, *Marko < Markus,* нем. *Ado < Adalbert, Diedo < Dietrich.*

В системах английской и немецкой деривации гипокористическому суффиксу *-o* противостоит суффикс ***-a,*** который используется для образования уменьшительно-ласкательных форм женских личных имен: англ. *Alexa < Alexandra, Mia < Emilia, Shara < Sharon;* нем. *Gerda < Gertrud, Adela < Adelheid, Welma < Wilhelmina*.

В целом же суффикс *-a* выполняет функции мотивирующего форманта во многих индоевропейских (славянских, романских, германских) языках, и его специализацию как маркёра мотивации женских имён от мужских в английском и немецком антропонимиконе следует считать проявлением общеиндоевропейской тенденции [1].

Данные суффиксы являются стилистически нейтральными, что позволяет кратким формам проникать в реестр полных имён и становиться частью официально зарегистрированного именника, таким образом, утрачивая своё гипокористическое значение.

Следует отметить, что антропонимический суффикс ***-e*** является редуцированной формой от суффиксов *-o* и *-a* и находит применение при образовании кратких форм как женских, так и мужских личных имён: англ. мужские: *Abe < Abel, Ade < Adam, Albe < Ablert;* женские: *Wynne < Gwendolen, Gale < Abigail, Dulce < Dulinea*; нем. мужские: *Heine < Heinrich, Fritze < Friedrich;* женские: *Nele < Cornelia, Inge < Ingeborga, Use < Ursula*. В современных английском и немецком языках параллельно сосуществуют краткие формы, с суффиксами *-o, -a,* и формы с редуцированным *-e:* англ. *Eugene (м). Egenia (ж) > Geno (м), Gena (ж), Gene (м, ж)*; нем. *Ingeborg (м), Ingeborga (ж) > Ingo (м), Inga (ж), Inge (м, ж).*

Суффикс *-e* не имеет полоразделительной функции и является стилистически нейтральным. Возможно, отмечает И. Н. Заверюха [7], что именно эта особенность суффикса *-e* делает его очень привлекательным для образования неофициальных вариантов имен в английской и немецкой разговорной речи [Там же].

Суффиксы ***-i*** и ***-y*** являются особенно популярными и продуктивными на современном этапе и часто используются в английском и немецком языках.

В английском языке *-i* является показателем женского рода личных имён: *Lexi* < *Alexandra, Lili* < *Lilly.* В немецком языке отмечается противоположная тенденция использования суффикса *-i*: преимущественно мужские имена образуют уменьшительные формы с помощью данного суффикса: *Dami* < *Damian, Lenni* < *Lennard.* В немецком языке благодаря суффиксу *-i* предшествующая гласная часто умлатизируется: *Tömi* < *Thomas, Hübi* < *Hubert.*

Суффикс *-y* характерен как для женских, так и для мужских имён, например: англ. женские: *Emily* < *Emilia, Rosy* < *Rosa, Lucy* < *Lucia;* мужские*: Robby* < *Robert, Billy* < *William;* нем.: женские: *Amy* < *Amalia, Nelly* < *Eleanora;* мужские: *Marty* < *Martin, Eddy* < *Eduard.*

Следует отметить, что суффикс *-i* в немецком языке получил заметное распространение под влиянием заимствованных из английского языка кратких антроповариантов полных имён типа *Gaby* < *Gabriela*, *Robby* < *Robert, Elly* < *Helen*. Влиянием английского языка объясняется и вариативность написания данного суффикса: *-i* является немецкоязычным графическим вариантом, а *-y* представляет собой его англоязычный аналог. Однако, следует отметить, что в настоящее время оба суффикса равноправно используются в обоих языках. Данный способ образования в основном был известен как способ образования уменьшительно-ласкательных имён, но в XX в. сокращённые имена с суффиксами *-i* и *-y* стали активно использоваться и в официальной сфере общения: англ. *Harry, Tony, Freddy*; нем. *Emily, Lilly, Heini.* Таким образом, сегодня гипокористический характер этих личных онимов отчасти нейтрализовался. Это связано, по мнению Фр. В. Вейтерсгауса, с обретением краткими антроповариантами статуса полных официальных личных имён [20, с. 25].

Вернее сказать, что рассматриваемые именные формы бифункциональны. С одной стороны, они являются краткими (и нередко гипокористическими) вариантами полных имён, с другой стороны, перейдя в категорию полных официальных именований личности, они не соотносятся и при коммуникативном употреблении не ассоциируются с давшими им некогда жизнь полными онимами, т. е. обладают известной антропонимической «автономией», или относительным онимическим «суверенитетом» [1]. Между этими двумя именными формами – официальной и гипокористической – установились омонимические отношения.

Суффиксы ***-ina/-ine*** являются «контаминативными расширенными иллосуффиксами» [Там же], возникшими в результате слияния суффикса *-in* (*-in* является средством деривации женских имён от мужских) и *-a(e).*

Популярности гипокористических имён с суффиксами *-ina/-ine* способствовали распространённые и достаточно любимые имядателями, а поэтому очень частотные в имянаречении вариантные формы женских имён *Alina/Aline, Katharina/Katharine*, *Magdalina/ Magdaline* и т. д., имевшие в исходных вариантах омонимичные финальные звукосочетания, которые, однако, представляют собой совсем не суффиксы, а являются совпавшими с суффиксом женских имен *-ina/-ine по* звучанию элементами антропоосновы. Гипокористические варианты женских именных форм с суффиксами *-ina/-ine* широко распространены как в английском (*Janine* < *Janet, Laurina* < *Laura),* так и немецком (*Gesina* < *Gertuda, Adina* < *Adda)* языках.

Стилистическая нейтральность новых форм личных имён, образованных с помощью суффиксов *-ina/-ine,* позволила данным формам успешно закрепиться в официальном реестре личных имён как английской, так и немецкой антропонимической системах.

Суффикс ***-etta/-ette*** является продуктивным гипокористическим суффиксом как в английском, так и в немецком языках. Данный суффикс был заимствован из французского языка и используется для образования гипокористических форм только от женских полных имён. Этот суффикс имеет положительную коннотацию и эмоциональную окраску. Примерами уменьшительно-ласкательных форм имён могут служить следующие образования: англ. *Babette* < *Elizabeth, Colette* < *Nicole;* нем. *Annette* < *Anna, Mariette* < *Maria.*

Следует отметить, что со временем имена, образованные с помощью данного суффикса, утратили значение гипокористичности; на данном этапе развития языка и общества некоторые формы, образованные с помощью данного суффикса, функционируют как самостоятельные полные варианты личных имён.

Суффиксы ***-ie*** и ***-ey*** в английском и немецком языках не являются показателем принадлежности имени к мужскому или женскому роду: англ. женские имена: *Stacie, Stacey* < *Anastacia, Carlie, Carley* < *Carla;* мужские имена: *Davey* < *David, Mikey* < *Michael;* нем. женские имена*: Marie* < *Maria, Annie* < *Anna, Sofie* < *Sofia;* мужские имена: *Heinie* < *Heinriek, Marcie* < *Marcel.*

Данные суффиксы, как и суффиксы *-i* и *-y,* утратили своё гипокористическое значение, они широко используются для образования вариативных форм личных имён, которые обладают потенциалом перехода в разряд официально зарегистрированных антропонимов.

Помимо суффиксов, используемых как в английском, так и в немецком языках, в результате исследования были выделены гипокористические суффиксы личных имён, характерные только для английского языка (табл. 2).

Таблица 2

Гипокористические суффиксы личных имён, характерные только для английского языка

Суффикс	***Английский язык***	***Немецкий язык***
-s	*Babs < Barbara,* *Cis < Cecil,* *Debs < Deborah,* *Mabs < Mabel,* *Miles < Michael*	–
-ita	*Anita < Anna,* *Dorita < Dora,* *Laurita < Laura*	–
-ot/-et/-on	*Dickon < Richard,* *Barnet < Barnard,* *Abot < Abraham,* *Cliffot < Cliford,* *Annot < Anna,* *Margot < Margaret,* *Ibot < Isabel,* *Ninon < Anna,* *Linnet < Linn*	–

Примеры, представленные в таблице, показывают, что суффикс ***-s*** используется для образования как женских, так и мужских кратких форм имён: женские: *Babs < Barbara, Debs < Deborah;* мужские: *Mabs < Mabel, Miles < Michael*. Формы, образованные с помощью данного суффикса, характерны для разговорного стиля и являются эмоционально нейтральными.

Суффикс ***-ita*** используется для образования уменьшительно-ласкательных форм от полных женских личных имён: *Anita < Anna, Dorita < Dora, Laurita < Laura.* Гипокористические формы, образованные с помощью данного суффикса, имеют положительную оценку и эмоциональную экспрессию.

Суффиксы ***-ot/-et/-on*** используются для образования как мужских *Dickon < Richard, Barnet < Barnard, Abot < Abraham, Cliffot < Cliford,* так и женских кратких форм личных имён: *Annot < Anna, Margot < Margaret, Ibot < Isabel, Ninon < Anna, Linnet < Linn.* Суффиксы *-ot/-et/-on* не обладают гендерной маркированностью, краткие формы некоторых мужских и женских имён могут совпадать, например: *Wilmot* < от мужского имени *William* и *Wilmot* < от женского имени *Wilhemina*. Краткие формы, образованные с помощью данных суффиксов, являются стилистически и эмоционально нейтральными.

В результате анализа корпуса языкового материала были также определены гипокористические суффиксы личных имён, характерные только для немецкого языка (табл. 3).

Таблица 3

Гипокористические суффиксы личных имен, характерные только для немецкого языка

Суффикс	***Английский язык***	***Немецкий язык***
-er	–	*Heiner < Heinriek,* *Hanner < Johan*
-che	–	*Gretchen <Margaret,* *Karlchen < Karl,* *Mariechen < Marie,* *Annchen < Anna,* *Ottochen < Otto,* *Emmchen < Emma,* *Hänschen < Hans,* *Lenchen < Lene,* *Wölfchen < Wolf*
-lein	–	*Annelein < Anne,* *Sofilein < Sofia,* *Peterlein < Peter,* *Fynnlein < Fynn*
-el/-l/-le	–	*Heinel < Heinriek,* *Michel < Michael,* *Fridel < Friedrich,* *Tomel < Thomas;* женских: *Christel < Christiana,* *Trudel< Gertruda,* *Annel < Anna*
-ka/-ko	–	*Meiko < Meinfried*, *Haiko < Heinrich*, *Reinko < Reinhard,* *Hanko < Johan,* *Maika*, *< Maria*, *Gertka < Gertruda,* *Rieka < Frederike*, *Anke < Anna*; *Marieke < Marie,* *Silke < Cäcilia*
-z	–	*Heinz < Heinrich,* *Jenz < Johan*
-ja	–	*Maja < Maria,* *Anja < Anna*

Как видно из примеров, представленных в табл. 3, для образования сокращённых форм мужских личных имён в немецком языке используется суффикс ***-er***. Личные имена, заканчивающиеся на *-er,* являются достаточно распространёнными и употребительными (*Alexander, Peter, Oliver*), а также благодаря продуктивности этого суффикса в апеллятив-

ной сфере суффикс *-er* очень активно используется в образовании разговорных вариантов личных имён в сфере неофициального и неформального общения, причём антроповарианты с суффиксом *-er* возникают как на базе полных личных имён, так и их сокращённых вариантов: *Heiner* < *Heinriek, Hanner* < *Johan.*

Гипокористический суффикс ***-chen*** может использоваться как для образования мужских, так и для образования женских уменьшительно-ласкательных форм имён. Он является средством регулярного перевода личных имён в разряд разговорно-окрашенных антропонимов. Немецкий язык, по сравнению с русским и другими славянскими языками, достаточно беден в этом отношении. Степень эмоциональности и оценочности его словообразовательных средств значительно уступает эмоциональному богатству и тонкой дифференциации смысловых и эмоционально-оценочных оттенков соответствующих средств в русском языке. Суффикс *-chen* способен присоединяться и к полным личным именам, и к сокращённым основам личных имён: *Gretchen* < *Margaret, Annchen* < *Anna, Ottochen* < *Otto, Emmchen* < *Emma, Hänschen* < *Hans, Wölfchen* < *Wolf.*

Суффикс ***-lein*** может быть использован для образования уменьшительно-ласкательных форм как мужских, так и женских личных имён, например: *Annelein* < *Anne, Sofilein* < *Sofia, Peterlein* < *Peter, Fynnlein* < *Fynn.*

Следует отметить, что диминутивный суффикс *-lein не обладает полоразличительной функцией*. В речевых актах опознание полопринадлежности имени происходит конвенционально – на основе коммуникативно и ситуативно обусловленного знания пола конкретного носителя полоиндифферентного имени. Суффикс *-lein* придаёт именам в немецком антропонимиконе значение субъективного отношения с различными оттенками – ласкательности, фамильярности, пренебрежительности, иронии в зависимости от коммуникативной ситуации. Следовательно, такие варианты личных имён не проникают в фонд официальных антропонимов.

Суффиксы ***-el/-l/-le*** используются для образования уменьшительно-ласкательных форм от мужских: *Heinel* < *Heinriek, Michel* < *Michael, Fridel* < *Friedrich, Tomel* < *Thomas;* женских: *Christel* < *Christiana, Trudel* < *Gertruda, Annel* < *Anna*, полных личных имён. В апеллятивной сфере суффиксы *-el/-l/-le* не употребляются в диминутивном значении, поэтому образованные с их помощью уменьшительно-ласкательные формы имён часто употребляются как самостоятельные официальные имена: *Christel*, *Bärbel*, *Dorle*, *Seppl*. В неофициальной сфере общения, особенно в диалектной речи, краткие ономоварианты с указанными суффиксами достаточно активно используются для варьирования: *Hänsel*, *Mariele*, *Rösle*, *Peterle*. Кроме того, в разговорной речи возможны различные комбинаторные варианты суффиксов: *Bärbellein*, *Hänselchen*.

Суффикс ***-ka/-ko***. Суффикс *-k* как морфологический элемент германского происхождения, кроме использования в сфере апеллятивной, широко распространён в сфере ономастической лексики для образования диминутивных форм. Сегодня мы имеем дело с несколькими суффиксами, ведущими своё происхождение от германского *-k.* В расширенной форме *-k + -en, -k + -o, -k + -a, -k + -e* он вошёл в литературный язык и известен как диминутивный суффикс. Многие производные имена с данным суффиксом в большом количестве вошли в именной фонд. Суффикс *-ko* является маркёром мужского рода кратких личных имён: *Meiko* < *Meinfried*, *Reinko* < *Reinhard, Hanko* < *Johan*; суффикс *-ka* указывает на принадлежность к женскому роду: *Gertka* < *Gertruda, Rieka* < *Frederike*; а *-ke*, как антропонимический суффикс, являясь редуцированной формой от суффиксов *-ko* и *-ka,* находит применение при образовании кратких форм как женских: *Marieke* < *Marie, Silke* < *Cäcilia;* мужских: *Lüdeke* < *Ludwig*; *Hanke* < *Johann* и общих: *Eike* < *Egbert (м)*, *Egberta (ж)*; *Heinke* < *Heinrich (м)*, *Heinrike (ж)* форм личных имён.

Гипокористические формы, образованные с помощью данных суффиксов, относятся к разговорному стилю общения.

Суффикс ***-z*** используется для образования кратких форм от мужских личных имён: *Heinz* <*Heinrich, Jenz* < *Johan.* Данные уменьшительно-ласкательные формы личных имён являются стилистически и эмоционально нейтральными, что позволяет им проникать в реестр официально зарегистрированных личных имён и становиться их неотъемлемой частью.

Суффикс ***-ja*** используется для образования кратких форм от женских личных имён: *Maja* < *Maria, Anja* < *Anna.* Данный суффикс получил своё распространение и достаточно широкую популярность благодаря влиянию русского языка на немецкий антропонимикон. В немецкую именную систему были заимствованы краткие формы русских полных имён, которые используются в немецком язы-

ке как самостоятельные формы *Vanja* от рус. *Ivan, Tanja от рус. Tatyana.* Вследствие популярности этих имён в немецком языке возник уменьшительно-ласкательный суффикс -ja, который стал использоваться для образования кратких форм от уже существующих в немецком языке полных личных имён. Гипокористические формы обладают положительным эмоционально-окрашенным значением и используются только как уменьшительно-ласкательные формы.

Выводы. Таким образом, в результате проведённого анализа корпуса языкового материала представляется возможным сделать вывод, что немецкий язык обладает бóльшим количеством морфологических и словообразовательных элементов для образования гипокористических форм, в сравнении с английским языком. Система суффиксов и окончаний в немецком языке является более развитой. Следовательно, уменьшительно-ласкательные формы немецких личных имён имеют более разнообразную стилистическую и экспрессивную варьированность. Данный вывод можно объяснить тем фактом, что немецкий язык по своей природе является флективным, в отличие от аналитического английского языка.

В XVIII веке уменьшительные формы полных имён в английском и немецком языках приобрели новый статус: они стали использоваться как самостоятельные имена: уменьшительное имя становилось самостоятельным, использовалось как в официальной обстановке, так и в семейном кругу, и в таком виде давалось при крещении. Краткие формы имён были более удобны в плане употребления в первую очередь для детей (меньшее количество слогов в слове), а также и для родителей, которые такой формой имени выражали свою любовь и тёплое отношение к своему ребёнку.

Однако важным является тот факт, что не все гипокористические формы имеют потенциал перехода в разряд полных имён. В данном случае важную роль играет стилистическая нейтральность или окрашенность гипокористических суффиксов.

В результате исследования было выявлено, что все гипокористические суффиксы могут быть разделены на 2 группы: стилистически и эмоционально нейтральные суффиксы *(-a, -o, -i, -y, -ina/-ine, -etta/-ette, -ie, -ey, -et, -ot, -on, -z, -el/-l/-le)* и стилистически и эмоционально окрашенные суффиксы *(-e, -ita, -s, -er, -chen, -lein, -ka/-ko/-ke).*

Стилистически нейтральные суффиксы в результате развития языка, в общем, и именной системы, в частности, утратили значение диминутивности и гипокористичности и могут использоваться как для образования уменьшительно-ласкательных форм имён, так и для образования вариантов полных имён, которые функционируют как самостоятельные личные имена. Это подтверждается регистрацией данных имён в качестве официальных личных имён и утратой их былой мотивированности.

Стилистически окрашенные гипокористические суффиксы обладают ярко выраженной стилистической референцией и эмотивным значением, придают эмоционально окрашенную коннотацию уменьшительно-ласкательной форме имени, образованной с помощью данного суффикса. Гипокористические формы, образованные с помощью эмоционально и стилистически окрашенных суффиксов, не могут использоваться в качестве полных личных имён.

Также в результате проведённого анализа было выявлено, что как в английской, так и в немецкой именных системах женские имена, как правило, имеют большее количество вариантов и более разнообразные варианты в сравнении с мужскими именами. Это можно объяснить отношением к имени на протяжении веков, когда считалось, что мужчины должны иметь традиционные стандартные имена; к женским именам такие требования не предъявлялись. Помимо этого, из истории развития имён видно, что количество женских имён всегда было меньшим. Большее разнообразие орфографических и эмотивных вариантов женских имён является своего рода источником расширения женского антропонимикона.

С точки зрения когнитивной лингвистики, данный вывод можно объяснить тем фактом, что женщины, как правило, воспринимают окружающую действительность более детально и разнообразно, что находит своё отражение и реализацию в вариативности и разнообразии форм именования. С точки зрения гендерных исследований, женская речевая коммуникация всегда является более эмоциональной, что проявляется в большем количестве эмоционально окрашенных гипокористических форм личных имён.

В последнее время отмечается нейтрализация гендерных различий уменьшительно-ласкательных форм личных имён в английском и немецком языках. Стирание родовых различий у дериватов полных имён

происходит, главным образом, когда полные имена, от которых образуются уменьшительные и уменьшительно-ласкательные формы, имеют схожие части в своей структуре. В данном случае мы можем говорить о том, что нейтрализация родовых различий таких форм зависит от морфологической структуры полного имени.

Итак, гипокористические формы личных имён образуются по двухступенчатой формуле, с помощью сокращения и аффиксации. В современных английском и немецком языках отмечены тенденции использования этих форм в качестве самостоятельных имён, а также нейтрализации их родовых различий.

Список литературы

1. Антышев А. Н. Имена. Немецкие антропонимы. Уфа: Изд-во Башк. гос. аграрного ун-та, 2001. 256 с.
2. Бессонова О. Л. Лингвокультурный концепт душа в англоязычной картине мира // Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летнему юбилею В. А. Масловой. Сер. Концептуальный и лингвальный миры / ред. В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. М.: Флинта: Наука, 2013. Вып. 3. С. 55–61.
3. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурологическая парадигма личности. М., 1996. 350 с.
5. Гарагуля С. И. Антропонимия в лингвокультурном и историческом аспектах: на материале английских личных имён. М.: Либроком, 2010. 136 с.
6. Гарагуля С. И. Английское личное имя как объект изучения языка, истории и культуры. Белгород: Изд-во БелГТАСМ, 2002. 145 с.
7. Заверюха И. Н. Имена собственные в немецкой разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2000. 17 с.
8. Кисель О. В. Семантика личных имён. Магнитогорск: МГТУ, 2010. 104 с.
9. Маслова В. А. HOMO LINGUALIS в культуре. М.: Гнозис, 2007. 319 с.
10. Ражина В. А. Прецедентные онимы и их роль в культурно-языковом социуме // Научная мысль Кавказа. 2006. № 11. С. 381–387.
11. Система личных имён у народов мира. М.: Наука, 1986. 383 с.
12. Сысоева Е. С. Оценочные антропонимы в английском языке и культуре. Донецк: Изд-во Донец. нац. ун-та, 2016. 231 с.
13. Чурсина И. С. Социокультурный аспект формирования антропонимикона английского языка. Тула: ТИЭИ, 2010. 110 с.
14. Bach A. Deutsche Namenkunde // Die deutschen Personennamen. Unveränderte Auflage. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1978. 332 s.
15. Gardiner A. The Theory of Proper Names. London, 1940. 255 p.
16. John R. Taylor Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory, 1989. 270 p.
17. Kaplan J., Bernays A. The Language of Names,1997. 256 p.
18. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind, 1987. 632 p.
19. Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1990. 395 p.
20. Weitershaus Fr.-W. Das neue große Vomamenbuch. Wie soll unser Kind heißen? Herkunft und Bedeutung von 8000 Vornamen. München: Wilhelm Goldmaim Verlag, 1998. 400 p.

Статья поступила в редакцию 17.01.2017; принята к публикации 15.02.2017

Библиографическое описание статьи

Керова Л. Г. Образование гипокористических форм личных имён в английском и немецком языках // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 49–57.

Larisa V. Kerova,
Postgraduate Student,
Donetsk National University
(24 Universitetskaya st., Donetsk, 83001, Ukraine),
e-mail: larisa.kerova89@gmail.com

Hypocoristic Forms of Personal Names in English and German

The paper deals with the word-building means, which are used to create hypocoristic forms of personal names in the English and German naming systems. The research enabled us to reveal common *(-a, -o, -e, -i, -y, -ina(e), -etta(e), -ie, -ey)* and different suffixes (English*: -s, -ita, -ot, -et, -on*; German: *-r, -chen, -el, -lein, -ka/-ko, -z, -ja)* used to create hypocoristic forms of personal names. Further research revealed that the German language possesses greater amount

of hypocoristic morphological and word-building means compared to the English language. In the course of the stylistic analysis all hypocoristic suffixes have been divided into 2 groups: stylistically neutral suffixes *(-a, -o, -i, -y, -ina/-ine, -etta/-ette, -ie, -ey, -et, -ot, -on, -z, -el/-l/-le)* and stylistically and emotionally coloured suffixes *(-e, -ita, -s, -er, -chen, -lein, -ka/-ko/-ke).* The research revealed that the forms, created with the help of stylistically neutral suffixes are able to function as personal names of their own right. It also should be pointed out that both in the English and German languages female names have a greater number of stylistic variants of hypocoristic forms compared to male names.

Keywords: personal names, hypocoristic forms of personal names, comparative linguistics, linguocultural studies

References

1. Antyshev A. N. Imena. Nemetskie antroponimy. Ufa: Izd-vo Bashk. gos. agrarnogo un-ta, 2001. 256 s.
2. Bessonova O. L. Lingvokul'turnyi kontsept dusha v angloyazychnoi kartine mira // Lingvistika XXI veka: sb. nauch. st.: k 65-letnemu yubileyu V. A. Maslovoi. Ser. Kontseptual'nyi i lingval'nyi miry / red. V. V. Kolesov, M. V. Pimenova, V. I. Terkulov. M.: Flinta: Nauka, 2013. Vyp. 3. S. 55–61.
3. Vorkachev S. G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoi paradigmy v yazykoznanii // Filologicheskie nauki. 2001. № 1. S. 64–72.
4. Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologicheskaya paradigma lichnosti. M., 1996. 350 s.
5. Garagulya S. I. Antroponimiya v lingvokul'turnom i istoricheskom aspektakh: na materiale angliiskikh lichnykh imen. M.: Librokom, 2010. 136 s.
6. Garagulya S. I. Angliiskoe lichnoe imya kak ob»ekt izucheniya yazyka, istorii i kul'tury. Belgorod: Izd-vo BelGTASM, 2002. 145 s.
7. Zaveryukha I. N. Imena sobstvennye v nemetskoi razgovornoi rechi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. M., 2000. 17 s.
8. Kisel' O. V. Semantika lichnykh imen. Magnitogorsk: MGTU, 2010. 104 s.
9. Maslova V. A. HOMO LINGUALIS v kul'ture. M.: Gnozis, 2007. 319 s.
10. Razhina V. A. Pretsedentnye onimy i ikh rol' v kul'turno-yazykovom sotsiume // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2006. № 11. C. 381–387.
11. Sistema lichnykh imen u narodov mira. M.: Nauka, 1986. 383 s.
12. Sysoeva E. S. Otsenochnye antroponimy v angliiskom yazyke i kul'ture. Donetsk: Izd-vo Donets. nats. un-ta, 2016. 231 s.
13. Chursina I. S. Sotsiokul'turnyi aspekt formirovaniya antroponimikona angliiskogo yazyka. Tula: TIEI, 2010. 110 c.
14. Bach A. Deutsche Namenkunde // Die deutschen Personennamen. Unveränderte Auflage. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1978. 332 s.
15. Gardiner A. The Theory of Proper Names. London, 1940. 255 p.
16. John R. Taylor Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory, 1989. 270 p.
17. Kaplan J., Bernays A. The Language of Names,1997. 256 p.
18. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind, 1987. 632 p.
19. Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1990. 395 p.
20. Weitershaus Fr.-W. Das neue große Vomamenbuch. Wie soll unser Kind heißen? Herkunft und Bedeutung von 8000 Vornamen. München: Wilhelm Goldmaim Verlag, 1998. 400 p.

Received: January 01, 2017; accepted for publication February 15, 2017

Reference to the article

Kerova L. V. Hypocoristic Forms of Personal Names in English and German // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 49–57.

http://www.zabvektor.com ISSN 1996-7853 ISSN 2542-0038 (Online)

УДК 811.111`373.7

София Геннадьевна Ткаченко,
аспирант,
Донецкий национальный университет
(83050, Украина, г. Донецк, пр-т Гурова, 14),
e-mail: curuxa.sabia@gmail.com

Показатели низкой степени признака в толкованиях английских фразеологических единиц с градуальной семантикой

Градуирование является одним из универсальных способов отражения знания о количестве, степени, интенсивности и оценке объекта. Актуальность исследований, посвящённых английским фразеологическим единицам с градуальной семантикой, заключается в перспективе изучения национально-культурных особенностей восприятия системы ценностей, характерной для определённого этноса, понятий о стандарте и отклонении от нормы, присущих англоязычной картине мира. Объектом исследования в данной статье послужили фразеологические единицы английского языка с градуальной семантикой, в толковании значений которых зафиксированы наречия-даунтонеры. Предметом изучения являются семантические особенности и роль наречий, указывающих на низкую степень выраженности признака во фразеологических единицах английского языка с градуальной семантикой. Наиболее частотными являются наречия *less* и *little*, достаточно часто встречаются также такие даунтонеры, как *slightly, small (amount), not enough*. Остальные даунтонеры (*almost, nearly, rather, few, fairly, least, short, quite, just*) используются в ограниченном количестве случаев. Метод компонентного анализа позволил установить, что значение малого количества признака вербализуется как с помощью единичного наречия, так и с помощью его сочетания с интенсификаторами или другими даунтонерами. В лексикографических толкованиях ФЕ градуальная семантика актуализируется с помощью градуирования одного признака или представляет собой взаимосвязь нескольких признаков, с каждым из которых может использоваться разный градуатор.

Ключевые слова: градация, градуирование, даунтонер, деинтенсификация, фразеологические единицы

Вводная часть. Категория градуальности является одним из универсальных способов отражения знаний о мере, степени, интенсивности и оценке объекта. Изучением градации занимались как зарубежные, так и отечественные лингвисты, рассматривая это явление с позиций философии, логики и психологии. Истоки лингвистической интерпретации этой категории были заложены в работе Э. Сепира, где градуирование было определено как «психологический процесс, предшествующий измерению и счёту» [6, с. 43]. Языковые явления, соответствующие самой сути градации (без использования современного термина «градуальность»), были описаны в работах А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, Е. М. Вольф, И. И. Туранского, И. И. Убина и многих других. За последние десятилетия эволюционировало само понимание природы этого явления от рассмотрения градации как сугубо понятийной и логической категории на раннем этапе, семантической или лексико-грамматической категории в работах конца XX века (Д. Болинджер, Д. Льюис, Ч. Осгуд, И. И. Туранский, Е. И. Шейгал, И. И. Спильник) и функционально-прагматической категории в современных научных работах (С. М. Колесникова, Т. В. Подуфалова, Н. Н. Горшкова, Л. М. Марчук, И. В. Назарова, И. Б. Васильева, И. А. Исаева, А. Б. Ильина и др.).

Данные о методологии и методики исследования. В современной лингвистике фразеологические единицы (ФЕ) с градуальной семантикой привлекают внимание всё большего количества исследователей (Н. Н. Горшкова, Н. В. Прекина, Л. М. Марчук и др.). С одной стороны, ФЕ с градуальной семантикой являются средством выражения универсальной категории градации, а с другой, отражают лингвокультурную специфику того или иного языка. По мнению Н. Н. Горшковой, основной функцией категории градуальности во фразеологии является передача степени величины признака, процесса или явления [2, с. 8]. Фразеологизмы с градуальной семантикой представляют собой устойчивые, воспроизводимые единицы, наделённые целостным значением, в структуре

© С. Г. Ткаченко, 2017

которых обязательно наличие градосемы [2, с. 5]. Градосема в структуре фразеологического значения может актуализировать один или несколько элементов семантической структуры фразеологизма и служить как для интенсификации, т. е. усиления признака (например: *keep one's eyes peeled* 'to watch **very** carefully for something'), так и для его ослабления (*wear thin* 'to become **less** effective').

Лексические средства выражения интенсификации традиционно являются более разнообразными по сравнению со средствами деинтенсификации, что, однако, не уменьшает значения последних как средства градуирования. В качестве средств деинтенсификации признака в толковании значения ФЕ используются наречия-даунтонеры (термин введён Дж. Холмсом [12, с. 349]), то есть наречия степени, используемые с градуальными прилагательными, наречиями, а также глаголами, если их семантика допускает градации интенсивности выражаемого действия, например: *slightly, nearly, almost* и т. д. [2]. Функция даунтонеров идентична по характеру и противоположна по направленности функции интенсификаторов и заключается в указании на то, что «какое-либо качество или свойство синтаксически соотнесённого с ними [даунтонерами] прилагательного или наречия присутствует в меньшей степени по сравнению с определённым или ожидаемым стандартом» [1, с. 30].

Целью данного исследования является анализ особенностей семантики и роли даунтонеров в толковании значения английских фразеологических единиц с градуальной семантикой. Объектом исследования послужили 214 фразеологических единиц английского языка с градуальной семантикой, в толковании значений которых зафиксированы наречия-даунтонеры. ФЕ были отобраны методом сплошной выборки из специализированного словаря Cambridge Idioms Dictionary [11] и Longman Idioms Dictionary [13]. Предметом изучения являются семантические особенности и роль наречий, указывающих на низкую степень выраженности признака, во фразеологических единицах английского языка с градуальной семантикой.

Результаты исследования. Из отобранной группы наречий, указывающих на то, что количество признака является меньше ожидаемого стандарта, в лексикографических толкованиях английских ФЕ с градуальной семантикой были зафиксированы такие наречия, как: *less, little, slightly, small (amount), not enough, almost, nearly, rather, few, fairly, least, short, quite, just*. Такие даунтонеры, как: *pretty, a bit, partly, relatively, barely, comparatively, particularly, virtually, somewhat*, *reasonably* – в толкованиях значения ФЕ зафиксированы не были. Спорной является природа наречия *enough*, которое тяготеет к сфере нормы, что подтверждается зафиксированными в словаре значениями: 'to the degree that is necessary or wanted' и 'fairly but not very'. Однако, в случае употребления *enough* в отрицательном контексте декларируемое количество признака или интенсивности действия может быть охарактеризовано как недостаточное, относящееся к отрицательной зоне на шкале градации. Таким образом, ФЕ с наречием *enough* в сочетании со средствами отрицания были включены в корпус выборки, например: *pull your socks up* (to make an effort to improve your work or behaviour because it is ***not*** good ***enough***) – 'засучить рукава, поднапрячься', *jump to conclusions* (to guess the facts about a situation ***without*** having ***enough*** information) – 'делать поспешные выводы'. Прилагательное *small*, характеризующее малое количество признака, является одним из продуктивных средств градуирования во фразеологии, вследствие чего было включено в список даунтонеров. Сравнительные показатели продуктивности наречий низкой степени признака приведены в таблице.

Продуктивность даунтонеров в английских ФЕ с градуальной семантикой

Наречие	*Кол-во*	*%*	*Примеры*
Less	58	27	*Kick somebody upstairs* (to give somebody a new job which seems more powerful but is really ***less*** powerful, usually in order to stop them causing trouble) – 'переводить на более высокую, но незначительную должность'
Little	42	20	*Be hard up* (to have too ***little*** money) – 'иметь финансовые трудности'
Slightly	28	13	*A fender bender* (a car accident in which a car is ***slightly*** damaged) – 'аварийная ситуация'
Small (amount)	26	12	*Chicken feed* (a very ***small amount*** of money, especially that is paid for doing a job) – 'кошачьи слёзы (о деньгах)'
Not enough	22	10	*Be hard pushed* (to be having difficulty doing something, especially because there is ***not enough*** time or money) – 'в трудном положении'

Окончание таблицы

Наречие	*Кол-во*	*%*	*Примеры*
Almost	8	5	*Half the battle* (to be the most difficult part of a process so that once you have completed this part, you have ***almost*** succeeded) – ‘залог успеха’
Nearly	7	3	*A close call* (a situation in which something bad ***nearly*** happened) – ‘на волосок’
Rather	5	2	*Somebody is not all there* (somebody seems ***rather*** stupid or is not thinking clearly) – ‘он не в себе’
Few	5	2	*In a nutshell* (something that you say when you are describing something using as ***few*** words as possible) – ‘вкратце’
Fairly	4	2	*Take a bite out of* (to reduce something by a ***fairly*** large amount) – ‘оторвать, урвать кусок у кого-л.’
Least	3	1	*The low man on the totem pole* (somebody who has the ***least*** important position in an organisation) – ‘человек самого низкого ранга’
Short	2	1	*A race against time* (an attempt to do something very quickly because you are ***short*** of time in which it can be done) – ‘гонка со временем’
Quite	2	1	*For want of a better world* (if you say that you are using a particular word for want of a better word, you mean that it is not ***quite*** exact or suitable but there is no better one) – ‘за неимением лучшего’
Just	2	1	*A near miss* (a situation in which an accident almost happened and was only ***just*** avoided) – ‘опасная ситуация, которая чуть было не случилась’
	214	**100**	

Из таблицы следует, что наиболее продуктивными наречиями, указывающими на малую степень признака, в ФЕ с градуальной семантикой являются *less* и *little.* Оба наречия актуализируют значение малого количества, но если *less* является средством эксплицитного градуирования, то *little* – имплицитного. Это значит, что в толкованиях значения ФЕ с наречием *less* градация достигается за счёт явного указания на изменение количества признака, во втором случае – наличие признака с необычайно маленькой степенью его проявления предполагает неявное сравнение с объективно существующей нормой. Наречие *less* в основном определяет признак, выраженный прилагательным, однако, зафиксированы единичные случаи употребления даунтонера *lessen* в сочетании с существительным, например: *cushion the blow* (to try and ***lessen*** the bad effect of something) – ‘смягчать удар’.

К достаточно продуктивным даунтонерам относятся наречия *slightly, (not) enough* и прилагательное *small,* характеризующее количество признака. Все перечисленные средства относятся к имплицитному градуированию и могут указывать на малое количество признака или низкую интенсивность действия, то есть определять как прилагательное/существительное, так и глагол.

Наименее продуктивными являются даунтонеры *almost, nearly, rather, few, fairly, least, short, quite, just*, также являющиеся средством имплицитного градуирования. Некоторые из этих наречий (*few, least*) имеют схожее значение с более продуктивными даунтонерами, но сочетаются только с ограниченным классом слов, другие – могут определять как признак предмета, качества, так и интенсивность действия и не ограничены в сочетаемости с разными частями речи, но выражают различные оттенки значений.

В лексикографических толкованиях ФЕ с градуальной семантикой наречия со значением низкой меры степени могут употребляться как отдельно, так и в сочетании с другими средствами градуирования, выполняя при этом различные функции.

Анализ корпуса выборки показал, что в ФЕ с градуальной семантикой можно выделить две функции даунтонеров:

1) указание на малое количество признака, качества или интенсивности действия, что является основной функцией наречий низкой степени признака в лексикографических толкованиях, например:

(1) *the low man on the totem pole* (somebody who has the ***least*** important position in an organisation) – ‘человек самого низкого ранга’;

(2) *a hair’s breadth* (a **very *small*** distance or ***amount***) – ‘ничтожное, минимальное расстояние, количество’;

2) деинтенсификация стилистического маркёра ФЕ:

(3) *keep your hair on!* (a ***slightly*** impolite way of telling somebody who is angry to try to be calm and patient) – ‘успокойся!’;

(4) *bag and baggage* (***slightly*** formal, with all the things that you own) – ‘со всем имуществом’.

Во фразеологических единицах, в которых даунтонеры указывают на малое количе-

ство признака, градуальная семантика может актуализироваться с помощью градуирования одного или нескольких взаимосвязанных признаков, у каждого из которых может быть разный градуатор.

Деинтенсификация одного признака может осуществляться с помощью одного наречия-даунтонера, то есть употребляться изолированно (см. пример 5), или усложняться сочетанием даунтонера и интенсификатора (см. примеры 6–8);

(5) *knock the stuffing out of somebody* (to make somebody feel ***less*** confident or physically weaker) – 'сбить спесь с кого-либо'.

Как видно из примеров (6–8), существует несколько разновидностей сочетаний даунтонера и интенсификатора.

Интенсификация даунтонеров усиливает значение наречия малой степени признака и относит количество признака ещё дальше в зону отрицательного градуирования, например:

(6) *be half the (dancer/writer) you used to be* (to be **much *less*** good at doing sth than you used to be) – 'быть уже не тем (танцором/писателем), что раньше'.

Интенсификатор (*much*) усиливает семантику наречия (*less*) и уменьшает количество признака (*good*).

Выступая в качестве деинтенсификатора другого средства градуирования, наречие-даунтонер усиливает следующий за ним градуатор вне зависимости от того, является ли он даунтонером или средством усиления признака, что ведёт к изменению количества признака;

(7) *be the best of a bad bunch* (to be ***slightly* less bad** than other bad people or things in a group) – 'быть лучшим из худших'.

Деинтенсификатор (*slightly*) усиливает семантику наречия (*less*) и, соответственно, уменьшает количество признака (*bad*);

(8) *be one step ahead* – 'быть на шаг впереди' (to be ***slightly* better prepared** or more successful than somebody else).

Деинтенсификатор (*slightly*) смягчает семантику наречия (*better*) и уменьшает количество признака (*well prepared*).

Градуальная семантика ФЕ может актуализироваться через совокупность нескольких градуируемых признаков или их аспектов, ср.:

(9) *muddy the waters* (to make a situation ***more*** confused and ***less*** easy to understand or to deal with) – 'намутить, усложнить ситуацию'.

Интенсификатор и даунтонер находятся в антонимических отношениях и характеризуют разные признаки (*confused*) и (*easy*), относящиеся к одному объекту (*situation*);

(10) *long on something and short on something* (having ***too much*** of one quality and ***not enough*** of another) – 'избыток в одном – недостаток в другом'.

В этом примере два разных признака противопоставляются на основании их количества. Количество признака определяется интенсификатором со значением крайней меры признака (*too much*) и даунтонера (*not enough*), со значением малого количества, приближённого к норме;

(11) *draw in your horns* (to act in a ***more*** careful way than you did before, especially by spending ***less*** money) – 'стушеваться, умерить пыл, бить отбой'.

В примере (11) также используются интенсификатор и даунтонер, но между градуируемыми признаками наблюдается причинно-следственная связь;

(12) *play hard to get* (to pretend that you are ***less*** interested in somebody than you really are as a way of making them ***more*** interested in you, especially at the start of a romantic relationship) – 'набивать себе цену'.

В примере (12) интенсификатор и даунтонер используются для характеристики одного признака (степень заинтересованности), но в разных его аспектах – интерес, проявляемый субъектом, и интерес, проявленный к субъекту.

Примечательно, что взаимосвязь нескольких градуируемых признаков может носить характер противопоставления, то есть для описания признака используются два градуатора, состоящих в антонимических отношениях друг с другом и представляющих противоположные края градуального ряда (см. примеры 13–15), или градация может актуализироваться с помощью двух последовательных градуаторов, занимающих соседние позиции на шкале градации (см. примеры 16–17);

(13) *be penny-wise and pound-foolish* (to be ***extremely*** careful about ***small amounts*** of money and ***not*** careful ***enough*** about ***larger amounts*** of money) – 'рискующий большим ради малого';

(14) *great oaks from little acorns grow* (something that you say in order to emphasize that a ***large***, successful organization or plan was very ***small*** or simple when it began) – 'большое начинается с малого';

(15) *play it cool* (to pretend to be ***calmer***, or to be ***less interested*** in sth or sb, than you really are) – 'сохранять видимое спокойствие'.

В примерах (13–15) градуаторы являются антонимами, а градуированию подвергаются

разные признаки – степень осторожности, количество денег (пример 13), разные аспекты признака – размер организации сейчас и в прошлом (пример 14), разные признаки синонимичные по значению – степень хладнокровия, отсутствие заинтересованности (пример 15);

(16) *not be worth a dime* (to have ***little*** or ***no*** value) – 'не стоить и гроша';

(17) *close but no cigar* (something that you say to someone if what they tell you or what they do is ***nearly*** correct but ***not completely***) – 'почти, но не совсем'.

В примерах (16) и (17) градуированию подвергается один и тот же признак, но используются градуаторы, занимающие относительно близкие позиции на шкале градации, указывающие на нисходящую (*little – no*) или восходящую (*nearly – not completely*) градацию.

Выводы. Анализ материала показал, что в лексикографических толкованиях ФЕ с градуальной семантикой было зафиксировано 14 продуктивных маркеров, передающих значение низкой степени признака. Некоторые из наречий могут относиться к переходной зоне, указывая как на низкую степень признака, так и на достаточное количество признака. В таких случаях решающее значение при отнесении ФЕ к анализируемой группе имел контекст. Большинство даунтонеров (13), зафиксированных в корпусе выборки, относятся к средствам имплицитного градуирования. Единственным исключением является наречие *less*, которое относится к средствам эксплицитного градуирования. Даунтонеры *less* и *little* являются самыми частотными. Высокой продуктивностью отличаются также *slightly, (not) enough* и *small*. Наречия, встречающиеся в единичных случаях, имеют ограниченную лексическую или грамматическую сочетаемость.

Наречия низкой степени признака в лексикографических толкованиях ФЕ чаще всего указывают на малое количество признака, качества или интенсивности действия. Однако они также могут служить для уточнения степени стилистической маркированности ФЕ. В толкованиях значения ФЕ градуальная семантика может актуализироваться с помощью градуирования одного признака или представлять собой взаимосвязь нескольких признаков, у каждого из которых может быть разный градуатор. Необходимое количество признака выражается как единичным наречием, так и его сочетаниями с интенсификаторами или другими даунтонерами. Если в толковании значения ФЕ градуированию подвергаются несколько признаков, их градуаторы могут находиться в антонимических или синонимических отношениях друг с другом.

Список литературы

1. Васильева И. Б. Смягчающие операторы степени английского языка: гендерный аспект // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 79, № 20. С. 29–35.

2. Горшкова Н. Н. Фразеологические единицы с градуальной семантикой в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2004. 20 с.

3. Колесникова С. М. Категория градуальности и способы её выражения в современном русском языке. М.: МПУ, 1998. 280 с.

4. Колесникова С. М. Градуальность: системные связи и отношения в русском языке. М.: МПГУ, 2012. 294 с.

5. Назарова И. В. Роль наречий-градуаторов в английском языке // Вопросы современной науки и практики. 2008. Т. 1, № 1. С. 205–209.

6. Сепир Э. Градуирование. Семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып.16. С. 43–78.

7. Шейгал Е. И. Градация в лексической семантике. Куйбышев: Изд-во КГПИ им. В. В. Куйбышева, 1990. 96 с.

8. Бєссонова О. Л., Сарбаш О. С., Трофімова О. В., Олійник С. В., Стоянова І. Д. Ієрархія цінностей та її відображення в англомовній картині світу // Процедури концептуального аналізу в різноструктурних мовах. Типологічні, зіставні, діахроічні дослідження. Донецьк: ДонНУ, 2012. Т. 7. С. 18–91.

9. Марчук Л. М. Категорія градації в сучасній українській літературній мові: автореф. дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.01. Київ, 2008. 32 с.

10. Подуфалова Т. В. Деривационная обусловленность градации языковых единиц (на примере слов, обозначающих количество) // Мова і культура. Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2005. Вип.8. С. 259–264.

11. Cambridge Idioms Dictionary. Cambridge University Press, 2006. 505 p.

12. Holmes J. Modifying illocutionary force // Journal of Pragmatics. 1984. № 8. PP. 345–365.

13. Longman Idioms Dictionary. – Pearson Education Limited, 1998. 398 p.

Статья поступила в редакцию 04.10.2016; принята к публикации 26.01.2017

Библиографическое описание статьи

Ткаченко С. Г. Показатели низкой степени признака в толкованиях английских фразеологических единиц с градуальной семантикой // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 58–63.

Sofiya G. Tkachenko,
Postgraduate Student,
Donetsk National University
(14 pr. Gurova, Donetsk, 83050, Ukraine),
e-mail: curuxa.sabia@gmail.com

Downtoners in the Definitions of the English Phraseological Units of Gradual Semantics

Grading is a universal means of reflecting knowledge of amount, degree, intensity or evaluation of an object. The study of grading semantics of phraseological units is an actual trend in linguistics as it may add to the better understanding of value system, notion of standard and deviation from it, typical of the English society. The object of the study is English phraseological units in which definition the downtoners are recorded. The subject is the semantic peculiarities and the role of adverbs denoting low degree of a quality in the definition of the English idioms. The adverbs *less* and *little* are most frequently used, such downtoners as *slightly, small (amount)*, *not enough* are relatively often used. All the other downtoners *(almost, nearly, rather, few, fairly, least, short, quite, just)* are used occasionally. The method of component analysis made it possible to state that the low degree meaning can be verbalized either by the use of isolated downtoner in a definition or by its combination with intensifiers or other downtoners. In lexicographical definitions of the phraseological units the grading semantics can be actualized by grading either one or several qualities, with each having grading mark of its own.

Keywords: gradation, grading, downtoner, deintensification, phraseological units

References

1. Vasil'eva I. B. Smyagchayushchie operatory stepeni angliiskogo yazyka: gendernyi aspekt // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. Ser. Filologiya. Iskusstvovedenie. 2013. Vyp. 79, № 20. S. 29–35.
2. Gorshkova N. N. Frazeologicheskie edinitsy s gradual'noi semantikoi v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. … kand. filol. nauk: 10.02.01. M., 2004. 20 s.
3. Kolesnikova S. M. Kategoriya gradual'nosti i sposoby ee vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke. M.: MPU, 1998. 280 s.
4. Kolesnikova S. M. Gradual'nost': sistemnye svyazi i otnosheniya v russkom yazyke. M.: MPGU, 2012. 294 s.
5. Nazarova I. V. Rol' narechii-graduatorov v angliiskom yazyke // Voprosy sovremennoi nauki i praktiki. 2008. T. 1, № 1. S. 205–209.
6. Sepir E. Graduirovanie. Semanticheskoe issledovanie // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. 1985. Vyp.16. S. 43–78.
7. Sheigal E. I. Gradatsiya v leksicheskoi semantike. Kuibyshev: Izd-vo KGPI im. V. V. Kuibysheva, 1990. 96 s.
8. Bєssonova O. L., Sarbash O. S., Trofimova O. V., Oliinik S. V., Stoyanova I. D. Ієrarkhiya tsinnostei ta її vidobrazhennya v anglomovnii kartini svitu // Protseduri kontseptual'nogo analizu v riznostrukturnikh movakh. Tipologichni, zistavni, diakhroichni doslidzhennya. Donets'k: DonNU, 2012. T. 7. C. 18–91.
9. Marchuk L. M. Kategoriya gradatsiї v suchasnii ukraïns'kii literaturnii movi: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Kiïv, 2008. 32 s.
10. Podufalova T. V. Derivatsionnaya obuslovlennost' gradatsii yazykovykh edinits (na primere slov, oboznachayushchikh kolichestvo) // Mova i kul'tura. Kiïv: Vidavnichii Dim Dmitra Burago, 2005. Vip.8. S. 259–264.
11. Cambridge Idioms Dictionary. Cambridge University Press, 2006. 505 p.
12. Holmes J. Modifying illocutionary force // Journal of Pragmatics. 1984. № 8. PP. 345–365.
13. Longman Idioms Dictionary. – Pearson Education Limited, 1998. 398 p.

Received: October 04, 2016; accepted for publication January 26, 2017

Reference to the article
Tkachenko S. G. Downtoners in the Definitions of the English Phraseological Units of Gradual Semantics // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 58–63.

http://www.zabvektor.com ISSN 1996-7853 ISSN 2542-0038 (Online)

УДК 81

Лариса Николаевна Чернышева,
старший преподаватель,
Московский государственный институт
международных отношений
Министерства иностранных дел России
(119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76),
e-mail: l.n.chernysheva@inno.mgimo.ru

Роль внешнего фактора в развитии терминологической лексики амхарского языка

В статье рассматривается процесс создания терминов на амхарском языке в условиях смены политических реалий и необходимости создания новых номинативных единиц для их обозначения. Анализируются наиболее продуктивные словообразовательные модели, используемые для пополнения амхарского языка научно-техническими и общественно-политическими терминами, а также механизм и принципы процесса терминотворчества. Акцент делается на роли субъективного фактора в условиях отсутствия понятийного аппарата на амхарском языке для таких дисциплин, как физика, химия, математика, биология и ряда других в связи с тем, что наука в Эфиопии на этом этапе только начала развиваться. Автором предпринимается попытка проследить дальнейшую судьбу лексических нововведений и провести анализ условий, способствовавших закреплению в языке новообразований, относящихся к общественно-политической лексике. Отдельно рассматриваются причины, по которым значительная часть научно-технических терминов оказалась невостребованной. По итогам анализа делается вывод о необходимости интенсификации усилий в направлении стандартизации и дальнейшего развития терминологической базы на амхарском языке, который является рабочим языком в Эфиопии. Важная роль в реализации обозначенных выше задач принадлежит государству как инициатору и координатору процессов терминообразования и терминоиспользования. Поэтому уменьшение внимания со стороны государства к данной проблеме расценивается как нежелательное.

Ключевые слова: амхарский язык, терминология, внешний фактор, Академия языков народов Эфиопии, словообразовательные модели, понятийный аппарат

Вводная часть. В словарном составе языка постоянно происходят изменения, и важная роль в этом процессе принадлежит внешнему фактору. В результате преобразований в обществе возникают новые реалии, для передачи смыслового значения которых создаются соответствующие лексические единицы. Как правило, эти обновления касаются словарного состава отдельных областей знания либо наиболее чувствительной ко всем социальным преобразованиям общественно-политической лексики, в то время как основной словарный фонд языка изменяется не столь динамично.

С конца XIX века правители Эфиопии, на протяжении длительного времени развивающейся в изоляции от внешнего мира, предприняли ряд шагов для установления контактов с европейскими державами. Одна из преследуемых ими целей предполагала возможность использования научных достижений Европы для проведения необходимых преобразований внутри страны. Это стремление к сотрудничеству совпало с желанием западных стран распространить своё влияние на Эфиопию.

Начавшийся на старте следующего столетия процесс модернизации затронул многие стороны жизни эфиопского общества и не мог не повлиять на развитие амхарского языка. Необходимость найти языковые единицы для обозначения актуальных явлений и понятий привела к росту словообразовательной активности на индивидуальном уровне, инициировав стихийное словотворчество. В оборот вводилось большое количество лексических новообразований, при этом нередко в языке функционировало несколько эквивалентов для передачи одного и того же понятия [10, с. 14]. Первые попытки систематизировать научно-техническую терминологию на уровне государства были сделаны в начале 60-х годов XX века. К этому времени за амхарским окончательно закрепился статус языка обучения в начальной школе. Министерство образования Эфиопии поставило задачу обеспечить учащихся 1–6-х классов учебниками на амхарском языке. Планирова-

© *Л. Н. Чернышева, 2017*

лось также ввести преподавание некоторых дисциплин на амхарском и в высшей школе. С целью развития языка, повышения его роли в образовательном процессе в 1972 году была учреждена Академия амхарского языка. Однако нельзя утверждать, что её работа по созданию научно-технической терминологии на амхарском в этот период была продуктивной [10, с. 14].

Данные о методологии и методики исследования. Серьёзные усилия по созданию терминологической лексики были предприняты после того, как пришедшие к власти в 1974 году новые политические силы поставили своей целью популяризировать научное знание в стране и, прежде всего, ликвидировать неграмотность среди населения, 90 % которого не умели ни читать, ни писать. Кардинальная смена вектора развития – после свержения императора новая власть объявила о строительстве социализма – предполагала и существенное обновление общественно-политической терминологии. Несмотря на то, что в попытке уравнять остальные языки народов Эфиопии с амхарским революционное правительство лишило его статуса государственного языка[1], а Академия амхарского языка была переименована в Академию языков народов Эфиопии, меры по созданию терминологии на амхарском, предпринятые новой властью, стали мощным стимулом для развития последнего.

Модернизация амхарского языка была столь масштабной, что анализ методов и способов её проведения представляется важным как с точки зрения роли субъективного фактора в процессе терминообразования, так и с точки зрения накопленного опыта. Выявление особенностей терминопроизводства для таких дисциплин, как химия, математика, физика, биология и ряда других имеет значение ещё и потому, что к тому моменту, когда работа в этом направлении приобрела широкие масштабы, сама наука в Эфиопии только начала развиваться, и её история исчислялась периодом жизни одного поколения [8, с. 7]. Тем более существенными выглядят достигнутые результаты. В связи с этим важное значение имеет проведение словообразовательного анализа, исследование всего спектра методик и подходов, использованных при создании новых номинативных единиц. Отдельного упоминания заслуживает энтузиазм, с которым подошли к решению данного вопроса эфиопские учёные-лингвисты, специалисты в области науки и техники, а также студенты старших курсов университета в Аддис-Абебе.

Ключевую роль в практической реализации амбициозных замыслов сыграла Академия языков народов Эфиопии. Разработка научно-технических терминов не была самоцелью – ставилась задача не только ликвидировать неграмотность, но и обеспечить выход естественнонаучного знания за рамки профессионального использования, сделать так, чтобы оно перестало быть привилегией узкого круга специалистов. Образование должно было стать доступным для всех граждан страны, и эту доступность предполагалось обеспечить в том числе за счёт выпуска учебной литературы на языке, который являлся понятным или родным для обучающихся.

За основу, помимо других источников, были взяты термины из учебников для 1–12-х классов на английском языке. Для записи использовали специальные карточки, на которых термин был приведён в контексте, помогающем лучше понять смысловое значение передаваемого им понятия. После подготовительной работы материал поступал к специалистам, представляющим конкретные области знания, и лингвистам для перевода на амхарский язык. Таким образом, на амхарский язык было переведено более 15 000 терминов по 12 дисциплинам [10, с. 20]. Ежемесячно итоги работы становились достоянием широкой общественности и профессионалов путём публикации буклетов, в том числе и иллюстрированных картинками, облегчающими восприятие научных терминов. Специальная терминология по математике, биологии, химии и физике проходила апробацию в шести школах Аддис-Абебы с тем, чтобы преподаватели могли высказать своё мнение по данному вопросу [8, с. 11].

Результаты и их обсуждение. При создании новых научно-технических терминов разработчики старались придерживаться определённых принципов [10, с. 16]. Узкоспециальные термины оставались без перевода, в то время как все термины, относящиеся к дисциплинам, которые были включены в программу школ и вузов, обязательно переводили на амхарский язык. При переводе предпочтение отдавалось наиболее доступной для восприятия обучающегося грамматической форме. Так, вместо имени действия и состояния, которое обладает глагольными и именными свойствами, использовали имя существительное, за исключением тех случаев, где имя действия могло более

[1] По Конституции 1987 г. (ст. 116) амхарский получил статус рабочего языка [9, с. 207].

точно раскрыть смысл передаваемого понятия. Например, *qəsqɛsa* вместо *mɛqɛsqɛs* «активация» (физ.). Но *mawalɛt* – «поляризация», а не *walta* – «полюс».

Термины, которые ошибочно могли восприниматься как синонимы, должны были чётко разграничиваться при переводе. Так, *nədf* – «план», но *səmrɛ nədf* – «диаграмма, схема».

Не допускалось использование одного и того же термина для передачи значения понятий, относящихся к разным областям знания. Например, английский термин *aging* на амхарский перевели следующим образом: *bəslɛt* – «старение» (хим.), но *gərjɛfa* – «старение (населения)»[1]. Термин «отклоняющийся от нормы» (мед.) был переведён на амхарский язык как *dɛmb wəṭ*, но тот же термин употребляется в сельском хозяйстве как *ləkkallɛf*[2]. Для понятия «биосфера» были использованы следующие термины: в ботанике – *həywət kəllə̈l*, в географии – *mədrɛ* həywət, в геологии – *həywətɛ* kəbɛ*b*[3].

Заимствованные из других языков термины адаптировались к грамматическим и фонетическим нормам амхарского языка: *aljɛbrawi* «алгебраический» (англ. *algebraic*)[4].

Несмотря на то, что одна из задач заключалась в том, чтобы избежать избыточной синонимии, в ряде случаев составители сознательно шли на использование амхарского эквивалента наряду с интернациональным термином, ссылаясь при этом на опыт зарубежных стран. Например, *hisab* и *matematiks* – «математика», *təlləq awtar*[5] и *diyametr* – «диаметр». Однако наличие терминов-синонимов, образованных от амхарского корня, не приветствовалось.

Если специалисты и лингвисты приходили к выводу, что существующие в языке термины не достаточно точно передают значение того или иного понятия, предлагался другой, более подходящий на их взгляд, эквивалент. Например, для обозначения понятия «амплитуда» (физ.) было решено использовать термин *gənnɛt*[6] (*gɛnnɛnɛ* – «разрастаться») вместо *səfat* (*sɛffa* – «быть широким»). *Wanna yɛləbb yɛdɛm sər* было предложено заменить термином *abiy dɛm wəsaj*[7] – «аорта» (мед.), а «кровяное давление» перевести как *dɛm gəfit*[8] вместо *yɛdɛm hayl*[9].

Способы образования новых номинативных единиц были традиционными и одинаковыми как для научно-технических терминов, так и для общественно-политической лексики. Лексические новообразования создавались по известным словообразовательным моделям амхарского языка, посредством заимствования из других языков, а также расширения семантики слова или вторичной номинации, что наглядно демонстрируют следующие примеры:

– внутренняя флексия: *qəws* – «кризис» от глагола *tɛqawwəsɛ* – «перепутываться»;

– внутренняя флексия и суффиксация: *gəmbata* – «строительство», от глагола *gɛnɛbba* – «строить»; *hidɛt* – «процесс», от глагола *hedɛ* – «идти»;

– внутренняя флексия и префиксация: *akkwahwan* – «образ жизни», от глагола *honɛ* – «быть»;

– сочетание внутренней флексии с суффиксацией и префиксацией: *mɛmmɛriya* – «указание, предписание», от глагола *tɛmɛrra* – «руководствоваться»;

– суффиксация: *zɛrɛññə̈a* – «расист», *zɛrɛññə̈annɛt* – «расизм», от слова *zɛr* – «раса»;

– префиксация[10]: *qədmɛ huneta* – «предпосылки» (*qədmɛ-* – «до»); *iamañ* – «атеист» (*i-* – «не»), ș̣ɛrɛ kominizm – «антикоммунизм» (ș̣ɛrɛ- – «анти»);

– словосложение: *nəus kɛbɛrte* – «мелкая буржуазия», *wəz addɛr* – «пролетарий»;

– заимствования из других языков: *abəyot* – «революция», от глагола *abbɛyɛ* (геэз) – «не повиноваться», «бунтовать»; *propaganda* (англ.) «пропаганда»;

– расширение семантики слова: *awwəqaqɛr* – «структура», прежнее значение – «обтёсывание»; ərbata – «воспроизводство», прежнее значение – «разведение (животных, птиц)».

Эфиопские учёные-лингвисты, равно как и специалисты, привлечённые к реализации данного проекта, понимали, что не вся созданная ими научно-техническая терминология может оказаться востребованной, «приживётся» в амхарском языке. Необходимость дальнейших усилий по систематизации суще-

[1] Science and Technology Dictionary (English-Amharic). – Addis Ababa, 1996. – P. 6.
[2] Там же. – С. 1.
[3] Там же. – С. 1, 6, 26.
[4] Там же. – С. 8.
[5] Там же. – С. 51.
[6] Там же. – С. 10.
[7] Там же. – С. 10.
[8] Там же. – С. 28.
[9] English-Amharic Context Dictionary by Wolf Leslau. – Wiesbaden, 1972. – P. 121.
[10] Большинство служебных морфем заимствовано из языка геэз [6, с. 34]. Геэз (эфиопский, древнеэфиопский язык) – до X–XI вв. находился как в устном, так и в письменном употреблении. На языке геэз до сих пор ведётся богослужение в церквях и храмах Эфиопии.

ствующих и разработке новых терминов на амхарском языке представлялась очевидной. Всем, в том числе и самим составителям, предстояло освоить новые лексические единицы с тем, чтобы убедиться в практической ценности предлагаемого понятийного аппарата, на что требовалось время.

Как известно, общественно-политическая лексика отражает социально значимые понятия и явления, представляя собой внушительный по объёму лексический пласт языка. Поэтому в условиях повышения поощряемой государством социальной и политической активности граждан общественно-политические лексические новообразования оказались актуальными и стали важной частью словаря, используемого широким кругом лиц в повседневном общении. Этому способствовали серьёзные усилия со стороны государства по ликвидации неграмотности и повышению идейно-политического уровня населения [3, с. 14, 15].

Практически все новообразования из области общественно-политической лексики закрепились в амхарском языке. И несмотря на то, что в 1991 году в Эфиопии вновь сменился политический режим, а вместе с ним и официальная идеология государства, большинство лексических нововведений сохранилось до настоящего времени. Часть слов перешла в пассивный словарный запас: *wøz addɛr, lab addɛr* – «пролетарий»; *sošalizm, həbrɛtɛsɛbawinnɛt* – «социализм»[1]. Другие лексические единицы не используются ни в устной, ни в письменной речи либо потому, что их значение не всегда понятно современным носителям амхарского языка, либо в силу того, что реалии, которые они обозначают, остались в прошлом: *aqqɛbabay buržwazi* – «компрадорская буржуазия», *asmɛsay abəyotɛññа* – «псевдореволюционер»[2].

В настоящее время развитие амхарского языка продолжается, но менее интенсивно. Неологизмы создаются не только для передачи новых понятий и явлений. Появляются синонимы лексических единиц, функционирующих в языке на протяжении длительного времени, хотя известно, что существование нескольких номинативных единиц для обозначения одного и того же понятия не облегчает выбор нужного термина. К первым относятся *ṭomari* – «блоггер», *gəzuf čəflaqi mɛssariya* – «Большой адронный коллайдер», *yɛbank hisab kard* – «банковская карта». Ко вторым – *šɛrik* – «партнёр», *ṭɛbbɛbt* – «специалисты». Наблюдается тенденция перемежать в речи амхарские слова с английскими не только в профессиональной среде, при деловом общении, но и в повседневной жизни. Этот «гибридный язык» (*kəlləs qwanqwa*) особенно характерен для эфиопской молодёжи. «Грешат» им и эфиопские учёные, что можно проследить по интервью, которые они дают СМИ. Следует отметить, что знание английского языка в целом высоко ценится в Эфиопии, так как открывает доступ к высшему образованию и возможность самореализации за пределами Эфиопии. Однако большинство населения не владеют английским языком на достаточно хорошем уровне, это привилегия незначительного меньшинства образованных людей, представляющих политическую и экономическую элиту страны [5, с. 1089].

Заключение. Процесс модернизации амхарского языка, проходивший в 80-х годах XX века, наглядно продемонстрировал, что инициатива и контроль со стороны государства имеют важное значение для становления и развития терминологической базы языка. Безусловно, государство в то время решало свои задачи, а именно: приобщить к новой идеологии как можно большее число граждан и заручиться их поддержкой для проведения в стране необходимых преобразований. Тем не менее, несмотря на явную прагматичность такой позиции, следствием реализуемых правительством задач стал бурный рост количества новых терминов на амхарском языке. Время подтвердило жизнеспособность новой общественно-политической лексики. Однако научно-технические термины нуждаются в дальнейших уточнениях и стандартизации. Об этом свидетельствуют разногласия, возникающие среди современных эфиопских учёных по вопросу правомерности использования того или иного научного термина на амхарском языке. В подобных ситуациях, как правило, предпочтение отдаётся термину на английском языке.

Развитие языка, в частности его терминологической базы, является важной составляющей культурной политики государства. Однако складывается впечатление, что в настоящее время эти вопросы не рассматриваются эфиопским правительством как приоритетные, что можно объяснить новыми реалиями жизни и изменениями в языковой политике. Тем не менее, следует отметить, что координация государством процессов, связанных с созданием и использованием терминов на

[1] A Concise Sociopolitical Dictionary by Zdeněk Poláček, Mälaku Azzänä,Tamrat Täsfaye. – Wiesbaden, 1990. – P. 434.
[2] Там же. – С. 381.

амхарском, рабочем языке эфиопского правительства, необходима. И не только в связи с тем, что позволяет решить важную задачу нахождения каждым термином своей ниши в понятийном аппарате конкретной дисциплины, но и потому, что является свидетельством осознания государством значимости этой работы для общества.

Список литературы

1. Завадская Е. П. Некоторые особенности становления и функционирования общественно-политической терминосистемы в амхарском языке // Филологические науки: сб. науч. тр. 2000. № 3. С. 15–23.

2. Титов Е. Г. Грамматика амхарского языка. М.: Наука, 1991.

3. Чернышёва Л. Н. Язык политики как средство достижения политических целей (на материале выступлений лидеров Эфиопии) // Гуманитарные исследования. 2016. № 1. С. 11–20.

4. Discussion on Papers Dealing with the Ethiopian Experience in Terminology Development. Proceeding of the International Seminar of Terminology. The Academy of Ethiopian Languages. Addis Ababa, 1987. PP. 37–39.

5. Language Determination in Ethiopia: What Medium of Instruction? Berhanu Bogale. Proceedings of the 16th International Conference of Ethiopian Studies.Trondheim, 2009. P. 1089.

6. Some Theoretical Questions of Political and Social Terminology in Amharic. Zdeněk Poláček. Proceeding of the International Seminar of Terminology. The Academy of Ethiopian Languages. Addis Ababa, 1987. PP. 33–36.

7. The Activities and Achievements of the Mathematics Panel. Alemayehu Haile. Proceeding of the International Seminar of Terminology. The Academy of Ethiopian Languages. Addis Ababa, 1987. PP. 21–24.

8. The Amharic Science and Technology Project. Ermias Dagne, Demisu Gemeda. Proceeding of the International Seminar of Terminology. The Academy of Ethiopian Languages. Addis Ababa, 1987. PP. 7–13.

9. The Constitution of the People's Democratic Republic of Ethiopia [Электронный ресурс]. Dordrecht, 1988. Режим доступа: http://www.chilot.files.wordpress.com/2011/04/1987ethiopianconstitution1.pdf (дата обращения: 25.12.2016).

10. The Linguistic Theory and Methodology of the Science and Technology Terms Translation Project. Amsalu Aklilu. Proceeding of the International Seminar of Terminology. The Academy of Ethiopian Languages. Addis Ababa, 1987. PP. 14–20.

Статья поступила в редакцию 19.01.2017; принята к публикации 24.02.2017

Библиографическое описание статьи

Чернышева Л. Н. Роль внешнего фактора в развитии терминологической лексики амхарского языка // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 64–69.

Larisa N. Chernysheva,
Senior Lecturer,
Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(76 pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia),
e-mail: l.n.chernysheva@inno.mgimo.ru

The Influence of the External Factors on the Development of Terminology in Amharic

The article analyzes the processes of creating science and technology as well as political and social terminology in Amharic. We also examine word formation models used to add new terms to Amharic technical and political vocabulary. Particular attention is paid to the term creation mechanisms and term-building principles. It was just the beginning of the development of sciences in Ethiopia and the lack of proper conceptual apparatus of such sciences as Physics, Chemistry, Mathematics, Biology, and so on became obvious to the government. That is why the subjective factor played an important part in the term formation processes in Amharic. The article aims to trace the use of the newly created terminology and analyze why some of the terms continue to be used and the others do not. We conclude that the efforts should be done to enhance the processes of standardization and unification of terminology in Amharic, the working language of the Ethiopian government. To implement these tasks, the role of the state as the initiator and coordinator is considered to be very significant.

Keywords: the Amharic language, terminology, external factors, the Academy of Ethiopian Languages, word formation models, conceptual apparatus

References

1. Zavadskaya E. P. Nekotorye osobennosti stanovleniya i funktsionirovaniya obshchestvenno-politicheskoi terminosistemy v amkharskom yazyke // Filologicheskie nauki: sb. nauch. tr. 2000. № 3. S. 15–23.

2. Titov E. G. Grammatika amkharskogo yazyka. M.: Nauka, 1991.

3. Chernysheva L. N. Yazyk politiki kak sredstvo dostizheniya politicheskikh tselei (na materiale vystuplenii liderov Efiopii) // Gumanitarnye issledovaniya. 2016. № 1. S. 11–20.

4. Discussion on Papers Dealing with the Ethiopian Experience in Terminology Development. Proceeding of the International Seminar of Terminology. The Academy of Ethiopian Languages. Addis Ababa, 1987. PP. 37–39.

5. Language Determination in Ethiopia: What Medium of Instruction? Berhanu Bogale. Proceedings of the 16th International Conference of Ethiopian Studies.Trondheim, 2009. P. 1089.

6. Some Theoretical Questions of Political and Social Terminology in Amharic. Zdeněk Poláček. Proceeding of the International Seminar of Terminology. The Academy of Ethiopian Languages. Addis Ababa, 1987. PP. 33–36.

7. The Activities and Achievements of the Mathematics Panel. Alemayehu Haile. Proceeding of the International Seminar of Terminology. The Academy of Ethiopian Languages. Addis Ababa, 1987. PP. 21–24.

8. The Amharic Science and Technology Project. Ermias Dagne, Demisu Gemeda. Proceeding of the International Seminar of Terminology. The Academy of Ethiopian Languages. Addis Ababa, 1987. PP. 7–13.

9. The Constitution of the People's Democratic Republic of Ethiopia [Elektronnyi resurs]. Dordrecht, 1988. Rezhim dostupa: http://www.chilot.files.wordpress.com/2011/04/1987ethiopianconstitution1.pdf (data obrashcheniya: 25.12.2016).

10. The Linguistic Theory and Methodology of the Science and Technology Terms Translation Project. Amsalu Aklilu. Proceeding of the International Seminar of Terminology. The Academy of Ethiopian Languages. Addis Ababa, 1987. PP. 14–20.

Received: January 19, 2017; accepted for publication February 24, 2017

Reference to the article

Chernysheva L. N. The Influence of the External Factors on the Development of Terminology in Amharic // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 64–69.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

LINGUISTIC WORLDVIEW

УДК 81.42
DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-70-78

Марина Владимировна Батюшкина,
старший консультант
отдела лингвистической экспертизы
и систематизации законодательства,
Законодательное собрание Омской области
(644002, Россия, г. Омск, ул. Красный Путь, 1),
e-mail: soulangeana@mail.ru

Законодательный текст, его адресант и адресат

В статье раскрываются понятия «адресант» и «адресат» законодательного текста в аспекте юридического дискурса. Уделяется внимание анализу соотношения понятия «юридический дискурс» с понятиями «дискурс», «законодательный дискурс», «правоприменительный дискурс». Автор высказывает свою точку зрения на определение понятий «дискурс», «юридический дискурс», «законодательный дискурс» и «правоприменительный дискурс». Законодательный текст определяется как интеллектуальная форма взаимодействия адресанта и адресата. Подчёркивается дискурсивный статус категорий адресанта и адресата. Доказывается, что специфика коммуникативной направленности юридического дискурса во многом обусловлена особыми функциями адресанта и адресата законодательного текста. В статье рассматриваются основные признаки категории субъективности в законодательном тексте, а также языковые средства, служащие для репрезентации данных признаков, определяется место языка в процессе создания правовых норм. Методологическую базу исследования составляют положения теории дискурса, теории речемыслительного процесса. Поставленные задачи решены путём анализа действующего российского законодательства. Научная статья предназначена для обсуждения категорий «адресант» и «адресат» законодательного текста преподавателями, аспирантами и студентами. Выводы, сделанные автором научной статьи, могут быть использованы для проведения дальнейших исследований по данной проблематике.

Ключевые слова: юридический дискурс, законодательный дискурс, правоприменительный дискурс, текст закона, адресант, адресат

Вводная часть. Актуальность вопроса о категориях адресанта и адресата законодательного текста объясняется необходимостью формирования целостного и точного представления о природе современного юридического дискурса, его субъектном, объектном и процессуальном параметрах. Дискурсивный аспект позволяет, с одной стороны, оценивать законодательный текст в комплексе с той действительностью, которую он порождает и отображает; с другой – применять междисциплинарный подход, заключающийся в неизбежной корреляции лингвистических и юридических понятий при исследовании и описании адресанта и адресата законодательного текста.

Методологическую основу исследования составляют положения теории дискурса (Т. ван Дейк, М. Фуко, Р. Водак, Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, В. Е. Чернявская и др.). При этом для целей исследования дискурс понимается как языковая культура, в которой формируется общество и существует личность.

Частнонаучной базой исследования послужили концепции отечественных учёных в области юридического дискурса (Л. А. Борисова, Н. Д. Голев, Т. В. Губаева, Л. Е. Попова, С. Н. Слепухин, Л. В. Колесникова и др.). Юридический дискурс понимается нами как совокупность лингвокультурных явлений

© *М. В. Батюшкина, 2017*

действительности, при помощи которых происходит порождение и восприятие правовых текстов и осуществляется правовая коммуникация. На наш взгляд, юридический дискурс воплощает в себе политические, экономические, морально-этические, этноязыковые и другие факторы организации государства и общества, а также существования в них человека, наделяемого тем или иным статусом.

В качестве специальных методов исследования лингвистического материала были использованы контекстуальный и сопоставительный анализы. Эмпирической основой исследования послужили тексты Конституции России, федеральных и региональных законов, поэтому выводы, сделанные автором, относятся к российскому юридическому дискурсу.

Результаты исследования. В процессе анализа эмпирической основы, а также научных трудов по рассматриваемой проблематике были сформулированы следующие положения, предлагаемые для обсуждения.

Теоретический анализ. Законодательный текст является особой формой представления юридически значимой информации и особым способом отражения и создания правовой действительности. Как отмечает Е. А. Юртаева, «тексты законодательных актов фактически являют собой пример структурно-семиотического оформления функционирования государственной власти и социальной жизни» [13, с. 119]. Выступая элементом правовой культуры, законодательный текст не только отражает определённые общественные ценности, накопленные за время развития данной культуры, но и устанавливает определённые правила, рамки жизни человека, те социально-правовые роли, которые он может или не может выполнять, алгоритмы действий практически во всех социальных сферах, меру ответственности за нарушение правил и неисполнение институциональных ролей.

Формальную юридико-лингвистическую определённость правовому содержанию придаёт юридический язык, являющийся лингвосемиотическим кодом, благодаря которому выражаются генетические, функциональные и структурные связи законодательного текста и юридического дискурса, а правовая норма отличается от других норм. С лингвистической точки зрения, юридико-лингвистическая определённость характеризуется требованиями, предъявляемыми к языковым единицам (грамматическая правильность, точность, уместность) и тексту как речевой единице (логичность, содержательность).

Законодательный текст постоянно воспроизводит и преобразовывает юридический дискурс. Поскольку формирование юридического дискурса основано на двух взаимосвязанных процессах: создании общеобязательных правил и обеспечении их реализации, законодательный текст целесообразно рассматривать в связи с двумя этапами: подготовительным и основным. На подготовительном этапе формируется идея будущего закона, разрабатывается «первоначальный» текст законопроекта и осуществляется его доработка. Подготовительный этап завершается процедурой принятия доработанного и согласованного законодательного текста на заседании парламента. После начала применения законодательных норм на практике можно говорить об основном этапе существования законодательного текста – функционировании в юридическом дискурсе. Данные этапы соответствуют двум взаимосвязанным процессам и соответственно субдискурсам: законотворческому (законодательный субдискурс) и правоприменительному (правоприменительный субдискурс). Юридический дискурс, законодательный субдискурс и правоприменительный субдискурс находятся в родо-видовой взаимосвязи.

На указанных этапах формирования юридического дискурса, на наш взгляд, происходит последовательная репрезентация некой правовой модели, правового инварианта. Поэтому правовая модель как минимум дважды проявлена и объективирована: в первом случае – в законодательном тексте (вариация нормы), во втором – при функционировании данного текста в правоприменительном субдискурсе (вариант нормы). Вариант нормы одновременно отражает как правовую модель, так и её вариацию, представленную в законодательном тексте.

В силу этого законодательный текст обладает специфическими взаимосвязанными закономерностями, характеризующими его генезис (порождение и развитие), содержание и структуру, восприятие и функционирование. Формирование представления о данных закономерностях обусловлено коммуникативными процессами, происходящими между субъектами юридического дискурса. Автор разделяет точку зрения В. И. Карасика, считающего, что субъектный подход к пониманию дискурса даёт возможность объяснить специфику осуществления общения с позиций той или иной социальной группы [5, с. 74].

Полагаем, что именно дискурсивная стратификация во многом предопределяет системность юридического дискурса.

Российская модель юридического дискурса предполагает существование множества субъектов законодательного субдискурса и субъектов правоприменительного субдискурса (как индивидуальных языковых личностей, так и коллективов). В нашем исследовании субъект дискурса – это собирательный и обобщённый образ, который мы распространяем на множество субъектов, нивелируя при этом специфические различия между этими субъектами, сделав приоритетной их доминантный связующий признак – характеристику функциональной роли в законодательном или правоприменительном субдискурсах.

По отношению к группе субъектов законодательного субдискурса, которые выполняют чётко определённые функции при разработке, рассмотрении и принятии законодательного текста, используется понятие адресанта. По отношению к группе субъектов правоприменительного дискурса, которые исполняют заданную в законодательном тексте коммуникативную поведенческую установку, используется понятие адресата. Следует согласиться с мнением О. В. Нагога, считающей, что адресант и адресат законодательного текста находятся в социально-ролевых отношениях, при этом «прагматическая программа» данных отношений «сводится к императивно-авторскому, волевому началу» [9, с. 237].

В юридическом дискурсе в качестве адресантов и адресатов законодательного текста позиционируются не только индивидуальные языковые личности, но и группы людей, коллективные субъекты (общество, органы власти, организации). Хотя, безусловно, с позиции речемыслительного процесса [3, с. 154] законодательный текст воспринимается и интерпретируется человеком индивидуально.

В проводимом нами исследовании категория адресанта рассматривается в связи с тремя этапами подготовки законодательного текста: предварительным, экспертным и итоговым [11, с. 207, 233].

На предварительном этапе формируется идея будущего закона, разрабатывается «исходный» текст законопроекта. На данном этапе в качестве адресантов позиционируются авторы-разработчики законодательного текста. Особую роль выполняют юристы, обладающие специальными законотворческими знаниями и навыками. Анализ правовых актов и методических материалов показывает, что существует набор определенных требований юридико-технического и лингвистического характера, которые предъявляются к структуре и содержанию законодательного текста[1]. Совокупность данных требований позволяет создать обобщенную модель законодательного текста и конструировать на её основе различные законодательные тексты в процессе законотворчества.

На экспертном этапе осуществляется доработка или переработка законодательного текста. Данный этап выделяется нами потому, что в качестве соадресанта может выступить специалист, осуществляющий различные виды экспертиз законодательного текста (правовую, юридико-техническую, лингвистическую, педагогическую, научную и др.). Экспертное исследование позволяет подойти к содержанию законопроекта и его оформлению с различных позиций, оценить целесообразность и эффективность средств, которые были использованы разработчиками при создании законодательного текста, и, при необходимости, неоднократно исправить, уточнить текст либо заново переписать. От профессиональных компетенций экспертов зависит не только выбор критериев экспертной оценки законодательного текста, обоснованность выводов и экспертных рекомендаций, но и, в конечном счёте, качество закона. При этом на этапе экспертизы законодательного текста важна гармонизация различных точек зрения на объект речи, форму его представления и интерпретации, поскольку в сознании каждого из адресанта (автора-разработчика, автора-неюриста, экспертов-юристов, экспертов-лингвистов, экспертов-педагогов) присутствует некий прототип идеального закона и образ будущего закона, в котором реализуются черты данного прототипа [2, с. 271–273].

Итоговый этап связан с обсуждением законодательного текста в парламенте. На данном этапе в качестве адресантов выступают определённые лица, обладающие специальным «правом законодательной инициативы». В качестве субъектов права законодательной

[1] Комментарии к методическим рекомендациям по юридико-техническому оформлению законопроектов. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Изд. Гос. Думы, 2013. – 120 с.; Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов. – М.: Изд. Гос. Думы, 2013. – 40 с.; Систематизация и модернизация законодательной базы Российской Федерации в 1994–2014 гг. Уроки и приоритетные направления для дальнейшего развития: отчёт о научно-исследовательской работе. – М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2014. – 254 с.

инициативы позиционируются субъекты, официально наделённые «правом вносить» от своего имени в парламент проекты законов и «представлять» данные проекты на его заседаниях. Например, в Государственную Думу вправе вносить законопроекты Президент России, Совет Федерации, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, Правительство России, региональные парламенты, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ [24]. Никто кроме обозначенных субъектов не может внести законопроект в Государственную Думу и представлять его при обсуждении.

Субъекты-адресанты, выделяемые нами в соответствии с предварительным, экспертным и итоговым этапами подготовки законодательного текста, выполняют различные, но взаимосвязанные функциональные роли и ритуально-символические действия. В свою очередь, корреляция функциональных ролей является предпосылкой для статусного равноправия или статусного различия адресантов. Волевые решения и ритуально-символические действия, которые адресанты принимают и осуществляют в соответствии со своими субъектными позициями, являются экстралингвистическими факторами порождения законодательного субдискурса и законодательного текста.

Следует отметить, что на этапе функционирования законодательного текста в юридическом дискурсе информация об авторах-разработчиках, экспертах и субъектах права законодательной инициативы, а также об их функциональных ролях утрачивает свою значимость. В юридическом дискурсе своё символическое значение сохраняет только информация о субъекте, подписавшем законодательный текст. (Федеральные законы подписывает глава государства, региональные – главы субъектов Российской Федерации). При этом используемые в научных и публицистических текстах понятия «законодатель», «федеральный законодатель», «региональный законодатель» применяются только по отношению к депутатам парламентов [4; 8; 12].

При рассмотрении категории адресанта законодательного текста следует отметить, что в юридическом дискурсе специфическими атрибутами и качествами «активных» субъектов волеизъявления наделены государство и закон.

Функциональные роли государства, благодаря которым формируется «образ государства» как адресанта – источника права и закона, воздействующего на адресатов, дозволяющего или запрещающего им какие-либо действия, закреплены в законодательных текстах. Приведём примеры: ***государство гарантирует*** *равенство прав и свобод человека и гражданина* (ст. 18 Конституции России); ***Государство обеспечивает*** *потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причинённого ущерба* (ст. 52 Конституции России); *языки народов Российской Федерации* ***находятся под защитой государства*** (преамбула Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации»).

Законодательный текст позиционируется, с одной стороны, в качестве источника правового знания и формы представления этого знания, с другой – в качестве персонифицированного «активного» субъекта-адресанта. В результате корреляции данных функциональных ролей создаётся иллюзия того, что «закон» устанавливает и определяет политические, экономические, морально-этические, этноязыковые и другие факторы организации государства и общества. Примеры: *право частной собственности* ***охраняется законом*** (ст. 35 Конституции России); ***настоящий Закон, выражая уважение*** *ко всем народам, населяющим Удмуртскую Республику,* ***определяет основные принципы*** *регулирования общественных отношений в области использования и развития языков, которыми пользуются народы Удмуртской Республики* (преамбула Закона Удмуртской Республики «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики»).

Понятия «государство» и «закон» представляют собой правовые концепты, выражающие в концентрированном виде наиболее значимые аспекты содержания национальной правовой системы и культуры, поэтому языковое выражение «образа государства» и «образа закона» в качестве адресантов законодательного текста, а также формирование представления об их основных атрибутах (презумпции невиновности, высшей ценности и силе) можно считать речевой стратегией, направленной на достижение целей законотворчества.

Поскольку в законодательном тексте содержатся общие правила, которые в правоприменительном субдискурсе распространяются на определённый вид общественных отношений, но неопределённый круг субъектов [1, с. 6], в качестве адресатов законодательного текста могут быть рассмотрены, с одной стороны, целевая аудитория, коллек-

тивный субъект (общество, группа людей, органы власти, организации и др.), с другой – человек как представитель общества, индивидуальный субъект.

Множество субъектов-адресатов в зависимости от объёма функциональных ролей, реализуемых в общественных отношениях, может быть разделено на «обобщённые» субъекты-адресаты и «выделенные» субъекты-адресаты.

Для целей исследования к категории «обобщённых» субъектов отнесены адресаты, включённые в российский юридический дискурс, к которым применимы общие нормы российского законодательства. Категория «обобщённых» субъектов в законодательных текстах, как правило, представлена с помощью существительных «человек», «гражданин», «мужчина», «женщина», «народ», а также местоимений «все», «каждый», «никто». Несмотря на общеупотребительность данных слов, в юридическом дискурсе данные понятия имеют особый, терминологический оттенок. Примеры из Конституции России: ***мужчина*** *и* ***женщина*** *имеют равные права*; ***никто*** *не может присваивать власть в Российской Федерации*; ***каждый*** *имеет право на жизнь*; ***каждый гражданин*** *Российской Федерации обладает на её территории всеми правами и свободами;* ***все*** *равны перед законом и судом* (ст. 3, 6, 19, 20). Примеры из других законов: ***каждый человек*** *имеет право на все виды творческой деятельности в соответствии со своими интересами и способностями* (ст. 10 Основ законодательства Российской Федерации о культуре); ***каждый народ*** *имеет суверенное право сохранить свою самобытную культуру, традиции, язык* (преамбула Закона Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)»).

Понятие «выделенный» субъект применяется нами по отношению к группе субъектов, являющихся адресатами в определённых ситуациях и выполняющих в данных ситуациях предопределённые юридическим дискурсом функциональные роли. Данные роли могут быть отражены в наименовании «выделенных» субъектов. Примеры: *работник – работодатель* (трудовая сфера), *обвиняемый – обвинитель* (уголовная сфера), *налогоплательщик – налоговый агент* (налоговая сфера), *истец – ответчик* (судебная сфера) и т. д.

В законодательном тексте может быть приведено краткое определение понятия «выделенного» субъекта. Например, в соответствии со ст. 19 Налогового кодекса РФ ***налогоплательщиками*** *признаются организации и физические лица, на которых в соответствии с Налоговым кодексом РФ возложена обязанность уплачивать налоги*.

При первичной или вторичной номинации «выделенного» субъекта могут использоваться дискурсивные слова-маркеры. Примеры: ***каждый участник референдума*** *обладает равным числом голосов* (ст. 2 Федерального конституционного закона «О референдуме»); ***каждое лицо*** (*вместо* «каждый налогоплательщик» – *М. Б.*) *должно уплачивать законно установленные налоги и сборы* (ст. 2 Налогового кодекса РФ).

Следует также отметить, что если в определённом виде общественных отношений предусмотрено участие «выделенных» субъектов, выполняющих взаимозависимые функции, вместо наименований данных субъектов могут использоваться дискурсивные понятия «стороны», «участники», «лица, участвующие в качестве сторон», и т. п. При необходимости указания на иных адресатов, противопоставляемых «выделенным» субъектам, используются дискурсивные понятия «третьи лица», «иные лица». Примеры: ***стороны*** *трудовых отношений* (ст. 20 Трудового кодекса РФ); *обязательство не создаёт обязанностей для лиц, не участвующих* в нём ***в качестве сторон*** (*то есть для третьих лиц – М. Б.*) (ст. 308 Гражданского кодекса РФ); *ответственность должника и* ***иных лиц*** *в деле о банкротстве* (ст. 10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Поскольку общей функциональной ролью как коллективных, так и индивидуальных адресатов является трансформация абстрактных правовых правил в конкретные действия, функционирование законодательного текста осуществляется через волю и сознание конкретного человека.

Всё кажущееся на первый взгляд многообразие реализации адресатом прав в конкретных действиях может быть сведено к трём основным поведенческим установкам, формируемым посредством законодательного текста и реализуемым в пространстве правоприменительного субдискурса: исполнение, использование и соблюдение [1, с. 245]. При исполнении адресат должен точно совершать те действия, которые предписаны ему правовой нормой, то есть точно реализовывать программу поведения, изложенную в законодательном тексте. При использовании адресат наделяется правом действовать или не действовать по своему усмотрению. Следует обратить внимание, что как только

адресат воспользуется предоставленной ему возможностью, автоматически меняется его поведенческая установка: с использования – на исполнение. При соблюдении адресат не совершает действия, которые запрещены законом («соблюдает закон»). Соблюдение можно назвать «пассивным исполнением», поскольку адресат исполняет закон, не выполняя определённые действия, то есть бездействуя.

Поведенческая установка на исполнение закона может быть мотивирована информацией о потенциальном, реальном или совершившемся наказании за какие-либо действия (штрафе, конфискации имущества, лишении звания, лишении свободы и др.). По мысли Д. Б. Низовцева, задачей наказания является «приближение поведения» адресата к определённому стандарту, при этом решается такая задача «помимо воли индивида» [10, с. 53].

Степень влияния на волю и сознание адресата может зависеть от стимулирующей функции, то есть от того, как посредством законодательного текста будут сформированы материальные и духовные стимулы поведения адресата (С. С. Алексеев, Е. Н. Лебедева, А. В. Малько и др.). К материальным стимулам относятся различные виды поощрений: заработная плата, пенсии, награждение почётной грамотой, присвоение государственных наград и т. д. В основе духовных стимулов – постановка личностно значимой или социально значимой цели: публичное признание заслуг, формирование патриотизма, развитие этноязыковой культуры и др. Благодаря стимулирующей функции обеспечивается контроль над поступками и поведением адресатов. По мнению Е. Н. Лебедевой, в качестве теоретической основы стимулирующей функции выступают такие философские категории, как «возможность», «дозволение», «свобода», которые создают у адресата заинтересованность в результате [7, с. 118].

Проблема восприятия законодательных текстов заключается, безусловно, и в том, что большинство людей, не имеющих отношения к юридической сфере, не видят разнообразных подтекстов закона (юридического, политического, экономического и др.), не воспринимают законодательный текст как правовой феномен, его сущностную основу и цель – построение определённой модели поведения в различных ситуациях юридического дискурса. Поэтому, например, объём информации, воспринимаемой адресатом, не обладающим юридическими знаниями, и объём информации, воспринимаемой специалистом в области права, различны. В этой связи приведём высказывание О. А. Крапивкиной о том, что «лицо, находящееся за пределами дискурсивного сообщества, не имея общего с субъектом-юристом контекста интерпретации, не может правильно раскрыть содержания» законодательного текста [6, с. 139].

Но даже несмотря на сформированные у адресата умения толковать законодательный текст, нет гарантии точного и однозначного понимания законодательного текста. В процессе восприятия адресатом законодательного текста может произойти преломление воспринимаемой информации и трансформация правовой семантики. Адресат, как неюрист, так и юрист, может не только «сузить» содержание текста и пределы применения правовой нормы, но и, наоборот, «расширить» это содержание, привнести новый смысл, которого не было в замысле законодательного текста, но который необходим адресату для создания полноты воспринимаемой правовой информации, завершённости и целостности коммуникативной ситуации в соответствующей сфере общественных отношений. При этом значимая с точки зрения адресанта законодательного текста информация может быть воспринята адресатом в качестве не имеющей определённой значимости, и, наоборот, менее значимая информация может быть воспринята в качестве наиболее значимой.

Заключение. Рассмотренные в статье виды и функциональные роли адресантов и адресатов законодательного текста, а также их обусловленность субъектным, объектным и процессуальным параметрами юридического дискурса вносят вклад в *комплексное* изучение мировоззренческих оснований создания и восприятия законодательных текстов. Показано, что с помощью языка как главного средства производства определённого правового содержания не только выражаются функциональные связи законодательного текста и юридического дискурса, но и формируется правовая идеология и правовое сознание российского общества.

Важные моменты, отмечаемые при рассмотрении темы исследования, могут быть учтены и способны оказать многообразное воздействие на экспертное лингвистическое сопровождение процесса законотворчества. В связи с чем проблема, рассмотренная в статье, актуальна не только для лингвистической и правовой теории, но и для формирующейся в настоящее время прикладной области знания – юридической лингвистики.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. 360 с.

2. Батюшкина М. В. К вопросу о корреляции правовых и лингвистических знаний как основе формирования междисциплинарных экспертных установок, направленных на развитие правовой культуры (на примере экспертной деятельности, осуществляемой в рамках законодательного процесса) // Юридическая техника. 2016. № 10.

3. Бельдиян В. М., Батюшкина М. В. Введение в языковедение. Омск: ОТИИ, 2007. 298 с.

4. Золотарева А. Б. Отечественный законодатель срывает корпоративную вуаль // Право и экономика. 2015. № 2. С. 29–34.

5. Карасик В. И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2015. № 1. С. 73–79.

6. Крапивкина О. А. Две грани дискурса – две ипостаси субъекта // Сиб. филол. журн. 2016. № 1. С. 137–143.

7. Лебедева Е. Н. Юридические поощрения в стимулирующей функции права // Право и управление. XXI век. 2015. № 3. С. 118–123.

8. Михайлов В. К. Должен ли федеральный законодатель определять основы правового статуса и деятельности регионального омбудсмена? // Российская юстиция. 2016. № 1. С. 58–61.

9. Нагога О. В. Особенности структуры законодательных текстов как форма выражения содержания правовых норм (на материале немецкого языка) // Вестн. Сарат. гос. юрид. акад. 2015. № 5. С. 237–242.

10. Низовцев Д. Б. Проблема власти в работах Мишеля Фуко // Вестн. Северного (Арктического) федер. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 4. С. 49–57.

11. Парламентское право России / А. И. Абрамова, В. А. Витушкин, Н. А. Власенко [и др.]; под ред. Т. Я. Хабриевой; Государственная Дума Федерального Собрания РФ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: Изд. Гос. Думы, 2013. 400 с.

12. Усков О. Ю. Качество закона обратно пропорционально скорости его принятия. Вниманию законодателя! // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 5. С. 88–97.

13. Юртаева Е. А. Язык закона и техника законотворчества в дореволюционной России // Журн. рос. права. 2009. № 11. С. 106–120.

Источники

14. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.duma.gov.ru/analytics/publication-of-legal-department/2015/20_tri-08–15.pdf (дата обращения: 02.06.2016).

15. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: утв. ВС РФ 09.10.1992 г. № 3612-1: в ред. закона от 01.12.2014 г. № 419-ФЗ // Рос. газ. 1992. 17 нояб. № 248.

16. О референдуме Российской Федерации: федер. конституционный закон от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ: в ред. закона от 06.04.2015 г. № 2-ФКЗ // Рос. газ. 2004. 30 июня. № 137-д.

17. Гражданский кодекс Российской Федерации: в ред. закона от 23.05.2016 г. № 146-ФЗ // Рос. газ. 1994. 8 дек. № 238-239.

18. Налоговый кодекс Российской Федерации: в ред. закона от 01.05.2016 г. № 130-ФЗ // Рос. газ. 1998. 6 авг. № 148–149.

19. Трудовой кодекс Российской Федерации: в ред. закона от 30.12.2015 г. № 434-ФЗ // Рос. газ. 2001. 31 дек. № 256.

20. О языках народов Российской Федерации: закон Российской Федерации от 25.10.1991 г. № 1807-1: в ред. закона от 12.03.2014 г. № 29-ФЗ // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 12 дек. № 50. Ст. 1740.

21. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ: в ред. закона от 29.12.2016 г. № 407-ФЗ // Рос. газ. 2002. 2 нояб. № 209–210.

22. О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики: закон Удмуртской Республики от 06.12.2001 г. № 60-РЗ: в ред. закона от 10.04.2015 г. № 15-РЗ // Изв. Удмуртской Республики. 2001. 18 дек. № 196.

23. О языках в Республике Саха (Якутия): закон Республики Саха (Якутия) от 16.10.1992 г. № 1170-XII: в ред. закона от 27.11.2015 г. № 615-V // Якутия. 1992. 5 нояб. № 215.

24. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 г. № 2134-II ГД: в ред. постановления от 26.02.2016 г. № 8391-6 ГД // Собр. законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

Статья поступила в редакцию 11.10.2016; принята к публикации 15.02.2017

Библиографическое описание статьи

Батюшкина М. В. Законодательный текст, его адресант и адресат // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 70–78. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-70-78.

Marina V. Batyushkina,
Senior Consultant of the Department of Linguistic Expertise and Legislation Systematization, Legislative Assembly of Omsk Region (1 Krasny Put' st., Omsk, 644002, Russia), e-mail: soulangeana@mail.ru

Text of Law, its Addresser and Addressee

The article focuses on the discussion of the terms "addresser" and "addressee" of the law text within the structure and the content of the juridical discourse. Special attention is given to the analysis of the relation between the concept of discourse, juridical discourse, legislative discourse, law enforcement discourse. The author expresses her point of view on the definition of discourse, juridical discourse, legislative discourse, law enforcement discourse. The text of law is defined as an intellectual form of interaction between the addresser and the addressee. The discursive status of the categories "the addresser" and "the addressee" is in question and their use in the juridical discourse as a means of influence on the audience is underlined. The main emphasis is laid on the fact that the specific communicative trend of juridical discourse is conditioned by particular addresser's and addressee's functions of the text of law. The article studies the main indications of subjectivity category in the law text. Moreover, it considers linguistic means for presentation of these indications, the language place in the course of creation of law is defined. Methodological base of the research is the provision of the theory of discourse, the theory of speech and the thought process. The set objectives were solved through the analysis of the effective legislation of the Russian Federation. The article analyses certain provisions of the Constitution of the Russian Federation. The provisions of the Constitution of the Russian Federation, affecting the formation of juridical discourse, are analyzed. Scientific article aims to discuss the problems posed by teachers, graduate and students. The conclusions reached by the author of scientific article can be used to conduct further research on this issue.

Keywords: juridical discourse, legislative discourse, law enforcement discourse, draft laws, addresser, addressee

References

1. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava: v 2 t. T. 1. M.: Yurid. lit., 1981. 360 s.
2. Batyushkina M. V. K voprosu o korrelyatsii pravovykh i lingvisticheskikh znanii kak osnove formirovaniya mezhdistsiplinarnykh ekspertnykh ustanovok, napravlennykh na razvitie pravovoi kul'tury (na primere ekspertnoi deyatel'nosti, osushchestvlyaemoi v ramkakh zakonodatel'nogo protsessa) // Yuridicheskaya tekhnika. 2016. № 10.
3. Bel'diyan V. M., Batyushkina M. V. Vvedenie v yazykovedenie. Omsk: OTII, 2007. 298 s.
4. Zolotareva A. B. Otechestvennyi zakonodatel' sryvaet korporativnuyu vual' // Pravo i ekonomika. 2015. № 2. S. 29–34.
5. Karasik V. I. Interpretatsiya diskursa: topik, format, modus // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. 2015. № 1. S. 73–79.
6. Krapivkina O. A. Dve grani diskursa – dve ipostasi sub»ekta // Sib. filol. zhurn. 2016. № 1. S. 137–143.
7. Lebedeva E. N. Yuridicheskie pooshchreniya v stimuliruyushchei funktsii prava // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2015. № 3. S. 118–123.
8. Mikhailov V. K. Dolzhen li federal'nyi zakonodatel' opredelyat' osnovy pravovogo statusa i deyatel'nosti regional'nogo ombudsmena? // Rossiiskaya yustitsiya. 2016. № 1. S. 58–61.
9. Nagoga O. V. Osobennosti struktury zakonodatel'nykh tekstov kak forma vyrazheniya soderzhaniya pravovykh norm (na materiale nemetskogo yazyka) // Vestn. Sarat. gos. yurid. akad. 2015. №5. S. 237–242.
10. Nizovtsev D. B. Problema vlasti v rabotakh Mishelya Fuko // Vestn. Severnogo (Arkticheskogo) feder. un-ta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2015. № 4. S. 49–57.
11. Parlamentskoe pravo Rossii / A. I. Abramova, V. A. Vitushkin, N. A. Vlasenko [i dr.]; pod red. T. Ya. Khabrievoi; Gosudarstvennaya Duma Federal'nogo Sobraniya RF; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF. M.: Izd. Gos. Dumy, 2013. 400 s.
12. Uskov O. Yu. Kachestvo zakona obratno proportsional'no skorosti ego prinyatiya. Vnimaniyu zakonodatelya! // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2007. № 5. S. 88–97.
13. Yurtaeva E. A. Yazyk zakona i tekhnika zakonotvorchestva v dorevolyutsionnoi Rossii // Zhurn. ros. prava. 2009. № 11. S. 106–120.

Istochniki

14. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.duma.gov.ru/analytics/publication-of-legal-department/2015/20_tri-08–15.pdf (data obrashcheniya: 02.06.2016).
15. Osnovy zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii o kul'ture: utv. VS RF 09.10.1992 g. № 3612-1: v red. zakona ot 01.12.2014 g. № 419-FZ // Ros. gaz. 1992. 17 noyab. № 248.

16. O referendume Rossiiskoi Federatsii: feder. konstitutsionnyi zakon ot 28.06.2004 g. № 5-FKZ: v red. zakona ot 06.04.2015 g. № 2-FKZ // Ros. gaz. 2004. 30 iyunya. № 137-d.

17. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii: v red. zakona ot 23.05.2016 g. № 146-FZ // Ros. gaz. 1994. 8 dek. № 238-239.

18. Nalogovyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: v red. zakona ot 01.05.2016 g. № 130-FZ // Ros. gaz. 1998. 6 avg. № 148–149.

19. Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii: v red. zakona ot 30.12.2015 g. № 434-FZ // Ros. gaz. 2001. 31 dek. № 256.

20. O yazykakh narodov Rossiiskoi Federatsii: zakon Rossiiskoi Federatsii ot 25.10.1991 g. № 1807-1: v red. zakona ot 12.03.2014 g. № 29-FZ // Vedomosti SND i VS RSFSR. 1991. 12 dek. № 50. St. 1740.

21. O nesostoyatel'nosti (bankrotstve): federal'nyi zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ: v red. zakona ot 29.12.2016 g. № 407-FZ // Ros. gaz. 2002. 2 noyab. № 209–210.

22. O gosudarstvennykh yazykakh Udmurtskoi Respubliki i inykh yazykakh narodov Udmurtskoi Respubliki: zakon Udmurtskoi Respubliki ot 06.12.2001 g. № 60-RZ: v red. zakona ot 10.04.2015 g. № 15-RZ // Izv. Udmurtskoi Respubliki. 2001. 18 dek. № 196.

23. O yazykakh v Respublike Sakha (Yakutiya): zakon Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 16.10.1992 g. № 1170-XII: v red. zakona ot 27.11.2015 g. № 615-V // Yakutiya. 1992. 5 noyab. № 215.

24. O Reglamente Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii: postanovlenie GD FS RF ot 22.01.1998 g. № 2134-II GD: v red. postanovleniya ot 26.02.2016 g. № 8391-6 GD // Sobr. zakonodatel'stva RF. 1998. № 7. St. 801.

Received: October 11, 2016; accepted for publication February 15, 2017

Reference to the article

*Batyushkina M. V. T*ext of Law, its Addresser and Addressee // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 70–78. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-70-78.

http://www.zabvektor.com ISSN 1996-7853 ISSN 2542-0038 (Online)

УДК 811.161.1
DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-79-87

Светлана Михайловна Виноградова[1],
доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7–9),
e-mail: vinogradovasm@inbox.ru

Ирина Сергеевна Силин,
доктор политических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7–9),
e-mail: dririnasmirnova@mail.ru

Текст как выражение природы научного знания (на примере исследований международных отношений и мировой политики)

Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей построения научного текста в исследованиях международных отношений. Особое внимание авторы обращают на то, каким образом, с помощью каких языковых средств в публикациях, посвящённых теоретическим аспектам мировой политики и международных отношений, представлены уже имеющиеся знания и знания, которые являются новыми, полученными в результате научного творчества и расширяющими горизонты данной научной области. Авторы исходят из того, что научное сознание проявляет себя в стремлении понять, упорядочить и обобщить. Этому стремлению подчинена вся научная деятельность, которая в определённой степени строится на использовании имеющихся алгоритмов и подчинена законам логики. Вместе с тем необходимо учитывать, что индивидуальное мышление любого учёного имеет свои особенности и психологические закономерности, которые не могут не отражаться на всём творческом процессе. Речь, тесно связанная с такой знаковой системой, как язык, выступает в качестве важнейшего инструмента мышления и общения. Она является важнейшим средством передачи социальной информации, а также её хранения. Она не только выражает мысли и чувства говорящего, но и участвует в управлении познавательными процессами.

***Ключевые слова*:** язык, речь, текст, дискурс, высказывание, понятие, категория, гипотеза, словесно-логическое мышление, норма, отбор языковых средств

Вводная часть. Существуют разные точки зрения на то, какие этапы включает в себя творческая деятельность. Одни представляют её как последовательный линейный процесс, другие выстраивают её модель спиралевидно, третьи акцентируют внимание на моментах вдохновения, озарения, инсайта – состояния, когда решение задачи или открытие нового возникают спонтанно, без длительной работы, как, например, понимается в традиции гештальтистской школы. Однако в большинстве своём исследователи признают, что творческое и нетворческое находятся в постоянной взаимосвязи, дополняя и даже вытесняя друг друга.

Фиксация знания в тексте, важнейшая составляющая творческого процесса, предполагает безупречное владение языком науки. В противном случае автор не сможет ясно выразить свои мысли, донести их до сознания других людей, не сможет дать жизнь своей научной теории.

Одним из важнейших компонентов научного творчества является процесс передачи знаний, полученных учёным, другим людям. «Знание для себя» необходимо преобразовать в «знание для других», т. е. найти те речевые средства, которые наиболее адекватно выразят логику авторской мысли и наиболее полно донесут до читателя положения и выводы научной публикации.

Данные о методологии и методики исследования. В своём исследовании авторы ссылаются на работы Н. С. Валгиной, Е. И. Варгиной, Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой, В. Е. Чернявской и других авторов. Особый интерес представляет методология анализа научного текста, представленная в работе М. П. Котюровой и Е. А. Баженовой «Культура научной речи: текст и его редакти-

[1] С. М. Виноградова – формулировка идеи статьи и общее редактирование, в остальном вклад соавторов носит паритетный характер.

© С. М. Виноградова, И. С. Силин, 2017

рование»[1], на основе творческого осмысления которой в данной статье прослеживаются некоторые способы репрезентации нового и старого знания[2], а также лингвостилистические приемы, способствующие адекватному восприятию трудов учёных-международников.

Результаты исследования. *Новое знание* в тексте фиксируется по-разному, в том числе в системе терминов и понятий. Для публикаций, посвящённых проблемам международных отношений и мировой политики, характерна высокая *насыщенность терминами* (государство, война, мир, суверенитет и т. д.). Многие термины носят *интернациональный* характер и представлены *иноязычной и интернационализированной лексикой* (консенсус, стагнация, интеграция, глобализация, локализация и прочее). Количество таких терминов постоянно возрастает, что усиливает риск их ошибочного применения. Задачей каждого учёного, в том числе начинающего, является правильное понимание и корректное толкование терминов.

Определение понятия (логическая операция, раскрывающая его содержание) считается ключевым моментом в работе над научным текстом. По своим задачам определения понятия подразделяются на *номинальные* и *реальные*, а по способу выявления содержания – на *явные* и *неявные*. Номинальные определения объясняют значение термина, а реальные – существенные признаки предмета, что сближает их с явными определениями. Среди явных определений следует отметить те, в которых определяемое понятие подводится под более широкое, родовое, а затем указываются присущие ему видовые отличия: «Как правило, под гегемоном следует понимать государство, усиленно накапливающее мощь и проводящее активную внешнюю политику, прежде всего в отношении непосредственных соседей либо в рамках определённого региона (субконтинента)»[3].

Существуют правила, которые помогают избежать ошибок в определении понятия:

1. Правило соразмерности. Определяемое понятие должно быть равно определяющему. Недопустимо слишком широкое определение. Известен исторический анекдот, повествующий о споре Платона и Диогена. Первый дал определение человека как двуногого животного без перьев. Второй же представил ощипанного петуха, объявив, что он точно под это определение подходит. Слишком узкое определение также вводит в заблуждение. Например, «полицейский – это человек, который ловит преступников».

2. Недопустимость определения «через самого себя», неизвестного через неизвестное или же через другое понятие, которое, в свою очередь, объясняется посредством первого. Самым простым примером «круга» является тавтология: «Либерал – это человек с либеральными взглядами».

3. Правило ясности. Определение должно исключать двусмысленность. Например, необходимо избегать в определениях использование метафор, сравнений, дающих возможность двоякого толкования сути понятия.

4. Правило позитивности. В определениях не следует употреблять отрицательные конструкции. «Демократия – это не монархия», не может являться определением, т. к. не раскрывает никаких существенных признаков демократии, а только разделяет два понятия. Исключение в этом правиле – определение понятий, которые сами несут в себе отрицание, указывая на отсутствие у предмета рассмотрения какого-то свойства или свойств. Однако часто такие определения, хотя и правильно, но недостаточно полно раскрывают содержание понятия: «Понятие мир – как смысловая антитеза войны – также по-разному трактуется в теории международных отношений и политической практике. Наиболее общее определение этой категории – отсутствие целенаправленно применяемого вооружённого насилия в межгосударственных отношениях»[4].

Не только понятия, но и *устойчивые блоки научного текста способствуют передаче нового знания* [5].

1. Формулировка проблемы и/или постановка задачи: «Цель нашей работы – изучение феномена предпринимательского лоббизма в США и его роли в политической жизни этой страны. Для достижения заявленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи: 1) определить понятие предпринимательского лоббизма; 2) рассмотреть особенности и общественно-политические функции предприниматель-

[1] Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 280 с.
[2] Там же. – С. 52.
[3] Введение в теорию международных отношений: учеб. пособие / отв. ред. А. С. Маныкин. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 306 с.
[4] Там же. – С. 68.
[5] Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 56.

ского лоббизма; 3) рассмотреть методы, применяемые бизнес-лобби [8, с. 72].

2. Определение и дифференциация понятий с установлением между ними логико-семантических отношений: «Лоббизм – это деятельность отдельных лиц или групп в отношении органов государственной власти с целью оказать влияние на принятие и осуществление указанными органами законодательных актов и административных решений. Существуют и другие определения лоббизма. Однако само смысловое наполнение этого понятия остаётся неизменным: лоббизм – это любые действия, направленные на получение нужных от государственной власти решений, следовательно, это определение может быть принятым в качестве рабочего» [Там же].

3. Представление идеи или основного тезиса научного исследования: «Основной тезис, которым руководствуется современное мировое сообщество при обмене технологиями, состоит в том, что покупка технологии выгоднее, чем самостоятельное её воспроизводство» [5].

4. Доказательство идеи с использованием разнообразных средств аргументации: «На протяжении 20-летнего взаимодействия между государством и СМИ в Казахстане сложилась патерналистская модель массмедиа. Это вполне обосновано, так как, во-первых, Республика Казахстан – это молодое развивающееся государство <…> Во-вторых, казахстанская модель массмедиа является преемницей советской системы СМИ. В-третьих, после распада СССР во многих бывших союзных республиках установилась авторитарно-демократическая система управления…» [16, с. 354–355].

5. Характеризация изучаемого объекта: «Относительная нестабильность и подвижность бизнес-лобби – его отличительная черта, по сравнению, например, с этническим лобби или профессиональными организациями» [8, с. 73].

6. Демонстрация эмпирического материала, подтверждающего достоверность нового знания: «Например, показателен случай с компанией “Motorola”, которая покинула состав “Круглого стола по вопросам бизнеса”» [Там же, с. 74].

7. Выводы: «Итак, американский бизнес как группа интересов неоднозначен и очень многообразен. Бизнес-лобби – это, прежде всего, сеть предпринимательских ассоциаций и союзов, борющихся за определённые цели. Картина интересов и действий лоббистов этих ассоциаций подвижна и широка, что связано с жёсткой конкуренцией стоящих за ними сил» [Там же, с. 77].

8. Выдвижение гипотезы: «Основная гипотеза заключается в предположении, что постмодернистские реалии накладывают существенный отпечаток на формирование новых основ постсоветского пространства XXI в.» [4, с. 12].

В ходе передачи *старого научного знания* можно встретить различные виды представления:

1) понятий и терминов, которые использовались в предшествующих научных исследованиях: «Существование государств и самой системы международных отношений, по мнению реалистов, зависит от чёткого следования *национальным интересам* (англ.: national interest): *это является одним из ключевых понятий в теории реализма» (курсив наш – авт.)*[1];

2) категорий (наиболее общих и фундаментальных понятий, отражающих существенные, всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания[2]: *«Категория “силы” также сохранилась в неореалистическом подходе в качестве ключевой*. Однако стала включать в себя не только военное превосходство, хотя это осталось важнейшим»[3];

3) чужих высказываний в виде прямой и косвенной речи, а также пересказа: «Национальные интересы, *как утверждают реалисты*, имеют объективный характер…»[4].

Не менее важна и *оценка уже имеющегося научного знания*: «В то же время некоторые авторы полагают, что ТНК являются проводниками национального бизнеса за пределами своей страны. *Подобные представления, отражающие в значительной степени идеи меркантилизма, в настоящее время в условиях глобализации всё менее соответствуют действительности*»[5]; «В работах Панарина есть *много ценного*, например, его теория “дарения”, различие, которое он отмечает между модерном и постмодерном, “хозяйской свободой” и “эмансипацией”» [1];

Как правило, научные тексты, отражающие стремление учёного к объективности,

[1] Лебедева М. М. Мировая политика: учебник. – М.: Аспект Пресс, 2003. – С. 26.

[2] Категория [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2445/Категория (дата обращения: 07.08.2016).

[3] Лебедева М. М. Мировая политика: учебник. – М.: Аспект Пресс, 2003. – С. 30.

[4] Там же. – С. 26.

[5] Там же. – С. 257.

отличаются нейтральной окраской, которой присущи особые морфологические характеристики [11]. Например, абстрактная общенаучная лексика в научном стиле преобладает над конкретной. Слова «регулярно», «обычно», «любой», «каждый» и т. д. тоже подчёркивают обобщённо-абстрактный характер данного стиля.

Таким образом, для научного текста характерно использование:

1) общенаучной лексики абстрактного значения: «Ещё более проблематичной оказывается недостаточная разработанность ряда ключевых понятий концепции. Обозначенные в работе Д. Ливингстона элементы пункта повестки дня, в частности механизм отнесения событий к разряду проблем, не проанализированы детально» [18];

2) имён существительных, которые, как уже упоминалось, количественно преобладают над другими частями речи [12]: «Со временем *(здесь и далее существительные подчёркнуты нами – авт.)* структурализм как научное направление стал весьма разнообразным…» [6, с. 161];

3) имён существительных в родительном падеже, которые часто носят характер определения: порядок межкультурного взаимодействия, норма международного права и др.;

4) абстрактных имён существительных среднего рода: воззрение, возникновение, определение;

5) единственного числа в значении множественного: конечная цель этих собраний – принятие политического решения;

6) возвратных глаголов (с суффиксом -ся, -сь) в страдательном значении: «К традиционным политическим, экономическим, военным отношениям между государствами добавляются разнообразные связи между религиозным, профессиональными, профсоюзными, спортивными, деловыми кругами этих государств, причём их роли могут быть иногда равными»[1];

7) кратких прилагательных: малочисленны, однозначны, ожидаемы.

В научных текстах категория лица носит обобщённый характер. Это выражается в частом употреблении неопределённо-личных (с помощью 3-го лица множественного числа) и безличных конструкций (с помощью безличных глаголов или безлично-предикативных слов). Местоимение «я» принято заменять на так называемое авторское «мы», или же словом «автор»: автор находит это примечательным; мы проанализировали эти статистические данные и сделали вывод. Также встречается *замена личной конструкции безличной*: можно заметить и т. д.

В плане *синтаксическом* стремление к нейтральности звучания научного текста выражается в использовании:

1) безличных предложений: «В настоящее время *невозможно отрицать*, что де Голлю удалось преодолеть кризис, угрозу гражданской войны и сохранить единство внутри государства в тот момент, когда Франция переживала один из самых тяжёлых периодов в своей новейшей истории» [7, с. 95];

2) обобщённо-личных предложений, где главный член выражен глаголом 1-го лица множественного числа настоящего или будущего времени, но во вневременном значении: обратимся еще раз к этому вопросу;

3) сложноподчинённых предложений с изъяснительными и определительными придаточными: именно в придаточных предложениях раскрывается основной смысл таких высказываний, как: «Важно заметить, что…»;

4) однородных членов предложения: важен «Анализ имиджевых характеристик <…>, таких как: происхождение, семейные ценности, образование, личностные черты и установки, приоритеты во внешней и внутренней политике…» [16, с. 61].

Авторам научных текстов свойственно стремление к максимально полному раскрытию идеи своего произведения, поэтому стилистическая структура этих текстов, как правило, отличается развёрнутостью. Так, для неё характерно наличие лингвистических периодов[2]. Существуют разные виды периодов, которые встречаются в научной речи:

1) период определительный (в одной из его частей определяется предмет или явление, содержащееся в другой): «Что отличает Запад от всех иных цивилизаций? Что делает Запад Западом и позволяет ему играть ведущую роль в модернизации самого себя и всего мира? Для Запада и его истории типичны разделение и неоднократные столкновения между церковью и государством…» [6, с. 159];

2) период соединительный (в одной из его частей содержится добавление к сказанному): «Уместна аналогия с искусствове-

[1] Мировая политика и международные отношения: учеб. пособие / под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова. – СПб.: Питер, 2007. – С. 46.

[2] Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов [Электронный ресурс]. – Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с. – Режим доступа: http://www.superlinguist.ru/index.php?catid (дата обращения: 07.08.2016).

дением, которое сколь бы точно ни изучало произведение искусства, сколь бы тщательно ни забиралось в глубины внехудожественного контекста, прибегая к самым современным техникам, не способно заменить акт непосредственного и неповторимого восприятия» [6, с. 165].

Развитию мысли исследователя способствует использование предложений, осложнённых цепочкой подчинительных связей: «Если взглянуть на проблему терроризма через призму диалектического материализма, приходится констатировать, что главные корни этого феномена следует искать не в девиантной психике людей, а в социально-политической и экономической сфере, где действуют вполне объективные законы материального мира и человеческого общества» [12, с. 96].

Объяснению той или иной научной идеи или раскрытию содержания высказывания помогают сложные предложения, раскрывающие причинно-следственные связи, с союзами «*потому что», «тогда как», «между тем» и др. Активно используются в научном стиле конструкции с производными предлогами: «в качестве», «в целях», «посредством», «на основе», «в результате», «благодаря», «в свете», «в силу», «в течение» и др.*

Вместе с тем современный научный стиль отличается стремлением к синтаксической компрессии и синтаксической редукции. В связи с этим в научных текстах употребляются:

1) именные сказуемые (а не глагольные): «Их специфика – изучение «женского аспекта» безопасности. Методологические же подходы – вещь второстепенная» [13, с. 46]. Особенно часто именные сказуемые, в том числе при отсутствующей связке, встречаются в определениях;

2) краткие прилагательные и страдательные причастия «Более *фундаментальны и информативны* аналитические исследования…»[1].

Прилагательные преобладают над глаголами, что объясняется потребностью в качественных характеристиках предметов и явлений; ту же «пояснительную» цель преследуют такие наречия, как: «интересно», «важно», «примечательно», «убедительно», «совершенно», «достоверно» и др.

Научная речь не лишена *экспрессии*, которая подчинена, скорее, «экспрессии мысли, нежели экспрессии чувства»[2]. *Эмоциональный тон* научному тексту придают формы превосходной степени прилагательных, в том числе выражающие сравнение, эмоционально-экспрессивные прилагательные, вводные слова, наречия, усилительные и ограничительные частицы.

Для того чтобы вызвать у читателя эмпатию (понимание эмоций и чувств другого человека)[3] используются *прилагательные, подчёркивающие авторскую оценку*: «...чудесным образом виза была выдана уже через две недели, и газеты недвусмысленно высказались о своих догадках по поводу участия в этом чуде министра внутренних дел» [14, с. 23].

Усиливают экспрессию текста «проблемные» вопросы: «*Является ли современная Франция великой державой?* – На первый взгляд, на этот вопрос можно ответить двояко. Первый вариант – Франция действительно великая держава, второй – Франция таковой не является»[4]; «*Свидетельствуют ли процессы, происходящие в обществе, в пользу того, что российская ментальность меняется?* <…> Россия останется Россией, а российская ментальность останется русской ментальностью. Но какие процессы будут в ней происходить, какие тенденции будут доминировать в её развитии, какие механизмы и методы могут быть задействованы, к каким результатам это может привести с учётом опыта смены или сохранения национальной ментальности в других странах…» [9].

Важна роль риторических вопросов. Они привлекают к себе, символизируют внутренний диалог, на который невольно обращает внимание слушатель/читатель: «Можем ли мы в этом усомниться?», «Есть ли ещё какой-нибудь ответ на этот вопрос?»

Наиболее ярко экспрессивность проявляется в восклицательных конструкциях, направленных на привлечение внимания: «Это же очевидно!», «Вывод напрашивался сам собой!», «Данное утверждение просто нелепо!»

---

[1] Мировая политика и международные отношения: учеб. пособие / под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова. – СПб.: Питер, 2007. – С. 28.

[2] Валгина Н. С. Теория текста: учеб. пособие [Электронный ресурс]. – М.: Логос, 2003. – Гл. Текст как функционально-стилевая категория. – Режим доступа: http://www.evartist.narod.ru/text14/26.htm (дата обращения: 07.08.2016).

[3] Ребер А. Большой толковый психологический словарь: пер. с англ. – М.: АСТ: Вече, 2001. – Т. 2. – С. 513.

[4] Акимов Ю. Г., Костюк Р. В., Чернов И. В. Франция в мировом порядке начала XXI века: учеб. пособие. – СПб.: СПбГУ, 2007. – С. 7.

Широко распространены в научном тексте *конструкции*, направляющие внимание читателя, к ним относится *выделение отдельных аспектов рассматриваемой темы*, например, такими оборотами, как: *подробнее следует остановиться на следующем моменте*, или *особого внимания заслуживает* и т. д.

В научной речи встречаются и вкрапления других стилей. По свидетельству отечественных исследователей, это *приём интимизации*. В научных текстах можно встретить местоимение «я», которое отражает не только позицию автора, но и его желание поделиться с читателем своим личным, сокровенным: «Это действительно мировоззренческий этюд. Я стремлюсь в нём сформулировать моё личное мировоззрение в его предельных для меня жизненных основаниях, которое отражает моё отношение к миру и в определённой мере выражает бытие мира во мне» [2, с. 15].

Большим воздействующим и объединяющим потенциалом обладает призыв *давайте*: «давайте посмотрим на эту проблему с другой стороны», «давайте вновь обратимся к этому вопросу» и т. д.

Авторская оценка может передаваться с помощью *двучленных конструкций* («достаточная и эффективная коммуникация», «свободная и достаточная информация»), в том числе *содержащих антитезу*.

Для усиления экспрессивности высказывания часто применяется *приём повтора* как отдельных слов, так и одинаковых синтаксических конструкций: «Их власть в качестве оправдания себя самой требует постоянного действия. Эти действия выступают причиной других действий...» [16, с. 51].

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что исследователи стремятся усилить *коммуникативный эффект* научной речи: «Научный текст является не только носителем интеллектуальной информации, но и средством научного общения. Поэтому автор эталонного текста, чтобы быть правильно понятым, “строит” текст, ориентируясь на читателя и стремясь предугадать его возможные реакции. Иными словами, отбор, обработка и способ речевого воплощения научной информации осуществляются с учётом “фактора адресата”»[1].

Обсуждение результатов. Изучение научного текста создаёт основу для дискуссий, посвящённых его коммуникативным характеристикам, а также особенностям функционирования этого текста в различных дискурсивных пространствах. Развёрнутость, полнота, цельность, логичность, информативность и завершённость придают научным текстам монологический характер. Однако включённость этих текстов в процесс коммуникации даёт нам возможность говорить об их диалогических характеристиках.

Отечественные психологи, например, А. Г. Аллахвердян, Г. Ю. Мошкова, А. В. Юревич, М. Г. Ярошевский, отмечают, что наше мышление, обретая чёткость и ясность, реализуется в форме постоянного обращения к Другому[2]. В процессе подготовки научного произведения автор участвует во внутреннем диалоге с читателем, для которого его работа и предназначена.

Таким образом, учёный выступает как *коммуникативная личность*. Чтобы лучше понимать роль индивидуальности учёного в процессе информационного и культурного взаимодействия, следует выделить и особые черты научной коммуникации. Например, такую, как изначальная узость коммуникативной среды, избирательность. Предлагаемые на рассмотрение идеи, тезисы, теории в большинстве случаев не могут быть интересны неподготовленному адресату. Вместе с тем при всей формальной закрытости научной коммуникации выносимые на обсуждение результаты могут стать не только общеизвестными, но и изменить общественное сознание. «Научный текст – это всегда воздействие, единомоментное или отложенное, непосредственное или опосредованное, воздействие на адресата данного конкретного текста, на культуру и общество в целом» [3].

Есть ещё один отличительный признак научного взаимодействия – интертекстуальность, а именно – «выражение текстовой разгерметизированности и открытости в широкое дискурсивное пространство» [17]. Каждый научный текст не просто существует сам по себе, но задаёт определённый вектор развития научной мысли и направлен на прибавление научного знания. При этом социум является не только потребителем, но и источником научного знания.

Заключение. Включённость всякого знания в социальную жизнь определяет его относительность, определённую ограничен-

[1] Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 100.

[2] Психология науки: учеб. пособие [Электронный ресурс] / А. Г. Аллахвердян, Г. Ю. Мошкова, А. В. Юревич, М. Г. Ярошевский. – М.: Моск. психол.-соц. ин-т: Флинта, 1998. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Allahv/index.php (дата обращения: 07.08.2016).

ность в условиях исторического контекста. Со временем знание уточняется, дополняется, приобретает новое прикладное значение и применение в иной сфере или отрицается.

Важная черта научного знания – его предпосылочность, т. к. оно всегда является основанием для развития нового знания, даже если новое знание будет основываться на признании предшествующего знания неверным. Это удивительное свойство познания. Учёный, открывший в процессе научного творчества нечто новое, передаёт это в мир. Знание «для себя» превращается в «знание для других», но на этом дело не заканчивается. «Другие», получив новое знание, сдвигают границу своего незнания, тем самым открывая иные сферы непознанного и формируя новую картину мира.

Список литературы

1. Александр-Деви И. Русская национальная идея в концепции А. С. Панарина [Электронный ресурс] // Политическая экспертиза. 2005. № 2. Режим доступа: http://www.politex.info/content/view/150/30/ (дата обращения: 07.08.2016).

2. Бурбулис Г. Э. Политическая философия как жизнетворчество // Политическая экспертиза. 2005. № 2. С. 15–38.

3. Варгина Е. И. Научный текст: функция воздействия: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.04. СПб., 2004. 270 с.

4. Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Глобальный Евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2012. 424 с.

5. Вольфсон С. А. Основы создания технологического процесса получения полимеров [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ngpedia.ru/cgi-bin/getpage.exe?cn=38&uid=0,957113295560703&inte=3 (дата обращения: 21.07.2016).

6. Голик Н. В. Ценностные категории в современных глобализационных процессах: глобализация: ducunt fata volentem, nolentem trahunt // Глобализм в системе категорий современной культурологической мысли. СПб.: Янус, 2005. 428 с.

7. Гуторов В. А. Голлизм и современная Россия: утрата или обретение традиции? [Электронный ресурс] // Политическая экспертиза. 2005. № 2. Режим доступа: http://www.politex.info/content/view/88/30 (дата обращения: 07.08.2016).

8. Конышев В. Н., Сергунин А. А. Современный предпринимательский лоббизм в США: определение, типология, особенности // Вестн. СПбГУ. Сер. 6. 2010. Вып. 2. С. 72–77.

9. Крамник В. В. Российская власть: самовоспроизводящаяся лояльность [Электронный ресурс] // Политическая экспертиза. 2005. № 2. С.74–95. Режим доступа: http://www.politex.info/content/view/149 (дата обращения: 07.08.2016).

10. Международные отношения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.xreferat.com/72/1383–1-ekzamenacionnye-voprosy (дата обращения: 07.08.2016).

11. Научный стиль русского литературного языка. Особенности научного стиля [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.licey.net/russian/culture/5_2 (дата обращения: 07.08.2016).

12. Подопригора Б. А. Проблемы антитеррористической борьбы. Конфликтологический поиск общих подходов // Россия и Индия в современном мире: материалы междунар. науч. конф. (24–25 февр. 2005 г.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. С. 94–101.

13. Сергунин А. А. Российская внешнеполитическая мысль: проблемы национальной и международной безопасности. Н. Новгород: Нижегор. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2003. 94 с.

14. Смирнова И. С. Британская элита в политических скандальных хрониках. СПб., 2005. 96 с.

15. Смирнова И. С. Британские премьер-министры: опыт имиджевой характеристики. СПб.: Роза мира, 2006. 115 с.

16. Темирбаева С. А. СМИ в политическом управлении: опыт Казахстана // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: материалы 51-й Междунар. науч.-практ. конф.(19–20 апр. 2012 г.) / отв. ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2012. 388 с.

17. Чернявская В. Е. Научное познание – «власть дискурса» (лингвистическое осмысление преждевременных научных открытий) [Электронный ресурс] // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. М. П. Котюрова. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2004. Режим доступа: http://www.rfp.psu.ru/transactions/stereotype_creativity2004.pdf (дата обращения: 07.08.2016).

18. Шакиров О. Как формируется международная повестка дня? Ответ конструктивизма [Электронный ресурс] // Международные процессы. Т. 10, № 3. 2012. С. 84. Режим доступа: http://www.intertrends.ru/thirtieth.htm# (дата обращения: 07.11.2016).

Статья поступила в редакцию 12.01.2017; принята к публикации 15.02.2017

Библиографическое описание статьи

Виноградова С. М., Силин И. С. Текст как выражение природы научного знания (на примере исследований международных отношений и мировой политики) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 79–87. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-79-87.

***Svetlana M. Vinogradova*[1],**
Doctor of Political Science, Professor,
St. Petersburg State University
(7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, Russia, 199034),
e-mail: vinogradovasm@inbox.ru

Irina S. Silin,
Doctor of Political Science, Associate Professor,
St. Petersburg State University
(7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, Russia, 199034),
e-mail: dririnasmirnova@mail.ru

The Text as an Expression of the Nature of Scientific Knowledge (the Case of the International Studies)

The purpose of this article is to identify the construction features of the scientific text in the studies of international relations. Special attention is drawn to the way by which linguistic means in the publications devoted to the theoretical aspects of world politics and international relations, the existing knowledge and the new knowledge is presented, it is received as a result of scientific creativity and expands the horizons of this scientific field. The authors believe that the scientific consciousness manifests itself in the desire to understand, organize, and generalize. This desire is subordinated to all scientific activities, which to some extent is based on using the existing algorithms and is subject to the laws of logic. However, it should be noted that an individual thinking of any scientist has its own characteristics and psychological patterns that have impact on the entire creative process. It is closely connected with such sign system, like language, which is also an important tool of thinking and communication. It is the most important means of conveying social information, as well as its storage. It not only expresses the thoughts and feelings of the speaker, but also is involved in the control of cognitive processes.

Keywords: language, speech, text, discourse, utterance, concept, category, hypothesis, verbal-logical thinking, the norm, the selection of language means

References

1. Aleksandr-Devi I. Russkaya natsional'naya ideya v kontseptsii A. S. Panarina [Elektronnyi resurs] // Politicheskaya ekspertiza. 2005. № 2. Rezhim dostupa: http://www.politex.info/content/view/150/30/ (data obrashcheniya: 07.08.2016).
2. Burbulis G. E. Politicheskaya filosofiya kak zhiznetvorchestvo // Politicheskaya ekspertiza. 2005. № 2. S. 15–38.
3. Vargina E. I. Nauchnyi tekst: funktsiya vozdeistviya: dis. … d-ra filol. nauk: 10.02.04. SPb., 2004. 270 c.
4. Vasil'eva N. A., Lagutina M. L. Global'nyi Evraziiskii region: opyt teoreticheskogo osmysleniya sotsial'no-politicheskoi integratsii. SPb.: Izd-vo politekhn. un-ta, 2012. 424 s.
5. Vol'fson S. A. Osnovy sozdaniya tekhnologicheskogo protsessa polucheniya polimerov [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.ngpedia.ru/cgi-bin/getpage.exe?cn=38&uid=0,957113295560703&inte=3 (data obrashcheniya: 21.07.2016).
6. Golik N. V. Tsennostnye kategorii v sovremennykh globalizatsionnykh protsessakh: globalizatsiya: ducunt fata volentem, nolentem trahunt // Globalizm v sisteme kategorii sovremennoi kul'turologicheskoi mysli. SPb.: Yanus, 2005. 428 s.
7. Gutorov V. A. Gollizm i sovremennaya Rossiya: utrata ili obretenie traditsii? [Elektronnyi resurs] // Politicheskaya ekspertiza. 2005. № 2. Rezhim dostupa: http://www.politex.info/content/view/88/30 (data obrashcheniya: 07.08.2016).
8. Konyshev V. N., Sergunin A. A. Sovremennyi predprinimatel'skii lobbizm v SShA: opredelenie, tipologiya, osobennosti // Vestn. SPbGU. Ser. 6. 2010. Vyp. 2. S. 72–77.
9. Kramnik V. V. Rossiiskaya vlast': samovosproizvodyashchayasya loyal'nost' [Elektronnyi resurs] // Politicheskaya ekspertiza. 2005. № 2. S.74–95. Rezhim dostupa: http://www.politex.info/content/view/149 (data obrashcheniya: 07.08.2016).
10. Mezhdunarodnye otnosheniya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.xreferat.com/72/1383–1-ekzamenacionnye-voprosy (data obrashcheniya: 07.08.2016).
11. Nauchnyi stil' russkogo literaturnogo yazyka. Osobennosti nauchnogo stilya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.licey.net/russian/culture/5_2 (data obrashcheniya: 07.08.2016).

[1] Svetlana Vinogradova is a corresponding author. The contribution of the corresponding author is in the formulation of the idea of the article and in general editing, in other respects the contribution of co-authors is equal.

12. Podoprigora B. A. Problemy antiterroristicheskoi bor'by. Konfliktologicheskii poisk obshchikh podkhodov // Rossiya i Indiya v sovremennom mire: materialy mezhdunar. nauch. konf. (24–25 fevr. 2005 g.). SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. S. 94–101.

13. Sergunin A. A. Rossiiskaya vneshnepoliticheskaya mysl': problemy natsional'noi i mezhdunarodnoi bezopasnosti. N. Novgorod: Nizhegor. gos. lingv. un-t im. N. A. Dobrolyubova, 2003. 94 s.

14. Smirnova I. S. Britanskaya elita v politicheskikh skandal'nykh khronikakh. SPb., 2005. 96 s.

15. Smirnova I. S. Britanskie prem'er-ministry: opyt imidzhevoi kharakteristiki. SPb.: Roza mira, 2006. 115 s.

16. Temirbaeva S. A. SMI v politicheskom upravlenii: opyt Kazakhstana // Sredstva massovoi informatsii v sovremennom mire. Peterburgskie chteniya: materialy 51-i Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.(19–20 apr. 2012 g.) / otv. red.-sost. S. G. Korkonosenko. SPb.: Filol. fak. SPbGU, 2012. 388 s.

17. Chernyavskaya V. E. Nauchnoe poznanie – «vlast' diskursa» (lingvisticheskoe osmyslenie prezhdevremennykh nauchnykh otkrytii) [Elektronnyi resurs] // Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: Mezhvuz. sb. nauch. tr. / otv. red. M. P. Kotyurova. Perm': Perm. gos. nats. issled. un-t, 2004. Rezhim dostupa: http://www.rfp.psu.ru/transactions/stereotype_creativity2004.pdf (data obrashcheniya: 07.08.2016).

18. Shakirov O. Kak formiruetsya mezhdunarodnaya povestka dnya? Otvet konstruktivizma [Elektronnyi resurs] // Mezhdunarodnye protsessy. T. 10, № 3. 2012. S. 84. Rezhim dostupa: http://www.intertrends.ru/thirtieth.htm# (data obrashcheniya: 07.11.2016).

Received: January 12, 2017; accepted for publication February 15, 2017

Reference to the article

Vinogradova S. M., Silin I. S. The Text as an Expression of the Nature of Scientific Knowledge (the Case of the International Studies) // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 79–87. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-79-87.

http://www.zabvektor.com ISSN 1996-7853 ISSN 2542-0038 (Online)

УДК 81'27:811.111
DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-88-95

Юлия Викторовна Кузина,
старший преподаватель,
Уральский государственный педагогический университет
(620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26),
e-mail: kuzina85@mail.ru

Сопоставительное исследование архетипического концепта Божественный ребёнок в сказочной повести Л. Ф. Баума *"The Wonderful Wizard of Oz"* и её русскоязычных аналогах

В статье представлены результаты сопоставительного лингвокультурологического исследования, материалом для которого послужила сказочная повесть Л. Ф. Баума *"The Wonderful Wizard of Oz"* и её русскоязычные аналоги – перевод С. Белова и литературная интерпретация А. М. Волкова. Поскольку данное исследование выполнено на стыке лингвистики и культурологии, в его ходе были объединены собственно лингвистический и культурологический подходы. Центральными понятиями данного исследования являются лингвокультурный типаж и архетипический концепт – разновидности лингвокультурного концепта. Разработанная нами методика исследования, нацеленная на выявление репрезентаций лингвокультурных типажей и архетипических концептов в персонажах литературного произведения, опирается на методику описания лингвокультурного типажа, предложенную В. И. Карасиком и О. А. Дмитриевой. В ходе исследования были выявлены лингвокультурные типажи и архетипические концепты, воплощённые в персонажах сказочной повести Л. Ф. Баума, и описана специфика их трансформации в русскоязычных аналогах литературного произведения. Данная статья посвящена рассмотрению отдельных характеристик архетипического концепта *Божественный ребёнок*, репрезентацией которого является девочка Дороти (Элли в литературной интерпретации А. М. Волкова), и описанию трансформации данных черт в русскоязычных аналогах сказочной повести.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, архетипический концепт *Божественный ребёнок*, Л. Ф. Баум, когнитивная семантика, метафорическое моделирование

Вводная часть. Исследование, результаты которого представлены в данной статье, выполнено в русле лингвокультурологии, центральным понятием которой является лингвокультурный концепт – условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры [7, с. 76]. Лингвокультурный концепт рассматривается и анализируется как единица культуры, а вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними.

По определению В. И. Карасика, концепты – это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта. Типизируемость этих единиц закрепляет представления в виде различных стереотипов, их осознаваемость даёт возможность передать информацию о них другим людям, их значимость закрепляет в индивидуальном и коллективном опыте важные (и поэтому эмоционально переживаемые) характеристики действительности. Эти характеристики концептов представляют собой их образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны [6, с. 27].

Лингвокультурные концепты обладают национальной спецификой. Так, по словам Ю. Д. Апресяна, свойственный языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен [1, с. 37]. С. Г. Воркачев считает, что концепт как единица коллективного знания отмечен этнокультурной спецификой [3, с. 70]. Национальная специфика концептов проявляется в различиях между одноимёнными концептами в разных национальных культурах, а также наличии уникальных концептов, свойственных только одной культуре.

Одной из разновидностей концептов являются архетипические концепты (или концепты-архетипы), изучением которых занимаются такие учёные, как В. З. Демьянков, А. Л. Залевская, В. В. Колесов, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов и многие другие.

Согласно И. А. Богдановой, архетипический концепт – это «ментальная система обработки, хранения и репрезентации культурных первообразов, составляющих коллек-

© Ю. В. Кузина, 2017

тивное бессознательное, представляющая собой системно организованное, саморазвивающееся смысловое пространство, формируемое архетипическими смыслами и реализуемое языковыми средствами» [2, с. 6].

Е. В. Зубкова трактует архетипический концепт как концепт, наделенный архетипическими смыслами. По её мнению, архетипический смысл метафоричен, осуществляет посредничество между действительностью и ментальностью, универсален во времени и пространстве и представлен в фольклоре [5, с. 126].

С точки зрения лингвокультурологии, художественный образ персонажа литературного произведения может являться репрезентацией архетипического концепта, в основе которого лежит юнгианский архетип. Исследование, результаты которого представлены в данной статье, нацелено на выявление архетипических концептов, заключённых в персонажах сказочной повести Л. Ф. Баума “The Wonderful Wizard of Oz” и описание их трансформации в русскоязычных аналогах данного литературного произведения.

Данные о методологии и методики исследования. В. И. Карасиком был разработан комплекс методов по описанию и выявлению лингвокультурных концептов, на основе которого нами была предложена оригинальная методика.

Принципиальными в процессе изучения концепта являются следующие положения:

– лингвокультурный концепт, в отличие от других ментальных единиц, всегда имеет своим центром ценностно-акцентуированную точку сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы;

– лингвокультурный концепт многомерен;

– «вход в концепт» может осуществляться при помощи языковых единиц различных уровней: морфем, лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений;

– в исследовании лингвокультурного концепта допустимо применение и лингвистических, и внелингвистических методов, что обусловлено междисциплинарностью лингвокультурологии;

– лингвокультурный концепт является ментальным образованием, поэтому любое лингвокультурологическое исследование есть одновременно и когнитивное исследование [7, с. 77].

В. И. Карасиком и О. А. Дмитриевой была также предложена методика описания лингвокультурных типажей. Лингвокультурный типаж – узнаваемый представитель социума, поведение которого является диагностирующим для общества [6 , с. 328]. В исследовательском плане лингвокультурный типаж представляет собой концепт и может воплощаться в персонажах художественных произведений.

О. А. Дмитриева указывает, что лингвокультурный типаж имеет следующую структуру:

1) характеристика социально-исторических условий, в рамках которых выделяется определённый типаж;

2) перцептивно-образное представление о типаже, включающее его внешность, возраст, пол, социальное происхождение, среду обитания, речевые особенности, манеры поведения, виды деятельности и досуга;

3) понятийные характеристики, построенные на дефинициях, описаниях, толкованиях;

4) ценностные признаки – оценочные высказывания, характеризующие как приоритеты данного типажа, так и его оценку со стороны его современников и носителей сегодняшней лингвокультуры.

Основными критериями для выделения лингвокультурных типажей являются следующие признаки: социальный класс, территориальный признак, событийный признак, этнокультурная уникальность и трансформируемость [4, с. 14].

На данной основе В. И. Карасик предлагает следующий алгоритм описания лингвокультурного типажа, который по своей сути является концептом и включает понятийную, образную и ценностную составляющие:

1) описание понятийного содержания рассматриваемого концепта через анализ важнейших имён концепта в их системных связях, включая родовидовые и оппозитивные отношения, раскрытие мотивации признаков, составляющих концепт;

2) определение ассоциативных признаков рассматриваемого типажа в индивидуальном языковом сознании, установленных в результате анализа коротких текстов, составленных информантами, контекстуальных фрагментов и ассоциативных реакций носителей современной русской лингвокультуры;

3) выявление оценочных характеристик данного типажа в самопредставлении и в представлении других социальных групп на основании анализа оценочных суждений в виде афоризмов и текстовых фрагментов [6, с. 245].

Поскольку лингвокультурный типаж и архетипический концепт имеют общую природу и схожую структуру, а также в равной степени могут воплощаться в персонажах

художественных произведений, мы, опираясь на методику В. И. Карасика, разработали собственную методику анализа текста литературного произведения с целью выявления лингвокультурных типажей и архетипических концептов, воплощённых в его персонажах, и описания их лингвокультурной специфики.

На основе существующих исследований нами были рассмотрены характеристики ряда лингвокультурных типажей американской лингвокультуры, а в случае с антропоморфными персонажами – соответствующие архетипические концепты.

Затем были отобраны лексемы, использованные автором оригинала для создания образов персонажей сказочной повести и на основе словарных дефиниций, приведённых в англоязычных толковых словарях, был произведён семантический анализ данных лексем. Попутно привлекались историко-культурные, этимологические и лингвокультурологические данные с целью установить наличие вышеупомянутых характеристик в образах персонажей сказочной повести. Затем данная методика анализа была применена к русскоязычным аналогам произведения, а полученные результаты сопоставлены.

Результаты исследования. В данной статье речь пойдёт об архетипическом концепте *Божественный ребёнок*, воплощённом в образе девочки Дороти (Элли в литературной интерпретации А. М. Волкова). Данный образ является ключевым, поскольку именно приключения девочки в волшебной стране выступают центральным мотивом повествования, вокруг которого разворачивается его сюжет.

К. Г. Юнг указывает на крайне высокую жизнеспособность архетипа *Божественный ребёнок*, а подтверждением тому служит разнообразие форм проявлений данного архетипа. Так, в фольклоре мотив Ребёнка появляется в облике карлика или эльфа, олицетворяющих тайные силы природы, куколки, мальчика, оседлавшего дельфина или крылатого ребёнка. Влияние Христианства в Средние века привело к формированию образа младенца-Христа и крылатых детей – ангелов.

Прежде всего, архетипический концепт Божественный ребёнок выступает в образе мифического бога-младенца. «Детство» в мифологии и художественном творчестве, по мнению К. Г. Юнга, имеет непосредственную связь с обращением мифов к первоисточникам. С его точки зрения, основой для формирования детства и сиротской судьбы богов-младенцев послужила не человеческая жизнь, а жизнь космоса. То, что кажется биографическим моментом в мифологии, на самом деле – эпизод из биографии самого мира, и последний рассказывает его в снах, видениях и ещё более ярко и наглядно – в мифологии [9, с. 90]. Той же точки зрения придерживается К. Кереньи, утверждая, что в образе Предвечного Младенца мир рассказывает нам о своём собственном детстве, обо всём том, что восход солнца и рождение ребёнка значат для мира – и говорят о мире [8, с. 60]. Образ бога-ребёнка является классической мифологемой Античности.

Основополагающими признаками юнгианского архетипа *Божественный ребёнок* являются следующие:

– чудесное, таинственное происхождение;

– покинутость, одиночество;

– подверженность опасностям;

– непобедимость, неуязвимость;

– двойственность сущности – малое в большом и большое в малом (в частности, божественное в человеке и человеческое в божестве);

– единство с первородной стихией;

– гермафродитизм;

– бессмертие, способность к бесконечному возрождению;

– мотив борьбы света и тьмы;

– функция спасителя.

В рамках данной статьи будут подробно рассмотрены характеристики таинственного происхождения, одиночества и возрождения персонажа.

Согласно тексту оригинала повести Дороти живёт с дядей и тетёй:

*"…Dorothy lived … with **Uncle Henry**, who was a farmer, and **Aunt Em**, who was the farmer's wife…"* [16].

При этом никакой информации о родителях девочки в тексте повести нет, а её появление в доме родственников автор скупо описывает всего одним предложением:

*"…When Dorothy, **who was an orphan**, first came to her, Aunt Em had been so startled by the child's laughter…"* [Там же].

Персонажа ярко характеризует лексема *orphan*, использованная автором:

– a child whose father and mother are dead [17];

– a child whose parents are dead [18];

– a child deprived by death of one or usually both parents [19];

– a child who has lost both parents through death, or, less commonly, one parent [20].

Исходя из приведённых толкований, можно заключить, что Дороти сирота, так как её родители умерли. Тем не менее, информация, предоставленная автором повести, остаётся крайне скупой, а потому происхождение Дороти остаётся неизвестным, покрытым тайной.

Лексема *orphan* имеет ряд толкований, описывающих положение девочки:

– one deprived of some protection or advantage [19];

– a person or thing that is without protective affiliation, sponsorship, etc. [20].

Данные толкования указывают на то, что Дороти лишена какой-либо поддержки и абсолютно беззащитна.

Такие черты художественного образа Дороти, как таинственное происхождение, сиротство и одиночество позволяют нам рассматривать данный художественный образ как репрезентацию архетипического концепта *Божественный ребёнок*.

Рассмотрим соответствующий контекст одного из русскоязычных аналогов данного литературного произведения – её перевода на русский язык С. Белова:

*«…Девочка Дороти жила в маленьком домике посреди огромной канзасской степи. Её **дядя Генри** был фермером, а **тётя Эм** вела хозяйство…»*

*«…Когда **осиротевшая Дороти** впервые попала в этот дом, её смех пугал тётю Эм…»* [10].

Как и в оригинале литературного произведения, Дороти – сирота, живущая с дядей и тётей.

Обратимся к слову ***осиротеть:***

– потерять отца, мать; стать сиротой [11];

– 1) становиться сиротой, терять своих родителей; 2) быть покинутым, одиноким, забытым [15];

– 1) становиться сиротой, терять родителей; 2) (перен., разг.) становиться одиноким, лишаться кого-л., чего-л. близкого, родного [13];

– 1) становиться сиротой, терять родителей; 2) быть покинутым, одиноким, забытым [14].

Фактически, больше никаких подробностей о рождении и происхождении Дороти нет, и оно остаётся покрытым тайной. Кроме того, лексема сиротеть означает также «пребывание в состоянии покинутости и одиночества», что также является одной из характеристик архетипического концепта *Божественный ребёнок*.

Своё одиночество девочка особенно остро ощущает, оказавшись в стране Оз, вдалеке от привычного ей мира и родных людей:

*"…Dorothy began to sob at this, for **she felt lonely** among all these strange people…"* [16];

lonely:

– unhappy at being alone; longing for friends, company, etc. [17];

– unhappy because you are alone [18];

– sad from being alone [19];

– affected with, characterized by, or causing a depressing feeling of being alone [20].

Согласно приведённым дефинициям, девочка страдает от одиночества.

В русскоязычных аналогах произведения на структурно-семантическом уровне мотив одиночества сохраняется:

*«…Время шло, и наконец Дороти совсем успокоилась. Но ей было **одиноко**...»* [10].

*«…Элли, растерянная, сидела на полу, схватившись руками за голову. Она чувствовала себя **очень одинокой**…»* [12].

*Рассмотрим слово **одинокий:***

– 1) находящийся, пребывающий отдельно, без других себе подобных; 2) не имеющий единомышленников, соратников; 3) не имеющий семьи, родственников, близких, не живущий в семье [11];

– 1) находящийся, пребывающий где-л. отдельно от других; 2) имеющий мало общего с окружающими, чуждый им, далёкий от них; 3) не имеющий семьи, родственников, близких [15];

– 1) находящийся, пребывающий отдельно, без других себе подобных; 2) не имеющий единомышленников, соратников; 3) не имеющий семьи, родственников, близких, не живущий в семье [13];

– 1) находящийся, пребывающий где-л. отдельно от других; 2) не имеющий друзей, знакомых; 3) не имеющий семьи, родственников, близких [14].

Действительно, до встречи с Волшебником девочка – единственный представитель мира людей в сказочной стране. Второе толкование лексемы одинокий, приведённое выше, содержит в себе значение «не имеющий родных», то есть по смыслу близкое к сироте.

А. М. Волков, подвергнув сказочную повесть литературной переработке, изменяет семейную ситуацию Элли – у девочки есть родители:

*«…Среди обширной канзасской степи жила девочка Элли. **Её отец фермер Джон** целый день работал в поле, **мать Анна** хлопотала по хозяйству…»*

«…Вспомни, что сейчас ты будешь дома и обнимешь ***своих родителей****. Прощай, не забывай нас!»* [12].

Таким образом, мотив таинственного происхождения и сиротства сохраняется в одном из русскоязычных аналогов сказочной повести и значительно ослаблен в другом.

Теперь обратимся к такой характеристике архетипического концепта *Божественный ребёнок*, как способность к бесконечному возрождению. Возрождением персонажа можно считать возвращение девочки в Канзас из волшебной страны, или, другими словами – из иного мира.

«…“M*y darling child!” Aunt Am cried… “Where in the world did you come from?” “From the Land of Oz,” said Dorothy gravely…»* [16].

«… – *Дорогая моя!* – крикнула она (тётя Эм), крепко прижав к себе девочку и осыпая её поцелуями. – Откуда ты? – Из страны Оз. – важно отвечала Дороти…» [10].

Литературная интерпретация, принадлежащая перу А. М. Волкова, несёт в себе ряд ярких деталей, отличных от оригинала и перевода:

«… – Уж не с неба ли ты вернулась к нам, моя крошка? – О, я была в Волшебной стране Гудвина, – просто ответила девочка…»

«… – Ездил ли ты, папочка, на ярмарку? – Ну что ты, Элли, – ответил тот со смехом и слезами. – До ярмарки ли нам тут было, когда ***мы считали тебя погибшей и страшно горевали о тебе!****»* [12].

Дадим толкование слову ***небо:***

– в религиозном суеверии – пространство, где обитают Бог или Боги, ангелы и святые, где находится рай и т. п. [11];

– место, пространство, где, по религиозным представлениям, обитают Бог, ангелы, святые и т. п. [15];

– пространство или – по религиозным представлениям – место пребывания Бога [13];

– по религиозным представлениям: место, пространство, где обитают Бог, ангелы, святые и где находится рай [14].

Согласно приведённым дефинициям, небо является местом, где находится рай, куда попадают умершие. Родители считают Элли умершей и горюют, скорбя об утрате.

Обратимся к значению слова ***погибнуть:***

– умирать неестественной, насильственной смертью [11];

– умереть, прекратить существование трагически, преждевременно [15];

– умирать неестественной, насильственной смертью [13];

– умереть (обычно насильственной смертью) [14];

горевать:

– сожалеть, скорбеть о ком-, чём-либо [11];

– испытывать душевные страдания, глубокую печаль, скорбь [14];

– испытывать душевные страдания, глубокую печаль, скорбь [13].

Родители считают, что девочка умерла, но она возвращается к ним «с небес», словно воскресая.

Интересен тот факт, что лексема *осиротевший, рассмотренная нами выше,* встречается в произведении А. М. Волкова и здесь описывает не девочку, а её родителей и употребляется в значении «брошенный, покинутый»: *«…****Осиротевшие отец и мать*** *долго смотрели в темное небо, поминутно освещаемое блеском молний…»* [12].

Таким образом, мотив возрождения, характеризующий архетипический концепт *Божественный ребёнок*, прослеживается во всех вариантах сказочной повести, но в литературной интерпретации авторства А. М. Волкова введена тема возвращения к тоскующим родителям, традиционная для русских народных сказок, что указывает на его трансформацию в принимающей лингвокультуре.

Обсуждение результатов. Лингвокультурология является одним из динамично развивающихся современных направлений лингвистической науки. Лингвокультурный типаж и архетипический концепт, являющиеся ключевыми единицами исследования данного научного направления, стали объектом исследования большого количества отечественных и зарубежных работ последних лет. К таковым относятся, например, исследования по выявлению и описанию лингвокультурных типажей «звезда Голливуда» (Селиверстова, 2007), «американский адвокат» (Гуляева, 2009), «британский премьер-министр» (Васильева, 2010), «английский пират» (Асадуллаева, 2011), «американский первопроходец» (Валяйбоб, 2012), «английский викарий» (Бровикова, 2013).

Тем не менее, подавляющее большинство таких исследований традиционно производится на материале словарных баз или данных, полученных посредством анкетирования респондентов. Исследования же по выявлению и описанию лингвокультурных типажей в художественном тексте единичны. Наше исследование и методика, предложен-

ная в ходе него, способствуют дальнейшему исследованию художественного текста с позиций лингвокультурологии, а сопоставительное описание персонажей в оригинале произведения и его русскоязычных аналогах через призму сопоставительной когнитивной семантики позволяет выявить общее и различное в сопоставляемых лингвокультурах.

Выводы. Произведённый нами анализ позволяет утверждать, что персонаж Дороти в оригинале произведения представляет собой репрезентацию архетипического концепта Божественный ребёнок. В русскоязычных аналогах произведения семантические средства, оформляющие образ девочки, направлены на сохранение сущностных характеристик данного архетипического концепта, таких как одиночество и таинственное происхождение, но в силу несовпадения объема лексического значения слов данные характеристики проявляются с разной степенью интенсивности, а литературной интерпретации А. М. Волкова свойственны мотивы, характерные для русских народных сказок, что свидетельствует о преломлении исходного архетипического концепта в принимающей лингвокультуре.

Результаты исследования могут найти широкое применение в научной и учебно-методической деятельности, в практике преподавания таких лингвистических дисциплин, как лексикология, стилистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвоперсонология, социо- и этнолингвистика, межкультурная коммуникация, подходы к филологическому анализу текста.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.

2. Богданова И. А. Функционирование архетипического концепта «вода» в текстах народного и индивидуального творчества: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2006. 23 с.

3. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.

4. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2007. 40 с.

5. Зубкова Е. В. Структура архетипического концепта (на примере концепта «холод») // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. IV Междунар. науч. конф. (25–26 апр. 2008 г.). Челябинск: Рекпол, 2008. Т. 2. С. 126–129.

6. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.

7. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.

8. Кереньи К. Предвечный Младенец в предвечные времена // Душа и миф: шесть архетипов / К. Г. Юнг. Киев: Гос. б-ка Украины для юношества, 1996. С. 20–47.

9. Юнг К. Г. Психологические типы. СПб.: Ювента, 1995. 720 с.

Источники

10. Баум Л. Ф. Удивительный Волшебник страны Оз [Электронный ресурс] / пер. С. Белова. Режим доступа: http://www.lib.ru/BAUM/oz.txt (дата обращения: 15.08.2016).

11. Большой академический словарь современного русского литературного языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.twirpx.com/files/languages/rus/dictionaries/explanatory/bas/ (дата обращения: 15.07.2016).

12. Волков А. М. Волшебник Изумрудного города [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bookz.ru/authors/baum-lf/oz/1-oz.html (дата обращения: 15.07.2016).

13. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.enc-dic.com/efremova (дата обращения: 15.07.2016).

14. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.enc-dic.com/kuzhecov (дата обращения: 15.07.2016).

15. Малый академический словарь [Электронный ресурс] / ред. А. П. Евгеньева. М.: Ин-т рус. яз. Академии наук СССР, 1957–1984. Режим доступа: http://www.enc-dic.com/academic (дата обращения: 15.07.2016).

16. Baum L. F. The Wonderful Wizard of Oz [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lib.aldebaran.ru/author/baum_l/baum_l_the_wonderful_wizard_of_oz (дата обращения: 10.07.2016).

17. Collins American English Dictionary online [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.collinsdictionary.com/dictionary/american (дата обращения: 15.03.2016).

18. Longman Dictionary of American English online [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.longmandictionariesusa.com (дата обращения: 04.02.2016).

19. Merriam Webster's Dictionary online [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.merriam-webster.com (дата обращения: 04.02.2016).

20. Random House Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dictionary.reference.com (дата обращения: 15.02.2016).

Статья поступила в редакцию 15.09.2016; принята к публикации 31.01.2017

Библиографическое описание статьи

Кузина Ю. В. Сопоставительное исследование архетипического концепта Божественный ребёнок в сказочной повести Л. Ф. Баума *"The Wonderful Wizard of Oz"* и её русскоязычных аналогах // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 88–95. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-88-95.

Yulia V. Kuzina,
Senior Lecturer,
Ural State Pedagogical University
(26 pr. Kosmonavtov, Yekaterinburg, 620017, Russia),
e-mail: kuzina85@mail.ru

Comparative Research of the Archetypal Concept of *The Divine Child* in L. F. Baum's Fairy Story *The Wonderful Wizard of Oz* and its Russian Analogues

The article presents the results of a comparative linguocultural research based on the fairy story *The Wonderful Wizard of Oz* by L. F. Baum and its Russian analogues – its translation by S. Belov and literary interpretation by A. M. Volkov. Since the research is conducted at the confluence of linguistics and culturology, it unites purely linguistic and cultural approaches. The central notions of the presented research are the linguocultural type and archetypal concept; both are the kinds of the linguocultural concepts. The research methodology we have developed is aimed at identifying the representations of the linguocultural types and archetypal concepts in the characters of literary works, and dates back to the method of description of the linguocultural types by V. I. Karasik and O. A. Dmitrieva. In the course of the study, linguocultural types and archetypal concepts embodied in the characters of the fairy story were identified as well as the peculiarities of their transformation in the Russian analogues of the literary work. This article considers the individual characteristics of the archetypal concept of *the Divine Child*, represented in Dorothy (Ellie in the literary interpretation by A. M. Volkov), and describes its transformation in the Russian analogues of the fairy tale.

Keywords: linguocultural concept, archetypal concept *the Divine Child*, L. F. Baum, cognitive semantics, metaphorical modeling

References

1. Apresyan Yu. D. Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. 912 s.

2. Bogdanova I. A. Funktsionirovanie arkhetipicheskogo kontsepta «voda» v tekstakh narodnogo i individual'nogo tvorchestva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Chelyabinsk, 2006. 23 s.

3. Vorkachev S. G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoi paradigmy v yazykoznanii // Filologicheskie nauki. 2001. № 1. S. 64–72.

4. Dmitrieva O. A. Lingvokul'turnye tipazhi Rossii i Frantsii XIX veka: avtoref. dis. … d-ra filol. nauk: 10.02.20. Volgograd, 2007. 40 s.

5. Zubkova E. V. Struktura arkhetipicheskogo kontsepta (na primere kontsepta «kholod») // Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh: sb. st. IV Mezhdunar. nauch. konf. (25–26 apr. 2008 g.). Chelyabinsk: Rekpol, 2008. T. 2. S. 126–129.

6. Karasik V. I. Yazykovye klyuchi. Volgograd: Paradigma, 2007. 520 s.

7. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Lingvokul'turnyi kontsept kak edinitsa issledovaniya // Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki: sb. nauch. tr. / pod red. I. A. Sternina. Voronezh: VGU, 2001. S. 75–80.

8. Keren'i K. Predvechnyi Mladenets v predvechnye vremena // Dusha i mif: shest' arkhetipov / K. G. Yung. Kiev: Gos. b-ka Ukrainy dlya yunoshestva, 1996. S. 20–47.

9. Yung K. G. Psikhologicheskie tipy. SPb.: Yuventa, 1995. 720 s.

Istochniki

10. Baum L. F. Udivitel'nyi Volshebnik strany Oz [Elektronnyi resurs] / per. S. Belova. Rezhim dostupa: http://www.lib.ru/BAUM/oz.txt (data obrashcheniya: 15.08.2016).

11. Bol'shoi akademicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.twirpx.com/files/languages/rus/dictionaries/explanatory/bas/ (data obrashcheniya: 15.07.2016).

12. Volkov A. M. Volshebnik Izumrudnogo goroda [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.bookz.ru/authors/baum-lf/oz/1-oz.html (data obrashcheniya: 15.07.2016).

13. Efremova T. F. Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.enc-dic.com/efremova (data obrashcheniya: 15.07.2016).

14. Kuznetsov S. A. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.enc-dic.com/kuzhecov (data obrashcheniya: 15.07.2016).

15. Malyi akademicheskii slovar' [Elektronnyi resurs] / red. A. P. Evgen'eva. M.: In-t rus. yaz. Akademii nauk SSSR, 1957–1984. Rezhim dostupa: http://www.enc-dic.com/academic (data obrashcheniya: 15.07.2016).

16. Baum L. F. The Wonderful Wizard of Oz [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.lib.aldebaran.ru/author/baum_l/baum_l_the_wonderful_wizard_of_oz (data obrashcheniya: 10.07.2016).

17. Collins American English Dictionary online [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.collinsdictionary.com/dictionary/american (data obrashcheniya: 15.03.2016).

18. Longman Dictionary of American English online [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.longmandictionariesusa.com (data obrashcheniya: 04.02.2016).

19. Merriam Webster's Dictionary online [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.merriam-webster.com (data obrashcheniya: 04.02.2016).

20. Random House Dictionary [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.dictionary.reference.com (data obrashcheniya: 15.02.2016).

Received: September 15, 2016; accepted for publication January 31, 2017

Reference to the article

Kuzina Yu. V. Comparative Research of the Archetypal Concept of *The Divine Child* in L. F. Baum's Fairy Story *The Wonderful Wizard of Oz* and its Russian Analogues // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 88–95. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-88-95.

http://www.zabvektor.com ISSN 1996-7853 ISSN 2542-0038 (Online)

УДК 81`27
DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-96-101

Марина Владимировна Пименова[1],
доктор филологических наук, профессор,
Военный институт (инженерно-технический) ВА МТО
(191123, Россия, г. Санкт-Петербург,
ул. Захарьевская, 22),
e-mail: MVPimenova@yandex.ru

Наталья Владимировна Кравченко[2],
учитель английского языка, репетитор
(618200, Россия, г. Чусовой, ул. Железнодорожная, 5),
e-mail: 49c942@mail.ru

Заглядывая за вуаль слов: о чём могут рассказать названия дней недели в русском и английском языках?

В данной статье авторы рассматривают этимологию названий дней недели в английском и русском языках. С помощью этимологического анализа слов иллюстрируется взаимосвязь языка и культуры – язык предстаёт как зеркало культуры и её хранитель. Даётся краткая сопоставительная характеристика двух культур – английской и русской – через призму названий дней недели. Стереотипное восприятие дней недели не позволяет увидеть, что среда в нашем мире – не середина недели, а третий её день (из семи). Концептуальный анализ имён дней недели позволяет заметить внутреннюю форму слов и мотивированность их называния. Смена религии заметно отразилась на двух лингвокультурах. В России был дополнительный фактор, повлиявший на языковую картину мира – известный переход на новый календарь во времена Петра Первого. Изменение календаря вызвано влиянием иных культур. На культуру русского народа сильнейшее влияние оказало христианство, что закрепилось в виде соответствующих слов в именах субботы и воскресенья, привнесённых в наш календарь. В английской культуре заметно два потока влияния: первоначальная привязка дней к космическим объектам сменилась закреплением дней недели за определёнными божествами, а последующее влияние оказала римская культура.

Ключевые слова: язык, культура, дни недели, этимологический анализ

Вводная часть. Каждый день мы употребляем слова, не задумываясь об их смысле, потому что так принято говорить. Однажды, спохватившись, мы понимаем, что какое-то слово привлекает наше внимание, и мы, наконец, понимаем его значение. В данной статье такими словами стали обозначения дней недели в русском и английском языках. Обращение к теории ментальности даёт возможность исследователям описывать факты языка с позиций его форм и категорий[3] [5], а также в рамках языковых картин мира[4].

Постановка проблемы. Русские и английские названия дней недели имеют разные основания. Английская мифология «прочитывается» в корнях слов, называющих дни недели, в них скрываются имена дохристианских богов. Носители русского языка не задумываются, почему среда – внутренняя форма слова «середина» – обозначает вовсе не середину недели в современном русском языке: если неделя начинается с понедельника, то среда – это третий из семи дней. Почему так получилось? Стереотипы лингвокультуры трудно заметить, но возможно.

Методика, применяемая в данной статье, основывается на концептуальном анализе репрезентантов соответствующих концептов и на этимологическом анализе слов, именующих дни недели. Методика концептуального анализа подробно раскрыта В. В. Колесовым и М. В. Пименовой[5].

Язык и культура народа тесно связаны между собой. Чаще всего, когда говорят о соотношении языка и культуры, используют такие метафоры, как «язык – зеркало культуры», «язык – хранитель, сокровищница культуры» и, наконец, «язык – орудие куль-

[1] М. В. Пименова: анализ языкового материала, систематизация материала исследования, оформление и описание таблиц, оформление статьи, выводы.
[2] Н. В. Кравченко: сбор материала, оформление и описание таблиц, оформление приложения, оформление статьи, выводы.
[3] Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности: учеб. пособие / отв. ред. М. В. Пименова. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 136 с.
[4] Пименова М. В. Языковая картина мира: учеб. пособие. – 3-е изд., доп. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 108 с.
[5] Колесов В. В., Пименова М. В. Введение в концептологию: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 248 с.

© *М. В. Пименова, Н. В. Кравченко, 2017*

туры» [3]. Рассмотрим это утверждение учёных о языке и культуре на примере названий дней недели в русском и английском языках. Для этого нами была проанализирована этимология названий дней недели в обоих языках. Она представлена в табл. 1 и 3.

Таблица 1

Происхождение названий дней недели в русском языке

День недели	*Происхождение названия*
Понедельник	Слово *понедельник* мотивирует сочетание «после недели». В древности неделей называли выходной, когда не работали (ничего не делали), а понедельник шёл сразу за ним
Вторник	Вторник – это второй день после выходного
Среда	Слово *среда* произошло из старославянского языка и имеет общий корень с такими словами, как сердце, середина, сердцевина. Следует обратить внимание на то, что среда действительно является серединой недели, если принять во внимание, что на Руси до принятия христианства была пятидневка
Четверг	Слово *четверг* в старославянском языке имело форму «четвьртъкъ» и означало «четвёртый», то есть четвёртый день недели
Пятница	Слово *пятница* образовано от цифры «пять», однако в способе своего словообразования содержит отсылку к славянской богине Параскеве-Пятнице (скорее всего, за ней кроется более древняя – Макошь/Мокошь). Поэтому день называется Пятницей, а не Пятником. Это богиня-пряха, богиня плодородия в славянской мифологии
Суббота	Изначально слово *суббота* было заимствованно в славянский язык из греческого языка *(Sabbaton)*, а в греческий язык оно попало из древнееврейского (*Sabath* – букв. «покой, отдых»)
Воскресенье	С принятием христианства на Руси слово *воскресенье* заменило собой слово *неделя*, к самой неделе добавили ещё два дня. *Воскресенье* – это производное от «въскресити», означает день, когда, согласно Священному Писанию, воскрес Иисус Христос

О днях недели в русском языке писали вскользь. Распространены два мнения, что в Древней Руси неделя состояла из семи и пяти дней. Начнём с того, что слово *неделя* в древнерусском означало «воскресенье», а неделя как обозначение семи дней после принятия христианства называлась словом *седмица* (в болгарском языке и сейчас *седмица* «неделя»). До прихода христианства на русскую землю неделя состояла всё же из пяти дней. На это указывает центральное слово – *среда*.

Именно пятидневку подтверждает слово *среда* – середина недели (слова *суббота* и *воскресенье* пришли в русский язык поздно, с принятием христианства). Для многих языков идея середины, центра является важной, в том числе и для времени (и на немецком языке среда именуется *Mittwoch* – «середина»). Вероятнее всего, при переходе на семидневку отсчёт недели начинался с воскресенья, этот период затянулся до 1917 года (см. прил.), и тогда среда сохраняла логику своего названия. Слово *воскресенье* появилось в честь знаменательного события Воскресения Иисуса Христа и первоначально обозначало первый день Пасхи.

Итак, среди семи дней недели выделяются три дня, именующие их по порядку – вторник («второй»), четверг («четвёртый»), пятница («пятый»). Среда логику середины не подтверждает при той очерёдности дней, которой мы пользуемся сейчас: среда – не середина недели, а третий её день из семи. Слово *понедельник* указывает на следование после недели (слово *неделя* имело значение «воскресенье»). Слово *суббота* пришло из старославянского, а в него – из древнееврейского посредством древнегреческого. До нас не дошло древнерусское обозначение этого дня недели. И было ли оно?

Ещё раз подчеркнём тот факт, что после принятия христианства на Руси первым днём недели считалось воскресенье, именно с него неделя начиналась, а заканчивалась субботой (посмотрите внимательно на календарь 1917 года в прил.). Долго прививалась иная ментальность, но в русском языке она так и не адаптировалась. Позже Международная организация стандартизации регламентировала понедельник как первый день недели.

Вероятнее всего, семидневная неделя, которая начиналась с воскресенья, была переходным этапом от пятидневной недели к той форме недели, которой мы пользуемся сейчас, когда начинаем отсчёт от понедельника. Этот этап относится к периоду с IX века до 1917 года. Семидневный отсчёт недели не был единственным вариантом, в культуре разных народов встречаются упоминания о разных количествах дней: известны римские «восьмидневки», в которых дни «нумеровались» буквами от А до Н, где Н – базарный

день, девятидневки (у кельтов), десятидневки (древнеегипетские декады), четырнадцатидневки (вернее, 14 ночей у древних германцев).

Попробуем «привязать» дни недели к тем древнерусским богам, которым поклонялись до принятия христианства (табл. 2).

Таблица 2

Дни недели и древнерусские боги

Дни недели	*Древнерусские боги*
Понедельник	?
Вторник	?
Среда	?
Четверг	В предхристианский период этот день именовали днём Перуна (громовержца). Перуну поклонялись при князе Владимире в Киеве
Пятница	Параскева-Пятница (она же Макошь/Мокошь). В этот день женщинам нельзя было работать (прясть, стирать бельё, отбеливать холсты, расчёсывать волосы, замужним – мыть голову, в этот день куриц не сажали на кладку, новые дела не начинали). Во всём этом прочитывается смысл выходного женского дня. После него начинался понедельник

У всех народов первоначально был лунный календарь, по которому отсчитывались, в том числе, и дни недели. Пятидневка – удобный способ отсчёта времени, мерилом для счёта могла быть ладонь человека (по аналогии со средой, у русских третий палец называется средним). Лунный календарь – это женский календарь. На это указывает имя богини Макоши (Мокоши), выходной день был посвящён именно ей. Вероятнее всего, все славянские народы имели пятидневную неделю (это подтверждают похожие имена дней недели). Культ Макоши (Мокоши) восходил к культу Великой Богини Матери и культу земли (В пятницу, матушку Прасковью, грешно тревожить землю, ибо во время крестной смерти Спасителя было землетрясение)[1].

В русском и других славянских языках сохранились поговорки и табу, связанные с пятницей: «Кто прядёт в пятницу, у того на том свете будут слепы отец с матерью»; «Женщинам в пятницу нельзя ни чесать, ни мыть голову»; «Что пятница, то праздник» (пол. *Co piątek, to świątek*); «Косится, как середа на пятницу» (укр. Скривився як середа на п'ятницю). В. И. Даль дополняет этот список: «Пяток, пятница ж. пятый день недели, меж четверга и субботы. Страстная пятница, на страстной неделе. После пятницы в четверг (шуточн.). Приходи в пятницу, похлебать кашицы, постной. Татарское воскресенье (пятница). Вторник да пятница – лёгкие дни. У него пятницы, он принимает в этот день. У бабы семь пятниц на неделе. В пяток курицу на яйца не сажают, цыплята не живут. Кто в пятницу дело начинает, у того оно будет пятиться. По пятницам мужики не пашут, бабы не прядут. Кто в пятницу прядёт, святым родителям кострыкой глаза запорашивает. Девятую пятницу от Воскресения Христова чествуй. Этот грех – а всего-то три пятницы молока не хлебать! А нешто знает собака пятницу? Не суйся пятница наперёд четверга. Завалилась суббота за пятницу! Середа ниже пятницы (юбка из-под платья видна). // Пятница, почётное прозвание Св. Параскевы, во имя которой нередко ставились часовни на распутьях, почему // пятницей звали распутье, раздорожье, развилье, и // часовенку, крест с образом на распутье; у пятниц встречали и до пятниц провожали родных и знакомых. Тещины вечорки, пятница на Масляне. Параскевия Пятница Христовым страстям причастница, 14 октября. Парасковии-грязнихи, порошихи, Парасковии-льняницы. На грязнуху большая грязь – четыре седьмины до зимы. На неделе семь пятниц (на Красной площади в Москве было семь обетных пятниц; церквей во имя Св. Параскевы; по обету же, народ иногда не работал по пяткам, празднуя ей). Девятой пятнице строят обыденную пелену (обычай влгд. губ. Ник. уезда, девки сходятся теребить лён, пряжут и ткут в сутки пелену, по обету). Георгия замест пятницы (Параскевии Пятницы) променяли (суздальцы). Пятничный, пяточный, к пятнице, пятке относящ. Пятничать, поститься по пятницам. И пятначает, и понедельничает, да сплетничает. // Не прясть в пяток, потому что в сей день Спаситель претерпел оплевание, а на пряжу нельзя не плевать»[2].

[1] Пименова М. В. Русская сказка: учеб. пособие. – Киев: Изд. дом Дмитрия Бураго, 2012. – Вып. 8. – 68 с. – (Сер. Славянский мир).

[2] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ru.wikisource.org/wiki (дата обращения: 30.11.2016).

Обратимся к английскому языку. Здесь дни недели называются по именам Богов, которым были посвящены соответствующие дни. Отметим, что неделя в англоязычных странах начинается обычно с воскресенья.

Неделя в английском языке представляется тремя кластерами имён: 1) имена астрономических объектов (Солнце, Луна); 2) имена собственных германских богов (Фрейя, Один, Тор); 3) имена римских богов (Сатурн). Обращает на себя внимание вторник. Английское имя получено из древнеанглийского *Tiwesdæg* и среднеанглийского *Tewesday*. Это был древнегерманский перевод с латыни, где имя Бога войны Марса изменено на имя сходного по функциям германского Бога *Teiwaz* (древнеанглийский *Tiw*). Вторник буквально означает «День Тиу». *Tiw* – древнеанглийская форма протогерманского бога **Tîwaz*, или *Týr* на древненорвежском языке, Бога войны и закона.

Таблица 3

Происхождение названий дней недели в английском языке

День недели	***Происхождение названия***
Sunday	В английском языке воскресенье названо в честь Бога Солнца, которому поклонялись древние саксонцы. Буквально переводится на русский как «День Солнца»
Monday	Название дня недели содержит в себе слово *Moon* («Луна»), так как в этот день недели саксонцами почиталась Богиня Луны
Tuesday	Этимология вторника спорна. Древние римляне посвящали это день Марсу. У северогерманских племён – по аналогии он посвящался Тиу (норв. *Tysdag*), как и у романских и других германских племён
Wednesday	Среда содержит в себе имя Бога Воудена, или Одина, – верховного божества северных народов
Thursday	Четверг посвящён Богу Тору, старшему сыну Одина и Фреи
Friday	Пятница названа в честь Богини Фриги, или Фреи. Фрея – Богиня Земли и Любви
Saturday	Традиционным считается отнесение этого дня к римскому Богу Сатурну

С днями недели связаны особые стереотипы, закреплённые в устойчивых выражениях английского языка: *Sunday's child* – «дитя, родившееся в воскресенье», или в переносном значении – «человек, которому везёт»; *When two Sundays come/meet together* – «когда воскресенья пересекутся», то есть «никогда»; *Sunday face* – «двуличный человек, или человек, который лицемерит». *Black Monday* – «первый понедельник после отпуска или каникул»; *Fat Monday* – «понедельник перед Великим постом»; *Monday feeling* – «после воскресенья нежелание приступать к работе». *Man Friday* – «преданный слуга»; *Girl Friday* – «юная девушка, прислуживающая кому-то»; *Friday face* – «перекошенная мина, "кислое" выражение лица». Обращают внимание на себя среда и четверг, которые почитались священными днями недели: *Holy Wednesday*, *Spy Wednesday* – «Святая Неделя». *Holy Thursday* – «Великий Четверг».

Таким образом, в названиях дней недели отражена история двух народов – русского и английского: в русский язык слова пришли из славянской мифологии и христианства, в английском – представлена мифология скандинавских народов, которые периодически совершали набеги на Великобританию и завоёвывали её, а также строение нашей Галактики. В обеих культурах неделя начиналась с воскресенья – это их сходная черта, в английской лингвокультуре эта традиция закрепилась, в русской – исчезла, т. к. не соответствовала ментальности народа и его традициям. В русской языковой картине мира труд предшествует отдыху, а не наоборот.

Отличным представляется то, что для названий дней недели в русском языке характерна их систематизация по порядку при счёте, что может указывать на высокую организацию и упорядоченность образа жизни народа; в английском языке – преклонение перед силами природы, желание постичь Вселенную. Это может свидетельствовать одновременно как о стремлении народа к познанию нового, так и о сохранении традиций, его консерватизме. Следовательно, язык, как зеркало, действительно отобразил историю и быт двух народов – английского и русского – и, как хранитель, зафиксировал это в словах, в данном случае – в днях недели.

Список литературы

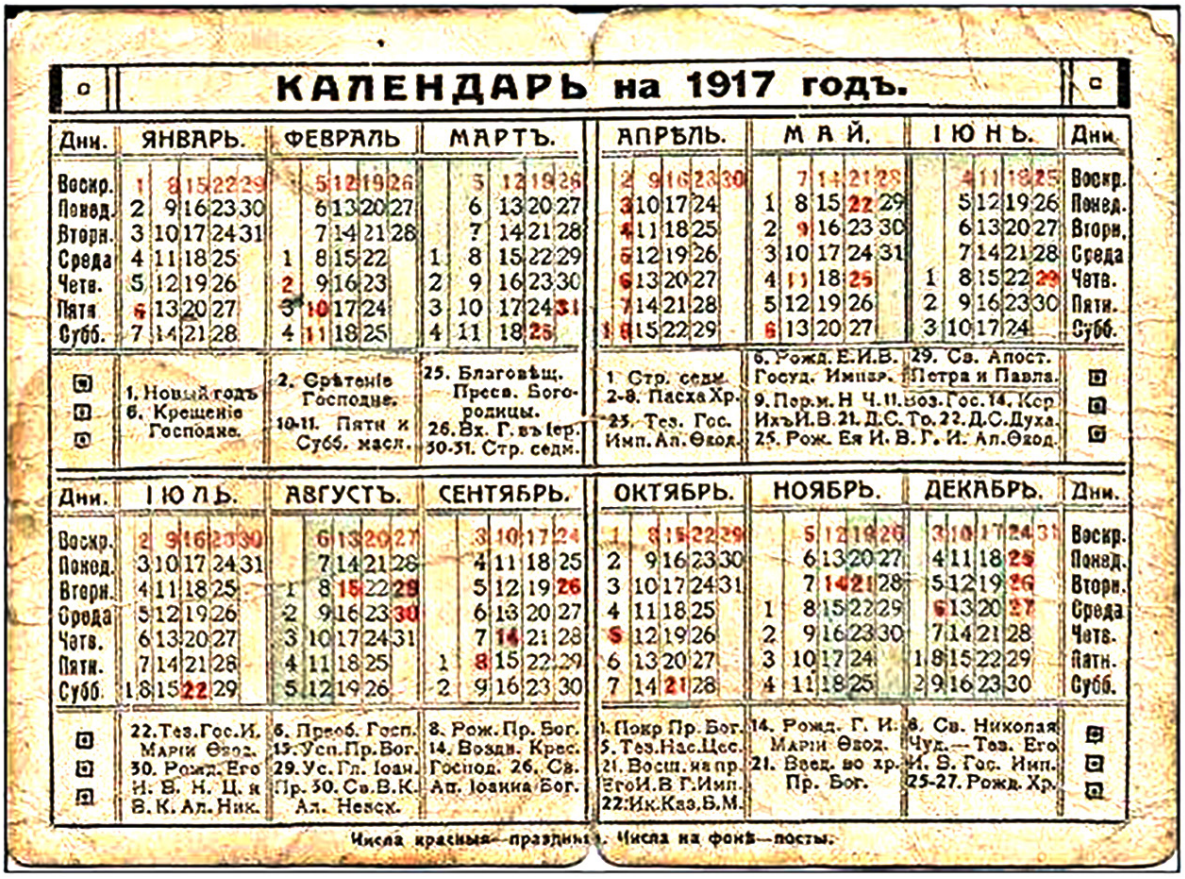
1. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта: Наука, 2016. 180 с.
2. Пименова М. В. Интерпретация русской народной сказки // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2011. № 2. С. 253–257.
3. Пименова М. В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. 2011. № 4. С. 126–132.
4. Пименова М. В. Современная русистика: концептуальные исследования // Гуманитарный вектор. 2010. № 2. С.140–145.
5. Пименова М. В. Этногерменевтика русской сказки. СПб.: ВИ ЖДВиВОСО, 2015. Вып. 6. 256 с. (Сер. Концептуальный и лингвальный миры).
6. Пименова М. В. Стереотипы с позиций теории ментальности // Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам: материалы XVIII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации, посвящ. 80-летию со дня рождения А. А. Леонтьева (24–26 мая 2016 г.). М.: Канцлер, 2016. С. 109–111.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: МГУ, 2008. С. 44–100.
8. Tuesday. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.etymonline.com/index.php?term=tuesday (дата обращения: 30.11.2016).

Приложение

Appendix

Российский календарь 1917 года

The Russian calendar in 1917



КАЛЕНДАРЬ на 1917 годъ.

Дни.	ЯНВАРЬ.	ФЕВРАЛЬ	МАРТЪ.	АПРѢЛЬ.	МАЙ.	ІЮНЬ.	Дни.
Воскр.	1 8 15 22 29	5 12 19 26	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	Воскр.
Понед.	2 9 16 23 30	6 13 20 27	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	Понед.
Вторн.	3 10 17 24 31	7 14 21 28	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	Вторн.
Среда	4 11 18 25	1 8 15 22	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	Среда
Четв.	5 12 19 26	2 9 16 23	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	Четв.
Пятн.	6 13 20 27	3 10 17 24	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	Пятн.
Субб.	7 14 21 28	4 11 18 25	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	Субб.
	1. Новый годъ 6. Крещеніе Господне.	2. Срѣтеніе Господне. 10-11. Пятн и Субб. масл.	25. Благовѣщ. Пресв. Богородицы. 26. Вх. Г. въ Іер. 30-31. Стр. седм.	1. Стр. седм. 2-8. Пасха Хр. 23. Тез. Гос. Имп. Ал. Өеод.	6. Рожд. Е. И. В. Госуд. Импер. 9. Пер. м. Н. Ч. 11. Воз. Гос. 14. Кор. Ихъ И. В. 21. Д. С. То. 22. Д. С. Духа. 25. Рож. Ея И. В. Г. И. Ал. Өеод.	29. Св. Апост. Петра и Павла.	

Дни.	ІЮЛЬ.	АВГУСТЪ.	СЕНТЯБРЬ.	ОКТЯБРЬ.	НОЯБРЬ.	ДЕКАБРЬ.	Дни.
Воскр.	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	Воскр.
Понед.	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	Понед.
Вторн.	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	Вторн.
Среда	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	Среда
Четв.	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	Четв.
Пятн.	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	Пятн.
Субб.	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	Субб.
	22. Тез. Гос. И. Маріи Өеод. 30. Рожд. Его И. В. Н. Ц. и В. К. Ал. Ник.	6. Преоб. Госп. 15. Усп. Пр. Бог. 29. Ус. Гл. Іоан. Пр. 30. Св. В. К. Ал. Невск.	8. Рож. Пр. Бог. 14. Воздв. Крес. Господ. 26. Св. Ап. Іоанна Бог.	1. Покр. Пр. Бог. 5. Тез. Нас. Цес. 21. Восш. на пр. Его И. В. Г. Имп. 22. Ик. Каз. Б. М.	14. Рожд. Г. И. Маріи Өеод. 21. Введ. во хр. Пр. Бог.	8. Св. Николая Чуд. — Тез. Его И. В. Гос. Имп. 25-27. Рожд. Хр.	

Числа красные—праздники. Числа на фонѣ—посты.

Статья поступила в редакцию 11.01.2017; принята к публикации 05.02.2017

Библиографическое описание статьи

Пименова М. В., Кравченко Н. В. Заглядывая за вуаль слов: о чём могут рассказать названия дней недели в русском и английском языках? // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 96–101. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-96-101.

***Marina V. Pimenova*[1],**
Doctor of Philology, Professor,
Military Institute (engineering and technical)
(22 Zakharievskaya st., St. Petersburg, 191123, Russia),
e-mail: MVPimenova@yandex.ru

***Natalya V. Kravchenko*[2],**
English Teacher
(5 Zheleznodorozhnaya st.,
Chusovoy, 618200, Russia),
e-mail: 49c942@mail.ru

Looking Behind the Veil of Words: What Can the Names of the Days of the Week Tell in the Russian and English Languages?

The authors of the article analyze the etymology of the names of the days of the week in English and Russian. The connection between language and culture – language as a mirror of culture and its treasury – is illustrated with the help of etymological analysis. The comparative characteristic of two cultures (Russian and English) is given through the prism of the names of the days of the week. The stereotypical perception of days of the week does not allow us to see that sreda (среда) in our world is not the middle of the week, but the third day of it (of the seven). Conceptual analysis of the days of the week allows us to observe the principle of the words inner motivation. Change of religion significantly affected the two linguistic cultures, as well as a well-known passage in the new calendar in the time of Peter the Great. It was an additional factor that influenced the language picture of the world – famous transition to the new calendar in the time of Peter the Great in Russia. The calendar's change is caused by the influence of other cultures. Christianity strongly influenced the Russian culture: it was fixed as the corresponding words in the names for Saturday and Sunday, included in our calendar. There are two streams which significantly influenced the English culture: initial space objects' names of the days gave way to fixing the days of the week for certain deities, and subsequently influenced by the Roman culture.

Keywords: language, culture, days of the week, etymological analysis

References

1. Maslova V. A., Pimenova M. V. Kody lingvokul'tury. M.: Flinta: Nauka, 2016. 180 s.
2. Pimenova M. V. Interpretatsiya russkoi narodnoi skazki // Interpretatsiya teksta: lingvisticheskii, literaturovedcheskii i metodicheskii aspekty. 2011. № 2. S. 253–257.
3. Pimenova M. V. Kontseptual'nye issledovaniya i natsional'naya mental'nost' // Gumanitarnyi vektor. 2011. № 4. S. 126–132.
4. Pimenova M. V. Sovremennaya rusistika: kontseptual'nye issledovaniya // Gumanitarnyi vektor. 2010. № 2. S. 140–145.
5. Pimenova M. V. Etnogermenevtika russkoi skazki. SPb.: VI ZhDViVOSO, 2015. Vyp. 6. 256 s. (Ser. Kontseptual'nyi i lingval'nyi miry).
6. Pimenova M. V. Stereotipy s pozitsii teorii mental'nosti // Deyatel'nyi um: ot gumanitarnoi metodologii k gumanitarnym praktikam: materialy XVIII Mezhdunar. simp. po psikholingvistike i teorii kommunikatsii, posvyashch. 80-letiyu so dnya rozhdeniya A. A. Leont'eva (24–26 maya 2016 g.). M.: Kantsler, 2016. S. 109–111.
7. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. M.: MGU, 2008. S. 44–100.
8. Tuesday. Online Etymology Dictionary [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.etymonline.com/index.php?term=tuesday (data obrashcheniya: 30.11.2016).

Received: January 11, 2017; accepted for publication February 05, 2017

Reference to the article
Pimenova M. V., Kravchenko N. V. Looking Behind the Veil of Words: What Can the Names of the Days of the Week Tell in the Russian and English Languages? // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 96–101. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-96-101.

[1] M. V. Pimenova has analyzed the language material, systemized the research material, designed and described the tables, designed the appendices, the article and conclusions.
[2] N. V. Kravchenko has collected the material, designed and described the tables, designed the appendices, the article and conclusions.

http://www.zabvektor.com ISSN 1996-7853 ISSN 2542-0038 (Online)

УДК 811.111›373

Анна Вячеславовна Скворцова,
кандидат филологических наук,
Ленинградский государственный университет
им. А. С. Пушкина
(196603, Россия, г. Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10),
e-mail: annysunnybird@gmail.com

Когнитивные основы выделения лексико-семантической группы «Реляционные имена»

В современном мире происходят значительные изменения в сфере технологий и, как следствие, в качестве и характере межличностного общения. Трансформациям подвергаются и языковые системы. В связи с этим автор поднимает вопрос об обновлении методологической базы лингвистических исследований. Объединение достижений современных направлений и подходов, используемых сегодня в лингвистических исследованиях, представляется автором как основная тенденция современного языкознания. Объектом исследования выступают реляционные имена, отражающие в языке важный когнитивный кластер «отношения» (объектные, межличностные, иерархические и т. д.) и служащие инструментом познания и средством построения понятийной матрицы общественного устройства. Основой для изучения данного понятия является привлечение метода когнитивного анализа с использованием лингвокультурологического подхода, что позволяет выявить и описать функционирование реляционных имён с учётом процессов концептуализации и категоризации. В статье рассматривается понятие «реляционные имена», даётся его определение. На основе анализа словарных дефиниций описываются особенности объективизации содержательных компонентов реляционных имён в рамках концепта *Relations*. По выделенным концептуальным признакам автор показывает, что подобная лексика требует более пристального рассмотрения и выделения в качестве самостоятельной категории.

Ключевые слова: реляционные имена, концепт, концептуализация, категоризация, отношения, лексико-семантическая группа, номинация

Вводная часть. В последние десятилетия в лингвистике проявляется всё более чётко выраженная тенденция к изучению когнитивной стороны языка, а именно, выделение набора концептуальных признаков, определяющих конкретное значение слова. Большое внимание уделяется решению общетеоретических вопросов, таких как: значение и обозначение, когнитивно-семантическая структура слова, парадигматические и синтагматические отношения в лексике в рамках теории познания действительности и его выражение посредством языка. Когниция, понимаемая как отражение содержательной стороны реальной действительности через язык для передачи информации, исходящей из окружающей среды и передаваемой природой и обществом, охватывает «область весьма обширную, соприкасающуюся со всеми сферами человеческой деятельности и жизнью мира в целом» [6, с. 58]. Это объясняет тот факт, что вопросы познания изучаются с разных позиций такими науками, как логика, психология, философия, лингвистика и др.

Данные о методологии и методики исследования. Важным и актуальным в этом аспекте является вопрос о методологии лингвистического исследования, который в явном виде полноценно не обсуждался в отечественной лингвистике со времён существования СССР после известной дискуссии по вопросам языкознания в 1950-е годы [2]. Долгое время сущность методологии отечественной науки о языке определялась достаточно однозначно и была жёстко идеологизирована рамками марксистско-ленинской теории. Изменения политической, экономической, информационной ситуации, несомненно, привнесли и изменения в развитие современного языкознания. В последние годы широко разрабатываются такие новые направления и подходы, как структурализм, компьютерная лингвистика, прикладная лингвистика, семиотика, прагмалингвистика, лингвистика текста и теория дискурса, когнитивная лингвистика и другие, что, безусловно, требует практического осуществления обновления методологической базы лингвистических исследований.

«Сегодня язык нужно рассматривать не как замкнутое автономное образование, а как систему, связанную с другими системами че-

© А. В. Скворцова, 2017

ловека. Именно в основе когнитивного отношения к языку лежит понимание и изучение языка как средства формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями. Язык – это окно в окружающий и духовный мир человека, в его интеллект, это средство доступа к тайнам мыслительных процессов. В связи с этим, цель когнитивной лингвистики заключается в том, чтобы посредством языка проникнуть в формы разных структур знания и описать существующие между ними и языком зависимости, смоделировать сами эти структуры, их содержание и связи, таким образом, внося вклад в общую теорию интеллекта» [1, с. 19].

Поэтому лингвистика сегодняшнего времени требует комплексного, широкого и всестороннего осмысления её методологических основ. А это, в свою очередь, ведёт к необходимости пересмотра уже имеющихся теорий и лингвистических разработок по широкому кругу вопросов, один из которых и выступает предметом данного исследования, а именно, выделение отдельной лексико-семантической группы «реляционные имена» в аспекте концептуализации предметности и классификации имён существительных в целом. Теоретико-методологической основой для этого является использование комплексного междисциплинарного подхода с привлечением прототипического анализа лексического материала, что позволяет показать и доказать зависимость множества оппозиций от сигнификативного содержания индивидуальных знаков [8, с. 72–73].

При разграничении концептуального и семантического (языкового) уровней репрезентации знаний становится явным, что когнитивный и семантический анализы требуют разного уровня абстракции. Значения слов, по Р. Ленгекеру, соотносимы с определёнными «когнитивными контекстами» *(cognitive domains)* [11]; Ж. Фоконье и Дж. Лакофф используют термин «ментальные пространства» *(mental spaces)* [7; 10]; Ч. Филлмор и Б. Аткинс – «фреймы» *(frames)* [8]. В рамках когнитивного подхода разрабатываются многоуровневые исследования языковых значений, которые связаны с использованием общей теории когнитивных моделей, фреймовой теории, пропозициональных моделей, концептуализации и категоризации, теории прототипов, что позволяет изучать значение языковых единиц в контексте всех знаний и опыта человека, а не только языковых знаний.

Результаты исследования**.** Проведённый анализ позволяет утверждать, что реляционные имена могут рассматриваться как отдельный знак языковой системы, прототипические смысловые связи которых достаточно чётко проявляются как в системе языка на уровне отдельных слов, так и в микросистемах на уровне всей системы языка. Широкий набор выполняемых ими функций в процессе социализации во многом определяет и обусловливает как их лексические значения, так и содержащиеся в них концептуальные признаки. Реляционные имена входят в систему языка как «очередная подсистема внутри общей лексической системы данного языка, и притом подсистема наиболее обозримая и исчислимая, тем более, что как подсистема эта группа в свою очередь распадается на подсистемы по определённым признакам» [4, с. 121–122]. Хотя они не могут быть противопоставлены общеупотребительной лексике, а их свойства в целом, несомненно, соответствуют общеязыковым закономерностям.

Основным прототипическим признаком, определяющим возможность выделения отдельной лексико-семантической группы «реляционные имена», является их номинативное предназначение, а именно, номинация различного рода личностных отношений/реляций, что представляет в наибольшей степени общее свойство всех единиц этой группы. Лексические единицы, входящие в группу «реляционные имена», имеющую в своей структуре иерархические построения и линейные оппозиции, основанные на внутригрупповой соотнесённости по характеру и качеству выражаемых отношений, отмечены оценочным потенциалом (оценочностью), т. е. способностью наделять номинируемый объект универсальными архетипическими характеристиками, провоцирующими определённый эмоциональный отклик.

В. З. Демьянков в дефиниции к понятию «прототипический подход» подчёркивает, что «категории языка не всегда, а возможно, и редко определяются в терминах одной или нескольких (немногих) отличительных особенностей, необходимых и достаточных в качестве критерия именования. Категории в рамках континуума формируются как пересечения некоторого числа «характерных» или «типичных» свойств-признаков, коррелирующих с уместностью именования соответствующих предметов, но эти данные не бывают абсолютными». Он выделяет две возможные градации: 1) когда «свойства-признаки имеют некоторый вес в установлении типичности

объекта» и 2) когда «все члены категории обладают определённым рангом, соответствующим количеству у них характерных свойств данного прототипа»[1].

Поскольку основной функцией реляционных имён является наименование объектов в их связи или соотнесённости с другими объектами (т. е. они напрямую участвуют в построении определённой матрицы, в том числе и социальной), можно сказать, что данная категория занимает особое место в познавательной структуре, направляя и обусловливая во многом восприятие и оценивание действительности и её социального обустройства. Учитывая то, какое место занимает описываемая категория в структуре языка (в то время как единицы данной категории выступают в качестве средства познания окружающей действительности), можно предположить, что она в значительной степени подвергается процессу метафоризации.

Специфика реляционных имён и способы их языковой актуализации, в первую очередь, детерминированы сферой их использования. Это находит своё отражение в их общих характеристиках, например, полисемия, оценочность, коннотативность, синонимичность, антонимичность, Не вызывает сомнения тот факт, что реляционное имя в целом идентично имени. Но особенность реляционных имён заключается в наличии определённых границ их функционирования. Они имеют свою область жизнедеятельности, и это оказывает влияние на их лексические, синтаксические, прагматические и концептуальные свойства.

Главным отличительным признаком реляционных имён является, как уже отмечалось, номинация определённого социального субъекта. Человек – часть целостности социума, в котором существуют вполне реальные связи, известные всем членам социума. «Основная функция реляционного имени (РИ) состоит в том, чтобы указывать на какие-либо объекты (референты) через их отношения к другим, уже известным слушающему, объектам (коррелятам)» [3]. Наиболее важной специфической чертой реляционных имён, позволяющей выделить их в отдельную лексико-семантическую группу, является то, что все они используются для называния лица, а это, в свою очередь, обусловливает их чёткую принадлежность к специальной социально-бытовой сфере, а также определяет их коммуникативно-прагматические свойства.

Существуют и другие особенности, отличающие реляционные имена от других имён. Реляционные имена актуализируют на языковом уровне концепты отношение(я)/relations, то есть обобщённые представления о (со)отнесённости и (или) связи объектов или лиц. «Следует уточнить, что природа этой взаимосвязи неоднородна. В первом случае – человек – человек (группа лиц) – это преимущественно взаимодействие, взаимоотношение, во втором случае – человек – предмет – взаимоотнесённость. То есть, если речь идёт о связи между людьми *(collaborators – rivals; leader – followers)*, в пропозицию включён не только обязательный участник, но и предполагается определённая активность (действия) со стороны этого участника. Также могут присутствовать эмоциональные коннотации *(friends, enemies)*, но это не является обязательным условием *(fellow worker, acquaintance)*, этот признак может варьироваться, так же как и интенсивность деятельностного компонента» [5, с. 78].

Важным свойством всех реляционных имён является наличие общих прототипических свойств (связь – *connection*, сходство – *similarity*, объединение – *association*, однако совершенно очевидны и различия в их актуализации, а именно, различие в ведущем прототипе, что позволяет разделить все реляционные имена на три группы:

1) связь – *connection* – «родственные отношения» (связь по крови или через брак);

2) сходство – *similarity* – «социальные отношения» (сходство по интересам, отношению к кому/чему-либо);

3) объединение – *association* – «профессиональные отношения» (объединение на основе общей деятельности).

В каждой группе одна из прототипических характеристик – ведущая или мотивировочная, характеризующая, в первую очередь, данную группу и служащая основанием для отграничения её от двух других групп.

Существующее в русской языковой картине мира понятие «отношение(я)» включает в себя как представления о физической, иерархической и другой соотнесённости предметов и людей, их взаимосвязи, в том числе, родственных связях (родственные отношения), социальных отношениях, например, романтических (быть в отношениях) или приятельских (у них дружеские/приятельские отношения), так и непосредственно об эмоциональной составляющей, сопутствующей

[1] Демьянков В. З. Прототипический подход // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С.140–145.

любому взаимодействию людей. Это может быть описание двусторонних взаимообусловленных отношений (у них хорошие/напряжённые отношения) или же личного отношения к чему-либо или кому-либо (моё отношение к нему резко изменилось).

Например, «Новый словарь русского языка» предлагает следующее определение лексемы отношение:

1) а) взаимная связь, в которой находятся какие-либо субстанции или признаки; б) характер и форма такой связи; в) соотношение каких-либо явлений, предметов; г) причастность к чему-либо, связь с кем-либо, чем-либо; 2) частное, получаемое от деления одного числа на другое (в математике); 3) характер обращения с кем-либо, чем-либо; 4) взгляд на что-либо, мнение о чём-либо.

Отдельная статья определяет лексему отношения:

1) связи, возникающие между людьми, обществами, странами в процессе общения, деятельности;

2) характер взаимных сношений, общения с кем-либо[1].

В «Большой советской энциклопедии» отношение определяется следующим образом:

«Отношение, философская категория, выражающая характер расположения элементов определённой системы и их взаимозависимости; эмоционально-волевая установка личности на что-либо, т. е. выражение её позиции; мысленное сопоставление различных объектов или сторон данного объекта»[2].

Русскоязычное понятие «отношение(я)» соотносится с понятием *relation(s)* в английской языковой картине мира, но не вполне равнообъёмно. Словарь Collin's English Dictionary (2005) предлагает две отдельные статьи для толкования *relation* и *relations*. В первой приводятся одиннадцать дефиниций: 1) the state or condition of being ***related***; 2) ***connection*** by blood or marriage; kinship; 3) a person who is ***connected*** by blood or marriage; relative; 4) reference or regard; 5) ***association***, ***connection***, or status; 6) the act of relating or narrating – акт повествования; 7) an account or narrative; 8) *law* the principle by which an act done at one time is regarded in law as having been done antecedently; 9) *law* the statement of grounds of complaint made by a relator; 10) *logic, maths* a an ***association*** between ordered pairs of objects, numbers, etc, such as …is greater than… b the set of ordered pairs whose members have such an association; 11) *philosophy* – **internal relation** and **external relation**.

В статье *relations* приведены три значения: 1) social, political, or personal ***connections***; 2) family or relatives; 3) ***euphemistic*** sexual intercourse[3].

Несмотря на то, что русские дефиниции представляются более обобщёнными (что обусловлено синтаксической природой русского языка), можно сказать, что базовое содержание англоязычного понятия *relation(s)* совпадает с основным содержанием понятия *отношение(я)*. Одним из значимых расхождений является отсутствие в англоязычном варианте эмоционального, оценочного и поведенческого компонентов, представленных в толкованиях лексемы *отношение(я)*: **характер обращения с; мнение о чём-либо; эмоционально-волевая установка личности на; выражение позиции; мысленное сопоставление**.

В английском языке наряду с лексемой *relation(s)* существует и однокоренное слово *relationship*, и выбор между ними нередко вызывает затруднения у студентов, изучающих английский язык. Действительно, согласно словарю Collin's English Dictionary (2005), первые две семемы *(the state of being connected or related, association by blood or marriage; kinship)*, описывающие содержательную сторону *relationship*, совпадают с семемами из толкования *relation(s)*. Другие же две семемы *(the mutual dealings, connections, or feelings that exist between two parties, countries, people; an emotional or sexual affair)* обнаруживают искомый эмоциональный компонент.

В других словарях обнаруживаем указание на поведенческие реакции: 1) the way in which two things are connected; 2) the way in which two or more people **feel** and **behave** towards each other; 3) a close romantic friendship between two people, often a sexual one; 4) the family connection between people[4].

Эмоциональные коннотации, характеризующие отдельные семемы в дефиниции

[1] Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. – М.: Рус. яз., 2000. – Т. 1. А–О. – 1213 с. – Режим доступа: http://www.slovaronline.com (дата обращения: 20.07.2016).

[2] Все словари. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.slovaronline.com (дата обращения: 20.07.2016).

[3] Collin's English Dictionary – Complete and Unabridged [Электронный ресурс]. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2005. – 1888 p. – Режим доступа: http://www.thefreedictionary.com/attitude (дата обращения: 23.07.2016).

[4] Cambridge Advanced Learner's Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 1699 p. – Режим доступа: www.dictionary.cambridge.org (дата обращения: 23.07.2016).

relationship, тем не менее, не отражают в полной мере содержание эмоционального компонента в составе русского понятия *отношение(я)*. Так, в случае с *relationship* предполагаются только взаимообусловленные отношения *feelings that exist* ***between***, *affair* (задействованы две стороны), *feel and behave towards* ***each other***. В то время как содержательный компонент «(эмоциональное) отношение к кому-либо, чему-либо» не представлен.

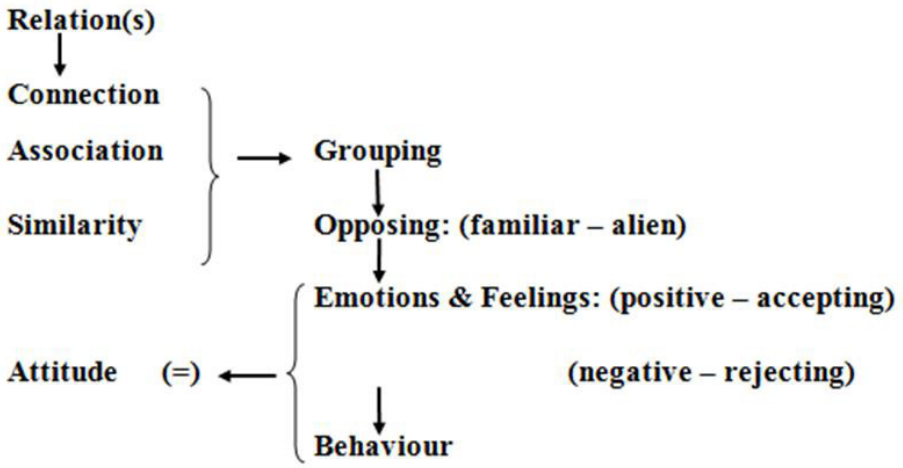
Указанный компонент обнаруживается в структуре содержательной стороны лексемы ***attitude***:

1) the way a person views something or tends to ***behave*** towards it, often in an ***evaluative way;***

2) a ***position*** of the body indicating ***mood or emotion;***

3) *informal* a hostile ***manner****: don't give me attitude, my girl*[1].

Таким образом, учитывая основания прототипического подхода, допускающие подвижность границ категорий, можно гипотетически представить следующую прототипическую модель концепта «отношения» в англоязычной картине мира.



Три основных мотивирующих прототипических признака концепта *relation(s)* – *connection, association, similarity*, выделяемых в результате компонентного сопоставительного анализа словарных дефиниций, – предполагают объединение объектов, построение общностей, группирование на основе определённых характеристик, что, в свою очередь, подразумевает противопоставление объектам, не обладающим данными характеристиками. Формируется условная оппозиция «свой – чужой» (возможно, имплицитная), которая стимулирует определённые эмоциональные реакции, связанные с отождествлением в качестве «своего» или «чужого» (положительная – принятие; негативная – отрицание, неприятие). В дальнейшем эмоциональный фон обусловливает соответствующие поведенческие реакции. Объединение *emotions/feelings + behaviour* приводит к актуализации свойства, заключённого в лексеме *attitude*. В процессе отождествления («свой – чужой») осуществляется сравнение, сопоставление признаков, характеристик объектов, т. е. их ***оценивание****.*

Заключение. Таким образом, результаты проведённого анализа показывают, что в целом реляционные имена представляет собой сложную многофункциональную социостилистически маркированную единицу, которая заключает в себе сложный регистр ролевых отношений в любом социуме, а именно, социальные и личностные моменты, социальное положение, характер взаимоотношений, эмоциональный настрой, национально-культурную специфику коммуникативного поведения и т. п. В то же время, реляционные имена объединяют информацию/представления о различных типах отношений, посредством устойчивого набора прототипических признаков, позволяющих выстраивать конкретные когнитивные модели в рамках концепта *отношения*/*relations*.

[1] Collins English Dictionary – Complete and Unabridged [Электронный ресурс]. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2005. – 1888 p. – Режим доступа: http://www.thefreedictionary.com/attitude (дата обращения: 23.07.2016).

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.
2. Дискуссия по вопросам языкознания [Электронный ресурс] // Правда, 1950. Режим доступа: http://www.stalinism.ru/dokumentyi/diskussiya-po-voprosam-yazyikoznaniya.html?limitstart=&showall=1 (дата обращения: 31.07.2016).
3. Ландер Ю. К типологии реляционных имён [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.academia.edu/1702134 (дата обращения: 15.11.2016).
4. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики: сб. ст. М., 1968. С. 103–125.
5. Скворцова А. В. Способы актуализации категории оценочности в лексике современного английского языка. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. 140 с.
6. Шехтман Н. Д., Добрынин С. В. Соотношение стандартных и нестандартных языковых средств в семантическом континууме и тексте: межвуз. сб. науч. тр. Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1990.
7. Fauconnier G. Mental spaces. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985. 185 p.
8. Fillmore Ch. J., Atkins B. T. Toward a Frame-Based Lexicon: The Semantics. of RISK and Its Neighbors // Frames, Fields, and Contrasts. Hillsdale; New Jersey: Lawrence Erlbaum Assoc., 1992. PP. 75–102.
9. Geeraerts D. Cognitive semantics and the history of philosophical epistemology // Conceptualizations and mental processing in language. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1993. PP. 53–79.
10. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. 4th, paperback ed. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1990. 614 p.
11. Langacker R. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. 395 p.

Статья поступила в редакцию 21.12.2016; принята к публикации 15.02.2017

Библиографическое описание статьи

Скворцова А. В. Когнитивные основы выделения лексико-семантической группы «Реляционные имена» // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 102–108.

Anna V. Skvortsova,
Candidate of Philology,
Pushkin Leningrad State University
(10 Peterburgskoe sh., St. Petersburg, 196605, Russia),
e-mail: annysunnybird@gmail.com

Cognitive Basis of Allocation of the Lexical-Semantic Group “Relational Names”

In the modern world significant changes in the sphere of technology come within the life of a single generation which consequently affects the quality and nature of interpersonal communication being constantly “resettled” into virtual zone. As the result, language systems are being involved into certain transformation, therefore linguistic paradigm requires updating and specification. The objects of the study are relational names, reflecting the important language cognitive cluster “relationship”. Based on the analysis of dictionary definitions, the author describes the features of objectifying the emotive component of relational names with the meaning “Relations”. The basis for the study of this concept is the method of cognitive analysis using linguistic and cultural approaches that allows us identifying and describing the functions of the relational names in modern languages. Based on the analysis of dictionary definitions, the author describes the features of objectifying the components of relational names with the meaning “Relations”. Thus, the author shows that the concept features of the relational names requires more careful consideration and can be identified as a separate category.

Keywords: relational names, concept, conceptualization, categorization, relationships, lexical-semantic group, nomination

References

1. Boldyrev N. N. Kontseptual’noe prostranstvo kognitivnoi lingvistiki // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2004. № 1. S. 18–36.
2. Diskussiya po voprosam yazykoznaniya [Elektronnyi resurs] // Pravda, 1950. Rezhim dostupa: http://www.stalinism.ru/dokumentyi/diskussiya-po-voprosam-yazyikoznaniya.html?limitstart=&showall=1 (data obrashcheniya: 31.07.2016).
3. Lander Yu. K tipologii relyatsionnykh imen [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.academia.edu/1702134 (data obrashcheniya: 15.11.2016).

4. Reformatskii A. A. Termin kak chlen leksicheskoi sistemy yazyka // Problemy strukturnoi lingvistiki: sb. st. M., 1968. S. 103–125.

5. Skvortsova A. V. Sposoby aktualizatsii kategorii otsenochnosti v leksike sovremennogo angliiskogo yazyka. SPb.: LGU im. A. S. Pushkina, 2015. 140 s.

6. Shekhtman N. D., Dobrynin S. V. Sootnoshenie standartnykh i nestandartnykh yazykovykh sredstv v semanticheskom kontinuume i tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr. Chelyabinsk: Izd-vo ChGPI, 1990.

7. Fauconnier G. Mental spaces. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985. 185 p.

8. Fillmore Ch. J., Atkins B. T. Toward a Frame-Based Lexicon: The Semantics. of RISK and Its Neighbors // Frames, Fields, and Contrasts. Hillsdale; New Jersey: Lawrence Erlbaum Assoc., 1992. PP. 75–102.

9. Geeraerts D. Cognitive semantics and the history of philosophical epistemology // Conceptualizations and mental processing in language. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1993. PP. 53–79.

10. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. 4th, paperback ed. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1990. 614 p.

11. Langacker R. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. 395 p.

Received: December 21, 2016; accepted for publication February 15, 2017

Reference to the article

Skvortsova A. V. Cognitive Basis of Allocation of the Lexical-Semantic Group ‘‘Relational Names’’ // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 102–108.

МЕДИАЛИНГВИСТИКА

MEDIA LINGUISTICS

УДК 81'27
DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-109-115

Анастасия Николаевна Гришанина,
кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 1-я линия, 26),
e-mail: a.grishanina@spbu.ru

Личность в координатах социальных сетей: конструктивизм и деструктивизм речевого поведения

В статье рассматриваются вопросы изучения личностных характеристик потребителей медиатестов, в частности, пользователей социальных сетей; выявляются особенности функционирования диалогов сетевого пространства и наличия в них экстремистских проявлений. Автор делает попытку классифицировать причины медиаагрессии, агрессивного речевого поведения, намерений размещения графической и рисуночной информации на страницах социальных сетей как основных современных каналов коммуникации. Изучается личность – авторы медиаинформации. После проведённых исследований анализируются интенции авторов сообщений, приводятся тенденции и типология размещения материалов. Методы и приёмы исследований – мониторинг сетевой среды, элементы контент-анализа текстов и изображений как медиаматериалов, интент-анализ и др. Анализ теоретических вопросов изучения личности, социально-психологический подход к субъекту коммуникации – человеку – позволяет выявить интенции и мотивы коммуникационного участия, причины создания материалов, имеющих экстремистские проявления. Автор опирается на принципы гуманистического психоанализа Э. Фромма, его типологию социальных характеристик личности и гипотезу о том, что современное общество «опредмечивает» человека, создаёт декструктивный тип личности. Практическая значимость разработки тематики заключается в том, что предпринимаются усилия к исследованию причины репостов такого рода информации, что даёт основание смоделировать социокультурную схему общения в сетевой среде. Это позволяет также подойти к разработке современных способов защиты от речевой медиаагресии и экстремистских проявлений и преодоления речевых угроз.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, медиатекст, личность, деструктивная личность, социальная сеть, экстремистские проявления, речевая угроза

Вводная часть. Сетевое пространство из вместилища информации за последние десятилетия незаметно превратилось в мощную информационную технологию и стало причиной многочисленных изменений, происходящих с человеком в обществе (зависимость, агрессивность, эмоциональное напряжение, фрустрация и др.). Медиакоммуникации поддерживают на плаву все современные средства массовой информации. Сегодня ни одно СМИ, ни одна более-менее солидная организация не обходятся без аккаунта в социальной сети. Всемирная паутина для специалиста – «это глобальная совокупность виртуальных коммуникационных возможностей и новая информационная реальность, способная оказывать существенное влияние на механизмы управления восприятием» [4, с. 117]. Такое положение дел оказывает мощное влияние на человека, осознанно и подсознательно заставляет его меняться, трансформироваться, иногда – «подстраиваться» под условия коммуникации. На процесс изменений влияет факт (наличие) многочисленной агрессивной информации, в том числе в связи с мировыми событиями – информации экстремистского либо угрожающего характера. Филологи, эксперты-лингвисты, специалисты

© А. Н. Гришанина, 2017

в области журналистики и массовых коммуникаций всё чаще говорят о необходимости изучения контента социальных сетей с целью разработки коммуникативных стратегий безопасности для человека, партнёрства, защиты. В последнее время в медиапространстве появляется немало высказываний экстремистского характера, речевые действия бывает трудно оценить на предмет наличия угрозы, призыва; они оформляются как скрытые побуждения к совершению действий.

Российские и зарубежные исследователи изучают феномены появления подобных медиатекстов. Вопросы разрушения личности под воздействием потребления СМИ и сетевой информации изучаются в сфере психологии, социологии, журналистики, массовой коммуникации (E. Fromm, 1976–1980; H. Jonas, 2004; E. B. Lambeth, 1998; S. J. A. Ward, 2006; J. C. Merrill, 1997; Г. В. Лазутина, 2000; М. И. Шостак, 2001; К. В. Злоказов, А. Ю. Софронова, 2013–2016; Г. С. Мельник, Н. О. Свешникова, 2014–2016).

Данные о методологии и методики исследования. Методология определяется предметом и направленностью исследования. Прежде всего, изучалась личность в координатах медиа, поэтому исследования проводились в рамках социально-психологических методов и приёмов, а также медиаисследований *(mediaresearch)*. Сделан первичный тренировочный мониторинг социальных сетей в рамках экспертной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета, выявлены те страницы и ссылки, на которых чаще всего встречаются агрессивно-деструктивные тексты, речевые угрозы и информация экстремистской направленности. Был применён сравнительный анализ текстов, метод «наблюдение», данные исследований с помощью этого метода из открытых источников оперативных служб по выявлению экстремизма. Основным методом при исследовании последствий воздействия на личность стал интент-анализ, использовались элементы контент-анализа медиатекстов (текст, изображение, видео, креолизованные тексты). За 2016 год обработано 80 страниц социальных сетей, преимущественно социальная сеть «Вконтакте». На каждой странице в среднем размещается от двух до десяти текстов, комментарии (разное количество, не поддающееся систематизации).

Методологическое решение исследования направлено на то, чтобы решить насущные теоретические и практические задачи: выявить тенденции размещения текстов, намерения авторов, выработать предложения по защите от угрожающей и агрессивной информации, пути взаимодействия СМИ и социальных сетей.

Результаты исследования показали: человек подчиняется всем правилам игры и одновременно бунтует против них в многочисленных высказываниях, так как с одной стороны, следует символической логике социального и социальному образцу, с другой – оказывает сопротивление новой социализации, проходящей с помощью интернет-приёмов. Каждая личность наделена образом «я», который представляет собой определённую совокупность характеристик, «учреждённых символическим знанием о нём самом, некие зеркальные отражения и понятие субъективности» [2, с. 70].

Сетевая коммуникация вмещает все привычные современному человеку ритуалы, позволяющие каждому типу субъектности функционировать в ней. В этой среде есть правила и нормы (чаще всего языковые – вербальные в сочетании с невербальными фрагментами текста), находящиеся в сложных отношениях с субъектом. В социальных сетях сложился определённый язык общения, в чатах и твиттере – своя система обмена информацией; примеры можно продолжить такими понятиями, как «блог», «стена» «Вконтакте», «форум» и т. п. У человека появляется иллюзия выбора: поддержать языковое равновесие, или же сохранить своё «я» вопреки принятым в данном сообществе правилам. Вполне понятно, что не все претензии норм и правил могут быть достаточно обоснованы, более того, они и не всегда осознаются тем, кто оказывается в интернет-контакте.

Поставляемая информация часто предстаёт перед читателем по различным причинам в искажённом виде. Всю информацию, которую получает аудитория, можно разделить на три вида: качественную, бесполезную, некачественную. Качественная информация правильно отражает действительность и необходима для интерпретации события, процесса; некачественная необходима для интерпретации события, процесса, ситуации, но неправильно отражает действительность; бесполезная информация – не обязательно необходимая для интерпретации события, процесса принятия конкретного решения. К видам некачественной информации относится дезинформация. Под дезинформацией обычно понимается вымышленная или неточная, неполная информация. Качественная информация имеет ценностную природу [11, с. 762].

Выявлено: большинство диалогов социальной сети «Вконтакте», в которых можно

встретить агрессивно-деструктивные высказывания, а также элементы экстремистских проявлений, располагаются на так называемой стене (это часть социальной сети «Вконтакте», где пользователи делятся своими записями, мыслями, делают репосты, выкладывают фотографии и комментируют записи). Чаще всего информация, размещённая на стене, открыта всем, реплики являются источником возникновения диалогичной речи. Основные внешние, то есть направленные от личности к сообществу, цели использования стены для сетевой коммуникации – привлечь внимание к какой-либо информации и развить тему.

Пользователи отмечают, что считают стену одним из наиболее эффективных способов начального этапа коммуникации как акта общения, привлечения внимания; зачином для дальнейшего диалога и переписки в закрытом сетевом пространстве. Однако самим фактом размещения информации на стене социальной сети пользователь выражает намерение привлечь внимание читателей (пользователей) именно к той информации, которая сообщается автором. Размещение информации имеет и личностные цели, не связанные с внешними обстоятельствами. Отметим, что репост – это акт копирования записи к себе на страницу в социальной сети, а также сама скопированная запись или новость; комментарий (от лат. *commentārius* – «заметки, записки; толкование») – пояснения к тексту, рассуждения, замечания о чём-нибудь или в Интернете – к посту (сообщению). Такое объяснение даётся в открытой энциклопедии – Википедии, так как толкования в словарях этих слов, претендующих на слэнговое употребление, пока ещё нет.

Исследования показали: формы контактов в Сети напрямую зависят от намерений автора информации, что отражено в таблице.

Формы сетевого коммуникативного контакта при размещении пользователями информации агрессивно-деструктивного характера

Форма контакта	*Интенциональная цель*	*Количество медиатекстов (% от исследованных материалов)*	*Элементы словесного экстремизма (% от исследованных материалов)*
Размещение	Ожидание реакции, желание выйти на контакт в Сети, провоцирование, троллинг	98	3–4
Репост	Согласие, протест, вызов, угроза	58	7
Вторичный и последующий репост	Проявление деструктивных качеств личности, демонстрация характера	60	7–9
Комментарий	Осознанная/неосознанная реакция, провоцирование, манипулирование, угроза	76	8–10
Повторный комментарий	Демонстрация позиции (жизненной/ситуативной), разъяснение информации, демонстрация характера	55	2–3

Приблизительное, условное число в четвёртом столбце таблицы означает, что проявления экстремистского характера не всегда можно выявить с точностью. Несмотря на принятый закон об экстремистской деятельности, поправки к документу и подзаконные акты, исследователи и эксперты в области массовой коммуникации расходятся во мнении, какие именно речевые проявления можно отнести к экстремистским. В методических рекомендациях «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды» к словесному экстремизму относятся следующие позиции. Это «целенаправленные акты публичной передачи сообщений в форме устных или письменных речевых высказываний, которые направлены на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды либо ненависти, включая передачу информации языковыми средствами в публичных выступлениях, печатных изданиях, средствах массовой информации (радио, телевидение); оправдывают или обосновывают их; призывают или подстрекают к осуществлению, инициируют, провоцируют или руководят противоправными действиями экстремистского толка; пропагандируют нацистскую или сходную с ней до степени смешения символику и атрибутику»[1].

[1] Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды: метод. рек. – М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1999.

Интент-анализ фраз авторов текстов, репостов и комментариев выявил их намерения: продемонстрировать мнение по поводу конкретного события, сделать собственные выводы и прогнозы, иногда – показать свой текст как инструмент угрозы. Угрозы часто бывают анонимными, их воплощение не предусматривается. Трудность исследования заключается в том, что информация в большинстве случаев является оценочной. Человек заявляет о себе, высказывает, что он думает по этому поводу. Как правило, это люди с активной жизненной позицией, имеющие образование и знания в той области, которую обсуждают, однако часто непонятые в своей среде или же ищущие новых контактов, подтверждения своим мыслям, во многом отвечающие характеристике современного сетевого читателя. Иногда процесс «взрослой» социализации проходит у пользователя за счет эпатажного поведения в Сети (ирония, сарказм, сексизм, пародия, коллаж).

Не случайно в качестве основной формы коммуникации используются комментарии как попытка «поговорить». Коммуникативные сообщения строятся по типу диалогичного общения (разговор двух или нескольких лиц, форма речи, состоящая из обмена репликами). Основной единицей диалога является диалогическое единство – смысловое, тематическое объединение нескольких реплик, представляющее собой обмен мнениями, высказываниями, каждое последующее из которых зависит от предыдущего [1, с. 140–153]. Некоторые реплики участвуют в диалогическом единстве за счёт реплик, обнаруживающих реакцию не на предшествующую реплику собеседника, а на общую ситуацию речи.

Реплики по своему характеру и составу слов показывают намерения авторов, особенности их личности (активная позиция автора и читателя по поводу появления информации, а также желание быстро вербально отреагировать на неё); конкретную коммуникативно-речевую тактику, общую речевую культуру собеседников, а также степень официальности/неофициальности обстановки (разговорные слова, слова высокого стиля).

Исследования показали: авторы реплик рассчитывают не только на тех, кто вступил в переписку-диалог, но и на потенциального читателя, т. е. присутствующего, но не принимающего участия в диалоге. Проявляется желание автора публично распространять свои взгляды и идеи (возможно, заниматься пропагандой). Диалог в социальных сетях рассматривается как первичная форма коммуникации, он представляет собой неподготовленный, спонтанный тип речи. Тематика и тональность диалога произвольно меняется в ходе его развёртывания, например: тема войны, назначения на должности, экономическое положение страны или региона, оценка действий политиков, личная оценка качеств говорящего, эмоциональная реакция. В качестве демонстрации – цитаты из материала, размещённого неким пользователем Д. К. *(здесь и далее имена пользователей сокращены – А. Г.)*: он называет страну *«паршивым государством»*, а жителей – *«овощными россиянцами»*, *«торчащим вконтактике в айфончиках»*, *«сосущим пивко… под гашиш, болеющим за футбольную команду миллионеров-ублюдков»*. Слова и выражения *«россиянцы»*, *«торчащие вконтактике в айфончиках», «сосущим пивко»* усиливают негативное мнение автора о стране и жителях. Он эмоционально осуждает своё же сообщество, пользователей социальных сетей, надеясь спровоцировать на разговор, обсуждение. Автор употребляет данные слова в уменьшительно-ласкательной форме: вконтакте – *«вконтактике»*; айфон – *«айфончики»*; пиво – *«пивко»*, подчёркивая своё пренебрежение. Вызывая на обсуждение, он подсознательно ищет «союзника» либо «противника». Человек с неустойчивой психикой или же находящийся в состоянии эмоционального напряжения может включиться в разговор, получив, таким образом, дозу негатива и фрустрационных переживаний. Такие тексты сегодня часто заменяют людям новости, информацию о действительных событиях, хобби, общение с близкими. С помощью указанных приёмов человек пытается анонимно заявить о себе, продемонстрировать свою силу или хотя бы отсутствие слабости, применить вербальную угрозу в связи с социальной депривацией. Мнение автора во многих случаях является оценочным, сформированным в координатах «хороший – плохой», информация – личностно-рефлексивная.

Деструктивная личность пытается навязать собственные иллюзии другим людям, по социальным сетям годами «гуляют» одни и те же изображения и фразы, приписываемые известным людям, они выстраиваются в речевое сообщение по типу анекдотов с тем различием, что вместо ироничного смеха за словом может стоять риск исполнения угрозы. Многие исследованные медиатексты невозможно привести в качестве примеров, так как в них присутствует нецензурная лексика. Скажем, в верхней части страницы размещено видео, на

нём молодая красивая женщина в камуфляжной одежде, принадлежность данной одежды к военной форме какой-либо сраны выявить невозможно. Пользователь М. М. и другие разместили комментарии: *«Как же…, бесит»; «Аж трясёт»; «Вся эта политота»; «Что это… за шествие… в кордоне мусоров?»*. Функционально-коммуникативный анализ текста показал, что в данном случае диалог ведётся с целью выражения (демонстрации) своего мнения после просмотра видеосюжета: А. К. говорит о том, что ему не понравилась музыка *(«музон можно и другой»)*; Д. Ж. пишет: *«А мне нравится»*, – не указывая, что именно ему понравилось в сюжете; М. М. выражает негативное мнение в резкой, агрессивной форме по поводу происходящего в кадре. В комментариях есть прямая вербальная враждебная агрессия, которая направлена на авторов сюжета, так как он недоволен видеокадрами (он говорит о том, что его *«бесит», «аж трясёт»,* о тех, кто присутствует в кадре; он недоволен действиями тех лиц, о которых идёт речь в сюжете (*«мусора»* – здесь по контексту работники полиции); агрессия направлена на иммигрантов и мигрантов России, он недоволен присутствием иммигрантов и мигрантов. В подобных текстах и последующих комментариях присутствует явная либо скрытая (анонимная) угроза.

Интенции авторов проявляются часто и за счёт размещения ими изображений-картинок. Эти изображения (фотографии, рисунки, коллажи, лубочные картинки и др.) «гуляют» по страницам различных пользователей, за счёт репостов то там, то здесь всплывают в Сети вновь, и каждый автор вкладывает в факт размещения свой смысл. Ему кажется, что он очень точно подметил ситуацию.

Обсуждение результатов. Проведённые исследования обозначили тот круг проблем, который касается характеристик сетевого читателя и сетевого писателя. Выявленные тенденции помогут ответить на вопросы – зачем человек вступает в такого рода контакт в социальных сетях и как это влияет на современные процессы массовой коммуникации.

По мнению Э. Фромма, кибернетизация общества последних десятилетий привела к развитию такого явления, как отчуждение, «опредмечивние» человека. С полным правом это можно сказать о социальных сетях. Типология социальных характеров Э. Фромма может быть полезна при анализе поведенческих характеристик пользователей социальных сетей, которые в определённые моменты становятся не только читателями, но и писателями, то есть, создателями медиатекстов. Общество без рационального мышления, не способное логически оценивать речевые ситуации, создаёт и особый деструктивный тип личности, который становится угрозой для самого существования человека. Изучая интенции авторов текстов и комментариев, можно отчасти полагаться на воззрения З. Фрейда о деструктивизации личности [8].

З. Фрейд в своих произведениях пользуется словом *Trieb* – «влечение», которое переводится на английский чаще всего как «инстинкт», однако в более широком понимании, чем животное рефлекторное стремление, как термин, поясняющий поведение человека в целом. Желание, намерение участвовать в диалогах разрушительного для автора и читателя характера часто возникает у пользователя неосознанно. Причиной тому могут быть психологические особенности читающего сетевые тексты.

Сегодня эти особенности таковы: 1. Читатель потребляет информацию в пределах дистанции. С одной стороны, он стал ближе к писателю, общается с ним, с другой – может не называть себя подлинным именем, этого не требуют «правила игры». Читателю кажется, что он находится в пределах возможной досягаемости в коммуникации «источник данных – приемник информации». 2. Порой целью виртуального общения с писателем в Сети является стремление человека к ощущению себя в качестве другого человека. Подобную практику применяют отдельные пользователи блогов, выступающие от имени виртуалов. Происходит это в тех случаях, когда человек по ряду причин не может (не хочет) выходить в Сеть от своего лица. Если сетевой читатель проявляет себя под псевдонимом, то он иногда может выступать в роли провокатора. Его акции нацелены на создание общественного резонанса [3, с. 170].

Э. Фромм указывает, что характер (синдром характера) «коренится в определенных формах ориентации индивида, демонстрирующих его отношение к внешнему миру и к себе самому, и является главным источником, питающим личность» [7, с. 117]. В Интернете человек может себе позволить быть анонимным, и его ориентация, черты характера и намерения не будут прочитаны как свойства определённого конкретного человека. Кроме того, многие полагают, что социальные сети – это тот канал, который является закрытым по типу общения (вход, пароль, круг лиц и т. д.). Поэтому в социальных сетях пользователи действуют по принципам «безнаказанности» и «делаю что хочу». При этом многие исследователи указывают на то, что эмоциональ-

ные состояния следует отличать от деструктивности (Э. Фромм, Х. Брандт, Ч. Циглер). Проявление эмоций в социальных сетях посредством размещения текстов и комментариев к ним часто обусловлено состоянием человека, а не стремлением к разрушительности. Иными словами, пользователи размещают тексты ситуативно, «по глупости».

По времени размещения агрессивно-деструктивные тексты связаны с появлением определённых ситуацией в мире и стране, обсуждением проектов, опубликованием законодательных документов и т. д. Часто обсуждение проходит на страницах частных пользователей, когда нет другой площадки для высказывания мыслей (страницы СМИ в социальных сетях, например, форумы, чаты, блоги). Так происходило в связи с принятием положений о запрете экспертизы книг канонического характера религиозного содержания, закона о защите прав верующих, государственной концепции о патриотизме.

Профессиональные журналисты могли бы внести немалую лепту в профилактику экстремистских проявлений, если бы чаще занимались разъяснением, просвещением по поводу вербального и невербального экстремизма, а также не служили примером агрессивного поведения, вызывающего новую волну агрессии. Мониторинг Сети показывает, что очередная «порция» речевых угроз в Интернете часто проходит после принятия нормообразующих документов: о религии, об обществе, о канонах определённых социальных групп и т. п. В то время как средства массовой информации «не спешат» с комментариями просветительного характера, тут же некоторые СМИ дают предвзятые оценки и тем самым косвенно побуждают к реализации агрессивного речевого поведения.

Заключение. Таким образом, исследования показали, что диалоги в социальных сетях могут быть оценочными, но не всегда далеко безобидными, это зависит от особенностей личности автора. Тенденции размещения информации сводятся к следующему:

– в большинстве случаев медиаагрессия выражается с помощью такого стилистического приёма, как сарказм и ирония, для пользователя это и приём самопрезентации;

– важным средством самовыражения служат иллюстрации, фотографии реальных людей или рисунки, все они дополняются подходящими по смыслу надписями и зачастую несут в себе признаки медиа-агрессии;

– материалы часто содержат в себе вербальную, косвенную, инструментальную, внешнюю медиаагрессию. Читатели таких диалогов часто демонстрируют свою лояльность к подобной форме общения, могут также агрессивно реагировать (заражаться эмоциями).

Сетевая среда в какой-то степени выполняет функцию фрейдовского Супер-Я: вся социальная материя пространства многократно оборачивается вокруг когнитивных способностей человека, и сетевые средства массовой коммуникации выполняют самую главную роль. Что бы человек не находил в интернет-новостях – всё должно быть им постигнуто через взаимосвязь поколений, стилей, мыслей. Если этого не происходит, текст перестаёт быть конструктивным. Таким образом, не воображаемое (реальное) является продолжением символического, а символическое является продолжением воображаемого. Психологическое различие проявляется в скорости подачи информации, степени доступности её потребления, смене экрана и тематики, иногда зависит от времени суток, состояния и настроения читателя и других факторов.

Список литературы

1. Васильева И. И. Коммуникативные свойства высказываний в диалоге // Психол. журн. 1984. Т. 5, № 5.

2. Вульфович Р. М., Гимельштейн Я. Г. Управляемый город: прошлое, настоящее, будущее. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2009. 400 с.

3. Гришанина А. Н., Курушкин С. В. Сетевой читатель // Сетевые СМИ российского мегаполиса / под ред. И. Н. Блохина, С. Г. Корконосенко. СПб.: Филол фак. СПбГУ, 2011. С. 168–182.

4. Зудочкина А. А. Блоги как важнейшая медиаформа в составе пользовательских медиа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 3. С. 117–127.

5. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / пер с нем., предисл., примечания И. И. Маханькова. М.: Айрис-Пресс, 2004. 480 с.

6. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста / под ред. М. В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридический мир, 2006. 112 с. [Сер. Библиотечка юриста СМИ].

7. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2016.

8. Freud S. Aus den Anfängen der Psychoanalyse, London, 1950. S. 373–466.

9. Jonas H. The imperative of Responsibility. Ethics experience for a technological civilization. Moscow: Iris Press, 2004.

10. Kovach B., Rosensteil. The Elements of Journalism: What Newspeople Should Know and the Public Should Expect. New York, 2001.

11. Melnik G. S., Misonzhnikov B. Y., Grishanina A. N., Teplyashina A. N. Sense Distortions in the Mass Media: their Social Consequences // American Journal of Applied Sciences. 2016. Vol. 13, no. 6. PP. 762–772.

12. Ward S. J. A. The Invention of Journalism Ethics: The Path to Objectivity and Beyond. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2006. 360 p.

Статья поступила в редакцию 11.01.2017; принята к публикации 25.02.2017

Библиографическое описание статьи

Гришанина А. Н. Личность в координатах социальных сетей: конструктивизм и деструктивизм речевого поведения // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 109–115. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2109-115.

Anastasiya N. Grishanina,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Saint Petersburg State University
(26 1-ya Liniya, St. Petersburg, 199004, Russia),
e-mail: a.grishanina@spbu.ru

The Personality in Social Networking: Constructivism and Destructiveness of Verbal Behavior

The article discusses the study of the personal characteristics of consumers of media texts, in particular, social network users; identify features of the functioning of the dialogues on the web, the presence of extremism in them. The author makes an attempt to classify the causes of media aggression, aggressive verbal behavior, intentions of placing graphic and drawing information on pages of social networks as the major modern communication channels. We have studied the identity. The research studies the intentions of the authors, the trends and typology of the placement of the materials are given. Methods and techniques of the research are monitoring of the network environment, the elements of the content analysis of texts and images as media materials, intent-analysis, and others. The analysis of theoretical problems in the study of personality, social-psychological approach to the subject of communication – the person – allows us to identify the intentions and motives of communication, the participation, the reasons for the creation of materials with extremist manifestations. The author relies on the principles of Erich Fromm's humanistic psychoanalysis, the social typology of personality characteristics and the hypothesis that modern society makes destructive personality type. The practical significance of the development of the theme is that efforts are being made to study the reasons for reposts of this kind of information that provides the basis to model the socio-cultural scheme of communication in a network environment. It allows us to approach the development of modern ways of protection from voice media aggression and extremism and overcoming verbal threats.

Keywords: mass communication, media text, personality, destructive personality, social network, extremism, speech threat

References

1. Vasil'eva I. I. Kommunikativnye svoistva vyskazyvanii v dialoge // Psikhol. zhurn. 1984. T. 5, № 5.
2. Vul'fovich R. M., Gimel'shtein Ya. G. Upravlyaemyi gorod: proshloe, nastoyashchee, budushchee. SPb.: Izd-vo SZAGS, 2009. 400 s.
3. Grishanina A. N., Kurushkin S. V. Setevoi chitatel' // Setevye SMI rossiiskogo megapolisa / pod red. I. N. Blokhina, S. G. Korkonosenko. SPb.: Filol fak. SPbGU, 2011. S. 168–182.
4. Zudochkina A. A. Blogi kak vazhneishaya mediaforma v sostave pol'zovatel'skikh media // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2010. № 3. S. 117–127.
5. Ionas G. Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoi tsivilizatsii / per s nem., predisl., primechaniya I. I. Makhan'kova. M.: Airis-Press, 2004. 480 s.
6. Kak provesti lingvisticheskuyu ekspertizu spornogo teksta / pod red. M. V. Gorbanevskogo. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Yuridicheskii mir, 2006. 112 s. [Ser. Bibliotechka yurista SMI].
7. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti. M.: AST, 2016.
8. Freud S. Aus den Anfängen der Psychoanalyse, London, 1950. S. 373–466.
9. Jonas H. The imperative of Responsibility. Ethics experience for a technological civilization. Moscow: Iris Press, 2004.
10. Kovach B., Rosensteil. The Elements of Journalism: What Newspeople Should Know and the Public Should Expect. New York, 2001.
11. Melnik G. S., Misonzhnikov B. Y., Grishanina A. N., Teplyashina A. N. Sense Distortions in the Mass Media: their Social Consequences // American Journal of Applied Sciences. 2016. Vol. 13, no. 6. PP. 762–772.
12. Ward S. J. A. The Invention of Journalism Ethics: The Path to Objectivity and Beyond. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2006. 360 p.

Received: January 11, 2016; accepted for publication February 25, 2017

Reference to the article

Grishanina A. N. The Personality in Social Networking: Constructivism and Destructiveness of Verbal Behavior // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 109–115. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-109-115.

http://www.zabvektor.com ISSN 1996-7853 ISSN 2542-0038 (Online)

УДК 7.097 + 004.773.7 + 070.431
DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-116-121

Марина Александровна Мясникова[1],
доктор филологических наук, кандидат искусствоведения,
профессор,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51),
e-mail: avt89@yandex.ru

Анастасия Сергеевна Эйнгорн[2],
телеведущая программы «Главные новости Екатеринбурга»,
АО «Студия-41»
(620146, Россия, г. Екатеринбург, ул. Академика Бардина, 48/62),
e-mail: nastena.eyngorn@mail.ru

Роль ведущего новостей в ходе экранно-клипового моделирования телепространства

Данная статья посвящена выявлению меняющейся в последние годы роли ведущего новостей, осуществляемой им в процессе экранно-клипового моделирования телепространства. Именно ведущий информационной программы формулирует «повестку дня», буквально «прошивая» эфирную сетку периодически выходящими выпусками свежих новостей, этими «верстовыми столбами» любой телепрограммы. Именно он ведёт целые тематические каналы, преодолевая фрагментарность и отрывочность самого течения жизни. В написании статьи использовались функциональный и эмпирический методы исследования, позволившие изучить возможности профессии телеведущего с точки зрения его функций. В работе задействован обширный эмпирический материал. Тем более, что один из соавторов является ведущим новостной программы солидного регионального телеканала. В статье делается вывод о том, что ведущий новостей по-прежнему является одной из самых востребованных и необходимых телевизионных профессий, выступая главным медийным лицом не только своей программы, но и телеканала в целом. Хотя в пространстве интернет-вещания прослеживаются некоторые новые тенденции в работе ведущего информационной программы. Интернет при этом выступает некой экспериментальной площадкой для проверки тех или иных форм реализации функций ведущих, продолжающих «сшивать» мозаичную, фрагментарную ткань телепространства, указывая время от времени на новые способы раскрытия их творческого потенциала.

Ключевые слова: телевидение, телепрограмма, ведущий теленовостей, диктор, экранно-клиповое моделирование, имидж, телепространство, интернет-телевидение, редактор

Вводная часть. Как известно, в основе эфирного телевидения лежит принцип программности. Исследователь Н. Хренов выявляет две особенности программности, присущие телевидению. Первая заключается в том, что программность не навязывает «демонстрируемым явлениям жёсткой интерпретации» [10, с. 69], то есть не упраздняет самобытности и уникальности демонстрируемого явления. Вторая – в том, что включаемое в программу «явление получает возможность вступать в более свободные отношения с другими демонстрируемыми явлениями» [Там же, с. 70]. В итоге склеиваются не связанные друг с другом фрагменты жизни.

Идёт процесс моделирования. Ведь телевидение, по мысли Ю. Лотмана, относится к числу «вторичных моделирующих систем» [5] наряду с мифологией, религией, искусством, философией, политикой, спортом, модой, рекламой, радио и Интернетом. И как любая моделирующая система, каждодневно занимается построением моделей жизни или её фрагментов. И модели эти своеобразны. Во-первых, они несут на себе черты придуманности, «невзаправдошности», недолговечности, хотя мы и принимаем их за «картины» мира, которые кажутся нам вполне реальными, Во-вторых, они исключительно дробны, не цельны, сменяемы и тенденциозны, подчинены требованиям дня.

В соответствии с вышеизложенным на телеэкране никогда не возникает целого в полном смысле слова. При этом «совершен-

[1] М. А. Мясникова: теоретическое обоснование темы; проведение интервью; сбор, анализ и систематизация материала; написание текста; редактирование статьи.
[2] А. С. Эйнгорн: проведение интервью; сбор и анализ материала; написание текста.

© М. А. Мясникова, А. С. Эйнгорн, 2017

но непостижимой оказывается скорость, с которой сознание современного телезрителя может переключаться с той же “Карнавальной ночи” на рекламный ролик» [3, с. 42]. Сегодня уже говорят о том, что телевидение рассчитано преимущественно на точечные эмоциональные воздействия. Оно развивается в сторону всё большего дробления информации, а, соответственно, и дробления картины мира, предстающей перед нами на экране.

Потому-то мы и определяем телевизионное творчество как некое «экранно-клиповое моделирование мира», где клип понимается как способ познания жизни с помощью телеэкрана. Если программа – это первочастица телевидения, то *клип* – это попытка сопряжения единиц программы друг с другом, своеобразный способ мышления в телепространстве. Клип – есть «сжатое компактное изложение большого количества эмоционально окрашенной информации», – пишет Н. Аверина [1, с. 35]. Он связан с такими характеристиками человеческого мышления, как способность за короткое время поглощать большое количество разорванной информации. Клип отличается ёмкостью, умением стыковать несоединимое; выстраивать ассоциативные ряды, преодолевать закреплённость ролей и вещей, открывать новые функциональные значения последних [Там же, с. 43]. Дробность, мозаичность, клиповость как природные свойства телевидения; заппинг и серфинг (переключение каналов как излюбленная манера поведения зрителя, сопровождающая телепросмотры) ведут к тому, что с трудом идентифицируются, нередко смешиваются, а порой и рушатся фундаментальные человеческие ценности. Телевидение почти не оставляет времени и пространства для рефлексий и неспешных мировоззренческих бесед. Таких программ становится всё меньше. И, как правило, они заключаются в определённые ниши, вроде канала «Культура», по-прежнему остающегося каналом для избранных.

Связующим же звеном в этом раздробленном пространстве с измельчённой информацией, основанной на мозаичной культуре, о которой писал в своё время А. Моль, выступает не кто иной, как *телеведущий*. Данная статья и посвящена роли ведущего новостей в процессе экранно-клипового моделирования телепространства. Как известно, такой ведущий отсутствует в кинопространстве, являющем собой цельную художественную ткань, но по-прежнему остаётся самой характерной приметой пространства телевизионного.

Именно он формулирует «повестку дня», буквально «прошивая» эфирную сетку периодически выходящими в эфир выпусками новостей, этими «верстовыми столбами» любой телепрограммы. Именно он ведёт целые тематические каналы, преодолевая фрагментарность и отрывочность самого течения жизни.

Данные о методологии и методики исследования. В написании статьи использовались функциональный и эмпирический методы исследования, позволившие изучить возможности профессии телеведущего с точки зрения его функций, соединив теоретические положения, касающиеся сущности телефеномена и отдельных его составляющих [8], с эмпирическими наблюдениями за практикой современного российского телевидения последних лет.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе наших наблюдений мы убедились, что телеведущий по-прежнему остаётся одной из самых востребованных и известных телевизионных профессий, выступая главным лицом любой телепрограммы. Во всём мире ведущие почти заменили собой и дикторов, и журналистов, являясь одновременно авторами, продюсерами, создателями и даже владельцами собственных программ. Хотя различия между названными амплуа очевидны.

Исследователь телевидения Г. Никулина определяет дикторскую работу как «особую форму исполнительской деятельности в сфере телевидения» [8, с. 52]. Степень личностного выявления диктора на экране ограничивается необходимостью знакомить аудиторию с чужим текстом, что требует определённой степени отстранения от самого себя. Ведь диктор – посредник в передаче информации. «С другой стороны, телевизионный экран обладает, как мы знаем, особой типизирующей способностью: кадр всегда в той или иной мере избирателен, человек в кадре – укрупнён, “высвечен”. Вот почему телевизионный диктор не может не донести до зрителя частицу своего подлинного “я”» [Там же, с. 53]. В результате, все хорошие дикторы, не говоря уже о телеведущих, были абсолютно различимы между собой, имели собственный стиль и имидж. Они, как актёры, играли определённые роли, перед камерой, в предлагаемых обстоятельствах, читая тексты, написанные кем-то другим. Но при этом играли самих себя. Значит, они должны были быть не только естественными, искренними, но и интересными людям. Они должны были

быть личностями. Их имена помнят до сих пор: Валентина Леонтьева, Игорь Кириллов, Нонна Бодрова, Владимир Балашов.

Как известно, сегодня дикторский отдел Центрального телевидения, насчитывавший прежде более 50 человек, как и само Центральное телевидение, не существует. Профессия диктора практически исчезла. Ведущие переиграли дикторов, доказав свою самостоятельность, мобильность и универсальность, способность быть более разнообразными и эффективными в эфире. По мнению бывшего екатеринбургского диктора, впоследствии известного телеведущего Павла Блика, «сейчас общение со зрителями стало более живым. Это с одной стороны. С другой – быть ведущим стало сложнее. Допустим, если ты находишься в прямом эфире и у тебя на связи корреспондент, а то и два, тебе надо знать суть обсуждаемой темы. Часто работаешь “с колёс” и не успеваешь за всем уследить. Ситуация меняется быстро, и в ней надо хорошо ориентироваться. А корреспондент может быть в другой точке страны, города или области, ты общаешься с ним, и надо, чтобы он в две минуты успел сказать главное. Здесь всё зависит от ведущего. Главное, понимать то, о чём ты говоришь»[1]. Значит, надо уметь уже не только играть заранее отрепетированную роль, но и готовиться принимать самостоятельные решения, обладать способностью к импровизации.

Слово *«ведущий»* имеет несколько определений. Словарь русского языка сообщает нам, что это некто – «идущий впереди; головной. Главный, руководящий»[2]. А вот в США ведущего новостей называют не ведущим, а «человеком-якорем» *(anchor-man)*, видимо, потому что он держит на себе всю программу, зацепляя и притягивая к экрану зрителя. Г. Кузнецов писал: «Журналист телевидения – это профессия видная. Не столько в приятном переносном смысле, сколько в прямом, обязывающем. Видная, то есть предстаёшь на виду людей, на телевизионном экране, во всей своей конкретности, и говорить нужно так, как говоришь с глазу на глаз с человеком, мнение которого тебе дорого» [4, с. 77]. Ведущего считают частью студийной картинки и нередко просто рассматривают костюм, причёску, даже не вслушиваясь в содержание речи. И всё же личность ведущего важнее его внешности. «Личность журналиста или диктора должна помогать зрителю воспринимать факты и мнения. А если во время передачи зрители начинают спорить о замысловатой причёске диктора или сверхмодном костюме журналистки, обсуждать их поведение в кадре или сетовать на недостаток такта – значит, “проявление индивидуальности” стало помехой в коммуникации» [Там же, с. 79].

О. Нуждина, считает, что телеведущий становится не просто «человеком с экрана» или источником информации, но и общественным деятелем, *мнение и позиция которого* оказываются важным *ориентиром* для большинства людей: «Человек, выступающий перед такой обширной аудиторией, облекается огромной ответственностью: на него смотрит и его слушает почти вся страна, его слова могут оказать мощное воздействие на сознание людей, на их взгляды, понимание ими тех или иных явлений жизни» [9]. Но есть и иное мнение: ведущий – это просто сотрудник редакции, который, как и другие, работает с информацией, собеседник, который должен новости рассказывать, а не декламировать. И рассказывать увлекательно. «Ведущий – это не диктор, не актёр, это соучастник процесса производства новостей. Он такой же командный игрок, как и продюсеры, репортёры или операторы. Ведущий не может быть над схваткой, не может находиться в стороне от процесса производства и выпуска новостной программы. Хороший и профессиональный ведущий работает в тесной связке с репортёрами и группой выпуска, работает в команде, а не “звездит”» [11, с. 344].

Г. Мельник в своей книге «Общение в журналистике: секреты мастерства» [6] выделяет целый ряд критериев, которым должен соответствовать экранный образ телеведущего:

– Компетентность – мера способности источника знать правильный ответ на поставленный вопрос или владеть истинным положением вещей.

– Надёжность – это мера отсутствия у источника предвзятости и необъективности в глазах аудитории. В реальной жизни бывает редко. Чаще источник или компетентен, но не надёжен, либо надёжен, но не компетентен.

– Привлекательность.

– Убедительность (умение воздействовать психологически на аудиторию).

Главный же критерий – это коммуникабельность. Ведущий должен быть максимально приближен к зрителю, быть таким же простым человеком, как и он. «Профессиональный ведущий отличается от непрофессионального умением спокойно и уверенно общаться со зрителем напрямую в режиме

[1] Личная беседа с П. Бликом.

[2] Словарь русского языка (МАС): сетевой журнал [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: http://www.feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/03/ma114519.htm (дата обращения: 03.12.2016).

реального времени. <…> Ваша обязанность донести до зрителя информацию и сделать это так, чтобы вас легко и приятно было слушать», – пишет Н. Зверева [2, с. 221]. Добавим к этому умение ведущего отделять главное от второстепенного, связывать между собой разрозненные факты, конструировать ту самую экранно-клиповую модель, о которой было сказано выше, создавая тем самым единую картину дня. Ибо ведущий новостей, в частности, является, как правило, не только простым исполнителем-информатором, но и самостоятельным рассказчиком и редактором программы новостей.

Текст, или подводка, которую зачитывает ведущий – первое, что знакомит зрителя с темой. И этот текст должен быть *написан им самим*, иначе, по мнению специалистов, никакой он не ведущий. Например, Маргарита Балакирская («Четвёртый канал», Екатеринбург), в первую очередь, – редактор, а не ведущая, поэтому текст – это её сугубо личное творчество: *«Разумеется, все подводки и анонсы своего выпуска пишу сама. Также работа заключается в вычитке текстов репортёров. В первую очередь, я – выпускающий редактор. Ведение эфиров – где-то 10 процентов от всей моей работы»*[1]. Того же мнения придерживается и Павел Кольцов («41-Домашний», Екатеринбург). Он также являлся выпускающим редактором, все подводки и тексты писал сам, занимаясь также и отбором новостей: *«Я – выпускающий редактор ночного выпуска. Какие-то темы появляются “сверх плана” – ставлю задачу репортёрам: пишем, вычитываем»*[2].

Какими способами достигается взаимопонимание с аудиторией? Какими выразительными средствами пользуется ведущий в процессе экранно-клипового моделирования телепространства? Ведущий должен уметь презентовать себя аудитории. «Самопрезентация – это умение подавать себя, привлекая к себе внимание, актуализируя интерес людей к каким-то своим видео-, аудиокачествам, – пишет О. Нуждина. – Не случайно рейтинг популярности тех, кто работает на публику в телевидении, во многом определяется эффектом мастерства их самопрезентации» [9]. Основной критерий речи телеведущего, по мнению многих исследователей, – это её правильность при сохранении доступности для зрителя. Речь ведущего должна быть эффективной, конкретной, релевантной, соответствующей аудитории и цели высказывания. Он «общается со зрителем как с равным себе собеседником, всеми способами проявляет уважение к нему»[3]. Назовём приёмы, привлекающие зрителя: энергичное начало; ссылка на известные источники; юмор; использование собственных впечатлений; особые выразительные средства языка: тропы, фразеологические обороты, цитаты. Кроме словесного оформления важна интонация, мимика, жесты.

Всем известно, что свои поправки в контент программ, композицию их расположения в сетке и способы распространения информации сегодня вносит Интернет. Но он также видоизменил и роль ведущего. Как считают исследователи, в скором будущем журналист в кадре станет персональным и индивидуальным для каждого зрителя, приобретёт качество вариативности. Это означает, что определённая аудитория получит своего ведущего.

Мы проанализировали текущую деятельность региональных интернет-телеканалов: “Malina.am” и «ЕТВ» с точки зрения работы ведущих информационного вещания. И обнаружили, что «Новости» на “Malina.am” какое-то время выходили ежедневно в 16.00 со средней продолжительностью 15–20 минут. При этом каждый факт занимал около двух минут в эфире. Примечательно, что две трети новости занимал монолог ведущего, который иногда перебивался небольшим видеорядом или фотографиями. В редких случаях в конце новости возникал синхрон. Ведущий большую часть времени находился в кадре.

В сетке же вещания «ЕТВ» не было ни одной классической информационной программы с ведущим, подводками, заранее написанным текстом и сюжетами. Все программы – ток-шоу. И самое популярное из них – проект «Сумма мнений», в рамках которого ежедневно выходил выпуск новостей «Сумма мнений. Обзор дня». Эту небольшую информационную врезку продолжительностью не больше трёх минут делали в основном в начале аналитической программы. В течение небольшого времени кто-то из ведущих «Суммы мнений» рассказывал о важнейших событиях дня, которые достойны обсуждения. Но вскоре мы заметили, что «Обзор дня» стал выходить вообще без ведущего: новости превратились в одноминутный текст, начитываемый на видеоряд по очереди обоими ведущими. В результате новости оказались короткими, сухими, «обезличенными» и неинтересными, потеряв с уходом ведущего не только доступность ин-

[1] Личная беседа с М. Балакирской.

[2] Личная беседа с П. Кольцовым.

[3] Лазарева Э. А. Речь журналиста на телевидении: учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 85.

формации и собственную индивидуальность, но и уникальную визуальную наполненность и образность. Новые интернет-каналы нередко убирают из контента «говорящие головы», читающие новости. Журналист в кадре перестаёт нести информацию, предоставляя возможность в прямом эфире разобраться в теме и высказаться другим людям. И всё же это не становится правилом. Пока остаётся массовая аудитория, сохраняются и классические, небезликие новости с ведущими, представляющими собой яркие индивидуальности. Ибо человеку, как гласит древняя мудрость, нужен человек. А кроме того, возникает и такая форма, при которой журналисты не просто доносят информацию, но и обсуждают её с экспертами и аудиторией. То есть, формируют контент «здесь и сейчас».

Выводы. Итак, какова же роль ведущего новостей в ходе экранно-клипового моделирования телепространства? Наше исследование показало, что именно он формулирует «повестку дня» и остаётся самой характерной приметой телепространства. Причём, как ни удивительно, при всех изменениях, происходящих на наших глазах, эта роль остаётся идентичной и в традиционном телевизионном, и в интернет-пространстве. И там, и там просматриваются одни и те же тенденции. Наши исследования показывают, что ещё рано говорить о том, что теленовости в их классическом виде сойдут на нет. Пока СМИ будут ориентироваться на массовую аудиторию, сохранятся и привычные ведущие новостей. Огромная доля всех эфиров пронизана духом традиционного телевидения, а журналисты в кадре всё ещё не отходят от образа классического ведущего. Базисом для информационных программ на телевидении остаётся традиционная школа, хотя новое и современное и пытается изобрести нечто уникальное.

Интернет-телеканалы пока ещё не способны удовлетворить потребности массовой аудитории и составить жёсткую конкуренцию традиционным СМИ, поэтому они становятся либо площадкой для классического эфирного телевидения, либо работают только на определённую аудиторию.

Вместе с тем, некоторые новые тенденции в работе ведущего информационной программы порой ярче прослеживаются именно в пространстве интернет-вещания, поскольку Интернет выступает по существу экспериментальной средой для проверки тех или иных форм реализации функций ведущего. Один рассмотренный нами региональный интернет-телеканал “Malina.am” сначала был категорически против классической формы новостей, потом через несколько месяцев ввёл обычные информационные выпуски, а «ЕТВ» в ходе нашего исследования, наоборот, сократил время новостного эфира и даже удалил журналиста из кадра. Подобный феномен мы объясняем тем, что «Новости» для интернет-телевидения постепенно перестают быть основным контентом. Короткие выступления ведущего в кадре с парой информационных сообщений или минутная начитка под видеоряд служат лишь для разбавления имеющегося контента. То есть, пока роль ведущего новостей на интернет-телевидении заметно недооценивается, Вот и на обоих упомянутых нами региональных каналах видеоварианты новостей в настоящее время заменены их печатными версиями.

При этом, однако, зрительский спрос на живые, интерактивные, развлекательные интернет-новости растёт. Не исключено, что через пару лет интернет-вещание колоссально вырастет, примет другие масштабы и начнёт диктовать новые правила создания новостей, предъявляя иные требования к способам подачи информации. И вероятно, то, что сейчас кажется невозможным, станет законом, а что является «золотым правилом», исчезнет навсегда. Так или иначе, интернет-пространство указывает на новые способы раскрытия творческого потенциала телеведущих, продолжающих «сшивать» эту мозаичную, фрагментарную ткань.

Список литературы

1. Аверина Н. Проблема бессознательного в художественном мышлении и клип // Современные проблемы аудиовизуальных средств массовой коммуникации: сб. ст. аспирантов. М.: ИПКР ТВ, РВ, 1995. Вып. 2. С. 35–43.

2. Зверева Н. В. Школа регионального тележурналиста. М.: Аспект Пресс, 2004. 320 с.

3. Клюев Е. Вам нарезать или куском? // Искусство кино. 2002. № 5. С. 38–42.

4. Кузнецов Г. В. ТВ-журналист. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 256 с.

5. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. 704 с.

6. Мельник Г. С. Общение в журналистике: секреты мастерства. СПб.: Питер, 2005. 217 с.

7. Мясникова М. А. Морфологический анализ современного российского телевидения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 320 с.

8. Никулина Г. Ю. Лица знакомые и незнакомые: заметки о телевизионном портрете. М.: Искусство, 1980. 142 с.

9. Нуждина О. А. Имидж телеведущего: сетевой журнал2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.evartist.narod.ru/text9/22.htm#%D0%B7_05 (дата обращения: 03.12.2016).

10. Хренов Н. А. Кино: реабилитация архетипической реальности. М.: Аграф, 2006. 704 с.
11. Шеремет П. Г. TV между иллюзией и правдой жизни. М.: Партизан, 2009. 400 с.

Статья поступила в редакцию 12.01.2017; принята к публикации 15.02.2017

Библиографическое описание статьи

Мясникова М. А., Эйнгорн А. С. Роль ведущего новостей в ходе экранно-клипового моделирования телепространства // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 116–121. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-116-121.

Marina A. Myasnikova[1],
Doctor of Philology, Candidate of Art Criticism, Professor,
The Ural Federal University named
after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(51 Lenin ave., Yekaterinburg, 620000, Russia),
e-mail: avt89@yandex.ru

Anastasiya S. Eyngorn[2],
TV Presenter of the Program "The Main Yekaterinburg News",
"Studio-41"
(48/62 Akademika Bardina st., Yekaterinburg, 620146, Russia),
e-mail: nastena.eyngorn@mail.ru

The Role of the News Presenter in the Process of Screen-Clip TV Space Modeling

The article is devoted to identification of the news presenter's role in the process of screen-clip TV space modeling. This role has changed in the recent years. It is the news presenter, who formulates the "agenda", literally "stitching" the etheric grid by the latest releases of news, these are "milestones" of any TV program. It is he who presents the whole thematic channels to the audience, overcoming fragmentation and fragmentary flow of life. We used functional and empirical research methods, which allowed us to explore the possibilities of news presenter's profession, especially from the point of view of its functions. A lot of empirical materials have been used. Furthermore, one of the authors of this article is the news presenter at the large regional TV channel. We have come to the important conclusion that the news presenter is still one of the most sought-after and needed television profession, the main media face not only in his program, but also on the TV channel in whole. Although there are some new trends in the news presenter's practice taking place in the space of the Internet broadcasting. The Internet acts as a kind of experimental platform for testing various forms of the news presenter's functions implementation. There are some new methods that can disclose creative potential of the news presenters, who continue to "sew" the TV space mosaic, fragmentary cloth.

Keywords: television, TV program, TV news presenter, speaker, screen-clip modeling, image, TV space, Internet TV, editor

References

1. Averina N. Problema bessoznatel'nogo v khudozhestvennom myshlenii i klip // Sovremennye problemy audiovizual'nykh sredstv massovoi kommunikatsii: sb. st. aspirantov. M.: IPKR TV, RV, 1995. Vyp. 2. S. 35–43.
2. Zvereva N. V. Shkola regional'nogo telezhurnalista. M.: Aspekt Press, 2004. 320 s.
3. Klyuev E. Vam narezat' ili kuskom? // Iskusstvo kino. 2002. № 5. S. 38–42.
4. Kuznetsov G. V. TV-zhurnalist. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1980. 256 s.
5. Lotman Yu. M. Ob iskusstve. SPb.: Iskusstvo-SPb, 1998. 704 s.
6. Mel'nik G. S. Obshchenie v zhurnalistike: sekrety masterstva. SPb.: Piter, 2005. 217 s.
7. Myasnikova M. A. Morfologicheskii analiz sovremennogo rossiiskogo televideniya. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2010. 320 s.
8. Nikulina G. Yu. Litsa znakomye i neznakomye: zametki o televizionnom portrete. M.: Iskusstvo, 1980. 142 s.
9. Nuzhdina O. A. Imidzh televedushchego: setevoi zhurnal [Elektronnyi resurs]. 2010. Rezhim dostupa: http://www.evartist.narod.ru/text9/22.htm#%D0%B7_05 (data obrashcheniya: 03.12.2016).
10. Khrenov N. A. Kino: reabilitatsiya arkhetipicheskoi real'nosti. M.: Agraf, 2006. 704 s.
11. Sheremet P. G. TV mezhdu illyuziei i pravdoi zhizni. M.: Partizan, 2009. 400 s.

Received: January 12, 2017; accepted for publication February 15, 2017

Reference to the article

Myasnikova M. A., Eyngorn A. S. The Role of the News Presenter in the Process of Screen-Clip TV Space Modeling // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 116–121. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-116-121.

[1] M. A. Myasnikova: theoretical substantiation of the topic; conducting interviews; collecting, analyzing and systematizing of the material; writing the text; article editing.
[2] A. S. Eyngorn: conducting interviews; collecting and analyzing of the material; writing the text.

http://www.zabvektor.com ISSN 1996-7853 ISSN 2542-0038 (Online)

УДК 341.231.5+070

Сергей Викторович Олейников,
кандидат политических наук, доцент,
Приднестровский государственный университет
им. Т. Г. Шевченко
(MD-3300, Республика Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 октября, 128),
e-mail: olen_serg@inbox.ru

Медиапространство Приднестровья в контексте аксиологической системы современной личности

Отражена специфика языкового и культурного разнообразия Приднестровья, сделаны акценты на некоторых противоречиях в языковой политике и реальной лингвистической ситуации в контексте устойчивости аксиологической системы современной личности и её способности противостоять массовой культуре. Высказаны предложения, направленные на выравнивание роли языков и культур всех народов республики, в том числе благодаря использованию потенциала информационных институтов Приднестровья. Предпринята попытка анализа культурного контента электронных СМИ Приднестровья как средства формирования определённых стереотипов у населения. Современный кинематограф в большинстве своём запрограммирован определённым посылом общественности и способен в некоторой степени трансформировать культурный код личности и усиливать, либо ослаблять степень толерантности в обществе. Продвижение национальных идей, общемировых манифестов посредством художественных фильмов давно подтвердило свою эффективность. Именно поэтому оценка информационного потока в контексте его типологических характеристик позволит противостоять внешним вызовам и сохранить традиционную систему ценностей в обществе. Интересными, на наш взгляд, представляются результаты анализа информационной политики в разрезе «государственные – коммерческие» СМИ Приднестровья, согласно которым первые в меньшей степени соответствуют пророссийской национальной идее Приднестровья. Полагаем, предложенный подход будет полезен при изучении информационной политики в других регионах.

Ключевые слова: культура, мировоззрение, медиапространство, смыслообразующие идеи, стереотипы, идеологизированность

Вводная часть. Информационная революция, пришедшая на смену научно-технической, ускорила процессы социальной трансформации в пользу «нового информационного общества». Сегодня информацию считают решающим стратегическим ресурсом во всех сферах общественной жизни и определяющим фактором состояния человеческого сознания. СМИ приписывают «функцию ориентации и концептуализации действительности» [2].

Стремительное развитие технологической составляющей современных СМИ не всегда позитивно сказывается на качестве медиаконтента, что нивелирует аксиологическую функцию СМИ и их способность адекватно воздействовать на формирование ценностного составляющего (когнитивного уровня) информационного пространства. Современные СМИ, демонстрирующие изменившиеся формы коммуникации, в рамках новой интегративной культуры способствуют формированию общих оценок, общих норм поведения, иными словами, приводят к господству общих стереотипов «усреднённой» культуры, негативно влияющих на аксиологическую шкалу современной личности. Именно эти противоречия не только обусловливают необходимость перманентного изучения динамики развития всех элементов системы СМИ современного государства, но и актуализируют необходимость анализа качественных характеристик медиатекстов, их идеологического подтекста и социокультурного эффекта.

Широкое резонансное пространство медиатекста и его воздействие на общественное сознание обусловлено различными социокультурными и идеологическими отношениями. Именно идеологический контекст публицистики, тесно связанный с политикой, определяет характер использования языковых средств в медиатексте. Последний, представляя отражение текущих событий, сочетает в себе медийные и вербальные компоненты. Он, независимо от формы трансляции, являет собой креолизованный текст, адресованный массовой аудитории.

На современном этапе развития журналистки воздействующий эффект, или воздействующая функция, СМИ наиболее последовательно и полно реализуется в медиадискурсе [9, с. 3]. Именно дискурс в современной

© С. В. Олейников, 2017

гуманитарной науке всё активнее выходит за рамки лингвистического измерения, находя отражение в политологии, социологии и журналистике.

Если понимать дискурс как «связный текст, взятый в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте», то медиадискурс – это текст, который реально участвует в коммуникации; учитывает социальные, психологические, культурные факторы; адресован конкретной аудитории; предполагает прагматическую адекватность со стороны адресата [Там же]. Дискурс становится самостоятельным смысловым полем – некой реальностью, которая развивается по соответствующим символическим законам. Безусловно, содержание и структура дискурсов не просто отражают представление людей о мире, но и создают символическую реальность со своими социальными законами и системой ценностей.

«Деятельность средств массовой информации аксиологична, она направлена на распространение системы взглядов на мир, структурированных согласно определённой совокупности ценностей» [6, с. 5]. Исследователь Е. В. Поликарпова также резонно утверждает, что массмедиа уже давно стали одним из компонентов психосоциальной среды обитания человечества; они претендуют на роль очень мощного фактора формирования мировоззрения личности и ценностной ориентации общества. Массмедиа принадлежит лидерство в области идеологического воздействия на общество и личность. Они стали трансляторами культурных достижений и активно влияют на принятие либо отрицание обществом тех или иных ценностей культуры [13]. Петербургский учёный В. А. Сидоров в свою очередь полагает, что СМИ являются творцами не просто содержания, но и определённой ценностной системы [14, с. 39]. Интересным также представляется мнение Т. Е. Нерсесовой, согласно которому ценности выступают интегративной основой как для отдельно взятого индивида, так и для любой малой или большой социальной группы, культуры, нации, наконец, для человечества в целом [11]. Однако СМИ и сами принимают участие в формировании ценностей, причём эти процессы часто остаются бесконтрольными и малоизученными [13].

В условиях современной глобальной системы духовного производства возникают принципиально новые социальные цели, в большинстве случаев не связанные с какими бы то ни было нравственными нормами. Всё это чревато появлением различных личностных притязаний, что, при невозможности их реализации в обществе, может привести к маргинализации целых социальных групп [11].

В рамках нашего исследования предпринята попытка выявить основные проблемы и характерные тенденции в реализации аксиологической функции приднестровскими СМИ, которые обусловлены неординарной социально-политической ситуацией и культурно-историческими особенностями. Кроме того, результаты дискурс-анализа и контент-анализа медиаматериалов приднестровской прессы и электронных СМИ помогут выявить противоречия в их информационной политике и предложить пути более адекватного её выстраивания и эффективного влияния на аксиологическую шкалу современной личности.

У истоков аксиологии стояли выдающиеся мыслители: В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Н. Гартман, М. Вебер, Э. Гуссерль, М. Шелер, Э. Кассирер, М. Хайдеггер и др. Наиболее широкое понимание системы социальных ценностей интерпретируется как культурно-исторический феномен, который вырабатывается тысячелетиями и становится носителем социального, культурного, культурно-этнического или культурно-национального наследования.

Аксиология СМИ наряду с выражением эмоциональной активности духовной жизни человека заключается в распространении в обществе системы взглядов на мир, представленной определённой совокупностью ценностей. Понятие «ценностные ориентации» трактуется как ключевой компонент массового сознания; рефлексивно осознаваемое, относительно устойчивое отражение в сознании личности или какой-либо общности людей ценностей, признаваемых ими в качестве важных, стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров [9, с. 12].

Принадлежность к конкретной культуре определяется именно наличием базового стереотипного ядра знаний, ценностных архетипов, повторяющихся в процессе социализации личности в данном обществе. Формирование аксиологической системы личности зависит от частоты встречаемости определённых объектов, явлений в жизни человека и ассоциаций, которые возникают в сознании. С учётом воздействующей роли СМИ, которую мы испытываем ежедневно, понимаем, как и почему мы становимся носителями общих стереотипов.

В конце XX столетия была осознана необходимость исследования этого феномена с разных сторон, причём не только филологами, но и политологами, социологами, философами, психологами, культурологами. В последние десятилетия XX века за рубежом и в России в рамках специального гуманитарного учебно-научного направления началось изучение средств массовой коммуникации, в том числе и языка СМИ, который является не только средством для передачи и хранения информации, но и инструментом, с помощью которого формируются новые понятия.

Данные о методологии и методики исследования. Отличительной чертой современных СМИ является наличие средств, совмещающих языковой ряд с визуальным, однако особое значение при передаче информации по-прежнему отводится языку, причём его дискурсивному измерению. Именно в рамках определённого дискурса осуществляется процесс построения или уточнения концептуально-информационной модели действительности в человеческом сознании. По мнению лингвистов, язык СМИ представляет собой сегодня «обобщённую модель, совокупный образ национального языка» [7, с. 16].

Необходимость данного исследования предопределила избыточная политизированность, доминирование политического дискурса в приднестровских СМИ, что не позволяет аудитории снизить уровень социальной мобилизации, поддерживает кризисность сознания населения, маргинализируя приднестровское сообщество.

В рамках исследования нами были проведены контент-анализ и дискурс-анализ 20 публикаций республиканских газет за 2016 год, освещающих основные государственные праздники, общий объём которых составил более 80 тыс. знаков. Изучение специфики ценностного дискурса и изменения дискурсивной практики СМИ, влияющей на аксиологическую систему современной личности, позволит более полно оценить роль СМИ в трансформации традиционных и степени восприятия обществом новых ценностей.

Понятие «дискурс», несмотря на его широкое употребление в современной лингвистике (а может быть, и благодаря этому), не имеет общепринятого определения и интерпретируется по-разному – в зависимости от научной школы и личных пристрастий исследователя. Чаще всего дискурс понимается как текст, взятый в его динамическом развитии, т. е. с учётом последовательности появления его фрагментов (речевых высказываний). При этом принимаются во внимание и влияющие на формирование текста социальные факторы, коммуникативные цели участников, роль третьих лиц и т. д. Такое понимание дискурса во многом близко категории «речевая деятельность» *(language)*, введённой Ф. де Соссюром в рамках его противопоставления «язык – речь – речевая деятельность» [15, с. 377]. В наиболее очевидной форме такая интерпретация дискурса представлена в работах Э. Бенвениста [5, с. 312].

Второе наиболее часто используемое понимание дискурса связано с традицией постструктурализма и прежде всего с именем М. Фуко. Оно также основывается на представлении о динамическом аспекте функционирования языка/текста, однако существенно большее внимание обращается на то, что образует дискурс как таковой – на принятые способы рассуждения о чём-либо, т. е. на дискурсивные практики. Объектом исследования в этом случае оказываются как наборы дискурсивных практик, так и определяемые этими практиками типы дискурсов, их когнитивная сторона [16, с. 52].

Отметим, что с языковой точки зрения **дискурсивные практики** предстают как тенденции в использовании близких по функции, альтернативных языковых средств выражения определённого смысла (вариативных интерпретаций действительности) [3, с. 213; 4, с. 45–51].

На первом этапе были выделены два основных дискурса. Во-первых, сюда были отнесены слова и словосочетания, которые характерны для дискурса культуры, а точнее, касающиеся непосредственно искусства (к примеру, праздник Мэрцишор: сцена, мелодии, хороводы, фестиваль, песни, танцы, солисты, коллективы, фамилии исполнителей, названия коллективов, муза, легенды, картинная галерея, живопись, вокальное мастерство, кадриль, звёзды оперной сцены, народные мастера и т. д.). Во-вторых, были идентифицированы слова и словосочетания, которые характерны для политического дискурса: Приднестровье, Украина, Молдова, Россия, ОБСЕ, «формат 5+2», муниципальный, республика, республиканский, Балканские страны, международный, государственный, русский, украинский, молдавский, Рыбница, Каменка, Слободзея, гимн, флаг, штандарт, глава государства, приднестровская земля, приднестровский народ, сёла района, соседние районы нашей республики и т. д.

На втором этапе был проведён контент-анализ непосредственно самих текстов.

Следует отметить, что наличие речевых единиц политического дискурса, которые в большинстве случаев доминируют в материалах, оправдано в том отношении, что празднование любой даты, как правило, получает резонанс и за рубежом. Тем не менее, наблюдается отчётливая тенденция усиления политических акцентов в текстах массовой информации культурной направленности. Наряду с использованием определённых речевых единиц, относимых к политическому дискурсу, в случае передачи фактических данных авторы публикаций допускают в своих материалах довольно объёмные отступления, в основном исторического характера, о многонациональности и международном масштабе праздников. Так, если тема касается культурных контактов с другими странами, повествование, как правило, сводится к рассуждениям о крепких политических связях с ними, их поддержке приднестровского народа, о политическом выборе и курсе на независимость, а также о проблемах со странами-соседями.

Современное состояние культуры рассматривается как стадия перехода от локального уровня к интеграционному, при котором локальные культуры оказываются внутри глобального коммуникационного пространства [2]. В современной ситуации наблюдается подчинение «более сильной и агрессивной среде», т. е. в рамках новой интегративной культуры диалог практически невозможен.

Социология массовых коммуникаций последних лет трансформировала традиционное понимание «массмедиа». Словосочетания «индустрия культуры», «идеологические государственные аппараты» и другие в контексте коллективных действий СМИ связывают медиапроцессы и более широкие духовные, социальные и политические отношения. Медиапространство включает ценностную информацию о деятельности и достижениях институтов культуры, искусства, религии, науки. Важными составляющими коммуникативного медиапространства, выполняющими адаптирующую и социально-интегрирующую функцию в культуре и влияющими на адекватность трансляции духовных ценностей, являются смыслообразующие мировоззренческие идеи, идеалы, выраженные в языке, традициях, символах, образах, значениях и нормативно-поведенческих факторах.

Культура и социум как бы встроены друг в друга и представляют собой лишь две стороны одной медали, т. е. атрибуты одного социокультурного целого, амбивалентного по своей природе [1, с. 54–56].

Любое произведение искусства, в том числе и художественные фильмы, демонстрируемые электронными СМИ, тесно связано с социокультурным развитием общества, процессами идеологизации и политизации. Причём связь эта сохраняется не только на культурологическом уровне, она также прослеживается и в политическом аспекте. Навязывание и попытка стереотипизировать моральную и нравственную жизнь общества посредством целого ряда ассоциаций, на первый взгляд, не вытекающих из визуального ряда фильма, – есть не что иное, как политический ход кинематографиста, а следовательно, и транслирующего телеканала. Посредством кино и информационных институтов формируется человек как носитель определённой культуры. Процесс этот может развиваться, скорее всего, в том направлении, которое соответствует официальной идеологии государства. Кинематограф активно используется в насаждении ценностей той или иной страны, как правило, на территории других стран. Это, в свою очередь, может привести к дестабилизации общества, его социального равновесия и в конечном результате – оказать разрушающее воздействие на всю культуру того народа, который бесконтрольно воспринимает чужие ценности.

Ю. Лотман писал: «Кинофильм принадлежит идеологической борьбе, культуре, искусству своей эпохи. Этими сторонами он связан с многочисленными, вне текста фильма лежащими сторонами жизни, и это порождает целый шлейф значений, которые и для историка и для современника порой оказываются более существенными, чем собственно эстетические проблемы». Говоря об особенностях киноповествования, он отмечал: «...в фильм всё время втягивается последовательность разнообразных внетекстовых ассоциаций общественно-политического, исторического, культурного плана в виде разнообразных цитат... Возникает повествование на высшем уровне как монтаж разнообразия культурных моделей» [10, с. 55–56].

На бытовом уровне современной медиакультуры художественные фильмы, и особенно сериалы как механизмы стереотипизации массового сознания, представляют собой идеальное средство распространения идеологии в силу самой специфики жанра, позволяющего визуально демонстрировать желаемые формы социальных взаимодействий, а также возможностей вовлечения зрителей в процесс самоидентификации относительно смыслов поступков экранных героев, где

однозначно проводится разделение между «нашими» и «не нашими» и однобоко освещается конфликт между ними. Очевидно, что подобные сюжеты резонируют с реальными социальными проблемами полноценной включённости человека в социум и реализации гражданских прав и свобод, человеческого достоинства. Таким образом, современные медиатехнологии создают ложные духовные ценности, подобные подлинным, что затрудняет распознавание истинности создаваемой новой информации. Беспокоят высокая степень иллюзорности и возможность манипулирования сознанием человека [8, с. 127].

Именно поэтому в орбиту исследования были вовлечены не столько новостные и аналитические материалы электронных СМИ, активно формирующие политическую повестку дня, сколько культурный контент, предлагаемый приднестровскими телеканалами. Более 3000 художественных фильмов, показанных в 2015 году на приднестровских телеканалах, анализировались по критериям: жанр, год выпуска фильма, страна-производитель и время трансляции и т. д. Киноленты были вовлечены в орбиту изучения, так как они являются одним из средств продвижения культурных текстов на телевидении, при помощи которых можно скрыто внедрять в сознание людей определённые политические взгляды, установки, поведенческие мотивы.

Результаты исследования. Можно предположить, что все содержательные тексты, которые включает в себя инфосфера, хранят в себе определённые идеи (смыслы), и в социальном аспекте это отражение внешнего мира должно повлиять на осознание цели и перспективы его дальнейшего познания и практического преобразования. Напрашивается вывод, что медиапространство – достаточно хаотичная система духовно-ценностной информации, предлагающая в соответствии с различными интересами и потребностями пользователей необходимую духовно-познавательную среду, свободную от диктата и комфортную для социального выбора личностей.

Современная концепция развития массовых коммуникаций предполагает конституционирование независимых от государства источников информации и включение их в систему противовесов, способствуя пропорциональной концентрации власти. Именно поэтому медиапространство находится под серьёзным контролем идеологов, политиков, государственных структур: его развитие является потенциально опасным для сохранения политических институтов демократии и культурных ценностей элиты.

Специфика Приднестровского региона заключается не только в его культурной многомерности, переплетении, наслоении культурных традиций, но и в отсутствии непосредственного влияния массовой культуры на приднестровское общество в связи с особенностью развития культурного пространства Приднестровья. Тем не менее, будучи вовлечёнными в российскую информационную сферу, приднестровцы испытывают на себе негативное влияние масскульта. В этих условиях значение местных СМИ в значительной степени возрастает.

Приднестровье, исторически являясь многоязычным регионом, где естественным образом переплелись и наслоились русская, молдавская, украинская и другие культуры, в самом начале государственного развития исключило проблему функционирования языков принятием основного языкового закона. Однако социальная практика действительно утвердила доминирование русского языка в республике и его приоритет в аксиологической системе личности.

Два функционирующих телевизионных канала покрывают всю территорию Приднестровья. Это государственный телеканал «Первый Приднестровский» и коммерческий канал «Телевидение свободного выбора» (ТСВ). До последнего времени их информационная политика была совершенно разной. Государственное телевидение отстаивало интересы исполнительной ветви власти, в то время как коммерческий канал продвигал идеи депутатского корпуса Верховного Совета Приднестровья. Иными словами, СМИ усиливали противоречия государственных органов власти, усугубляя тем самым кризис в обществе.

Несмотря на многолетние активные попытки государства реализовать программы развития образования на молдавском и украинском языках и расширить сферу их использования, в том числе и посредством СМИ, несоответствие языковой политики и реальной ситуации очевидно. Наблюдается печальная тенденция – всё меньше абитуриентов поступают на филологический факультет Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко в молдавские и украинские группы, что в ближайшей перспективе чревато дефицитом квалифицированных кадров в области преподавания молдавского и украинского языков и литературы. Так, из общего числа студентов главного вуза на молдавском

обучаются немногим более 10 %. Нет молдавских и украинских групп на таких престижных факультетах, как экономический, юридический. Выпускники молдавских и украинских школ вынуждены поступать в вузы соседних государств, тем более, что многие педагоги открыто рекламируют образование в Молдове и Украине. Необходимо отметить, что аксиологическая система, актуальная для этих стран, в значительной степени отличается от традиционной для российской ментальности. В перспективе возможен печальный сценарий развития событий, когда специалисты, вернувшиеся из соседних стран, вследствие их ментальной модернизации могут стать инициаторами различного рода революционных идей и потрясений.

Одним из обязательных условий нормализации социокультурной ситуации в Приднестровье является вовлечение молдавского и украинского языков в социальные процессы, поскольку интенсивность развития и распространения языка характеризуется степенью его использования в управлении, на производстве, а самое главное, в общественной жизни. Улучшение языковой ситуации возможно при условии постепенного внедрения молдавского и украинского языков во все сферы жизнедеятельности. К примеру, создание сайтов на этих языках или перевод уже существующих на них, субтитры к фильмам на украинском или молдавском языках будут стимулировать их массовое освоение. Интеграция трёх языков, а не их отдельное существование, паритетная модель их использования позволит укрепить добрососедское межнациональное общение, стабильность и единство приднестровского социокультурного континуума, устойчивость его аксиологической системы.

Одним из наиболее важных инструментов воздействия на систему ценностей современной личности являются информационные институты и выстраиваемые ими информационные потоки. Причём всё большую роль в медиапространстве играет обработка и подача второстепенного, релаксационного контента, который аудитория воспринимает с пониженным порогом критичности. Потенциальные угрозы якобы лишённой идеологической нагрузки информации не всегда очевидны аудитории, а иногда совершенно непрофессионально сбрасываются со счетов самими СМИ.

Деятельность СМИ Приднестровья в конце 1990-х – начале 2000-х годов в условиях политической неопределённости практически не поддавалась систематизации, поскольку они были вынуждены незамедлительно реагировать на изменения политической, экономической и информационной ситуации в регионе и вокруг него. Однако очевидным было предпочтение СМИ Приднестровья духовной стороны жизнедеятельности общества, так как объём материалов этой направленности на протяжении первых пятнадцати лет существования Приднестровья занимал почти 50 % печатных полос местных газет, что было обусловлено формированием приднестровской идентичности [12, с. 150].

В последние 10 лет республиканское телевидение, радио, печатные издания постепенно снизили объём материалов, посвящённых культурной тематике, до 10–15 %. К тому же в подобных материалах сохраняется большой процент политического дискурса, что можно связать либо с традицией приднестровской журналистики, либо с манипулятивными методами акцентирования внимания аудитории не на самом событии культурного характера, а на его политических последствиях. Традиционность представления культурных событий сквозь призму общественно-политической точки зрения подтверждается средними показателями практики культурного и политического дискурса в государственных СМИ, которые практически равны 35 и 33 % соответственно.

Приднестровские государственные печатные СМИ в публикациях культурной, духовной тематики в большинстве случаев совмещают дискурсы культуры и политики, используя их в лучшем случае на паритетной основе. Такое смещение в политическую плоскость, как правило, обусловлено присутствием постоянного акцента на специфике Приднестровского государства, а также его атрибутах. Большинство социокультурных явлений связано на страницах СМИ с описанием событий политического характера, которые являются их предпосылками. Очевидна динамика увеличения доли политического дискурса в текстах массовой коммуникации непосредственно перед проведением избирательных кампаний и плебисцитов.

Анализ сетки вещания приднестровских телеканалов в контексте культурного ландшафта кинематографа и его политического измерения по нескольким параметрам позволяет сделать вывод о доминировании релаксационной функции коммерческого и мобилизирующей функции государственного телевидения. Среди общего количества (1900) художественных фильмов, продемонстрированных на «ТСВ» в течение 2015 года, пре-

обладают комедийные и мелодраматические жанры (около 65 %). В числе (1500) кинолент, показанных на «Первом Приднестровском», доминируют драмы и боевики (около 50 %).

Примечательным также является и тот факт, что доля фильмов отечественного (советского, российского) кинематографа составляет более 50 % всех продемонстрированных на коммерческом канале (35,6 % – Россия, 17,8 % – СССР), в то время как доля американских фильмов составляет 27 %. Доля российского и американского кино на государственном телеканале примерно одинакова, однако, если учитывать преемственность советского и российского кинематографа, то отечественных фильмов больше, чем кинолент США (Россия – 40 %, США – 34 %, СССР – 15 %).

Таким образом, очевидно, что приднестровская аудитория в большинстве случаев подвержена потоку информации, основанной на традиционной (пророссийской) системе ценностей, установках и нормах поведения, свойственных местному менталитету, чему в большей степени способствует коммерческий телеканал.

Выводы. Сохранение подобной информационной политики государственного телевидения ПМР может привести к снижению интереса к нему вследствие избыточности негативного культурного фона. Возможен и другой вариант развития событий: психоэмоциональное состояние аудитории, жизненный настрой приднестровцев будет ухудшаться, а следовательно, пошатнётся и уверенность в будущем. В политическом отношении это чревато недоверием народа к власти, ревизией приоритетов и ценностей, ослаблением культурно-исторических связей с Россией.

В целом же можно заключить, что культурный контент, как и сами СМИ Приднестровья, излишне политизирован. В некоторых случаях применение политических контекстов в публикациях оправданно и необходимо, однако в большинстве случаев журналисты искусственно привлекают ту или иную политическую информацию в свои тексты. Смещение акцентов в сторону политики может не только провоцировать дальнейшую стереотипизацию мышления приднестровского общества, его политическую идеологизированность, но привести к формированию негативного отношения массовой аудитории к республиканским средствам массовой информации.

Список литературы

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (от прошлого к будущему). Новосибирск, 1997. Т. 1. Социокультурная динамика России. 804 с.

2. Байгарина Г. П. СМИ и современная культура // Простор. 2006. № 5. С. 182–187.

3. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2000. 360 с.

4. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемики // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М., 1989. 219 с.

5. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 446 с.

6. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.): автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.01.10. СПб., 2010. 48 с.

7. Караулов Ю. Н. Язык СМИ как модель общественного языка // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: тез. докл. междунар. конф. М., 2001. 320 с.

8. Кулибаба С. И. Медиапространство и трансляция духовных ценностей // Медиакультура новой России. Екатеринбург; М.: Акад. Проект, 2007. 512 с.

9. Лисицкая Л. Г. Прагматическая адекватность медиатекста: взаимодействие контента и аксиологии: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.01.10. Краснодар, 2010. 48 с.

10. Лотман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти раамат, 1973. 72 с.

11. Нерсесова Т. Е. Аксиологическая основа медиаконтента как способ формирования субъективного восприятия культурных ценностей общества и их оценки [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2011. Вып. № 2. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/node/835 (дата обращения: 10.12.2016).

12. Олейников С. В. СМИ в процессе системной трансформации информационного пространства Приднестровья: дис. … канд. полит. наук: 10.01.10. СПб., 2006. 203 с.

13. Поликарпова Е. В. Аксиологические функции массмедиа в современном обществе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotec_Buks/Polikarp /01.php (дата обращения: 10.12.2016).

14. Сидоров В. А. Ценностное осознание журналистики // Медиаобразование: концепции и перспективы: материалы для дискуссии / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 2006. С. 34–43.

15. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / под общ. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.

16. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: A-cad, 1994. 412 с.

Статья поступила в редакцию 11.01.2017; принята к публикации 25.02.2017

Библиографическое описание статьи

Олейников С. В. Медиапространство Приднестровья в контексте аксиологической системы современной личности // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 122–129.

Sergey V. Oleynikov,
Candidate of Political Science, Associate Professor,
State University of Pridnestrovye
(128 25 Oktyabrya st., MD-3300, Tiraspol),
e-mail: olen_serg@inbox.ru

Media Space of Pridniestrovye in the Context of Axiological System of the Modern Personality

The peculiarities of language and more widely cultural diversity of Pridnestrovye are reflected, the accents on some contradictions in the language policy and the real linguistic situation in the context of the sustainability of axiological system of the modern personality and its capacity to deal with the mass culture are made. The proposals directed to alignment of the role of languages and cultures of all people of the republic, including those through the use of information institutes of Pridnestrovye are stated. An attempt of the analysis of cultural content of electronic mass media of Pridniestrovye as means of forming certain stereotypes of the population is made. The modern cinema in its majority is programmed by a certain message to the society and is capable to transform a cultural code of the personality to a certain degree and to strengthen or weaken tolerance degree in the state. Advance of national ideas, universal manifestos by means of feature films confirmed the efficiency long ago. For this reason, the assessment of information stream in the context of its typological characteristics will allow us to resist to external challenges and to keep traditional system of values in society. In our opinion, there are interesting results of the analysis of information policy in a section “state – commercial” mass media of Pridniestrovye, according to which the first ones correspond to the pro-Russian national idea of Pridniestrovye to a lesser extent. We believe, the offered approach will be useful when studying information policy in other regions.

Keywords: culture, outlook, media space, meaning forming ideas, stereotypes, ideological bias

References

1. Akhiezer A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (ot proshlogo k budushchemu). Novosibirsk, 1997. T. 1. Sotsiokul’turnaya dinamika Rossii. 804 s.
2. Baigarina G. P. SMI i sovremennaya kul’tura // Prostor. 2006. № 5. S. 182–187.
3. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku. M., 2000. 360 s.
4. Baranov A. N., Parshin P. B. Vozdeistvuyushchii potentsial var’irovaniya v sfere metagrafemiki // Problemy effektivnosti rechevoi kommunikatsii. M., 1989. 219 s.
5. Benvenist E. Obshchaya lingvistika / pod red. Yu. S. Stepanova. M.: Progress, 1974. 446 s.
6. Erofeeva I. V. Aksiologiya mediateksta v rossiiskoi kul’ture (reprezentatsiya tsennostei v zhurnalistike nachala XXI v.): avtoref. dis. … d-ra filol. nauk: 10.01.10. SPb., 2010. 48 s.
7. Karaulov Yu. N. Yazyk SMI kak model’ obshchestvennogo yazyka // Yazyk sredstv massovoi informatsii kak ob’’ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya: tez. dokl. mezhdunar. konf. M., 2001. 320 c.
8. Kulibaba S. I. Mediaprostranstvo i translyatsiya dukhovnykh tsennostei // Mediakul’tura novoi Rossii. Ekaterinburg; M.: Akad. Proekt, 2007. 512 s.
9. Lisitskaya L. G. Pragmaticheskaya adekvatnost’ mediateksta: vzaimodeistvie kontenta i aksiologii: avtoref. dis. … d-ra filol. nauk: 10.01.10. Krasnodar, 2010. 48 c.
10. Lotman Yu. Semiotika kino i problemy kinoestetiki. Tallin: Eesti raamat, 1973. 72 s.
11. Nersesova T. E. Aksiologicheskaya osnova mediakontenta kak sposob formirovaniya sub»ektivnogo vospriyatiya kul’turnykh tsennostei obshchestva i ikh otsenki [Elektronnyi resurs] // Mediaskop. 2011. Vyp. № 2. Rezhim dostupa: http://www.mediascope.ru/node/835 (data obrashcheniya: 10.12.2016).
12. Oleinikov S. V. SMI v protsesse sistemnoi transformatsii informatsionnogo prostranstva Pridnestrov’ya: dis. … kand. polit. nauk: 10.01.10. SPb., 2006. 203 s.
13. Polikarpova E. V. Aksiologicheskie funktsii massmedia v sovremennom obshchestve [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.gumer.info/bibliotec_Buks/Polikarp /01.php (data obrashcheniya: 10.12.2016).
14. Sidorov V. A. Tsennostnoe osoznanie zhurnalistiki // Mediaobrazovanie: kontseptsii i perspektivy: materialy dlya diskussii / red.-sost. S. G. Korkonosenko. SPb., 2006. S. 34–43.
15. De Sossyur F. Kurs obshchei lingvistiki / pod obshch. red. M. E. Rut. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999. 432 s.
16. Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. SPb.: A-cad, 1994. 412 s.

Received: January 11, 2017; accepted for publication February 25, 2017

Reference to the article
Oleynikov S. V. Media Space of Pridniestrovye in the Context of Axiological System of the Modern Personality // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 122–129.

http://www.zabvektor.com ISSN 1996-7853 ISSN 2542-0038 (Online)

УДК_070.4 ББК Ч600.2
DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2130-137

Алла Николаевна Тепляшина,
доктор филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7/9),
e-mail: a-nik@list.ru

Языковая личность как субъект новой эстетики публицистического дискурса

Понимание актуальных проблем трансформации журналистского дискурса было бы неполным без осмысления новой эстетики публицистического произведения, на которую оказывает влияние стилистический климат эпохи в целом и характер выражения позиции конкретного автора, имплицитный диалог с читателем и эффективность воздействия языковой личности. В статье предпринимается попытка проанализировать языковую личность Дмитрия Быкова, одного из самых ярких представителей журналистской профессии, для которого журналистика стала преддверием писательской карьеры и публицистического поприща. Для наиболее полного и точного описания языковой личности требуются в первую очередь реконструкция и анализ её речевого портрета, в связи с чем использовался метод речевого портретирования, цель которого состоит в выявлении специфических черт языковой личности, воплощённой в дискурсе. Тексты Д. Быкова отражают социально-психологические впечатления, как накопленные в течение всей его жизни, так и связанные с событиями, фактами, персонами, сформировавшими повестку дня. Коммуникативные намерения автора всегда противоречивы и зависимы от предпочтений аудитории. Эпатируя конкретную среду вульгаризмами, жаргоном, прозрачными намёками на обсценную лексику, автор теряет главное: смысл мнения становится вторичным при доминировании специфической вербальной формы высказывания.

Ключевые слова: публицистика, автор, эстетика, ненормативная лексика, языковая личность, социальная критика, стиль

Вводная часть. Русская публицистика XVIII–XX веков традиционно представляла собой ветвь журналистики высочайшего интеллектуального, морального и художественного уровня. Эстетика текста не вступала в противоречие с этикой, и их синтез был подчинён задаче превращения личностного смысла в общепонятное значение без ущерба для выразительности.

На рубеже XX–XXI веков под влиянием Интернета резко снизилась культура речи акторов массовой коммуникации, «языковой вкус» информационной эпохи сказался и на публицистике, последнем рубеже чистоты медиатекста. Среди экстралингвистических факторов, влияющих на авторские предпочтения в выборе лексики, выделяется повышенная агрессивность населения современной России, часть которого составляет аудиторию «Новой газеты». Очевидно, что эта фрагментированная аудитория наиболее остро ощущает дискомфорт от деструктивных действий властных структур, должностных лиц, использование которыми полномочий и доверенных им прав в целях личной выгоды стало обычным явлением.

Социологи утверждают, что настроения в обществе зависят от действий политической элиты, к которой, безусловно, относятся и журналисты [24, с. 63–77]. В этой связи не теряет актуальности суждение М. М. Бахтина о том, что «…журналист – прежде всего современник. Он обязан им быть. Он живёт в сфере вопросов, которые могут быть разрешены в современности (или, во всяком случае, в близком времени). Он участвует в диалоге, который может быть кончен и даже завершён, может перейти в дело, может стать эмпирической силой. Именно в этой сфере возможно “собственное слово”» [3, с. 376]. Е. Л. Вартанова, опираясь на рассуждения Д. Смайта, В. Моско, А. Моля, завершает анализ роли СМИ в процессах экономической жизни рынка и в структуре свободного времени современного человека выводом о большой роли журналистов в создании медиасодержания[1]. Нельзя не согласиться с мнением С. Г. Корконосенко о том, что «...чем скорее общество и журналистика обратятся к

[1] Вартанова Е. Л. СМИ и журналистика в пространстве постиндустриального общества [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2009. – № 2. – Режим доступа: http://www.mediascope.ru/node/352 (дата обращения: 25.12.2016).

© А. Н. Тепляшина, 2017

ценностям культуры и цивилизации как фундаменту самоутверждения нации, тем яснее и доступнее для граждан станут цели политического процесса» [9, с. 34]. Речь идёт о культурном капитале, который, по П. Бурдье, сопряжён с процессом создания резонансных журналистских произведений, интерпретирующих социальную и политическую повестку дня [26, с. 41].

Е. Л. Вартанова подчёркивает, что «в соответствии с нормативной ролью, предписываемой журналистике теорией, СМИ должны действовать как “четвёртое сословие”, которое поддерживает и организует общественный диалог, анализирует действия власти, уделяя особое внимание случаям злоупотреблений. Являясь институтом с чётко осознанной миссией, журналистика нуждается в независимости от множества заинтересованных социальных институтов и агентов, которая даст ей возможность самостоятельно и профессионально формулировать общественно значимую новостную повестку дня в соответствии с профессиональными нормами» [5, с. 4]. Эксперты прогнозируют повышение рейтинга независимых изданий: «В ситуации нарастающих экономических проблем существует вероятность превращения маловлиятельных оппозиционных СМИ, за которыми обыватель вчера ещё не следил, в серьёзные интеллектуальные центры, объединяющие недовольных. Примерно такие, какими в годы горбачевской перестройки становились журнал “Огонёк” и газета “Московские новости”, ранее ничем не выделявшиеся из общей массы брежневской прессы» [21]. Эти издания привлекли читателей не только гражданственной, яркой, многообразной публицистикой, но и её общим этико-эстетическим стилем. По мысли В. Г. Костомарова, русское сознание, придав публицистике непререкаемый авторитет толкователя жизни, ощутило её национальным идеалом, а её эстетику – всеобщим образцом.

Способ оценки советской действительности в «Огоньке» и «Московских новостях» был детерминирован формами общественного сознания, высоким уровнем литературного мастерства социальных критиков, законами газетно-публицистического стиля, формирующего элитарный тип языковой личности, чуждый всякой ненормативности. Для нашего исследования важна социологическая точка зрения на причины популярности критики, согласно которой интерес к ней многократно возрастает в те исторические периоды, когда общество «начинает сомневаться, то есть когда старые ценности колеблются, а новые ещё только должны создаваться» [25, с. 67–79]. Информированность, образованность, политическая культура и активная жизненная позиция журналиста обусловили свободу формирования и выражения мнений [23]. Учёные пытались обосновать необходимость грядущих перемен не только в социально-политической жизни, но и в искусстве, и, разумеется, в литературе и публицистике. Отмечая, что рецепционная установка опирается на предшествующую систему культуры, закреплённую в сознании всем предшествующим опытом, Ю. Б. Борев, например, подчеёркивал негативную сторону такой установки: «Для рецепции нового в искусстве требуется готовность не цепляться за старую установку, способность её модернизировать и непредвзято воспринимать произведение во всей его необычности и исторической оригинальности» [4, с. 207]. Перестройка привела к разрушению и советского уклада жизни, и стилей эпохи. Громко заявили о себе разного уровня дарования авторы, доказав своим творчеством, что разрушение стилистических формаций происходит под влиянием индивидуальных стилей, авторской воли [18, с. 92]. Обобщая определения в различных словарях, скажем, что воля – это способность осуществлять поставленные перед собой цели. Цель трансформирования газетно-публицистического стиля, именовавшегося также «официозом», была достигнута, публицистику переименовали в авторскую журналистику, большую часть пространства которой заполнил стиль «низший».

1 апреля 1995 года вышел пилотный номер газеты «Мать», издатели которой Д. Быков и А. Никонов утверждали, что «только матом можно рассказать о нашем правительстве, нашей политике, нашем быте и нашей любви»[1]. Последовали аресты, обыск и заведение уголовного дела за «злостное хулиганство». Благодаря давлению литературной общественности шутники через три дня после ареста были отпущены из тюрьмы, а через два года полностью оправданы. «Мои современники живут в эпоху освобождения мата – историческое явление, которое можно сравнить с изобретением компьютера. …В отличие от непристойных слов других языков русский мат многослоен, разветвлён и многофункционален, он выходит за границы ругани, превращаясь не столько в философию языка, сколько в философию жизни. …Мат

[1] Мать. Первая нецензурная газета. – 1995. – Пилотный номер, март.

социально неприличен не сам по себе, но как носитель "прокисшей" народной идеологии, в которой звучит отказ от серьёзного, созидательного отношения к жизни. Мат утверждает, что жизнь в России похабна, и отражает цинизм выживания во что бы то ни стало. Такой мат – угроза культуры, образ контрпродуктивности», – высказал свою точку зрения писатель Виктор Ерофеев [8].

В агрессивном дискурсе ненормативная лексика является важным и (как свидетельствуют журналистские практики) органичным способом воплощения связи между вербализацией соответствующих настроений и эмоциональной разрядкой. Лексемы, принадлежащие к инвективному сленгу, наиболее употребительны в качестве коммуникативных фрагментов – матриц дискурса, которые автор включает в свой текст, что позволяет ему быть понятым читателем с аналогичным словарным запасом [6].

Данные о методологии и методики исследования. При выборе метода анализа языковой личности целесообразно брать во внимание теоретико-методологическую основу риторики как фундаментальной филологической дисциплины, включающей три категориальных ряда: этос (этическое, нравственно-философское начало речи), логос (словесное, мыслительное начало речи) и пафос (эмоциональное начало речи). Для наиболее полного и точного описания языковой личности требуется в первую очередь реконструкция и анализ её речевого портрета, в связи с чем в последнее время в отечественном языкознании получил распространение метод речевого портретирования, цель которого состоит в установлении специфических черт языковой личности, воплощённой в речи. Опираясь на теорию Ю. Н. Караулова, проанализируем тезаурус и мотивации, что, в свою очередь, можно сделать посредством дискурс-анализа (концептов), анализа коммуникативных стратегий и тактик автора.

Результаты исследования. На выбор объекта исследования оказали влияние результаты мониторинга СМИ, проведённого в 2013 году информационно-аналитической системой «Медиалогия», которая подсчитала частотность употребления в разных типах СМИ ненормативной лексики. Выяснилось, что за два года – с 30 июля 2011 года по 30 июля 2013 года – российские СМИ и информационные проекты 1133 раза прибегали к бранным словам, то есть в среднем по три раза в день. «Медиалогия» при проведении исследования учитывала употребление четырёх основных нецензурных слов и их производных. Чаще других использовали ненормативную лексику интернет-СМИ – 998 раз. В печатных СМИ соответствующие лексемы встречались 117 раз, на телевидении и радио – всего 18. Среди печатных СМИ «отличились» журналы "Esquire", «Сноб», "Time Out", «Русский пионер», "Rolling Stone", «Русский репортер», а также «Новая газета».

Эмпирическую базу данного исследования составили те же СМИ, но за 2015–2016 годы, т. е. период после принятия поправок к Закону № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», которыми был введён запрет на ненормативную лексику[1]. Результаты исследования свидетельствуют, что вышеперечисленные издания практически не употребляют бранных слов, включая четыре основных нецензурных слова и их производных. Те издания (например «Сноб»,"Time Out"), которые не захотели отказаться от маркированной лексики, отказались от статуса СМИ.

Контент-анализ «Новой газеты» показал, что практика использования ненормативной лексики газете в целом уже несвойственна, однако остаётся актуальной для Дмитрия Быкова, политического обозревателя, писателя и учителя русской литературы.

Творчеству Д. Быкова посвящён ряд исследований, в которых определяется проблемное поле его дискурса [15], изучается образ автора, маска, за которой автор скрывается [7], проводится разбор достоинств и недостатков творческой манеры [13].

М. Амусин выразил общее мнение, что критики «похоже, с ним смирились, как с погодой: хорошая, плохая, но существует, неотменима, рассуждать о ней интересно, анализировать не слишком продуктивно» [1, с. 215].

Учитывая рекомендацию И. В. Арнольд концентрировать внимание на особенностях и взаимодействии выбора образов, выбора слов, морфологических форм, синтаксических конструкций, ритма и т. д., мы можем глубже проникнуть в суть произведения и составить себе понятие о мировоззрении и настроении автора, его стиле [2, с. 14].

Термин «стиль» употребляется как значение 1) совокупности художественных средств, характерных для произведений искусства какого-либо художника, эпохи или нации; 2) системы языковых средств и идей, характерных для того или иного литературно-

[1] Закон № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»: от 01.06.2005 г. // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 23. – Ст. 2199.

го произведения, жанра, автора или литературного направления; 3) характерной манеры поведения, метода деятельности, совокупности приёмов какой-нибудь работы. Наконец, иногда это слово означает «эмоциональную тональность речи» («приподнятый стиль», «взволнованный стиль», «шутливый стиль») [14, с. 8].

В тексте под заголовком «Оптимистическое» сконцентрированы все типичные для творческой манеры Быкова характеристики[1]. Текст написан в жанре обозрения, главным признаком которого, как известно, является коммуникативно-речевая ситуация подведения итогов, в данном случае итогов года, наполненного терактами, военными конфликтами, катастрофами, политическими скандалами, что напрямую соотносит заголовок «Оптимистическое» с названием пьесы и одноимённого художественного фильма «Оптимистическая трагедия». Таким образом, смысловые оттенки организуют читательское восприятие буквально с первого слова, вводя код, указывающий на противопоставление оптимистического настроения состоянию разочарования и фрустрации. Противопоставление, или контраст, является классическим приемом создания комического эффекта, обусловленного нарушением культурных запретов. Ненормативная лексика, собственно, становится маркёром антиповедения автора, балансирующего на грани нарушения закона о русском языке.

В анализируемом тексте обнаруживается несколько разрядов инвективной лексики в диапазоне от грубости и вульгаризмов («Настолько всё раскрали и *про...али*, // настолько все бездушны и больны, // что вряд ли некто нас вернёт к морали, // помимо оглушительной войны») до сквернословия и непристойностей, легко угадываемых за многоточием («Обозлены до белого каленья, // всегда хотят *мочить* да истреблять... // Скажи “Растёт крутое поколенье” – // в ответ услышишь: // *все дебилы*, ..!»). Как любой знак, многоточие усиливает выразительность непечатного (в буквальном и переносном смысле) слова, которое не только не шокирует, не оскорбляет аудиторию, но, наоборот, привлекает всё больше людей в ряды почитателей таланта Дмитрия Быкова. Механизм воздействия достаточно прост и давно известен. Исследователи русского фольклора ещё в XIX веке заметили, что «сквернословие… производит действие обиды лишь тогда, когда произнесено серьёзным тоном с намерением оскорбить; в шутливых же… разговорах составляет главную соль, приправу, вес речи»[2]. В XVIII веке ненормативная лексика разрешалась в комедии как «презренном жанре» (М. В. Ломоносов), шутливой поэзии, свидетельствующей «о весёлом и бодром направлении ума».

Шутливый текст в формате рифмы и ритма (это более точное определение для произведений Д. Быкова, нежели стихотворение, так как его тексты воспринимаются как набор поэтических условностей, семантически несколько трансформированных по отношению к жанровому образцу) – визитная карточка автора, склонного бравировать нарушениями табу для создания в тексте особой эмоциональной тональности, представляющей острую смесь из юмора, иронии и жаргона. Прозрачность семантических кодов практически не скрывает инвективную, в том числе обсценную, лексику. Нельзя забывать о том, что ненормативная лексика – отклонение от нормы, а любое отклонение от нормы отвечает стремлению автора привлечь, заинтересовать, удержать внимание читателей. Тем более это удаётся с помощью стихотворной риторики, в целом не свойственной публицистическому дискурсу, однако по природе своей органичной для него, поскольку формирует условия компрессии фактологической информации, обязательного компонента медиатекста. Текст предполагает свою стилистику, то есть систему лексических, сюжетных, метрических, интонационных предпочтений. В историко-литературный период нормативных представлений о жанре текста эти признаки обычно служат для дефиниции и дифференциации произведений, принадлежащих соответствующим группам.

Комическое, генерируемое ненормативностью, не просто освобождает публицистический дискурс от нравоучительности, которая скучна большей части читателей прессы, оно лишает его серьёзности. Шутливость оборачивается фатикой или болтовней [20, с. 41–42], на которую власть предержащие не обращают внимания. Остроумные реплики, приправленные ненормативной лексикой, обретают форму анекдотов, доставляющих сиюминутное удовольствие и тут же забываемых потребителями инфотеймента. Абсолютно разные интересы и разные запросы у «нечитателей» и «читателей», выявлению качеств которых уже посвящаются специальные исследования.

[1] Быков Д. Оптимистическое // Новая газета. – 2016. – 23 дек.

[2] Этнографическое обозрение. – 1890. – № 3. – С. 79.

Известный российский учёный С. Н. Плотников, изучавший психологию чтения, проанализировал результаты опросов: «Читатели, в отличие от нечитателей, способны мыслить в категориях проблем, схватывать целое и выявлять противоречивые взаимосвязи явлений; более адекватно оценивать ситуацию и быстрее находить правильные решения; имеют больший объём памяти и активное творческое воображение; лучше владеют речью: она выразительнее, строже по мысли и богаче по запасу слов; точнее формулируют и свободнее пишут; легче вступают в контакты и приятны в общении; обладают большей потребностью в независимости и внутренней свободе, более критичны, самостоятельны в суждениях и поведении. Словом, чтение формирует качества наиболее развитого и социально ценного человека» [27, с. 51]. На предпочтениях современной аудитории сказывается процесс фрагментации. В его контексте интерес к журналистскому контенту следует дифференцировать в соответствии с двумя типами мышления – гуманитарным и *потребительским*, которые находятся в отношении диалектической противоположности друг другу. Особым образом отобранная и частично интерпретированная информация и составляет тот мир (медиареальность), в котором живёт типичный потребитель массмедиа, не желающий прикладывать никаких собственных усилий, чтобы анализировать поступающую ему информацию. Так постепенно возникает и ширится слой людей, «желающих быть обманутыми» [17].

Эстетическим принципом творчества Д. Быкова, в первую очередь, является разрушение нормативности. Не последнюю очередь в этом играет иронический модус. Лингвисты трактуют иронию как употребление слова, словосочетания или предложения в смысле обратном тому, который непосредственно в них выражен с целью внесения критичности, оценочной характеристики предмета или явления [14]. Автор всегда даёт возможность понять, что его ирония – не только лейтмотив текста, но и «жизненная позиция», как тысячелетия назад охарактеризовал иронию Платон. Ирония помогает автору не быть навязчивым, категоричным, что важно для коммуницирования с современным читателем.

Анализ языковой личности журналиста Д. Быкова показывает, что ирония – оптимальная форма для фатики как альтернативы сатирическому комментарию, в потоке которой легко скрыть подлинные чувства, мнения, идеи, оценки, жизненную позицию.

В трудах отечественных и зарубежных психологов (В. К. Вилюнаса, Л. С. Выготского, Б. И. Додонова, А. Н. Леонтьева, П. В. Симонова, П. Фресса и др.) представлен концептуальный взгляд на демонстрацию эмоций в коммуникативном процессе, благодаря чему адресат формирует мнение адресанта, побуждает принять определённую точку зрения, сделать выбор и т. п. Эмоция – психологическая категория, которая на языковом уровне трансформируется в эмотивность или тональность текста. Тональность текста – это эмоциональное отношение автора к событию, процессу, явлению, т. е. к действительности. Тональность, также как идеологема, номинация, оценочность, интерпретация, является текстообразующей категорией воздействующего дискурса критики.

Расширяя определение, данное Н. И. Клушиной, подчеркнём, что как произведение публицистическое, текст медиакритики обладает парадигмой не только авторских стратегий, но и тактик, образующих жанровые инварианты [12]. Научное понятие авторской стратегии появляется в отечественных трудах 2000-х годов в рамках нарратологических и рецептивных исследований [22], повествовательного дискурса, а затем переносится на изучение специфики авторского мышления [19].

Стратегия связана с глобальной целью коммуникации, направлена на достижение запланированного, отложенного во времени результата. В процессе коммуникации цель опосредуется конкретными задачами, обусловливающими выбор речевых тактик в рамках заданной стратегии. Вербальным средством реализации тактики в русле выбранной стратегии выступает коммуникативный ход [16].

Исследование коммуникативных стратегий и тактик, используемых языковой личностью, представляет собой актуальную задачу, поскольку, с одной стороны, расширяет научное представление о формах «вербального поведения индивидуумов в различных типах дискурса» [11], а с другой – позволяет определить специфику тональности текстов. Авторские стратегии не становились до сих пор предметом специального изучения, хотя накопившийся за два десятилетия опыт заслуживал самого пристального внимания. В этом смысле наибольший интерес представляет исследование текстов, в которых в полной мере представлена авторская позиция, выражающаяся в стратегиях, понимаемых вслед за О. С. Иссерс, как комплекс речевых действий, направленных на достижение ком-

муникативной цели [10], в том числе – самопрезентации, позволяющей заявить о себе как личности.

Органичным методом исследования авторских стратегий, по нашему мнению, является дискурс-анализ текстов, выявляющий смысловые концепты, которые Д. С. Лихачёв считал своего рода алгебраическими «заместителями сложных значений» [18, с. 6–7]. Так, для дискурсивной модели произведений Быкова, нацеленной на фатику, характерны концепты, декодировать которые можно только посредством табуированной лексики. Пожалуй, составляет исключение концепт «зека», в комическом контексте раскрывающий стратегию передачи личного самоощущения как типичного для россиянина. Но это не гоголевский «смех сквозь слёзы», а тактика двойных стандартов в структуре языковой личности, которая лично автору помогает освободиться от психологического дискомфорта.

Выводы. Тексты Д. Быкова отражают социально-психологические впечатления, как накопленные в течение всей его жизни, так и связанные с событиями, фактами, персонами, сформировавшими повестку дня. Коммуникативные намерения автора всегда противоречивы и зависимы от предпочтений аудитории, «стилистического климата эпохи в целом» (Б. М. Гаспаров) и конкретной среды. Идя на поводу этой конкретной среды, автор ассимилируется с толпой, потакает её языковому вкусу, тяге к крепкому, а то и непечатному словцу и теряет индивидуальность. Его мнение, пропитанное тезаурусом тюремного жаргона, вульгаризмов и прозрачными намеками на обсценную лексику, становится малоинтересным интеллектуальному читателю. Впрочем, Д. Быков сомневается в наличии такого читателя. Своей аудитории он предлагает новую эстетику, ключевым моментом которой является синтез категорий комического и безобразного. Но есть опасность, что результатом дискурсивной деятельности будет коммуникативное пространство, в котором у языковой личности от одного из главных достижений демократии – свободы выражения мнений – останется только свобода выражений.

Список литературы

1. Амусин М. Мерцающий мир. О прозе Дмитрия Быкова // Дружба народов. 2012. № 6. С. 215–219.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1973. 303 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
4. Борев Ю. Б. Эстетика. М.: Политиздат, 1981. 309 с.
5. Вартанова Е. Л. Редакционная независимость: зарубежные концепции и реалии // Вестн. Моск. ун-та. 2014. № 6. С. 4–20.
6. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 352 с.
7. Григорьева Е. А. Дмитрий Быков в «Ордене Куртуазных Маньеристов» (к проблеме создания авторской маски) // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2012. № 3. С. 49–56.
8. Ерофеев В. Царство мата // Московские новости. 2004. 26 июля.
9. Журналистика в мире политики: исследовательские подходы и практика участия / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2004. 448 с.
10. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
11. Киселев А. Ю. Адресные стратегии в научно-популярном дискурсе (на материале немецкого языка). Самара: АКД, 2012. 22 с.
12. Клушина Н. И. Коммуникативная стилистика публицистического текста // Мир русского слова. 2008. № 4. С. 67–71.
13. Кудрин О. Поэт эпохи поэтического журнализма // Вопр. лит. 2014. № 2. С. 214–232.
14. Кузнец М. Д., Скребнев Ю. М. Стилистика английского языка / под ред. Н. Н. Амосовой. Л.: Учпедгиз, 1960. 175 с.
15. Кульгавчук М. В. Продолжение следует (некоторые размышления о творчестве Дмитрия Быкова) // Вестн. Центра международного образования Моск. гос. ун-та. Сер. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2014. № 4. С. 94–100.
16. Ланских А. В. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики. Екатеринбург: АКД, 2008. 183 с.
17. Липпман У. Общественное мнение. М.: Изд-во фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
18. Лихачёв Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Блиц, 1999. 192 с.
19. Осьмухина О. Ю., Иваницкий А. И. Проблема авторской стратегии как объект литературоведческого анализа // Гуманитарные науки и образование. 2014. № 2. С.161–162.
20. Померанц Г. Эпоха фельетонизма // Журналист. 1997. № 5.
21. Травин Д. От СМИ к СМРАДу (средства массового развлечения, агитации и дезинформации) // Новая газета. 2016.11 янв.

22. Тюпа В. И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М.: Лабиринт: РГГУ, 2001. 192 с.; Шмидт В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

23. Шерель П. И. Строить демократию: свобода формирования и выражения мнений // Полис. 1993. № 6. С. 93–104.

24. Шляпентох В. Э. Влияние элиты на структуру ценностей россиян // Управленческое консультирование. 2011. № 1.

25. Шрейдер Ю. А. Язык как инструмент и объект науки // Природа. 1972. № 6.

26. Bourdieu P. The political field, the social science field and the journalistic field // Eds. by R. Benson & E. Neveu. Bourdieu and the Journalistic Field. Cambridge: Polity, 2005. 47 p.

27. Homo legens: Памяти С. Н. Плотникова (1929–1995). М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 272 с.

Статья поступила в редакцию 13.01.2017; принята к публикации 29.01.2017

Библиографическое описание статьи

Тепляшина А. Н. Языковая личность как субъект новой эстетики публицистического дискурса // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 130–137. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-130-137.

Alla N. Teplyashina,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Saint Petersburg State University
(7/9 Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia),
e-mail: a-nik@list.ru

Linguistic Personality as a Subject of a New Aesthetics of Journalistic Discourse

Comprehension of the new journalistic aesthetics of media texts is a fundamental question. Without it the understanding of urgent problems of transformation of the journalistic discourse would be incomplete. The aesthetics is influenced by the stylistic climate of the era in general and the nature of expression of a particular author's position, the implicit dialogue with the reader and the effectiveness of linguistic identity. The article is an attempt to analyze linguistic personality of Dmitry Bykov. Dmitry Bykov is one of the most prominent representatives of the journalistic profession. Journalism was the eve of a writer's career and journalistic career for Bykov. To describe one's linguistic identity fully and accurately, reconstruction and analysis of the speech portrait are required. For the speech analysis, the method of speech portraiture was used. The purpose of the method of verbal portraiture is to identify specific features of language personality embodied in the discourse. Texts by Bykov reflect the socio-psychological experience. Communicative intentions of the author are always controversial and dependent on the preferences of the audience.

Keywords: political journalism, the author, aesthetics, obscene words, linguistic personality, social criticism, style

References

1. Amusin M. Mertsayushchii mir. O proze Dmitriya Bykova // Druzhba narodov. 2012. № 6. S. 215–219.

2. Arnol'd I. V. Stilistika sovremennogo angliiskogo yazyka. L.: Prosveshchenie, 1973. 303 s.

3. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979. 424 s.

4. Borev Yu. B. Estetika. M.: Politizdat, 1981. 309 s.

5. Vartanova E. L. Redaktsionnaya nezavisimost': zarubezhnye kontseptsii i realii // Vestn. Mosk. un-ta. 2014. № 6. S. 4–20.

6. Gasparov B. M. Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya. M.: Novoe lit. obozrenie, 1996. 352 s.

7. Grigor'eva E. A. Dmitrii Bykov v «Ordene Kurtuaznykh Man'eristov» (k probleme sozdaniya avtorskoi maski) // Vestn. Volzh. un-ta im. V. N. Tatishcheva. 2012. № 3. S. 49–56.

8. Erofeev V. Tsarstvo mata // Moskovskie novosti. 2004. 26 iyulya.

9. Zhurnalistika v mire politiki: issledovatel'skie podkhody i praktika uchastiya / red.-sost. S. G. Korkonosenko. SPb.: Izd-vo V. A. Mikhailova, 2004. 448 s.

10. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi. M.: KomKniga, 2006. 288 s.

11. Kiselev A. Yu. Adresnye strategii v nauchno-populyarnom diskurse (na materiale nemetskogo yazyka). Samara: AKD, 2012. 22 s.

12. Klushina N. I. Kommunikativnaya stilistika publitsisticheskogo teksta // Mir russkogo slova. 2008. № 4. S. 67–71.

13. Kudrin O. Poet epokhi poeticheskogo zhurnalizma // Vopr. lit. 2014. № 2. S. 214–232.

14. Kuznets M. D., Skrebnev Yu. M. Stilistika angliiskogo yazyka / pod red. N. N. Amosovoi. L.: Uchpedgiz, 1960. 175 s.

15. Kul'gavchuk M. V. Prodolzhenie sleduet (nekotorye razmyshleniya o tvorchestve Dmitriya Bykova) // Vestn. Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya Mosk. gos. un-ta. Ser. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika. 2014. № 4. S. 94–100.

16. Lanskikh A. V. Rechevoe povedenie uchastnikov realiti-shou: kommunikativnye strategii i taktiki. Ekaterinburg: AKD, 2008. 183 s.

17. Lippman U. Obshchestvennoe mnenie. M.: Izd-vo fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004. 384 s.

18. Likhachev D. S. Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva. SPb.: Blits, 1999. 192 s.

19. Os'mukhina O. Yu., Ivanitskii A. I. Problema avtorskoi strategii kak ob»ekt literaturovedcheskogo analiza // Gumanitarnye nauki i obrazovanie. 2014. № 2. S.161–162.

20. Pomerants G. Epokha fel'etonizma // Zhurnalist. 1997. № 5.

21. Travin D. Ot SMI k SMRADu (sredstva massovogo razvlecheniya, agitatsii i dezinformatsii) // Novaya gazeta. 2016.11 yanv.

22. Tyupa V. I. Analitika khudozhestvennogo (vvedenie v literaturovedcheskii analiz). M.: Labirint: RGGU, 2001. 192 s.; Shmidt V. Narratologiya. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. 312 s.

23. Sherel' P. I. Stroit' demokratiyu: svoboda formirovaniya i vyrazheniya mnenii // Polis. 1993. № 6. S. 93–104.

24. Shlyapentokh V. E. Vliyanie elity na strukturu tsennostei rossiyan // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2011. № 1.

25. Shreider Yu. A. Yazyk kak instrument i ob»ekt nauki // Priroda. 1972. № 6.

26. Bourdieu P. The political field, the social science field and the journalistic field // Eds. by R. Benson & E. Neveu. Bourdieu and the Journalistic Field. Cambridge: Polity, 2005. 47 r.

27. Homo legens: Pamyati S. N. Plotnikova (1929–1995). M.: Dom intellektual'noi knigi, 1999. 272 s.

Received: January 13, 2017; accepted for publication January 29, 2017

Reference to the article

Teplyashina A. N. Linguistic Personality as a Subject of a New Aesthetics of Journalistic Discourse // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 130–137. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-130-137.

http://www.zabvektor.com ISSN 1996-7853 ISSN 2542-0038 (Online)

УДК 81

Надежда Дмитриевна Тибинько,
старший преподаватель,
Академия «Болашак»
(100000, Казахстан, г. Караганда, ул. Ерубаева 16),
e-mail: n.vold@bk.ru

Репрезентация категории интертекстуальности в англоязычном политическом дискурсе (на примере СМИ)

Статья посвящена рассмотрению категории интертекстуальности в англоязычном политическом дискурсе. Интертекстуальность в политическом дискурсе направлена на передачу информацинного сообщения о внешнем мире, отсылая читателя к информации претекста. Особое значение для политического дискурса приобретают факты о творчестве, личной жизни и достижениях обсуждаемой известной личности. Интертекстуальные включения, такие как аллюзия, цитация и квазицитация, побуждают читателя к определённым ассоциациям для создания автором отрицательного или положительного образа. Анализируя интертекстуальные включения, было установлено, что каждому включению отведена своя роль в политическом дискурсе. В ходе исследования было выявлено, что адресанты объединяют средства межтекстового воздействия для предельного воздействия на адресата. Интектсы репрезентируют языковую картину мира того народа, на котором они представляются. Употребление интертекстуальных включений повышает аргументированность политической статьи. Система аргументирования будет работать эффективнее, если степень прецедентности предшествующего текста будет выше, а конечная цель аргументации – это убеждение рецепиентов в отстаиваемой точке зрения автором.

Ключевые слова: интертекстуальность, цитата, квазицитата, аллюзия

Вводная часть. Выбор и использование лингвистических средств определяет, насколько эффективной будет коммуникация. В рамках функциональной стилистики рассматриваются особенности речевого употребления в определённых социальных сферах. Типовые способы организации речи, то есть специфика функционального стиля, напрямую влияют на выбор языковых средств, используемых при описании сюжета в статье [1]. Насыщенное содержание статьи зависит от ситуации, относящейся к возникновению и постановке актуальной проблемы. Жанровая специфика варьирования определяется репрезентацией цитат и аллюзий, равно как и их интенциональные характеристики. Плюрализм мнений, обусловливающий цитатную плотность в статье, указывает на то, что интенциональная природа интертекста характеризуется определенными особенностями жанровой целеустановки. Интертекстуальные включения содержатся как в текстовом пространстве, так и в сильных позициях. Например, «осколочная» цитата в начальной позиции чаще всего несет в себе провокацию, открывая для читателя безграничное поле для интерпретации. Репрезентативные характеристики цитат и аллюзий обеспечивают референцию к прагматическим феноменам и фокусирование ассоциативных отношений вокруг идеи адресанта. Принцип манипуляции характеризует функционально-прагматическую специфику цитат и аллюзий. Цитаты носят эксплицитный характер, в то время как аллюзии – имплицитный смысл, являющийся неотъемлемым компонентом семантики. Аллюзии порождают ассоциативные связи, при которых манипулирование становится трудно распознаваемым, так как порождаемая цепочка ассоциаций не навязывается автором, а восстанавливается читателем и, тем самым, отражается на перцепции информации как достоверной. Диапазон вариативности манипулятивного воздействия «чужим словом» (от упоминания авторитетного источника до иронии) характеризует цитатные включения. Таким образом, аллюзивные и цитатные включения реализуют стратегию как на повышение, так и на понижение [9, с. 156].

Актуальность работы обусловлена объективной необходимостью исследования политического дискурса как особого коммуникативного пространства с использованием потенциала прагматики, когнитологии и политологической филологии, что позволит выявить закономерности и особенности функционирования интертекстуальных включений в политической статье.

© Н. Д. Тибинько, 2017

Объектом данного исследования выступает англоязычный политический дискурс как объект лингвостилистического анализа.

Цель статьи заключается в определении структурных и содержательных аспектов интертекстуальности политического дискурса.

Данные о методологии и методики исследования. В связи с многоаспектным изучением проблемы используются следующие методы, характерные для современной антропоцентрической методологической парадигмы: методы интертекстуального, стилистического и контекстуального анализа. Автор рассматривает интертекстуальные включения как средство воздействия в политическом дискурсе. Материалом исследования послужили интертексты, которые были отобраны из англоязычных медиаресурсов: “The Guardian”, “Newsweek”, “Washington Post”, “New York Times”.

Результаты исследования, их обсуждение. Интертекстуальные включения, такие как цитата и аллюзия, обладают культурной коннотацией и способностью многократно воспроизводить, интерпретировать и реинтерпретировать определённые факты действительности. Данные интертексты порождают различные ассоциации, вступающие во взаимодействие в дискурсивном пространстве, формируют палитру прецедентных явлений, влияя на реализацию коммуникативных и прагматических установок для объяснения действительности в целом, а в частности – политического дискурса [3]. В качестве теоретической основы для исследования политического дискурса мы принимаем узкую концепцию интертекстуальности как наиболее эффективную. Многие учёные рассматривают средства межтекстового взаимодействия в виде поля и выделяют два основных типа межтекстового взаимодействия – цитату и аллюзию [10, с. 100].

Бахтинская традиция трактует цитату как более или менее точное воспроизведение отрезка текста в определённом контексте, принадлежащем другому автору [4, с. 205].

Однако в лингвистической литературе данное явление трактуется более широко. Такие признаки, как дословность, воспроизведение и наличие ксенопоказателей (термин Н. Д. Арутюновой), таких как кавычки, курсив, разрядка, изменение шрифта, являлись непременными признаками цитаты в лингвистических работах 60–80-х годов XX века.

По мнению Н. А. Кузьминой, цитата характеризуется автономным статусом и, таким образом, относится к тексту, а не к миру. Отличительной особенностью цитаты, по мнению исследователя, выступает узнаваемость формы: «Цитата сохраняет своё качество до тех пор, пока восстановима её материальная оболочка». Смысловая тождественность является формой для выражения собственной мысли [6, с. 98].

Как отмечает В. А. Лукин, «чем больше объём цитаты, тем больше вес её символической составляющей» [Там же, с. 99].

Позднее видоизменённое воспроизведение оригинала стало приниматься в качестве цитаты.

По мнению Г. Г. Слышкина, существует прямая цитация и квазицитация. Прямой цитацией называется «дословное воспроизведение языковой личностью части текста или всего текста в своем дискурсе в том виде, в котором этот текст (отрывок текста) сохранился в памяти цитирующего» [8, с. 51]. Квазицитацией считается «воспроизведение языковой личностью части текста или всего текста в умышленно изменённом виде» [Там же].

<...> Berlin’s mayor, Michael Müller, said the city, like the rest of Germany, was ***“overrun by the big number of refugees”****, adding that in one month the capital took in more people than in the past three years <...>* ***“This cannot go on any longer”****, says Philipp Lengsfeld, a member of parliament from the Christian Democratic Union (CDU), the party led by Merkel.* ***“The numbers need to come down. Refugees and migrants are leaving camps outside of Europe and simply coming to another here. We need to further change our laws, we need border controls in Germany”****[1].*

В этом примере, который взят из статьи Миррены Гидда “Mother Courage”, автор описывает проблемы в Германии, которые возникли из-за политики Ангелы Меркель по отношению к беженцам. Большинство политиков считают, что ситуацию необходимо менять, так как число беженцев растет с каждым днем, и вскоре ситуация выйдет из-под контроля канцлера Германии.

В данном примере автор использует две маркированные цитаты с точной атрибуцией, как доказательство своей точки зрения. Читателя умело отсылают к мнению авторитетных людей при комментировании деятельности канцлера Германии. В данном случае это Михаэль Мюллер – правящий бургомистр Берлина и Филипп Ленгсфельд – член парламента от Христианско-демократического со-

[1] Mirrena Gidda. Mother courage // Newsweek. – 2015. – January 26. – P. 35.

юза (ХДС). Автор статьи в обоих случаях цитирования напрямую указывает авторов для убедительности аргументации.

<...> But underlying it all was the idea that the country needed to be shocked out of its longstanding complacency. "The word 'change' had lost its significance because reforms were never followed up", Sarkozy wrote, ***"and the word 'reform' itself has become meaningless because it was overused. You often end up stopping at the second reform, exhausted by the battles over the first"***[1].

В приведённом отрывке журналист размышляет о политической карьере Саркози и о том, что правительство ожидало от него. Автор статьи говорит о проблеме последовательного проведения реформ. По его мнению, реформы необходимо объединять вместе и проводить их оперативно. Использование цитаты Н. Саркози в статье помогает журналисту указать на достоверность своих суждений. Таким образом, полная цитата сохраняет предтекст и звучит более убедительно, чем, если бы заимствованный фрагмент был представлен в редуцированной форме в данном тексте.

<...> Orban's speech was misunderstood says Gyorgy Schopflin, a member of the European Parliament. It was not a rejection of democracy, but of liberal democracy. ***"There are other kinds of democracy than liberal democracy, Christian democracy. These are part of the democratic family"*** *<...>* ***"It must always be a country to east, so they can say, yes, things are imperfect, but look how much worse they are in Hungary, or wherever, so be grateful that you you live here and not there"***[2]***.***

Данный пример взят из статьи "Anti-social democrats", в которой автор Адам Лебор рассуждает о том, как партии правых в центральной и восточной Европе, побеждая на выборах, пытаются вести подрывную деятельность в отношении национальных институтов. Используя цитацию, автор отмечает, что правительство во главе с Виктором Орбаном пытается отказаться от демократии. Оно стало поддерживать позицию национализма. Естественно, это вызвало определённую волну недовольства в самом венгерском обществе, поскольку там были и есть силы, которые против этого. Удастся ли Витору Орбану сохранить политический контроль над страной, реализовать свою политику – покажет время. Совершенно очевидно, что политика, которую сейчас проводит правительство, не соответствует многим стандартам, которые приняты в ЕС, что вызывает критику со стороны Запада в адрес Орбана. Кроме того, в самой Венгрии есть достаточно мощные политические силы, которые заявляют о том, что страна не должна сходить с «демократических рельсов» развития.

В следующем примере, взятом из статьи "Generation Trump", автор описывает ситуацию, которая произошла в марте и апреле 2016 года в поддержку президентской кампании Дональда Трампа, автор прибегает к цитированию университетского профессора, дающего оценку поведению молодёжи, говоря, что новое поколение более толерантно и демократично, оно желает видеть свою страну сильной.

<...> Despite the heightened visibility of Trump chalkers, Katy Harriger, a professor at Wake Forest University and an expert on youth voters, says today's college students skew liberal because they ***"came of age"*** *during the Obama presidency.* ***"You can think of them as the Obama Generation",*** *she says.* ***"They're also the most diverse generation, and so there are more people in the age group who represent traditional Democratic constituencies... This generation is also frequently called the most tolerant generation"***[3].

Наряду с цитацией выделяется ещё одна группа интертекстуальных включений, которая предполагает функционирование ранее известных, текстовых элементов в умышленно изменённом виде.

Например, название статьи ***"Mother Courage"*** *(«Мама Кураж»)*[4] является квазицитацией выражения "Mother Courage and her children" («Мама́ша Кура́ж и её де́ти»). Пьеса немецкого поэта и драматурга Бертольта Брехта, имеющая подзаголовок «Хроника времён Тридцатилетней войны», написана в 1938–1939 годах и считается одним из самых ярких воплощений теории «эпического театра». Элементы «эпического театра», позволяющие соединить драматическое действие с эпической повествовательностью и включить в спектакль самого автора, помимо традиционных для Брехта зонгов, представлены в пьесе комментирующими надписями,

[1] Evan Thomas. I'm Going to Learn // Newsweek. – 2013. – March 23. – P. 30.

[2] Frank Brown. Looking to the East // Newsweek. – 2012. – June 17. – P. 28.

[3] Lawrence Douglas. Here are the potential sinister motives behind Donald Trump's voter fraud lie // The Guardian. – 2016. – April. – P. 40.

[4] Mirrena Gidda. Mother courage // Newsweek. – 2015. – January 26. – P. 35.

предваряющими каждую сцену, – по замыслу драматурга, они должны размещаться на занавесе или на заднике сцены и воссоздавать (как и позже, в «Карьере Артуро Уи») историческую канву. Брехт не извинял Кураж, но и не обвинял её, своеобразным «эффектом отчуждения» здесь стала неспособность героини осознать катастрофические результаты её военного бизнеса: для драматурга не важно было, прозреет ли Кураж, – прозреть должен зритель, и, соответственно, в пьесе не было недостатка в аллюзиях на современность; драматург считал, что запечатлел в своей пьесе «современное сознание большинства людей». Называя Мамашей Кураж канцлера Германии Ангелу Меркель в своей статье о беженцах в Германии, автор пытается провести аналогию с пьесой, тем самым показав, что канцлер Германии не осознаёт последствий той политики, которую она проводит сейчас. И на данный момент не всё политическое окружение поддерживает её.

Следующий пример данного вида интертекста – это заголовок статьи “A wolf in wolf clothing” («Волк в волчьей шкуре»)[1], который является квазицитацией выражения “A wolf in sheep’s clothing” («Волк в овечьей шкуре»), которое восходит к тексту Евангелия: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» [Матфей, 7: 15] (“Beware of false prophets, who come to you in sheep’s clothing, but inwardly are ravenous wolves”). Так мы называем злых людей, прикидывающихся добряками, хищников всякого рода, которые прячутся под маской кротости, чтобы ввести в заблуждение и удобнее напасть на легковерных. В статье, из которой взят пример, «волками в овечьих шкурах» именуют Дублинских гангстеров, которые пытаются обмануть полицию, убивая во имя объединённой Ирландии. Автор статьи описывает конфликт в Северной Ирландии, вызванный спором между центральными британскими властями и местными республиканскими национальными организациями (представлявшими местное католическое население и имевшими левую направленность) касательно статуса региона. Главной силой, противодействовавшей Великобритании, была Ирландская республиканская армия (ИРА).

Так как оригинальная фраза и квазицитата схожи в содержательном и выразительном планах, передача интертекстуального элемента осуществляется с опорой на переводной вариант цитаты.

Учёный Н. А. Фатеева считает, что «аллюзия – это заимствование конкретных составляющих предтекста, которые могут быть опознаны в тексте-рецепиенте, где и происходит их предикация». По мнению Н. А. Фатеевой, аллюзии можно разделить на атрибутированные и неатрибутированные [9, с. 28].

Также аллюзии подразделяются на такие виды, как:

а) аллюзивные имена собственные, которые выступают как средство номинации и идентификации литературных и прочих объектов. Их задача заключается в актуализации иконических связей данных объектов с прецендентными феноменами, а также они являются источником содержательных и эмоциональных ассоциаций у адресата [6, с. 125];

б) аллюзивные факты – «литературные и исторические факты, которые автор упоминает и переосмысливает их в новом контексте» [Там же, с. 127];

в) аллюзивные сюжеты – «авторское переосмысление идей предшественника в новом произведении составляет основу аллюзивных сюжетов, причем «иконическое заимствование мифологического или литературного сюжета, отсылающего к конкретному прототексту, сопровождается видоизменением и полемическим комментарием последнего» [Там же, с. 128].

Аллюзия, таким образом, предстаёт как заимствование фрагмента «чужого слова», которое автор преднамеренно использует как «определённую составляющую предтекста в виде скрытого или явного намёка, упоминания с целью вызова соответствующих ассоциаций, направленных на выявление связи двух контекстов, которая ведёт как к обогащению содержания нового текста, так и к изменению объёма значения самой аллюзии» [7, с. 24].

Авторы статей часто используют имена собственные, особенно имена политиков.

<...> When the political history of the ***Obama*** years is written, one important element will be how conservatives overreach led to collapse of the Republican Party[2].

<...> Sarkozy has no clear enemy, and if he is to achieve change he has to defeat his own supporters within the protected state apparatus. He could imitate ***Thatcher*** *and sell of the state-owned French electricity company, EDF, raising enough money at a stroke to pay*

[1] Mike Littwin. A wolf in wolf clothing // New York Times. – 2015. – November 18. – P. 38.

[2] Lawrence Douglas. Here are the potential sinister motives behind Donald Trump’s voter fraud lie // The Guardian. – 2016. – September 16. – P. 45.

off France'national debt, which is twice that of the U. K. <...> In short, Sarkozy may be much more of an interim figure than a new ***de Gaulle*** *or even a* ***Mitterand***[1].

В данном отрывке из статьи "Is this the new look of France?" о политической карьере Саркози видно, что автор использует три известных имени, проводя параллель между политическими действиями этих великих людей, указывая на то, что Саркози, возможно, может быть президентом, как и Ф. Миттеран, в течение 14 лет, или как Шарль де Голль – великим государственным деятелем. Также и сравнение с М. Тэтчер указывает на то, что если Саркози будет вести правильную политику, то он будет находиться на посту президента не один срок.

Прецедентным феноменом не только для американцев, но и для всего мира стали события 11 сентября 2001 года в Соединённых Штатах Америки. Об этом свидетельствует частое упоминание данной даты 9/11 на страницах журналов и газет. Не исключено, что это событие разделило течение времени на «до» и «после» в сознании большого количества людей. Именно данный факт отображается в репрезентации этого хронологического интекста. Поэтому не требуется упоминать год случившегося события в статьях, так как он заложен в когнитивной базе людей. Нижеприведённые примеры свидетельствуют об этом.

<...> When Musharraf took control of the government in 1999, Pakistan was spiraling downward, its economy a shambles, its military intertwined with jihadists in Afghanistan and Kashmir, its politics deeply corrupt. Musharraf was forced to make a choice after ***9/11*** *and acted decisively*[2].

<...> "Whether it's 9/11 or the other kinds of difficulties and crises that arrive- they always do – and that's when you find out what kind of leader your president is", Mr. Cheney said[3].

<...> In an odd turn of events, the State Department has turned to several European-based private groups to carry out one of its other long-standing missions in Lybia-locating and destroying mines left over from ***World War II***[4].

<...> ***World War II*** *also marked the beginning of trends that took decades to fully develop, including technological disruption, global economic integration and digital communication*[5].

<...> I start from a different premise. I believe that the Iraq War was a major strategic blunder. It diverted us from the battle against Al Qaeda and the Taliban in Afghanistan – the people who launched the attacks of ***9/11*** *and who remain powerful and active today*[6].

Аллюзивный сюжет, в котором упоминается террористический акт, спланированный и осуществлённый бен Ладеном, не требует каких-либо комментариев и отсылок со стороны автора. Неоднократно употребляющийся данный сюжет приобрёл статус символа жестокости и зла в связи с прецендентой ситуацией, и, таким образом, негативное отношение к ней породило отрицательную оценку данной ситуации с использованием данной аллюзии. Примеры указывают на то, что только читатель, владеющий исторической информацией, сможет безошибочно соотнести аллюзию с соответствующим периодом времени.

Заключение. Следовательно, репрезентация аллюзий на исторические факты отражает их актуальность для народа, воссоздаваемость соответствующих сюжетов в сознании носителей языка. Употребление аллюзий обусловлено способностью порождать ассоциации, которые выступают смыслообразующим компонентом. Принцип исследования исторической и современной сторон объективной реальности реализуется через применение аллюзии в публикациях. Также аллюзивные имена собственные и факты способствуют всестороннему анализу соотнесения и сравнения фактов, тем самым моделируя образ мысли реципиентов.

Интенция воздействия на реципиента является важной составляющей политического дискурса и невозможна без взаимопонимания автора и читателя, а также переосмысления аргументов оппонента. Поэтому журналист чаще всего выбирает аллюзивный элемент, содержащий известное имя, в зависимости от того, какую сторону он собирается освещать в своей работе. Интексты сводят в одну плоскость людей и события различных эпох.

Аллюзивные имена собственные и аллюзивные сюжеты используются для хронологической детерминации в силу своей имплицитной исторической соотнесённости.

---

[1] Tom Rendell. Is this the new look of France? // Washington Post. – 2013. – December 12. – P. 35.

[2] Jack Moore. Rise if ISIS threatens Libya's classical sites // The Guardian. – 2013. – July 28. – P. 40.

[3] Owen Matthews. Maximum screen time // Newsweek. – 2015. – June 18. – P. 38.

[4] Jack Moore. Rise if ISIS threatens Libya's classical sites // The Guardian. – 2013. – July 28. – P. 44.

[5] Rick Hampson. 70 years later: How World War II changed America // USA Today. – 2015. – July 18. – P. 30.

[6] Zakaria: What Obama should say on Iraq // Newsweek. – 2008. – June 21. – P. 38.

Цитатные включения в политическом дискурсе характеризуются коммуникативно-прагматической актуальностью и значимостью референтных ситуаций и феноменов. При помощи цитатных включений создаётся интерпретативная канва события, которая задаёт вектор толкования происходящего.

Интертексты служат средством реализации интенции воздействия. Используя заимствованный предтекст, автор воздействует на сознание читателя, вызывая отрицательное или положительное отношение у адресата, тем самым направляет его мысли в нужное русло.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста). СПб.: Образование, 1997. 60 с.
2. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 245 с.
3. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 615 с.
4. Ильин И. П. Интертекстуальность. М.: Интрада, 1996. 307 с.
5. Михалева О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 289 с.
6. Олизько Н. С. Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Челябинск, 2002. 194 с.
7. Попова Е. А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1995. 187 с.
8. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2002. 128 с.
9. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2006. 285 с.
10. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.
11. Weise G. Zur Spezifik der Intertextualität in literarischen Texten // J. Klein, U. Fix (Hgg.). Textbeziehungen: linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität. Tübingen: Stauffenburg-Verl, 1997. Pp. 39–49.

Статья поступила в редакцию 20.01.2017; принята к публикации 07.02.2017

Библиографическое описание статьи

Тибинько Н. Д. Репрезентация категории интертекстуальности в англоязычном политическом дискурсе (на примере СМИ) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 138–144.

Nadezhda D. Tibin'ko,
Senior Teacher,
Academy "Bolashak"
(16 Erubaeva st., Karaganda, 100000, Kazakhstan),
e-mail: n.vold@bk.ru

Representation of Category of Intertextuality in English Political Discourse (the Case of the Mass Media)

This paper is devoted to the category of intertextuality in English political discourse. Intertextuality in the political discourse is aimed at the transfer of information about the outside world: this is as far as a reference to other text, it potentially involves activation of the information contained in the "external" text (the pretext). In political discourse, that discusses a famous person, facts associated with the work, personal life and achievements of the policy are particularly important. Using such intertextual inclusions as quotation, quasi-quotation and allusions causes certain associations, which the author uses to create a positive or negative image. During the analysis of intertextual inclusions, it was found that each inclusion has its role in the political discourse. Analysis has shown that journalists often combine intertextual interaction means to achieve the greatest impact on the recipient. Intexts can represent a picture of the world of native speakers. The use of intertextual inclusions increases the validity of the publication, which is very important for the political articles. The higher the degree of intext precedent, the more efficient the argument system runs, built by the author, whose ultimate goal is to convince the audience.

Keywords: intertextuality, quotation, quasi-quotation, allusion

References

1. Arnol'd I. V. Problemy dialogizma, intertekstual'nosti i germenevtiki (v interpretatsii khudozhestvennogo teksta). SPb.: Obrazovanie, 1997. 60 s.
2. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku. M.: Editorial URSS, 2001. 245 s.
3. Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika. M.: Progress, 1989. 615 s.

4. Il'in I. P. Intertekstual'nost'. M.: Intrada, 1996. 307 s.
5. Mikhaleva O. L. Politicheskii diskurs kak sfera realizatsii manipulyativnogo vozdeistviya: dis. … kand. filol. nauk: 10.01.10. Irkutsk, 2004. 289 s.
6. Oliz'ko N. S. Intertekstual'nost' kak sistemoobrazuyushchaya kategoriya postmodernistskogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 2002. 194 s.
7. Popova E. A. Kul'turno-yazykovye kharakteristiki politicheskogo diskursa (na materiale gazetnykh interv'yu): dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 1995. 187 s.
8. Slyshkin G. G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse. M.: Academia, 2002. 128 s.
9. Fateeva H. A. Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov. M.: Agar, 2006. 285 s.
10. Chernyavskaya V. E. Lingvistika teksta. M.: LIBROKOM, 2009. 248 s.
11. Weise G. Zur Spezifik der Intertextualität in literarischen Texten // J. Klein, U. Fix (Hgg.). Textbeziehungen: linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität. Tübingen: Stauffenburg-Verl, 1997. Pp. 39–49.

Received: January 20, 2017; accepted for publication February 07, 2017

Reference to the article

Tibin'ko N. D. Representation of Category of Intertextuality in English Political Discourse (the Case of the Mass Media) // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 138–144.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ORIENTAL STUDIES

УДК 82-13:2-265.3:811.512.36
DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-145-151

Цымжит Пурбуевна Ванчикова,
доктор исторических наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(670041, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: vanchikova_ts@mail.ru

О культе Гэсэра по обрядовым текстам на монгольском языке

Целью данной работы является источниковедческое описание нескольких культовых текстов на старомонгольской письменности, связанных с Гэсэром, с подробным анализом сочинения «Подношение воскурений Гэсэр-хану», как источника по изучению культа Гэсэра. Гэсэр – литературный герой, жизнь и подвиги которого описаны в эпосе «Гэсэр-хан», одном из самых обширных эпосов в мировом литературном наследии, традиции передачи которого сохранились вплоть до настоящего времени и живы среди тибетцев и монголов КНР. Эпические сказания о Гэсэре были очень популярны и широко распространены среди народов Центральной Азии и сохранили их этнические и региональные особенности. Они передавались от поколения к поколению двумя путями: через устную традицию и через печатные или рукописные версии. Несмотря на более чем двухвековую историю изучения эпоса, многое, связанное с историей его происхождения, взаимосвязью между разными версиями, изданиями, остаётся загадкой. Одними из наименее исследованных считаются вопросы, связанные с появлением культа Гэсэра, как и почему герой эпоса стал объектом религиозного почитания. В связи с этим в статье сделана предварительная попытка ответить на эти вопросы. В ней впервые выявлен и рассмотрен корпус монголоязычных обрядовых текстов культа Гэсэра. Установлено, что они содержат в себе достаточную информационную базу, свидетельствующую о полисемантичности культа почитания Гэсэр-хана и его синкретичности, наиболее распространёнными считались обряды подношения благовоний. Установлено, что культ Гэсэра включил в себя разные традиционные формы шаманистских верований и буддийских элементов, что способствовало становлению Гэсэра как объекта культового почитания, к которому люди обращались с мольбами и просьбами о помощи и спасении, об избавлении от злых духов и болезней, об удаче и содействии в делах, для которых он стал универсальным, охранным, защитным божеством.

Ключевые слова: эпос Гэсэр, Тибет, обрядовые сочинения, культ Гэсэра, монголоязычные обрядовые тексты

Вводная часть. Испокон веков традиционным способом передачи знаменитого героического эпоса Гэсэр был устный, по памяти передавался знатоками Гэсэра – гэсэршинами (улигершинами) из поколения в поколение. Устная традиция передачи эпоса на тибетском и монгольском языках ещё сохранилась в некоторых регионах КНР и Монголии, хотя и находится под угрозой исчезновения и/или изменений. Письменная же печатная версия на монгольском языке появилась относительно поздно, только три века назад – в 1716 году. Её активно используют современные исполнители Гэсэра во Внутренней Монголии.

Об эпосе «Гэсэр-хан» и исполнителях эпоса. Удивителен тот факт, что сказители могли сохранять в памяти и исполнять на протяжении многих дней и часов самое большое в мире произведение эпического жанра. Так, для исполнения бурятской версии Гэсэра понадобилось бы 15 дней [2, с. 162–163]. По признанию некоторых исполнителей тибетского Гэсэра, которых часто называют скази-

© Ц. П. Ванчикова, 2017

телями-прорицателями, тем самым подразумевая, что они получают вдохновение от всевышнего, происходит это чаще всего во сне. Монгольские же сказители большей частью учились исполнению эпоса от своих наставников-гэсэршинов.

Согласно данным многолетних полевых работ в Тибете и среди монголов КНР к 1998 году[1] было выявлено 134 тибетских исполнителя и 56 – монгольских. Из 134 тибетских исполнителей 45 проживали в Тибете, 73 – в Цинхае, 4 – в Ганьсу, 6 – в Сычуане, 6 – в Юннани. Из 56 монгольских исполнителей 13 – проживали в Цинхае, 28 – в Синьцзяне, 10 – во Внутренней Монголии, 3 – в Ляонине, 2 – в Ганьсу. Каждый из них мог пропеть одну или несколько глав [11, с. 422].

Об этом упомянул в своих дневниках Б. Б. Барадин: «“Гэсэр лу” [ge sar glu], т. е. “Песни о Гэсэре”… [получил] эту книгу от одного ламы монастыря Цзу (на ю[го-]в[остоке] от Лаврана)… он рассказал мне, что у него на родине, в Рэбгоне, в деревнях по вечерам собираются молодые и старики, женщины и дети слушать эту поэму. Они из своей среды находят искусного чтеца, который декламирует и поёт поэму до глубокой ночи перед слушателями. Очевидно, что эта героическая поэма как нельзя лучше отвечала душе воинственных сынов Амдо» [1, с. 238–239].

Культ Гэсэра в Тибете. В Тибете, особенно в Восточном, исполнение песен и отрывков из Гэсэра имело охранное и сакральное значение. Как пишет А. Дэвид-Нил, переведшая на французский язык тибетский вариант Гэсэра, в пустыне, где жили воинствующие племена разбойников-голоков, она видела всадников, громко распевающих фрагменты из эпоса. Они считали, что исполнение песен даст им непобедимую силу, которая поможет преодолеть опасные места. А. Дэвид-Нил приводит в своей работе несколько легенд о чудесах, связанных с исполнением эпоса и обращением к Гэсэру. Так, например, набожные певцы, обращаясь с молитвами к Гэсэру, смогли пройти невидимыми среди врагов, которые лежали в засаде в ожидании их; другие, уносимые потоком воды при переправе через реку, почувствовали аркан, протянутый им невидимой рукой, которая вытянула их к берегу и спасла [8]. Поэтому у населения Восточного Тибета чтение и слушание эпоса Гэсэра пользуется одинаковым пиететом, как и чтение священных буддийских текстов, в связи с чем объяснимо и появление специального культа Гэсэра и обрядовых текстов. Исполнению эпоса обязательно предшествовал обряд воскурения благовоний и чтение молитв-обращений к Гэсэру.

Целью данной работы является выявление особенностей культа Гэсэра и специфики его бытования в монгольской среде через обрядовые тексты, в связи с этим были поставлены задачи: выявить корпус обрядовых текстов, осуществить их жанровую систематизацию, установить наиболее популярные тексты, а следовательно, выявить наиболее распространённые обряды, на основе перевода на русский язык, комментирования и анализа сочинения «Подношение воскурений Гэсэр-хану» как источника по изучению культа Гэсэра, выявить особенности мировоззрения и восприятия Гэсэра кочевниками.

Методологической основой статьи стали принципы исторического, компаративистского и междисциплинарного анализа. Были использованы методы источниковедческого и текстологического описания текстов, аналитического сопоставления, их структурной и содержательной классификации, что позволило выявить особенности бытования культа Гэсэра среди монголоязычных народов по результатам анализа письменных текстов на монгольском языке.

К истории изучения. Самые ранние обрядовые тексты культа Гэсэра на монгольском языке, написанные на берёсте примерно в 1600-е годы, в начале XVII века, были обнаружены в 1970 году. Х. Пэрлээ и Е. В. Шавкуновым в буддийской ступе недалеко от развалин древнего города Харбухын балгас [6, с. 9], т. е. из данного факта следует, что обрядовые тексты существовали задолго до появления печатной версии Гэсэра 1716 года.

В 1958 году улан-баторские обрядовые тексты сан-воскурений Гэсэру на монгольском языке были исследованы Б. Ринченом в статье, посвященной культу Гэсэра, в которой он дал краткую источниковедческую характеристику сочинений этого жанра, привел таблицу соответствия содержания 6 сочинений, опубликовал 4 текста «сан» в транслитерации и факсимиле трёх из них [10]. В. Хайссиг в своей книге «Монгольские народно-религиозные и фольклорные тексты» опубликовал

[1] С 1984 года в КНР, после создания специальной комиссии по изучению эпоса «Гэсэр», найдено, изучено и опубликовано несколько десятков разных версий “Гэсэра”. Китайской исследовательницей Ян Эн-хун издано несколько работ, посвящённых тибетским версиям и исполнителям эпоса (см. список литературы). В последнее десятилетие были собраны и изданы все письменные версии монгольского Гэсэра сотрудниками Института литератур народов Китая Академии общественных наук КНР.

4 текста в транслитерации с небольшой вступительной статьёй и разночтениями [9].

Обрядовые тексты культа Гэсэра. Поскольку считается, что эпос Гэсэра имеет божественное происхождение и исполняется людьми, наделенными особыми способностями, то и само исполнение эпоса начиналось с особых обрядовых действий, чаще всего с воскурения благовоний и чтения молитв – призывания Гэсэра, которые и сохранились до нашего времени. В целом тексты воскурения благовоний сан читались и читаются во время обрядов подношения самым разным божествам, духам, покровителям и т. д. с просьбой снизойти к обращающимся и после принятия их приглашения и подношения оказать им покровительство и благосклонность. Эти тексты читались как мирянами-верующими, так и монахами во время ритуалов чога *(bsangs cho ga)*. Благовония *(bsangs rdzas)*[1] входят в число восьми главных подношений божествам: нектар для питья, вода для омовения, цветы, свет, аромат, пища, музыка. Ритуал подношения благовоний являлся и является одним из обязательных элементов всех богослужений, как монастырских, так и светских[2].

Источники по изучению культа Гэсэра. Сохранившиеся обрядовые тексты на монгольском языке могут стать ценным источником для изучения и реконструкции истории формирования религиозного культа Гэсэра среди монголоязычных народов. Это обрядовые тексты разных жанров: *Geser-ün sang*[3] («Воскурение благовоний Гэсэру»), *Geser-ün irügel* («Гимн-восхваление Гэсэра»), *Mergen tölge-nü sudur* («Гадательная сутра Гэсэр-хана»), *Arban jüg-ün ejen ačitu Geser qaγan-u ebečin adus daraγči γangga neretu sudur orusiba* («Сутра благодетельного Гэсэр-хана, повелителя 10 сторон, именуемая “Ганга”, подавляющая болезни и злых духов») и т. п., которые в Тибете и Монголии использовались при совершении обрядов.

В монгольском фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН нами обнаружено 14 небольших рукописных сочинений, посвящённых Гэсэру, в которых по количеству (11 ед.) наиболее полно представлена группа обрядовых текстов сан – *Geser boγda-yin sang* – «Воскурение благовоний святейшему Гэсэру», из них один текст на ойратской письменности[4]. Два других текста: 1) «Гадательная сутра Гэсэр-хана» (на 6 л.)[5] и 2) фрагменты обрядового сочинения «Сутра благодетельного Гэсэр-хана, повелителя 10 сторон, именуемая “Ганга”, подавляющая болезни и злых духов»[6] – являются библиографическими редкостями. Кроме того, есть небольшой текст молитв (3 ff.), восхваляющих Гэсэра, схожий с текстами монгольских гимнов-магталов.

Практически все тексты несут следы буддийского влияния, в них встречается много слов тибетского происхождения, буддийских имен и терминов, что может говорить о том, что они возможно были когда-то переведены на монгольский с тибетского языка и что они были написаны во второй период распространения буддизма в Монголии, т. е. в XVI–XVII века, если судить по тому, что в них встречаются архаичные формы написания монгольских слов и устаревшие грамматические формы.

Характеристика сочинения «Воскурение Гэсэр-хану». «Воскурение Гэсэр-хану» [Geser qaγan-u sang orusiba, № БМ 607] может считаться самым интересным из текстов нашего фонда, как по форме, так и по содержанию. Данная рукопись «Воскурение Гэсэр-хану» является также одним из ярких образцов монгольской литературной и фольклорной традиции. К сожалению, в ней нет упоминания ни имени его автора, ни указания на время и место составления или написания. В рукописи содержатся сведения, отсутствующие в опубликованных сочинениях этого жанра. Она имеет стройную композиционную структуру.

---

[1] Благовония изготавливаются из набора нескольких ароматических растений и смол в разных комплектациях, например, разных видов можжевельника, сандала, багульника, чабреца, белой полыни, листьев багульника, листьев дерева бодхи и т. д.

[2] Помимо умилостивительных функций подношение воскурений используется и в качестве очистительного ритуала. Считается, что дым, исходящий от сжигания благовоний, очищает от всяческих загрязнений и скверны.

[3] От тиб. *bsangs* – «очищать» (монг. *ubsang, sang*).

[4] *Geseryin sang* – данное сочинение находится на листах с 7 v (8) по 11 v. (16) вместе с другими текстами санг в рукописи под № БМ 587: *šara Zambalin sang, Altayin sang, Geseryin sang, čaγan öbügöni* sang (всего f. 15 г.).

[5] БМ 603: Boγda Geser qaγan-u mergen tölgen-ü sudur orusiba, рук., f. 6 г.

[6] М III 117: под этим номером объединены фрагменты двух вариантов: «А» – лист рукописи под названием *Arban jüg-ün ejen ačitu Geser qaγan-u ebečin adus daragči gangga neretü sudur orusiba* (2 л.); «В» – один лист рукописи под названием *Geser qaγan-u γang-γan-u sudur orsiba*. Вариант «А» интересен тем, что в нём Гэсэр прямо называется божеством: *ačitu Geser qaγan burqan-a mörgümu* (I v. 6). Известно о наличии рукописи под названием *γangγ-a* – «Ганг-а», которая хранится в ИВР РАН в коллекции, привезённой Ц. Жамцарано из Ордоса под номером «Коллекция Жамцарано 1911 г. no. 888, № 25-А 37». Н. Н. Поппе сообщает, что в ней содержатся указания на причины разных несчастий и просьбы об избавлении от злых духов и от болезней [3, с. 200].

Краткое содержание данного сочинения таково:

л. 1 – титульный лист с названием сочинения;

2–3: молитвы к Гэсэр-хану, который назван сыном святого Тушиту-тэнгри и сыном Хормуста-тэнгри;

3-5: традиционное обращение к Гэсэру, обычное для остальных текстов санг и для монгольского варианта эпоса «Гэсэр»;

6–7: призывание, восхваления и слова поклонения богатырям – спутникам Гэсэра, его волшебному скакуну, восхваление воинских доспехов и одеяния Гэсэра;

11–17: восхваление героических подвигов Гэсэра, начиная с первого года его жизни и до его 15-летнего возраста. Эта часть одна из наиболее интересных, поскольку она отсутствует во всех известных нам текстах *санг*; в ней, кроме того, перечислены отдельные деяния Гэсэра, не встречающиеся в монгольском письменном варианте эпоса и в устных бурятских;

17–21: восхваление Гэсэра, боровшегося с врагами буддийского учения и с небуддистами, осветившего тьму невежества и показавшего путь 10 белых добродеяний;

22–27: обращение к Гэсэру с просьбой об исполнении всех желаний, подавлении врагов и злых духов, избавлении от опасностей и болезней, обеспечении долголетия и благосостояния, благословения всех родственников;

29–34: заключительная часть содержит текст близкий по содержанию и композиции монгольским текстам *dalalγ-a* (даллага), в которых испрашиваются благополучие, благосостояние, удача, успешная охота, торговля и т. д.

Монгольские тексты культа Гэсэра представляют только немногую часть текстов его культа, известных на тибетском языке. Так, например, в списке сочинений 7 тибетских авторов, имеющих сочинения, посвящённые Гэсэру, упоминается несколько сотен работ, написанных в основном в XIX веке [5, с. 283–285]. Наличие такого количества сочинений подразумевает возможность существования прямых переводов на монгольский язык. Тем не менее, рассматриваемое сочинение не является переводом с тибетского языка. Оно написано монгольским автором, что подтверждается рядом сведений из самого текста. Например, следующим отрывком: «Соизволь пожаловать счастья всех учений из Индии и Тибета! Соизволь пожаловать счастья богатства разного рода из Непала, Тибета и Китая!» – *enedkeg töbed-ün orun-ača qamuγ šajin nom-un kešig-i qayirlan soyurq-a. Balba töbed kitad-yin orun-ača ed bügüde-yin kešig qayirla* (13 v.). То есть автор-монгол испрашивает счастья и благополучия из Индии, Тибета, Китая и Непала для Монголии. Также интересен тот факт, что Гэсэр-хан называется «эдзэном» (владыкой) Монголии: «Мой мудрейший хан Гэсэр-богдо, хозяин Дзамбудвипы, воплощение всевозможных божеств, имеющий тело непоколебимой храбрости из драгоценного топаза, покоривший страну монголов, продли мою жизнь!» – *Mongγol ulus-i ejelsen moqus ügei joriγtu molor erdeni-yin laγšan-du qamuγ burqad-un qubilγan čambutib-un ejen boγda geser mergen qan minu ami nasun-i minü urta bolγ-a 9 v.*

Просьбы, с которыми автор обращается к Гэсэру, отражают духовные и практические ценности народа-кочевника: покровительствовать над народом, живущим в войлочных юртах; защитить пять видов животных *(terge saγuqu ger-ün bükü kümün-ü beyes kiged tabun qosiγu mal-i minü üi tümen dabqur küriyelen adisadla 8a)*; уберечь скот от волков, от жажды и бескормицы, защитить скот от волков и краж и преумножить его *(Ede mal-dur minü γang jud ba qour qomas bolγaγči (10 v.) jedker nuγud kiged činu-a qulaγai-yin könegel-i oγuγata arilγaji tüg tüme bolγan ösge)*; наградить счастьем иметь сына *(tegüs bayasqulang-tu köbegün-ü kešig-i qayirlan soyurq-a)*; удачи и прибыли в торговле, охоте и военных походах *(qudalduγan-du odqu-dur minü ašiγ tus nemegülün ayan-a odqu-dur minü aliba oljan-dur učaraγul. Alban odqu-dur aliba ariyatan görügesün-i (11 v.) erisügei minü emün-e quriyaju qayiralan sourq-a. Qurui qurui)* и т. д.

Это единственный из известных нам текстов «Воскурения фимиама Гэсэру», в котором он объединён вместе с текстом «далга» – текстом, используемым для проведения специальной службы призывания счастья и благополучия с соблюдением ряда условий: точности совершения обряда, соблюдения чистоты места проведения. Содержание культовых текстов показывает, что совершались как отдельные обряды Гэсэр-хана, так и обряды, смешанные с элементами обрядов далга – призывания благополучия; магтаалами – гимнами-восхвалениями; гаданиями, предсказаниями и защитой жизни. Данные тексты читались и как самостоятельные молитвы, а также использовались в качестве зачина-вступления перед началом исполнения самого эпоса «Гэсэр».

Итак, наиболее распространёнными были обрядовые тексты подношения и вос-

курения благовоний *(bsangs)* Гэсэру и тексты-молитвы, испрашивающие благополучие и удачу. По композиции эти тексты сходны: они состоят из вступительных обращений и молитв, основной части и заключительной. Тексты сан наиболее ярко отражают культ Гэсэра, в котором чётко виден их синкретичный характер, что они составлены на основе ассимиляции и трансформации более ранних традиционных автохтонных верований, таких как, например, культ местных горных божеств.

В заключение, подводя некоторые итоги анализа обрядовых сочинений, связанных с культом Гэсэра, можно сказать, что функции Гэсэра (приносить удачу во время охоты, *в торговле, защищать домашний скот и семью от опасностей разных видов, особенно от врагов, подавлять врагов, способствовать счастью, благополучию*, богатству, рождению детей, пре*умножению скота и т. д.) совпадают с мифологическими функциями божеств горных вершин Далха, поэтому у них схожий иконографический образ – в виде воинов-богатырей.* По сходству функций либо внешнему облику воплощения Гэсэра (или его чудесного скакуна) близки ряду персонажей буддийского пантеона; предстаёт как божество войны Гэсэр (тиб. *Далха*, монг. *Дайсун тэнгри* или *Дайчин-тэнгри*) иногда отождествляется с Джамсараном. Более поздним (с конца XVIII века) является отождествление Гэсэра с богом войны в китайской мифологии – Гуань-ди, с которым были связаны китайские храмы Гэсэра, расположенные на территории Монголии и в китайском торговом квартале Маймачен близ Кяхты.

Судя по широкому распространению разных обрядовых текстов, связанных с культом Гэсэра, и их содержанию, можно сказать, что культ Гэсэра был широко распространён среди монгольских народов, что он включил в себя почти все традиционные обряды, бытовавшие среди них, такие как предсказания, призывания, восхваления, поклонения и молитвы. Эти тексты содержат в себе природные и географические реалии жизни, культуры и мировоззрения, обыденные ценности кочевников, унаследованные ими и передававшиеся от поколения к поколению, в них нашли отражение как этнические особенности народов ареала распространения эпоса, так и элементы традиционных родоплеменных, шаманских и буддийских верований.

Эти небольшие по объёму сочинения содержат уникальные сведения, подтверждающие факт полисемантичности культа Гэсэра, его синкретичность, которые формировались на протяжении длительного времени. Культ Гэсэра отражает в себе разные стадии социально-политической истории кочевых народов. Тексты сан еще раз подтверждают факт существования тесных культурных, духовных и экономических связей между разными народами в разные периоды истории; доказывают, что монголы никогда не жили обособленно и что они творчески адаптировали культурные и духовные ценности индо-иранского, тибето-китайского, буддийского, христианского и других народов, создавали свои собственные шедевры высокой художественной ценности. Ярким свидетельством тому является рассмотренное сочинение. В ходе анализа содержания культовых сочинений выяснилось, что Гэсэр, эпический герой, избавитель и спаситель своего края от злых демонов и разных напастей, стал для тибетцев и монголоязычных народов объектом культового почитания, к которому обращались с мольбами и просьбами о помощи и спасении, об избавлении от злых духов и болезней, об удаче и содействии в делах, для которых он стал универсальным, охранным, защитным божеством.

Список литературы

1. Барадин Базар. Жизнь в тангутском монастыре Лавран. Дневники буддийского паломника 1906–1907 гг. / подгот. к публ., введ., коммент. Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ; Улан-Батор, 1999. 293 с.

2. Жамцарано Цыбен. Путевые дневники 1903–1907 гг. / сост. Ц. П. Ванчикова, В. Ц. Лыксокова, И. В. Кульганек. Улан-Удэ: Респ.тип., 2011. 264 с.

3. Поппе Н. Н. Описание монгольских «шаманистических» рукописей Института Востоковедения // Зап. Ин-та востоковедения. 1932. № 1. С. 151–200.

4. Рерих Ю. Н. Сказание о царе Кесаре Лингском // Декоративное искусство: диалог истории и культуры. 1995. № 1–2. С. 72–81.

5. Forgues Gregory. Materials for the study of Gesar Practices. Diplomarbeit. Universitat Wien, 2011. 412 p.

6. Chiodo E. The Mongolian Manuscripts on Birch Bark from Xarbuxyn Balgas in the Collection of the Mongolian Academy of Sciences. Part 1. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2000. 305 p.

7. Gereljab. The Mongolian Version of Geser in China // The Comprehensive Collection of Geser / ed. by Zhao Bingli. Lanzhou: Gansu National Publishing House, 1994. Vol. 4. P. 23–24.

8. David-Neel A., Lama Yondon. La vie Surhumaine de Guésar de Ling le Héros Thibétain. Racontée par les bardes de son pays preface from Sylvain Lévi, with the collaboration of Lama Yongden translation. Paris, 1931. 400 p.

9. Heissig W. Mongolische volksreligiose und folkloristische Texte. Wiesbaden, 1966. P. 23–29, 140–150.

10. Rintchen B. En marge du culte de Guesser Khan en Mongolie // JSFOu. Vol. 60, fasc. 4. P. 26–39.

11. Yang Enhong. A Comparative Study of the Singing Styles of Mongolian and Tibetan Geser // Oral tradition / Gesar Artists. 1998. No. 13. P. 422–434.

12. Yang Enhong. Folk gods of poetry: Studies of Gesar artists. Beijing: China Tibetan Studies Publishing house, 1995. 376 p.

13. Yang Enhong. Gesar. An Epic of One of China's Minority Peoples. Hangzhou, Zhejiang Education Publishing House. 1995. March. 201 p. (Chinese Folk Culture Series).

Статья поступила в редакцию 15.01.2017; принята к публикации 15.02.2017

Библиографическое описание статьи

Ванчикова Ц. П. О культе Гэсэра по обрядовым текстам на монгольском языке // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 145–151. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-145-151.

Tsymzhit P. Vanchikova,
Doctor of History, Professor,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 670041, Russia),
e-mail: vanchikova_ts@mail.ru

The Cult of Geser in Mongolian Ritual Texts

The aim of this article is to convey an analysis of several religious texts in old Mongolian script connected with Geser and to give detailed analysis of the work "The Offering of incense to Geser Khan" as a source for the study of the cult of Geser – a literary hero, whose life and deeds are described in the epic "Geser-Khan", one of the largest epics in the world's literary heritage, which traditions of transmission have been preserved until the present time and are still alive among the Tibetans and the Mongols of China. Epic tales of Geser were very popular and widespread among the peoples of Central Asia and they have preserved their ethnic and regional features. They have been passed through from generation to generation in two ways: through oral tradition and through the printed or handwritten version. Despite the fact of more than two centuries of studying the epic, many of the issues related to the history of its origin, relationships between the different versions, editions, some of the least explored are the issues related to the emergence of the cult of Geser, how and why the hero of the epic became the object of religious veneration. In this regard, this paper is a preliminary attempt to answer these questions. Several Mongolian ritual texts of his cult are identified and examined for the first time. It was found that they contain sufficient information base, testifying the polysemanticity and syncretic character of cult of Geser Khan's veneration. The cult of offering incense was the most common ritual. It was also found out that the cult of Geser included different traditional forms of shamanistic beliefs and Buddhist elements that contributed greatly to making Gesar the object of cult worship to whom the people addressed with prayers and requests for the help and salvation, deliverance from evil spirits and diseases, asking for good luck and assistance, for which he had become a universal and protective deity.

Keywords: Geser epic, Tibet, ritual texts, the cult Geser, Mongolian ritual texts

References

1. Baradin Bazar. Zhizn' v tangutskom monastyre Lavran. Dnevniki buddiiskogo palomnika 1906–1907 gg. / podgot. k publ., vved., komment. Ts. P. Vanchikovoi. Ulan-Ude; Ulan-Bator, 1999. 293 s.

2. Zhamtsarano Tsyben. Putevye dnevniki 1903–1907 gg. / sost. Ts. P. Vanchikova, V. Ts. Lyksokova, I. V. Kul'ganek. Ulan-Ude: Resp.tip., 2011. 264 s.

3. Poppe N. N. Opisanie mongol'skikh «shamanisticheskikh» rukopisei Instituta Vostokovedeniya // Zap. In-ta vostokovedeniya. 1932. № 1. S. 151–200.

4. Rerikh Yu. N. Skazanie o tsare Kesare Lingskom // Dekorativnoe iskusstvo: dialog istorii i kul'tury. 1995. № 1–2. S. 72–81.

5. Forgues Gregory. Materials for the study of Gesar Practices. Diplomarbeit. Universitat Wien, 2011. 412 p.

6. Chiodo E. The Mongolian Manuscripts on Birch Bark from Xarbuxyn Balgas in the Collection of the Mongolian Academy of Sciences. Part 1. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2000. 305 p.

7. Gereljab. The Mongolian Version of Geser in China // The Comprehensive Collection of Geser / ed. by Zhao Bingli. Lanzhou: Gansu National Publishing House, 1994. Vol. 4. P. 23–24.

8. David-Neel A., Lama Yondon. La vie Surhumaine de Guésar de Ling le Héros Thibétain. Racontée par les bardes de son pays preface from Sylvain Lévi, with the collaboration of Lama Yongden translation. Paris, 1931. 400 p.

9. Heissig W. Mongolische volksreligiose und folkloristische Texte. Wiesbaden, 1966. P. 23–29, 140–150.

10. Rintchen B. En marge du culte de Guesser Khan en Mongolie // JSFOu. Vol. 60, fasc. 4. P. 26–39.

11. Yang Enhong. A Comparative Study of the Singing Styles of Mongolian and Tibetan Geser // Oral tradition / Gesar Artists. 1998. No. 13. P. 422–434.

12. Yang Enhong. Folk gods of poetry: Studies of Gesar artists. Beijing: China Tibetan Studies Publishing house, 1995. 376 p.

13. Yang Enhong. Gesar. An Epic of One of China's Minority Peoples. Hangzhou, Zhejiang Education Publishing House. 1995. March. 201 p. (Chinese Folk Culture Series).

Received: January 15, 2017; accepted for publication February 15, 2017

Reference to the article

Vanchikova Ts. P. The Cult of Geser in Mongolian Ritual Texts // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 145–151. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-145-151.

http://www.zabvektor.com ISSN 1996-7853 ISSN 2542-0038 (Online)

УДК 81'373.2; 811.512.31
DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-152-162

Раиса Гандыбаловна Жамсаранова,
доктор филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: rebeca_zab@mail.ru

Концептуальная семантика ономаконцепта *волк*

Статья посвящена актуальному для ономасиологии описанию методики этимологического анализа этнонима *монгол*. Посредством введения нового термина *ономаконцепт*, при анализе его структуры выявляется концептуальная семантика этнонима. Ономаконцепт как тип лингвокультурного концепта способен «развернуть» до-этнонимное и собственно этнонимное значение исследуемого онима. Конструирование концептуальной сферы родоплеменного имени при помощи концептуального анализа позволило, во-первых, установить этимологическое значение онима, во-вторых, смоделировать концептосферу номадного сознания. Методика исследования структуры ономаконцепта базируется на применении следующих основных методик: метода концептуального анализа; метода компонентного анализа, позволяющего изучить словарные дефиниции ономаконцепта; ономасиологического метода, описывающего этнокультурный и этноисторический фон концепта, семасиологического метода и др. Комплексная методика анализа онимической лексики позволила максимально полно восстановить систему архаичных ментальных установок, рефлексий, мировоззренческую систему средневекового номадизма. Лингвоконцептуальное описание номадной языковой картины мира позволило реконструировать ментальные установки языковой картины мира номадов в эпоху становления алтайских языков. Концептуальный анализ этнонимов с опорой на корпус апеллятивной лексики монгольских и самодийских – типологически неродственных языков – выявил типологически схожие явления в семантике исследуемых языков.

***Ключевые слова**:* этноним *монгол*, ономаконцепт волк, ономасиологический метод, концептуальная семантика, номадная языковая картина мира

Вводная часть. Изучение ономастической лексики как системы родоплеменных имён собственных сопряжено с объективной проблематикой их восприятия как языковых текстов, «созданных» языком и сознанием давно ушедших в небытие племён, народов, родовых объединений. Познание смысла и значения этнонимов представляет в ономастике достаточно сложную задачу. Предложенный качественно новый подход к анализу этнонимии – концептуальный – способствует более объективному определению значения этнонима.

Анализ номадной концептосферы, воссоздаваемой на ономастическом материале, обнаруживает наличие концептов, актуальных для диахронного сознания. С этой целью предложен новый термин *ономаконцепт* как языковая единица номадной концептосферы [7, с.12].

Изучение языка с позиции когнитивной лингвистики в XXI веке определяет восприятие языка как знаковой квинтэссенции национальной культуры с её логическим началом, лежащим «на поверхности», т. е. видимым и очевидным и с пралогической сутью в виде скрытого и закодированного символьного знака. Основной постулат когнитивной лингвистики – это вопрос установления зависимостей и соотношений в когнитивной цепочке «разум (сознание) – язык – репрезентация – концептуализация – категоризация – восприятие» [15, с. 34].

Ономаконцепт – это комплекс структурно-системных свойств, признаков и качеств и лингвокультурного концепта, и лингвоконцепта, где последний обусловлен знаковым характером языковой единицы – этнонима. Ономаконцепт имеет знаковый характер, а потому существенна роль концептуальной метафоры и концептуальной метонимии, как основных принципов в номинативной практике средневекового сознания. Восприятие ономаконцепта как синтез основных типов концептов позволяет определить его вслед за С. Г. Воркачевым как «ментальное образование синтезирующего типа, пришедшее на смену представлению, понятию и значению и включившее их в себя в форме соответствующих составляющих – понятийной, образной, ценностной и значимостной, каждая из кото-

© Р. Г. Жамсаранова, 2017

рых соотносится по-своему со “знаковым телом” концепта» [4, с.10].

Данные о методологии и методики исследования. В статье основное внимание уделяется описанию методики извлечения концептуальной семантики ономаконцепта *волк* на примере анализа этнонима *монгол*. В основу предлагаемой методики легло положение о существенной роли сигнификативного значения слова. Так, при определении номинативных принципов основных понятий древнегерманской модели мира, Т. В. Топорова уделяет основное внимание извлечению сигнификативного значения, а не денотативному, как значению, лежащему «на поверхности», или референтному значению апеллятива. Данный подход согласуется с предлагаемой методикой поисков концептуального значения этнонима кочевых племён, связанного именно с сигнификативным значением апеллятива как имени концепта.

Т. В. Топорова пишет: «Проникновение к истокам формирования понятия в конечном счёте предполагает обращение к субъекту языка, его архаической логике и языковому сознанию, запечатлённому в семантических мотивировках, актуальных для определённой эпохи» [24, с. 6], что объективно и в отношении древнего сознания номада.

Вслед за А. Вежбицкой, Л. Г. Бабенко метод концептуального анализа понимается нами как выявление и описание смыслов, заключённых в вербальных артефактах языка [1, с. 83; 3, с. 37]. Концептуальный анализ – это выявление парадигмы культурно значимых концептов и описание их концептосферы, по мнению А. Вежбицкой. Л. Г. Бабенко включает ряд исследовательских процедур – выявление набора ключевых слов текста; описание обозначаемого ими концептуального пространства; определение базового концепта [1, с.83]. Эти методики существенны и для исследования ономаконцепта.

Значимым является метод компонентного анализа. О. А. Ипанова, опираясь на предыдущие труды М. В. Пименовой по методике концептуальных исследований [см.: 17, с. 100–105; 18, с. 13–15], обобщает этапы исследования лингвокультурного концепта, где значимыми для данной статьи являются этапы этимологического анализа онима, этап описания словарных дефиниций слова – имени концепта, этап определения концептуальной метафоры, этап описания национально-культурного понимания концепта в национальной языковой картине мира [см.: 11, с. 13].

При анализе ономаконцепта *волк* как одного из основных ономаконцептов в системе номадной концептосферы предпринят комплекс вышеуказанных методов и частных методик.

Результаты исследования. Структурно ономаконцепт состоит из нескольких слоёв, или сегментов, которые соотносятся с языком, этнографическими знаниями и историческими событиями этнического прошлого. Последние два сегмента компилятивного характера из разного рода этнографических и исторических источников доказывают этнолингвистическое происхождение этнонима в плане этногенетической преемственности средневековых этнонимов (и народов, известных под этими названиями) с современными народностями Сибири и России в целом.

Известно, что этноним имеет два плана значения как имени собственного – до-этнонимное и собственно этнонимное, которые, как оказалось, могут принадлежать по языку к разным этническим сообществам. Собственно этнонимное значение, как этнонима, так и ономаконцепта, тесно связано с этнокультурными особенностями современных народов как преемников средневековых племенных объединений Центральной Азии. До-этнонимное значение этнонима, как и ономаконцепта, связано с концептуальным значением имени собственного. Учитывая объективность функционирования этнонима в исторически обозримом прошлом народов Азии, можно допустить участие иного языка, нежели только монгольских или других языков алтайской языковой семьи.

До-этнонимное значение онима – это вербализованная концептуальная семантика этнонима, заключённая в ядре ономаконцепта. Реконструкция ономаконцепта диахронного коллективного сознания позволяет воспринимать этот тип концепта как концепт ограниченный сознанием, имевший локальное распространение, определённый набор конкретных мотивировочных признаков, актуальных для сознания людей давно ушедших эпох.

Структурно ономаконцепт состоит из ядра, состоящего в отдельных случаях из трёх или двух вершин, окутанных «пучком» ассоциативных представлений, понятий и образов, обусловленных культурным фоном языкового сознания номада. Вершины ономаконцепта – это смысловые константы сознания, воссоздать которые можно, с одной стороны, собственно денонотативным зна-

чением онима, а с другой – концептуальным значением этнонима как языкового знака.

Концептуальное значение представляет собой явление когнитивного сознания человека [см.: 23, с. 65–70], оно намного объёмнее языкового значения, что требует в исследовательском плане иного подхода и использования других терминов и понятий. С одной стороны, концептуальное значение «закодировано» в виде метафорически и метонимически обусловленных значений. С другой – концептуальное значение ономаконцепта как языкового знака обусловлено сигнификативным значением ономаконцепта.

Сигнификативное значение имеет в своём поле этнокультурно обусловленные архетипы, передаваемые посредством архисемы. В эпическом наследии народа – это мифологемы и мифические образы. Сигнификат – это более высокий уровень в смысловом понятийном поле ономаконцепта как языкового знака, как и архисема – в сигнификативном значении языковой единицы. Этими положениями и обусловлена многовершинность ономаконцепта, некоторые из которых эксплицированы как мифологема, метафора или метонимически обусловленный образ, другие пока «затемнены» (т. е. утрачены), третьи представлены в качестве архисем. Восприятие этнонима как знака-символа связано, во-первых, с тем, что знаковый подход к интерпретации онима позволяет выделить план содержания, направленный и соотносящийся с «будущим». Это означает, что этноним в племенном сознании воспринимался в аспекте грамматикализации как оптатив и императив/дезидератив, т. е. как «пожелательное» имя (да будет X таким!). Во-вторых, подобное представление этнонима в исследовательских целях позволяет выявить как референциальные признаки онима как языкового знака, так и его сигнификативное значение.

Как любой концепт, ономаконцепт состоит, по определению Ю. С. Степанова, из активного (актуального) слоя признаков и пассивного как дополнительного информативного фонда, освоенного только некоторыми социальными группами [22]. Активный/актуальный слой признаков очевиден для всех пользующихся языком и осознаётся всеми носителями языка или языков.

Воссоздание пассивного признакового слоя возможно при адекватной интерпретации сигнификата, т. е. выявлении архисемы, смысловое содержание которой дополнено архетипом архаически-культурного сознания номада. Пассивный слой ономаконцепта заключает в себе этноисторическую и этнокультурную информацию, необходимую для этнокультурных, этногенетических, языковых и исторических исследований.

Обсуждение результатов. Этноним *монгол*, как в ономастике, так и в монголоведении, не имеет признанного всеми этимологического объяснения. Описание семантического поля этнонима как языкового знака позволило отнести имя *Монгол* к ряду лингвокультурного концепта *тотемный первопредок* [9, с. 153–190]. Во-первых, согласно предлагаемой методике исследования ономаконцепта удалось установить этимологическое значение (этимологию слова – имени концепта) онима *монгол* как отапеллятивное *teäng* – «собака/волк» – из лексики койбальского языка. Койбальский язык – это исчезнувший северно-самодийский язык. Койбалы как племя к XIX веку были частично тюркизированы, а затем и русифицированы. И. Георги, описывая койбалов, отмечает, что по внешности они похожи «…больше на семоядское нежели на татарское. Язык их есть также смешанное со многими татарскими словами семоядское наречие», занимаются в основном скотоводством и кочуют в «подвижных» юртах, содержат лошадей, овец и верблюдов. А также это охотники, «…занимаются звериным промыслом в силу его прибыточности». Женщины по одежде похожи на монголок: «койбалки носят косы и шапки по примеру моголок» [5, с. 294]. К «семоядским народам», т. е. самоедам, И. Георги относит помимо самих самоедов и койбалов маторов и сойотов, малочисленных камасинцев, тубинцев, карагасов и другие группы «отякских поколений» [Там же].

В. В. Радлов отмечал, что так называемые абаканские татары XVII–XVIII веков – это «пёстрая смесь различных племён, среди которых есть и койбалы» [19, с. 225–226]. Учёный указывал на чрезвычайно развитую эпическую поэзию койбалов. Это и стихотворные сказки, и героический эпос, как «подлинно поэтическое восприятие мира», имеющее мало общего с религиозными воззрениями шаманизма [Там же, с. 245–246]. А. Д. Каксин описывает койбальский говор в хакасском языке как исчезающий [14, с. 58–61].

Во-вторых, лингвистическая интерпретация этнонима *монгол* позволила сопоставить этноним с именованием загадочного государства «пёсьеголовых» людей Гоу-Го (переводимое как «собака-государство», т. е. государство людей-собак), где наличие морфемы -го(л) трактуется нами вслед за мнением

Т. Д. Скрынниковой как китайский апеллятив го – *государство* [32]. Вероятно, что экзонимное *никан*, или *Никанское царство пьёсеголовых людей*, *Монгол Улус и Гоу-Го* – это соционимы, или политонимы одного и того же государственного объединения номадных племён Центральной Азии [10, с. 41–49]. Обозначенные положения обусловлены тезисом о природе происхождения этнонима, связанного, как обнаружилось, с совершенно иным, нежели алтайские, языком, а именно, с самодийским.

Проблемным представляется лингвистическое пояснение перехода койбальского апеллятива *teäng* – «собака/волк» в этнонимное *монгол*. Напомним, что исследователями на основе изученных китайских хроник даются разные формы племенного названия: *мэн-у ши-вэй* (монголы-шивэй, *meng-gγγ*), *мэн-ва бу* (племя мэн-ва, *meng-wu*), *мангуцзы*, или *монгус* (мэн-гу-сы, *mon*γu*s*) (работы Н. Ц. Мункуева, Е. И. Кычанова, Н. Н. Крадина, Т. Д. Скрынниковой и др.). Полагаем, что в структуре поздней формы этнонима *монгол* второй слог *-гол* – это преобразованная, вторичная морфема из начальной морфемы *-wu*. «Переход» названия *meng-wu* в *-gγγ* согласуется с историей развития фонологии бурятского языка. Монголоведы отмечают явление транслитерации увулярного согласного *γ* в позициях начала, середины и конца слов твёрдого ряда во всех современных монгольских языках на письме (орфографически) как *-г-*. В. И. Рассадин считает, что выпадение начального *-w-* и появление звука *-г-[γ]* на его месте обусловлено исторически случившимися модификациями консонантов в фонологии бурятского языка. Исторически было присутствие консонанта *-w-* в положении между гласными в середине слова, например, *itawun* ~ *itaγun* – «куропатка»; *šibawun~šibaγun* – «птица» [20, с. 48–49]. В. И. Рассадин пишет, что в процессе развития бурятского языка «…на месте комплекса <…> “гласный + согласный + гласный” (VCV) выступают двоеслоги либо с хиатусом (V’V), либо с билабиальным щелевым *w* (VwV) между гласными». Поэтому в монголоведении вслед за работами В. И. Рассадина общепризнано, что долготные комплексы с интервокальными согласными представляют собой древнее состояние монгольских языков [Там же, с. 48].

Для бурятского языка и его диалектов характерна монофтонгизация дифтонгов как следствие возникновения долгих гласных [Там же, с. 59–65]. Вероятно, что именно этим и возможно объяснить гласный монофтонг *-о-* в положении CVC вместо изначального дифтонга *-еä-* койбальского языка апеллятивного *teäng* < *meng-wu* < *meng-gγγ* < *монгол*.

В-третьих, описание ономаконцепта *волк* посредством метода компонентного анализа словарных дефиниций слова-имени концепта позволило выявить лексико-семантическое сходство именования волк в разных языках. В монгольских языках лексема *чоно(н)* – «волк» (монг.); *шоно* – «волк» (бур.) – является высокочастотной в отношении производных словосочетаний с атрибутивным *чонын* – «волчий» (монг.) и *шоно* – «волчий» (бур.): *азарган чоно* – «волк-самец»; *өлөгчин чоно* – «волчица»; *чоно хонь хоёр шиг* – «как волк и овца» (о враждебных отношениях); *хөх чоно* – «серый волк» (букв. «синий волк»); *чонон дах* – «волчья доха»; *чоно яр* – «красный лишай»; *чонын гөлөг (= бэлтрэг)* – «волчонок». В составе ботанических названий: *чонын өргөс* – «бодяк огородный»; *чонын сүүл* – «черемша»; *чонын төмс* – «лилия жёлтая» (букв. «волчья саранка»); *чонын хялгана* – «овсяница желобчатая»; *чонын элэг* – «крушина»; *чонын хөрвөө* (мед.) – «ветряная оспа, ветрянка»; *чонын хөрвөш* (мед.) – «крапивница» [30].

Анализ лексем бурятского языка выявил большее число производных и словосочетаний от лексемы *шоно/шонын* (более 68 ед.), включая фразеологизмы и табуированные именования волка по диалектам, а также слова, обозначающие разновидность волка вообще: *азарга шоно* – «волк-самец»; *голой шара шоно* «жёлтый степной волк»; *сүүбэн шоно* – «шакал»; *хүхэ шоно* – «серый волк»; *гүлгэн шоно* – «волчонок» (хорин.); *хүбүүн шоно* – «волчонок» (окин.) [29].

Очевидна функциональная частотность словосочетаний, посредством которых описывается «звериная» суть волка: наличие острых зубов, хвоста, отличающего волка от собственно собаки, а также дикость, жестокость его нрава. Эти группы лексем отражают восприятие животного-волка, актуализируя тем самым, синхронный образ волка в сознании человека.

Более интересна лексико-семантическая группа, вербализующая концептуальную семантику понятия *волк*. Такие выражения с переносным значением, как *шоно бодол* – букв. «глубокий замысел, дальновидный», которое в западном диалекте имеет дополнительное значение «непоколебимый, твёрдый»; *шоно һанаан* – «непоколебимое стремление, твёрдая воля», имеющее отражение в пословице *Шоно зууһанаа алдахадаа гуринха болодог, эрэ зориһоноо табихадаа нэрэнь хухардаг* –

«Упустит волк пойманную добычу – будет голодать, отступится мужчина от того, к чему он стремился – честь свою потеряет» [29], актуализируют концептуальные признаки ономаконцепта *волк*.

Подобное явление наблюдается при анализе и монгольских лексем. Лексема *чин*, как производное от старомонгольского *chinu=a* – «волк» – составное ядро в значении «твёрдый, непоколебимый»: *чин нут* – «твёрдость, непоколебимость»; *чин бат* – «непоколебимый; непоколебимость»; *чин зүрх* – «непоколебимая храбрость»; *чин зүрхнээс* – «от глубины души, от всего сердца»; *чин сүсэг* – «глубокая вера»; *чин үнэн* – «истинная правда; чистосердечность; честность»; *чин үнэнч* – «справедливый; бескорыстный; честный; чистосердечный; преданный; *чин хэмээн* старательно» [30].

Полагаем, что название династии Цинь, долгое время господствовавшей в Китае, образно называемой династия «Железная» – это и есть *Чин*, или *Кин*. Если связать письменно-монгольское *chinu=a* со словарным рядом производных от лексемы *чин*, выявляется не только диффузность древних слов, но и концептуальная полисемия, что взаимно обусловливает вероятность подобного сопоставления.

Таким образом, компонентный анализ словарных дефиниций слова-имени концепта позволил выявить: 1) лексико-семантическое сходство именования волка в монгольских языках; 2) основной сигнификативный признак образа волка в монгольских языках – это обладание такими свойствами характера, как непоколебимая твёрдость характера, граничащего с преданным отношением к семье, т. е. моногамность волка. Релевантны такие черты характера волка, как дальновидность, жестокость, суровость, недоверчивость, физические возможности, типичные для образа хищника – наличие острых зубов, длинного хвоста, строение черепа (ср. бур.: *шонтогор* – «остромордый») и т. д. Такие отдельные группы бурят, как баргузинские и селенгинские, в качестве мифического первопредка своих родов называют волка: принадлежавшие к роду шоно называли волка *аба* – «отец», *ахай* – «старший брат; дядя», что свидетельствует о мифологическом восприятии образа волка [29]. Как монгольские родовые названия Средневековья упоминаются роды Абаганаад и Аханаад. Забайкальские ойконимы Абагайтуй и Акатуй в плане определения их этимологического значения возможно отнести к этнотопонимам, т. е. названиям, значение которых отражает факт принадлежности определённой территории или региона какому-то отдельному родовому объединению или же народности далёкого исторического прошлого изучаемого ареала.

Дальнейший анализ словарных данных для определения концептуальной семантики ономаконцепта волк предопределил обращение к самодийским языкам. Так, Ц. Б. Цыдендамбаев отмечал сходство генонима эхиритов (западных бурят) *Тоанацкий* (калькированное *Ченорутский/Чинорукский*) от ненец. *th'ona* – «волк» [27, с. 276–277]. Это согласуется с семантическим значением родовых названий эхэритов – бур. *ехэ шоноод* и *бага шоноод* («большие волки» и «малые волки»), предопределяя тем самым возможность близости п.-монг. *chinu=a* – «волк» и ненец. *th'ona* – «волк». Очевидна лексическая и семантическая близость ненец. апеллятива *th'ona* – «волк» и п.-монг. *chinu=a* – «волк», равно как и лексем *чоно* – «волк» (монг.) и *шоно* – «волк» (бур.) с ненецким. Данное сопоставление даёт возможность определения архисемы в плане описания образного компонента в структуре ономаконцепта *волк*, которая сродни архетипу в культуре.

Во-первых, выявляется типологическое сходство консонантного чередования самодийских и монгольских языков в виде *т~ч/ш* при условии того, что ненецкое *th'ona* могло развиться до монгольского *чоно*, бурятского *шоно*. Поэтому эхэритское название *шоно уруг* – «Ченорутский/Чинорукский» – это одно из вариаций «волчьего» имени, как и самодийское *Тоанацкий*, впервые подмеченное Ц. Б. Цыдендамбаевым. Ранее Г. Н. Румянцев отмечал совпадение именования собаки в монгольских и ненецком языках, считая важным выяснить ранние исторические связи предков бурят и монголов с самодийскими племенами [21, с. 4]. Основанием для этого послужили исследования В. Б. Шостаковича, в которых подсчитано, что 60 % топонимов Восточной Сибири по своему происхождению являются самодийскими. Г. Н. Румянцев считает, что «такое сходство названий диких зверей в языке монголов, бурят, эвенков и самодийцев могло произойти лишь в результате длительного соседства и общения в далеком прошлом, когда те и другие племена занимались охотой и звероловством и вели соответствующий образ жизни» [Там же]. Наши исследования субстратной топонимики Восточного Забайкалья подтверждают мнение о самодийском субстрате в восточно-сибирской топонимии на примере региональной то-

понимии [см.: 8, с. 55–71]. Описанные ранее бурятско-селькупские лексические параллели также дают основание полагать о древних контактах [6, с. 22–25].

Во-вторых, опора на сопоставительный анализ лексем ненецкого и бурятского языков с корневыми основами *тэн-* и *шэн-* соответственно определит дополнительные признаки концептуальной семантики образа волка в национальных языковых картинах мира. Ненецкий апеллятив *тэнз* в значении «род, племя; народность; фамилия; порода; род, сорт; способ, приём» [31] образует следующие слова: *тэнонзь* «снять жилы»; *тэнолянг* – «жилистый, с большим количеством жил»; *тэномбă(сь)* – «снимать жилы»; *тэнондă(сь)* – «скручивать, заниматься скручиванием жил для шитья; просить у кого-либо оленьи жилы»; *тэнота" нуда"* – «сильные руки»; *тэноць* – «быть жилистым; (перен.) быть крепким, сильным, могучим» [31]. Этому ряду соответствует ряд слов бурятского языка с *шэн*, расширяющих концептуальную семантику: *шэн (габьяата) ажал, шэн баатарлиг* – «доблестный труд»; *шэн габьяа* – «доблесть»; *шэн зориг* – «отвага, отважность, доблесть; удаль, молодечество; дух»; *шэн зоригто* – «доблестный»; *шэн хату зориг* – «настойчивость, упорство»; *шэн хатуу* – «упорный, настойчивый»; *шэн хатуужаха* – «крепнуть, укрепляться» [29]. Любопытно, что морфемное *шэн-* – составная часть предикативных конструкций: *шэнжэгдэхэ* от *шэнжэхэ* – «изучаться, исследоваться»; *шэнжэгшэ* – «исследователь; наблюдатель»; *шэнжэлгэ* – «исследование; изучение; наблюдение»; *шэнжэлхэ* – «рассматривать; изучать; исследовать»; *шэнжэлэгшэ* – «исследователь»; *хэлэ (бэшэг) шэнжэлэгшэ* – «филолог, языковед»; *шэнжэлэл* – «исследование, изучение; наблюдение» и т. д. Метонимический перенос исследовательских качеств очевиден при сопоставлении этих лексем с такими, как *шэнжэлхэ* – «рассматривать (что-либо); копаться; ковыряться (в чём-либо)»; *шэнжэхэ* – «обнюхивать (например, о собаке)» вплоть до *шэнээ(н)* – «сила»; *шэнээтэй* – «сильный»; *шэнээтэй болохо* – «получать (приобретать) силу» [29].

Данное сопоставление даёт основание выделить в качестве архетипически релевантного для образа волка понятия чего-либо/кого-либо мощного, сильного, могучего по причине наличия крепких жил, сухожилий. Архисемой ономаконцепта *волк* при сопоставлении ненецкого *тэнз* – «род, племя; народность; фамилия; порода» с бурятским *шэнээ(н)* – «сила»; *шэн* (соответствующее с бурятским диалектным *тон* – «действительно так; сверх» с усилительно-экспрессивным оттенком) является сема «очень, чрезвычайно, сверх». Бурятское *шэн* (как предельная степень того, что выражено следующим за ним сущ., прил., гл.): *шэн габьяа* – «доблесть»; *шэн зориг* – «отвага, отважность, доблесть; удаль, молодечество; дух» – имеет форму *тон* в агинском говоре хоринском диалекте бурятского языка.

Ценностным признаком ономаконцепта можно отметить признак мощи, физической силы и выносливости волка или собаки, которую эти животные имеют не за счёт наличия больших зубов, клыков, длинного хвоста, а за счёт наличия крепких, тренированных сухожилий ног. Поговорка «Волка ноги кормят» как нельзя лучше определяет этот признак, выявленный в структуре ономаконцепта *волк*.

Образный признак ономаконцепта получил рефлексию при соотношении апеллятивов *th'ona* – «волк» (ненец.) и *[тинуа]/chinu=a* – «волк» (п.-монг.) < *чоно* – «волк» (монг.)/шоно – «волк» (бур.). Полагаем, что идеосемантика понятия «волк» получила развитие в ненецком языке в виде лексемы *тэнз* – «род, племя; народность; фамилия; порода; род, сорт; способ, приём». Возможно, что подобное слово должно обнаружиться и в монгольских языках. Действительно, слова *шинж* – «признак» (монг.); *шэнжэ* – «форма; вид, признак, примета; данные; свойство (предмета)» (бур.) монгольских языков совпадают с дополнительным значением ненецкого *тэнз* – «род, сорт; способ, приём», обнаруживая факт консонантного чередования *т~ч/ш*, типичного как для монгольских, так и для самодийских языков. Привлекает внимание семантическое и лексическое совпадение слов *шинж, шэнжэ* монгольских языков и ненецкого *тэнз*, что определяет перспективность подобного рода сравнений и сопоставлений в лексике неродственных языков.

Таким образом, образный и ценностный признаки ономаконцепта *волк* имеют положительное коннотативное значение при анализе лексем бурятского языка. Обнаружилось типологическое сходство идеосемантического значения лексем ненецкого и бурятского: понятие потенциальной силы, мощи, жилистости посредством ненецких лексем; понятие доблести, отваги, упорства, настойчивости, наблюдательности, исследовательских качеств лексическими средствами бурятского языка.

Любопытно, что в северно-самодийском языке – ненецком – понятие образа волка на

основе значений слов совпадает с образом волка вербализованного в лексике монгольских языках. В ненецком языке волк именуется помимо прочих как *сармик* – «волк». Производными полагаем слова *сармана(сь)* – «бродить, блуждать»; *сарты* – «клык»; *саркэ"лё(сь)* – «быть острым, торчащим, торчать» [31]. В свою очередь, лексема сарты входит в глагольные формы *сарвабта(сь)* – «крепко схватить, быстро выхватить»; *сарвӑрӑ(сь)* – перен. «рассчитывать на чужое, не имея своего» [31]. Если учесть исходное *саркта* в выражении *саркта тибя* – «клык хищного зверя» [31] как вербализацию основного принципа именования волка через апеллятив *сармик*, то обнаруживается типологически схожий образ волка как в ненецкой, так и в монгольской картине мира. Это, прежде всего, наличие острых клыков наряду со способностью крепко и быстро схватить потенциальную жертву, а также бродячий, хищнический образ жизни.

При этом анализ слов и словосочетаний, описывающих животное, позволяет добавить в когнитивные признаки ономаконцепта волк и такие свойства, как, например, длина волчьего хвоста. Иносказательным именованием волка в ненецком языке является *тэвта* – «хвостатый, имеющий хвост; волк»; *тэва ямб* – «длиннохвостый (т. е. волк)»; *тэвта хадако* – «волчица» от исходного слова *тэва* – «хвост (животного)» [31]. Корень совпадает с ненецким *тэвӑры* в значении «дух-помощник шамана (тот, который достигает шамана)», что даёт возможность соотнести *тэв-* эвфемизму *тэвта*. В случае объективности этого сопоставления выявляется древняя мифологема некоего существа, «хвостатого», а потому способного быть помощником шамана при его общении с духами в ненецкой языковой картине мира.

Все перечисленные качества волка формируют образ волка как сильного, свирепого животного, обладающего к тому же почти человеческим интеллектом, обусловившего выбор образа волка как тотемного предка людей в мифологическом сознании номада. К тому же только волк из хищников способен охотиться стаей, загоняя жертву в круг, подобный принципу номадной облавной охоты. При этом возможно, что отмеченные концептуальные признаки образа волка являются, на наш взгляд, не основными.

Основным сигнификативным признаком, обусловившим выбор образа волка в качестве тотема, является, на наш взгляд, признак тождественности образа волка и человека, обусловленного местом обитания и жилища. Этот вывод продиктован морфемным анализом апеллятива селькупского языка (одного из южносамодийских языков) *тӱмпнэ~тюмбнэ~чюмӓнӓ* – «волк». При анализе можно выделить морфему *чю-/чу-/тю-/ту-* «земля; глина; страна», второй элемент *-ӓн(ӓ)* – это *ӓӈ* – «яйцо» [33], что позволило интерпретировать значение апеллятива *чюмӓнӓ* – «волк» как «земля + яйцо», что согласуется с понятием образа живого существа (волка, например), родившегося и выросшего в земляной норе.

Всё живое, согласно селькупской картине мира, рождается из земной субстанции. У самоедоведов общепринята трактовка этнонимов селькупов *sysse-gom, schösch-kom, tschûmel-gop, tjûje-gom* как «человек страны» от *tschu, tju, sye* – «глина, земля, страна», о чём и писал ещё в 1845 году М. А. Кастрен [2, с. 50; 25, с. 279]. Любопытно, что в монгольских языках лексема *ан(г)* – это «зверь», что иллюстрирует собой пример типологии сем селькупского *ӓӈ* – «яйцо» и бурятского *ан(г)* – «зверь».

Пояснением гипотезы об идентичности образа волка и номада в средневековом сознании служит этнографический факт истории племён мукри в Приамурье, шивэй в Забайкалье. Археологи отмечают, что чернореченные мукрийцы в V-VIII веках вели полукочевой образ жизни и жили в землянках. Они «представляли собой впущенные в землю ямы, над которыми устанавливались в козлы плахи, покрывавшиеся затем сверху толстым слоем земли и, возможно, дёрном» [28, с. 73]. Культура шивей – это культура жилищ-полуземлянок. Племенные объединения шивей занимали огромную территорию в районе Верхнего Амура и в бассейнах рек Онона, Ингоды, Шилки, Аргуни. Бассейн р. Шилки считается центром расселения шивей на территории Забайкалья, где археологами найдены самые крупные могильники (до 100 погребений в каждом) и укреплённые поселения-городища, схожие с сооружениями приамурских племён мохэ, с которыми шивей находились в тесных контактах [12, с. 19]. Полуземляночный тип жилища известен у народов Сибири ещё со времён хунну [13, с. 244].

В этнографии остяко-самодийцев («раньше остяки в земляных карамо жили» [33]) жилищами были полуземлянки. Это подтверждает собственный материал по этимологии селькупских этнонимов как «земляных людей». П. Хайду значение южноселькупского *t'ūje-gum,* или *t'üjgum,* трактует как «зем-

ляной человек». Васюганско-тымская форма *č'ūmilgup* также связана, по мнению П. Хайду, с апеллятивом «земля» [26, с.133–134].

Таким образом, волк, также как и человек, признавался средневековым сознанием идентичной последнему сущностью, т. к. и происхождение одинаково (из земляной субстанции), и привычки поведения волка и человека схожи. Дополнительный признак образа волка как охотника, способного на облавный тип охоты, также предопределил выбор образа этого хищного животного в качестве тотема новой степной культуры, особенно в период исторического становления и возвышения монголов.

Вкратце описаны семантические признаки и семы, которые, актуализируясь во множестве контекстов, становятся концептуальными признаками, формирующими понятийную основу концепта. Выяснилось, что этимон этнонима *монгол* – это самодийский апеллятив *meäng* – «волк», перешедший в разряд проприальной лексики, «превратившись» в имя новой этнической единицы в средневековой Азии – *монгол*. Тотемным предком был изначально образ собаки как архетипический образ, сменившийся позже на образ волка, маркируя тем самым амбициозные цели, устремления монголов и их происхождение, подразумевая мифологему «волчьего» предка монголов, воплощённую в эпониме *Бöртö-чино*. При этом важно подчеркнуть основную ролевую функцию образа волка – функцию мироустроительного характера. Племя волков обязано было взять на себя роль диктатора путём пресечения межплеменных распрей, установления мирного сосуществования введением жёстко структурированной, иерархической власти одного племенного союза над остальными.

Этноним *монгол* – это средневековый политоним, объединивший племена под названиями *чахар-монголы, бурят-монголы, халха-монголы, олёт-монголы, дюрбют-монголы* и др. Возвысившаяся в результате войн с соседними племенами группа монголов во главе с Темуджином объединяла тюркские, самодийские трайбы под самоназванием *монгол*. Северо-восточная территория от Китая – «маргинальная» Монголия, совпадающая с Приамурьем – была известна под названием Никанское царство, или Гоу-Го. Вероятно *никаны* – это предки приамурских племён манегров, маньчжуров некогда известных под воинственным племенным именем «собачьего vs волчьего племени» *никан* (от самодийского *канаӈ* – «собака»), со временем утратили своё былое могущество, уступив власть монголам [см.: 10, с. 41–49]. Это значит, что политоним *никан* предшествовал политониму *монгол*.

Любопытно отметить наличие образного признака именования волка в тюркских языках. К. А. Новикова пишет, что названия некоторых животных семейства куньих в тюркских языках образованы по модели: *borsug~bursug* (др.-тюрк.) (< *bor-~bur-~pur-* – «пахнуть, вонять» + архаичный аффикс глагольного имени *-sug~-sīg*); *пурăш* (< *пур-* + аффикс *-ăш*) – «барсук» (чуваш.); букв. «вонючий, вонючка» [16, с. 65]. В тунгусо-маньчжурских языках *боро* – «серый» [34] совпадает с монгольским и бурятским *боро* «серый» и наиболее близко лексически и семантически к ониму мифического предка монголов *Бöртö-чино* – «Серый Волк».

Заключение. Статья расширяет результаты исследований по исторической этнонимии, добавляя новые методы и методики, новые знания об этноязыковых процессах истории народов Северной Азии. Определить когнитивные признаки ономаконцепта *волк*, вербализованного этнонимами *бурят* и *монгол*, оказалось возможным посредством выявления сигнификативного значения лексики самодийских и монгольских языков. Исследованное состояние проприальной лексики позволяет заявить о перспективности изучения монгольских языков в аспекте гипотезы урало-алтайского диахронного языкового союза, исследование которого ценно для создания этимологического словаря монгольских языков.

Список использованных сокращений

алар. – аларский диалект бурятского языка
барг. – баргузинский говор бурятского языка
бох. – боханский говор бурятского языка
бур. – бурятский язык
вост. – восточное наречие бурятского языка
др.-тюрк. – древнетюркский язык
зап. – западное наречие бурятского языка
монг. – монгольский язык
ненец. – ненецкий язык
окин. – окинский говор бурятского языка
п.-монг. – старописьменный монгольский язык
сел. – селенгинский говор бурятского языка
тунк. – тункинский говор бурятского языка
хорин. – хоринский диалект бурятского языка
чуваш. – чувашский язык

Список литературы

1. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 533 с.

2. Быконя В. В. Селькупы: язык и культура (этнолингвистический очерк). Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2011. 236 с.

3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

4. Воркачев С. Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta. Волгоград: Парадигма, 2014. 331 с.

5. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей / предисл. и прим. В. А. Дмитриева; перепеч. с изд. 1799 г. с испр. и доп. 2-е изд. СПб.: Русская симфония, 2007. 799 с.

6. Жамсаранова Р. Г. Типологический анализ бурятско-селькупской терминологии родства // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология. 2009. № 324.

7. Жамсаранова Р. Г. Концептосфера средневековой монгольской этнонимии: автореф. … д-ра филол. наук: 10.02.20. Томск, 2011. 50 с.

8. Жамсаранова Р. Г. Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья. Чита: ЗабГУ, 2001. 237 с.

9. Жамсаранова Р. Г. Концептосфера средневековой монгольской этнонимии. Чита: Экспресс-изд-во, 2013. 288 с.

10. Жамсаранова Р. Г. Онимы Нелюдский острог (Нерчинский острог), Никанское царство и государство Гоу-Го в аспекте цивилизационных процессов Северной Азии // Томск. журн. лингв. и антропологических исслед. 2014. Вып. 2. С. 41–49.

11. Ипанова О. А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. СПб., 2005. 24 с.

12. История Восточного Забайкалья. Читинская область / отв. ред. И. И. Кириллов. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001. 283 с.

13. История Сибири. Т.1. Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968. 454 с.

14. Каксин А. Д. Койбальский говор хакасского языка: традиционные и новые подходы в вопросах документации // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XIV Всерос. науч. конф (г. Уфа, 20–22 нояб. 2014 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 58–61.

15. Кравченко А. В. Язык и восприятие // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996. С. 34–41.

16. Новикова К. А. Названия домашних животных в тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979. С. 53–134.

17. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Вестн. Кемер. ун-та. Сер. Филология. 2002. Вып. 4.

18. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов / отв. ред. В. И. Карасик, И. А. Стернин. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1.

19. Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника / пер. с нем. К. Д. Цивиной, Б. Е. Чистовой; примеч. и послесл. С. И. Вайнштейна. М.: Наука,1989. 749 с.

20. Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.

21. Румянцев Г. Н. Бурятские летописи как исторический источник // Тр. БКНИИ СО АН СССР. Сер. Востоковедение. Улан-Удэ, 1960. Вып.3. С.3–16.

22. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд. испр. и доп. М., 2004. 992 с.

23. Стернин И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1.

24. Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994. 190 с.

25. Тучкова Н. А., Байдак А. В., Максимова Н. П. Южноселькупская этнонимика // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: материалы XIII Зап.-Сиб. археолого-этнограф. конф. Томск: ТГУ, 2005. С. 279–282.

26. Хайду Петер. Уральские языки и народы / пер. с венгер. Е. А. Хелимского. М.: Прогресс, 1985. 430 с.

27. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ, 1972. 662 с.

28. Шавкунов Э. В. Культура чжурчжэней-удигэ XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.

Источники

29. Буряад-ород словарь = Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Сов. энцикл., 1973. 804 с.

30. Монгол-орос толь = Монгольско-русский словарь / под общ. ред. Лувсандэндэва. М.: Гос. изд-во ин. и нац. слов., 1957. 715 с.

31. Ненецко-русский словарь / сост. Н. М. Терещенко. М.: Сов. энцикл., 1965. 942 с.

32. Китайско-русский словарь / под ред. Ся Чун И. Пекин: Изд-во Ун-та иностр. языков г. Шанхая, 1992. 1250 с.

33. Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В. В. Быконя. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.

34. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю: в 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.; Т. 2. Л., 1977. 992 с.

Статья поступила в редакцию 30.08.2016; принята к публикации 31.01.2017

Библиографическое описание статьи

Жамсаранова Р. Г. Концептуальная семантика ономаконцепта *волк* // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 152–162. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-152-162.

Raisa G. Zhamsaranova,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: rebeca_zab@mail.ru

Conceptual Semantics of Onomaconcept *Wolf*

The article deals with the method of etymology of ethnonimic proper name *Mongol*. The conceptual semantic of ethnonimic name is revealed through introduction of a new term *onomaconcept* and its structural analysis. Onomaconcept as a type of linguacultural concept is able to depict pre-ethnonimic as well as the proper-ethnonimic meaning of the onoma analyzed. First, the reconstruction of a conceptual semantic field of ethnonimic name by onoma and conceptual analysis let us to suppose the etymology of the name. Secondly, this method gives the possibility to model the conceptual sphere of nomadic mentality. The method of scientific investigation of onomaconcept is based on methods of conceptual analysis; component-analysis in order to know well all word definitions of the concept; onoma method depicting ethno-cultural and ethno-historical background of the analyzed concept; method of semasiological analysis and others. Complex analysis of propriety lexicon makes it possible to reconstruct the system of archaic mental orientations, reflexes, and the mentality of middle-aged nomads. Lingua-cultural description of nomadic picture of life makes possible the reconstruction on early nomadic period, especially the period of foundation of the Altaic languages. Conceptual description of ethnonimic names on the basis of typology of non-related languages promoted thesis of similar linguistic correlations of different languages – Mongol and Samoedic ones.

Keywords: ethnonimic name *Mongol*, onomaconcept *wolf*, onoma method, conceptual semantics, linguistic picture of nomadic world

References

1. Babenko L. G., Vasil'ev I. E., Kazarin Yu. V. Lingvisticheskii analiz khudozhestvennogo teksta. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2000. 533 s.
2. Bykonya V. V. Sel'kupy: yazyk i kul'tura (etnolingvisticheskii ocherk). Tomsk: Izd-vo Tomsk. gos. ped. un-ta, 2011. 236 s.
3. Vezhbitskaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. 288 s.
4. Vorkachev S. G. Voploshchenie smysla: conceptualia selecta. Volgograd: Paradigma, 2014. 331 s.
5. Georgi I. G. Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov: ikh zhiteiskikh obryadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostoprimechatel'nostei / predisl. i prim. V. A. Dmitrieva; perepech. s izd. 1799 g. s ispr. i dop. 2-e izd. SPb.: Russkaya simfoniya, 2007. 799 s.
6. Zhamsaranova R. G. Tipologicheskii analiz buryatsko-sel'kupskoi terminologii rodstva // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Ser. Filologiya. 2009. № 324.
7. Zhamsaranova R. G. Kontseptosfera srednevekovoi mongol'skoi etnonimii: avtoref. … d-ra filol. nauk: 10.02.20. Tomsk, 2011. 50 s.
8. Zhamsaranova R. G. Substrat v toponimii Vostochnogo Zabaikal'ya. Chita: ZabGU, 2001. 237 s.
9. Zhamsaranova R. G. Kontseptosfera srednevekovoi mongol'skoi etnonimii. Chita: Ekspress-izd-vo, 2013. 288 s.
10. Zhamsaranova R. G. Onimy Nelyudskii ostrog (Nerchinskii ostrog), Nikanskoe tsarstvo i gosudarstvo Gou-Go v aspekte tsivilizatsionnykh protsessov Severnoi Azii // Tomsk. zhurn. lingv. i antropologicheskikh issled. 2014. Vyp. 2. S. 41–49.
11. Ipanova O. A. Kontsept «zhizn'» v russkoi yazykovoi kartine mira: lingvokul'turologicheskii i leksikograficheskii aspekty: avtoref. dic. … kand. filol. nauk: 10.02.01. SPb., 2005. 24 s.
12. Istoriya Vostochnogo Zabaikal'ya. Chitinskaya oblast' / otv. red. I. I. Kirillov. Irkutsk: Izd-vo IGEA, 2001. 283 s.
13. Istoriya Sibiri. T.1. Drevnyaya Sibir'. L.: Nauka, 1968. 454 s.
14. Kaksin A. D. Koibal'skii govor khakasskogo yazyka: traditsionnye i novye podkhody v voprosakh dokumentatsii // Aktual'nye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii: materialy XIV Vseros. nauch. konf (g. Ufa, 20–22 noyab. 2014 g.). Ufa: IIYaL UNTs RAN, 2014. S. 58–61.
15. Kravchenko A. V. Yazyk i vospriyatie // Kognitivnye aspekty yazykovoi kategorizatsii. Irkutsk, 1996. S. 34–41.
16. Novikova K. A. Nazvaniya domashnikh zhivotnykh v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh // Issledovaniya v oblasti etimologii altaiskikh yazykov. L., 1979. S. 53–134.
17. Pimenova M. V. Metodologiya kontseptual'nykh issledovanii // Vestn. Kemer. un-ta. Ser. Filologiya. 2002. Vyp. 4.

18. Pimenova M. V. Metodologiya kontseptual'nykh issledovanii // Antologiya kontseptov / otv. red. V. I. Karasik, I. A. Sternin. Volgograd: Paradigma, 2005. T. 1.
19. Radlov V. V. Iz Sibiri: stranitsy dnevnika / per. s nem. K. D. Tsivinoi, B. E. Chistovoi; primech. i poslesl. S. I. Vainshteina. M.: Nauka,1989. 749 s.
20. Rassadin V. I. Ocherki po istoricheskoi fonetike buryatskogo yazyka. M.: Nauka, 1982. 199 s.
21. Rumyantsev G. N. Buryatskie letopisi kak istoricheskii istochnik // Tr. BKNII SO AN SSSR. Ser. Vostokovedenie. Ulan-Ude, 1960. Vyp.3. S.3–16.
22. Stepanov Yu. S. Konstanty: slovar' russkoi kul'tury. 3-e izd. ispr. i dop. M., 2004. 992 s.
23. Sternin I. A. Kognitivnaya interpretatsiya v lingvokognitivnykh issledovaniyakh // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2004. № 1.
24. Toporova T. V. Semanticheskaya struktura drevnegermanskoi modeli mira. M., 1994. 190 s.
25. Tuchkova N. A., Baidak A. V., Maksimova N. P. Yuzhnosel'kupskaya etnonimika // Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: materialy XIII Zap.-Sib. arkheologo-etnograf. konf. Tomsk: TGU, 2005. S. 279–282.
26. Khaidu Peter. Ural'skie yazyki i narody / per. s venger. E. A. Khelimskogo. M.: Progress, 1985. 430 s.
27. Tsydendambaev Ts. B. Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye (istoriko-lingvisticheskoe issledovanie). Ulan-Ude, 1972. 662 s.
28. Shavkunov E. V. Kul'tura chzhurchzhenei-udige XII–XIII vv. i problema proiskhozhdeniya tungusskikh narodov Dal'nego Vostoka. M.: Nauka, 1990. 282 s.

Istochniki

29. Buryaad-orod slovar' = Buryatsko-russkii slovar' / sost. K. M. Cheremisov. M.: Sov. entsikl., 1973. 804 s.
30. Mongol-oros tol' = Mongol'sko-russkii slovar' / pod obshch. red. Luvsandendeva. M.: Gos. izd-vo in. i nats. slov., 1957. 715 s.
31. Nenetsko-russkii slovar' / sost. N. M. Tereshchenko. M.: Sov. entsikl., 1965. 942 s.
32. Kitaisko-russkii slovar' / pod red. Sya Chun I. Pekin: Izd-vo Un-ta inostr. yazykov g. Shankhaya, 1992. 1250 s.
33. Sel'kupsko-russkii dialektnyi slovar' / pod red. V. V. Bykonya. Tomsk: Izd-vo TGPU, 2005. 348 s.
34. Sravnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: materialy k etimologicheskomu slovaryu: v 2 t. / otv. red. V. I. Tsintsius. L.: Nauka, 1975. T. 1. 672 s.; T. 2. L., 1977. 992 s.

Received: August 30, 2016; accepted for publication January 31, 2017

Reference to the article

Zhamsaranova R. G. Conceptual Semantics of Onomaconcept *Wolf* // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 152–162. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-152-162.

http://www.zabvektor.com ISSN 1996-7853 ISSN 2542-0038 (Online)

УДК 81›37(=512.36)
DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-163-169

Екатерина Владимировна Сундуева,
доктор филологических наук, доцент,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(677047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой,6),
e-mail: sundueva@mail.ru

Превербы с корневым согласным *l* в монгольских языках

В статье рассматривается звукосимволическая природа превербов с корневым согласным *l* в монгольских языках, которые составляют большую часть – 35 % от общего количества. Широкий спектр превербов служит для передачи тончайших нюансов, формирует богатый словарь для характеристики действий, отличающихся друг от друга едва заметными, незначительными признаками. Используя данные психофизиологии, автор ставит цель выявить взаимосвязь между звуком *l* и смыслом превербов. В результате исследования выявлено четыре основных действия, характеризуемых превербами с согласным *l*: удар, скольжение, царапание и щипание. Семантика корневой морфемы интерпретируется в зависимости от места и способа артикуляции её доминанты, в данном случае согласного *l*. Первая и четвёртая семы «удар» и «щипание» развились благодаря плотному прижиманию кончика языка к верхним резцам; вторая «скольжение» – благодаря плавности артикуляции доминантного звука; третья «царапание» – в результате объединения обоих признаков. В данном случае движения языка и воздуха в момент артикуляции согласного *l* служат мимическими подражаниями процессам внешней природы, и порождаемые такими движениями звуковые комплексы, заместив саму мимику, стали обозначениями изображаемых внешних процессов.

Ключевые слова: монгольские языки, превербы, звукосимволизм, значение, артикуляция

Вводная часть. Тюрко-монгольским языкам присуще такое своеобразное грамматическое явление, как превербы, которые разными исследователями трактуются по-разному: наречия образа действия, усилительные частицы при глаголах, междометия, вербальные префиксоиды. По данным Л. Беше, наиболее широко превербы представлены в бурятском языке – 64 единицы (без учёта дериватов, осложнённых показателем *-ра*, присущим лишь бурятским формам), халха-монгольский язык занимает второе место по количеству превербов (49 ед.), ойратский язык – на третьем месте (31 ед.) [7].

В данной статье рассматривается природа превербов с корневым согласным *l* в монгольских языках, которые, согласно перечню Л. Бэшэ, составляют большую часть – 35 % от общего количества [6, с. 220]. Относительно происхождения рассматриваемых явлений В. И. Рассадин пишет: «Если для тюркских языков развитие превербов из форм слитных деепричастий на *-а*/*-е* от глаголов не вызывает сомнения, то в монгольских языках их происхождение неясно. Во всяком случае, на почве монгольских языков они не поддаются этимологизации, и их следует считать условно-непроизводными основами» [3, с. 96].

Цель данной статьи – определить принципы организации и развития семантического континуума в превербах с корневым согласным *l* в монгольских языках.

Данные о методологии и методики исследования. Статья основывается на общенаучных принципах познания: анализе, синтезе, индукции, типологизации, аналогии и сравнении; на диалектическом принципе взаимосвязи объективного и субъективного, принципе системного и сравнительного анализа. Использованный в работе системный подход к проблеме звуковой изобразительности базируется на принципах междисциплинарности и эмпиричности. В ходе исследования были использованы описательно-синхронический метод, сравнительно-сопоставительный, метод статистического анализа и содержательной интерпретации материала, компонентный анализ, фоносемантический анализ, направленный на установление корреляций между артикуляционно-акустическими характеристиками звуков и лексической семантикой.

Результаты исследования

1. Удар. В рассматриваемом пласте выделяется группа превербов, передающих значение «вдребезги, на мелкие части»: бур. *бала, бала-биса, бала-тэhэрэ, бала дара* – «раздавить»; бур. *Барг. бала үгэ-* – «раз-

© Е. В. Сундуева, 2017

бить»; *бала намнаа-* – «кинуть так, чтобы разбилось», *бала унагаа-* – «уронить так, чтобы разбилось». В ойратском языке чистой основы *bal* не зафиксировано, однако есть производные глагольные формы. При этом значения *balălă-* (дерб., баят., хотон.), *billĭ-* (дзахч., торг., элет., урянх.) – «разрушать, уничтожать, разорять» – даны как переносные значения от «замазывать, затушёвывать»[1], равно как монг. *балла-*, бур. *балла-*: 1) «замазывать, затушёвывать»; 2) «стирать, зачёркивать»; 3) «разбивать, дробить, ломать, разрушать»; 4) «разрыхлять, разбивать (навоз)». На наш взгляд, значения «замазывать» и «разбивать» следует помещать в разные словарные статьи, поскольку они восходят к разным этимонам. Первое семантически связано с п.-монг. *balai* – «слепой; помрачённый», *balar* – «тёмный, неясный», а второе – непосредственно с превербом *bal*. То же находим в монг. *балра-* – «стираться, стушёвываться, изглаживаться; перен. уничтожаться, испепеляться, лопаться, прахом пойти» (*бүх хэрэг балрав* – «всё дело лопнуло»; мөхөж балрах – «приходить в упадок»). В ойр. *balărĭ-* представлено только значение «стираться, стушёвываться».

Ойр. М. *balăw* (дерб., баят., хотон.); *balŭw* (дзахч.); *balū* (дзахч., торг., элет., урянх.) – «вдребезги»[2]; ойр. Синьцз. *балва, булва*; калм. *Балв*; монг. *балба*; бур. *балба (балбара)* представляет собой наиболее продуктивный тип CVCCV. В форме основы он может передавать глагольное действие только в халха-монгольском языке: монг. *балб-* – «стучать, бить, ударять, колотить» (*сүхээр балб-* – «стучать обухом топора»). Производные формы представлены шире: ойр. М. *balăwlă-*, *balūlă-* – «дробить, разбивать» (даны как многокр. от *балб-*); п.-монг. *balbala-* – «разбить, раздробить, разломать, оторвать, разрушить»; *belbele-* – «разбить, разломать, сокрушить»[3]; бур. *балбал-* – «разбивать, дробить»; *балбар-* – «ломаться, разваливаться, дробиться». Лишь в ойратском языке функционирует форма с гласным *i*: *bilĭb* (дерб., баят., хотон.); *bilĭw* (дзахч., торг., элет., урянх.) – «вдребезги», давшая глаголы *bilbĭ-*, *bilwĭ-* – «избивать, хлестать» и *bilĭblĭ-*, *bilĭwlĭ-* «дробить, разбивать»[4].

Рассматривая этимологию тюрк. *балқа* – «молоток», Э. В. Севортян отмечает, что «нельзя оставлять без внимания данные собственно тюркских языков: кирг. *балчала-* – “размозжить”; тув. *бала* – “пестик для толчения в ступе”; сюда же можно привлечь монг. *balba-* – “бить, колотить, ударять, разбивать”; *balba* – “полностью, на куски”»[5], а также п.-монг. *balta süke* – «секира»[6]; монг. *балт*, бур. *балта*, калм. *балт* – «балта, секира, топор». В «Этимологическом словаре алтайских языков» Птюрк. **bAlka* – «молоток» сопоставляется с Птунг. **paluka* – «молоток» и Пмонг. **haluka* – «молоток» [10, с. 1077]; ср.-монг. *haluγa*; п.-монг. *aluq-a* – «молот, молоток»[7]; монг. *алх*; бур. *алха*; калм. *алх*; ойр. Синьцз. *алха* – «молот, молоток»; орд. *aluxu;* монг. *aluqa*; даг. *xallogu*, *xaldugu* – «молоток». «Ударность» инструмента как мотив номинации подкрепляется глагольными формами п.-монг. *alki-* – «бить»[8]; бур. *алхи-* – «бить, колотить»; монг. *алхи-* – «колотиться, биться об что-л.». Учитывая прозрачную этимологическую связь между словами рус. *бить* – «наносить удары, колотить» и *убить* – «лишить жизни», можно предположить, что семантика удара заложена в ср.-монг. *ala-*[9]; п.-монг. *ala-* – «убить, умертвить»[10]; монг. *ал-*; бур. *ала-*; калм. *ал-*; ойр. Синьцз. *ал-* – «убивать, умерщвлять». Наконец, регулярность чередования согласных *b*/*m* позволяет связать с ударом значение ср.-монг. *malta-*[11]; п.-монг. *malt*и-[12]; монг. *малт-*; бур. *малта-*; калм. *малт-*; ойр. Синьцз. *малта-* – «копать, рыть».

В указанных выше формах можно предположить ономатопоэтический характер превербов, поскольку звукоподражательные возможности согласного *l* высоки, в том числе в сфере передачи звучания ударов, звона: п.-монг. *qalang, qalang kileng* – «звук железа, меди»; *qolung* – «звук бубенчика»[13]; монг. *халан хилэн* – «звук бряцания металлом»; *холон холон*, бур. *хэлин-хулин* – «звук колокольчика,

[1] БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. – Улаанбаатар, 1988. – Боть 2. – Ойрд аялгуу. – 75-дахь тал.
[2] Там же. – 76-дахь тал.
[3] Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. – Kasan: Imprimerie de l’Université, 1849. – P. 1078, 1116.
[4] БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. – Улаанбаатар, 1988. – Боть 2. – Ойрд аялгуу. – 95, 94, 96-дахь тал.

[5] Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / авт. сл. ст. Э. В. Севортян. – М.: Наука, 1978. – С. 58.
[6] Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. – Kasan: Imprimerie de l’Université, 1849. – P. 1079.
[7] Там же. – С. 78.
[8] Lessing F. D. Mongolian-English dictionary. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. – P. 32.
[9] Rachewiltz I. Index To The Secret History of the Mongols. – Bloomington: Indiana University, 1972. – P. 181.
[10] Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. – Kasan: Imprimerie de l’Université, 1849. – P. 72.
[11] Rachewiltz I. Index To The Secret History of the Mongols. – Bloomington: Indiana University, 1972. – P. 262.
[12] Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. – Kasan: Imprimerie de l’Université, 1849. – P. 1995.
[13] Там же. – С. 786, 928.

бубенчика»; бур. *бүлбэнүүр* – «бубенчик»; ср. нан. *талхас* – «резко цокнуть, лязгнуть (звукоподражание при ударе металлическим предметом по металлу, камню и т. п.)». Однако многие формы с согласным *l* характеризуют действия, не сопровождающиеся звуковым эффектом. Например, *бала бажуу-* – «сильно сжать» (бур. *Барг. бахалуурайн бала бажуужа хаяhайб* – «придушил бы»); ойр. Синьцз. *балца адхаад орки-* – «схватить и крепко сжать»; бур. *балба-* – «мять, разминать». Значение «мять» также репрезентируется лексемами: в п.-монг. *talki-* – «мять в мялке, соскабливать, отскребать»[1]; монг. *талхи-*; бур. *талхи-* – «мять кожу, шкуру кожемялкой»; бур. *молхи-* – «мять»; бур. *толхи-* – «кромсать, крошить чем-л. тупым»; п.-монг. *elde-* – «мять, тереть, дубить кожу»[2]; монг. *элд-*; бур. *элдэ-*; калм. *элд-*; ойр. Синьцз. *элде-* – «выделывать кожу; мять; раскатывать тесто». По замечанию Ш. Балли, «наши голосовые органы производят *mutatis mutandis* те же символические движения, что и наши руки…» [1, с. 148].

В данном случае определяющую роль играет артикуляционная характеристика переднеязычного щелевого бокового ртового сонанта *l*. Во время его произнесения кончик языка и часть передней его спинки плотно прижимаются к верхним резцам. Именно плотностью «прилипания» языка обусловлено развитие во многих языках значений «липкий», «слабый», «плоский», «гладкий», «лепить», «льнуть», «клеить» и др. [4, с. 288]. Здесь звук *l* в превербах бала, балца передаёт плотность смыкания пальцев. Тесная семантическая связь наблюдается с бур. *балшыса* – «с поличным, на месте преступления» < «крепко, надёжно, наверняка» (*балшыса бари-* – «поймать с поличным»).

Значение «сплющенный, плоский» прослеживается в бур. *била сохи-* – «(рас)плющить»; ойр. Синьцз. *билце цоки-* – «совсем расплющить»; ойр. М. *biltsĕ dară-* – «раздавить»[3]; ойр. М. *biltsĭrĭ-* – «раздробляться, разбиваться, раздавливаться»; калм. *балцл-, билҗл-*; ойр. Синьцз. *балцал-, билҗил-, билцел-* – «раздавить, сплющить»; монг. *бялцла-* – «давить, раздавить, сплющить»; *бялцра-* – «лопнуть, раздавиться, сплющиться»; монг. *илж цохи-* – «разбить, размножить, раздробить»; калм. *илҗл-*; ойр. Синьцз. *илҗил-* – «раздавливать»; бур. *нила дара-* – «раздавить». Как справедливо утверждает М. Базаррагчаа, в монгольском языке превербы *бяц* (*бур. биса, биза*), *няц* (бур. *низа, няза*) возникли в результате выпадения согласного *l* перед аффрикатой *č*: *bilča → biča* [5, с. 36].

Значение «бить, колотить» реализуется в п.-монг. *delbe* – «насквозь, напролёт»[4]; монг. *дэлбэ, бур. дэлбэ, дэлбэ hэлбэ, балба дэлбэ, дэлбэр*; ойр. Синьцз. *делве* – «вдребезги, совсем, в пух и прах»; ср.-монг. *dalbaru cabci-*[5]; монг. *далба сохи-* – «разбить, выбить»; п.-монг. *deles-* – «бить молотом, ковать, бить в бубен, колокол, таз»[6]; монг. *дэлс-* – «бить, колотить, ударять»; ср.-монг. *deled*ü-[7], *delet-*[8]; п.-монг. *deled-* – «бить, сильно ударять, стучать, чеканить»[9]; монг. *дэлд-*; бур. *дэлдэ-;* калм. *делд-*; ойр. Синьцз. *делде-* – «стучать, бить, колотить, барабанить; бросать камнем; ударить, пришлёпнуть; ковать, чеканить»; также бур. *доло сохи-* – «жестоко избить»; *дүлэ сохи-* – «пробивать» (*үүдэ дүлэ сохи-* – «вышибать дверь»). В калмыцком языке отдельно дано значение *делд-* – «играть на музыкальном инструменте»; монг. д*элдвэр* – «барабанные палочки, палочки для литавр».

Кроме того, известны формы: ойр. Синьцз. *келте цоки-* – «разбить»; калм. *келтл-* – «откалывать, отламывать; оторвать»; ср.-монг. *keltelbe balγasuni* – «выщербил стену»[10]; монг. *хэлтлэ-*; п.-монг. *kelter-* – «отколоться, отпасть»[11]; монг. *хэлтрэ-* – «откалываться, отламываться»; *хэлтэрч холтро-* – «отклеиваться, отпадать, отваливаться»; бур. *хэлбэ hүрэ-* – «отколоться»; бур. *холбо / холборо түлхи-* – «столкнуть, спихнуть»; бур. *холбо хүрэ-* – «быть выбитым (напр. о бутылочной пробке); увернуться»; калм. *хольвл-* – «разрушать, разваливать; свергать»; бур. *холто-хүлтэ, холто-ёлто*; бур. *холто тата-* – «отодрать»; п.-монг. *qoltura-* – «отлупиться, отскочить, открошиться, отвалиться»[12]; монг.

[1] Там же. – С. 1642.
[2] Там же. – С. 210.
[3] БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. – Улаанбаатар, 1988. – Боть 2. – Ойрд аялгуу. – 97-дахь тал.
[4] Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. – Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. – P. 1720.
[5] Rachewiltz I. Index To The Secret History of the Mongols. – Bloomington: Indiana University, 1972. – P. 212.
[6] Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. – Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. – P. 1717.
[7] Rachewiltz I. Index to The Secret History of the Mongols. – Bloomington: Indiana University, 1972. – P. 215.
[8] Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб // Тр. Ин-та востоковедения. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. – Т. 14, ч. 1–2. – С. 140.
[9] Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. – Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. – P. 1716.
[10] Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб // Тр. Ин-та востоковедения. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. – Т. 14, ч. 1–2. – С. 215.
[11] Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. – Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. – P. 2477.
[12] Там же. – С. 933.

салам цохи- – «избивать»; ойр. Синьцз. *салва туса-* – «изодраться»; монг. *салбал-* – «разрушать, портить, ломать»; монг. *салбар-* – «разламываться, разрушаться»; ср.-монг. *salte, selte*[1]; монг. *сэлтлэ-* – «облупить», *сэлтрэ-* – «облупиться»; монг. *элт* – «вдребезги, на куски»; бур. *элтэ тата-* – «отломить»; ойр. Синьцз. *элтел-* – «дробить, крошить, отламывать»; монг. *элд-* – «бить, колотить» (*жанчиж элдэх* – «наносить побои, бить»); бур. *ялта-* – «откалывать от дерева куски для растопки»; монг. *ялтра-* – «отламываться, отколоться».

В монг. *үлт*, бур. *үлти* – «в пух и прах, вдребезги» (монг. *үлт цохи-*; бур. *үлти сохи-* – «бить, разбивать вдребезги; раздроблять, размельчать») первоначальной была сема «бить», хотя ныне в сознании носителей языка преверб больше ассоциируется с результатом действия – чем-либо мелким, раскрошенным, разваренным: монг. *үлтэс* – «осколки»; бур. *үлти зада һүрэшэһэн һолоомо* – «измельчённая солома»; *үлтирһэн мяхан* – «разваренное мясо». По мнению П. О. Рыкина, форма *ulit-* состоит из корня *uli-* и аффикса *-t*, придающего значение становления тем или усвоения того, что выражается основой (например, *хиртэ-* – «загрязняться»). Отмечая, что корень *uli-* никогда не встречается отдельно, исследователь на основе указанных выше значений *үлт, үлтлэ-, үлтэс* предполагает, что он имеет значение «небольшая часть чего-л.» [9, с. 194]. Близкая форма *бур. юлэ һүрэ-* – «пробить, продырявить».

2. Скольжение. Другая группа превербов передаёт идею скольжения, плавного движения в сторону, связанную с другой артикуляционной характеристикой согласного *l*. Если во время его произнесения прикрыть ладонью рот, то можно ощутить плавную воздушную струю, в связи с чем передача плавного движения не только воздуха, воды, но и различных объектов с помощью согласного *l* представляет собой лингвистическую универсалию. По замечанию Р. Брауна, «примитивная фонетическая символика берёт своё начало в процессе происхождения речи путём имитативной или физиогномической связи звуков речи и их значений» [8, с. 298]. Наиболее ярким представителем данной группы является п.-монг. *qaltu*, *qaltu mölt*ü – «вскользь, слегка, поверхностно, кое-как»[2]; монг. *хальт, халти мөлт*; бур. *халта, халта мүлтэ, халта хулта*; ойр. Синьцз. *халта* – «чуть-чуть, едва, слегка, мельком, мимоходом». Если все превербы имеют строго ограниченные возможности в сфере лексической сочетаемости, то *qaltu* может использоваться с чрезвычайно широким кругом лексем, благодаря развитию в нём значения «слегка, чуть-чуть» (в электронном корпусе бурятского языка насчитывается 873 ед.). Первоначальная семантика скольжения отчётливо видна в монг. *халти гишгэ-*; бур. *халта гэшхэ-* – «оступиться»; ср.-монг. *qaltari-*[3]; п.-монг. *qalturi-*[4]; монг. *халтир-*; бур. *халтир-*; калм. *хальтр-*; ойр. Синьцз. *хальтар-* – «скользить, поскользнуться»; также п.-монг. *qalγu-*[5]; монг. *халга-* – «скользить».

С инициальным *m* представлены формы: монг. *мөлт*; бур. *мүлтэ* – «вскользь»; монг. *талт мөлт* – «вскользь»; монг. *мулз, мулт*; бур. *мулта*; калм. *мөлт*; ойр. Синьцз. *Мөлте*; монг. *мулт тат-* – «выдернуть»; ср.-монг. *mültül-, mültüre-*[6]; п.-монг. *multul-* – «скинуть, раздевать»; *γutul multul-* – «скинуть сапоги»[7]; калм. *мүльҗ-* – «оступаться, ступать криво; косолапить»; ойр. Синьцз. *мүлжи-* – «вывихнуть»; бур. *Барг. хүлөө мульжагад гүүлэ-* – «подвернуть ногу». В названии калмыцкого национального танца *мульҗлһн* заложено такое движение танца, как подворачивание ноги. Близкие значения реализуются в корнях с начальным звуком *b*: монг. *булга, бүлт, бур. булга, булгара*; ойр. Синьцз. *булга: булга тат-* – «выдернуть с корнем»; *булга гишгэ-* – «подворачивать ногу»; бур. *бүлгэ сохи-* – «сбить (напр. головку гвоздя)»; монг. *бүлт үсрэ-* – «выскакивать, выпадать»; монг. *бүлт цохи-*; калм. *бүлт цок-* – «выбивать»; ойр. Синьцз. *Булта*; бур. *бэлтэ* – «совсем»; монг. *булжи-* – «сводить, скрючить (руки, ноги во время болезни); вывихнуться (о суставах)».

Движение в сторону прослеживается в монг. *халба ун-*; бур. *халба уна-* – «в испуге податься в сторону, отшатнуться»; бур. *хала буу-* – «отскакивать в сторону (о лошади)»; бур. *халга-* – «рикошетировать»; а также в монг. *далдир-* – «резко отводить голову в сторону (от удара); мотать головой; шарахаться, бросаться в сторону (о лошади)»; бур. *далтир-* – «уклоняться, прятаться, отклоняться

[1] Rachewiltz I. Index to The Secret History of the Mongols. – Bloomington: Indiana University, 1972. – P. 303.

[2] Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. – Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. – P. 800, 2059.

[3] Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб // Тр. Ин-та востоковедения. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. – Т. 14, ч. 1–2. – С. 290.

[4] Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. – Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. – P. 801.

[5] Там же. – С. 797.

[6] Rachewiltz I. Index To The Secret History of the Mongols. – Bloomington: Indiana University, 1972. – P. 268.

[7] Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. – Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. – P. 2042.

(от удара); пугаться»; калм. *дальтр-*; ойр. Синьцз. *дальтара-* – «уклоняться; ускользать, увиливать».

3. Царапание. В результате объединения первых двух сем: «удара» и «движения в сторону» в ряде лексем развилось значение «оцарапать, содрать»: монг. *халц цохи-* – «ударом содрать кожу»; бур. *халза hүрэ-* – «ободраться»; п.-монг. *silbura-* – «оцарапаться, саднить кожу»[1]; монг. *шалба цохи-, шулба цохи-* – «бить до нанесения раны, ссадины»; монг. *шалби цохи-* – «сильно бить, избить до изменения формы»; бур. *шалба сохи-, шалза тата-* – «содрать, ссадить»; бур. *шолбо сохи-* – «сильно избивать»; калм. *шолвл-*; ойр. Синьцз. *шулвал-* – «содрать, поцарапать»; бур. *шулга тата-* – «оцарапать»; монг. *шулгар-* – «сдираться (о коже), получить ссадину, царапину»; п.-монг. *iltara-* – «оцарапаться»[2]; бур. *долго маажагда-* – «расцарапаться»; доло – «совсем, начисто, совершенно, в пух и прах» (*доло сохи-* – «ободрать»; д*оло хиидхэ-* – «ободрать»; *доло шудар-* – «выскоблить»); *нюла сабша-* – «косить траву дочиста»; *нюлга тата-* – «оцарапывать»; *үбдэгөө нюлга уна-* – «упасть, оцарапав колено».

4. Щипание. Ойр. Синьцз. *Зулhа*; ойр. М. *džulгй, žulгй* – «снимать кожу, покров»[3]; монг. *зулга, зулга татах* – «снимать кожу, кожицу»; бур. *зулга hабарда-* – «выцарапывать» дали глагольные формы: п.-монг. *ǰulγa-* – «теребить, выдёргивать волосы, траву, шерсть»[4]; монг. *зулгаа-*, бур. *зулгаа-* – «теребить, выдёргивать, выщипывать; рвать, полоть»; также калм. *җул-* – «выдёргивать, вырывать (волосы, перья)». В. И. Рассадин сопоставляет бур. *зулга*, монг. *зулга*, имеющие семантику сдирания, с деепричастием **ǰulqa* от др.-тюрк. *ǰulq-* – «обдирать», подкрепляя примерами кирг. *жулк-* – «дёрнуть, рвануть»; тат. *йолк-* – «дёргать, выщипывать»; тув. *чул-* – «выщипывать». Как предполагает автор, монг. **ǰulγa* взято из какого-то древнего тюркского джекающего языка (возможно, типа киргизского) [3, с. 97]. Однако гомогенность формы **ǰulγa* в системе монгольских превербов в определённой мере свидетельствует о её автохтонности. В «Этимологическом словаре алтайских языков» к Пмонг. форме **ǯul-* – «срывать, вырывать; терять волосы, быть выщипанным» Птюрк. **jol-* – «срывать, вырывать, выщипывать» и Птунг. **ń[u]l-* – «линять, вылезать (о шерсти, перьях); голый» даются в качестве параллелей [10, с. 1019]. С инициальным *n* функционирует бур. *нулгаа-* – «теребить, выдёргивать, выщипывать; рвать, полоть», сжимание зубов стало мотивирующим в монг. *нулгаа-* – «тянуть зубами; откусывать, отрывать зубами»; *нулгала-* – «отрывать зубами».

В данном случае снова определяющую роль играет прижимание кончика языка к верхним резцам во время произнесения звука *l*, с помощью этого движения моделируется жест зажимания пальцами чего-л. В качестве наглядного примера можно привести семантически близкий глагол *čimke-* – «щипать». Артикуляционный признак губно-губного *m*, при произнесении которого происходит смычка, сжимание губ, обусловил функционирование звукосимволического корня **čimk*, воспроизводящего жест щипания пальцами: п.-монг. *čimki-* – «щипать; срывать ногтями»[5]; *čimči-*[6]; монг. *чимхэ-*; бур. *шэмхэ-*; калм. *чимк*; орд. *čimke-*; даг. *čиēk*, бао. *čoŋGə-*; ж.-уйг. *Čimke*; мнгр. *ćiŋgi-*, *ćimō-* [10, с. 430] – «щипать, пощипывать; защемлять». Как отмечает Б. М. Гаспаров, «мы можем также представить себе жест, со всей присущей ему кинетической экспрессивностью, без зрительного воплощения исполнителя этого жеста. Кинетическое представление играет очевидную роль в образной репрезентации выражений, смысл которых связан с физической или символической идеей движения» [2, с. 252].

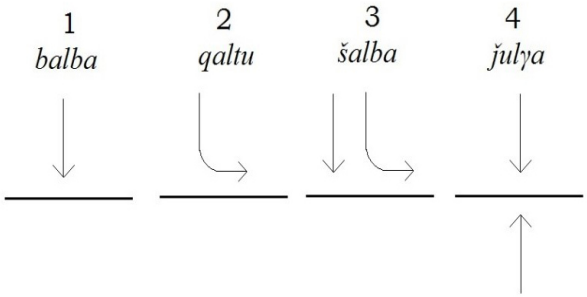
Заключение. Рассмотренные превербы монгольских языков приведены в таблице.

C_{un} / V	a	e	i	o/u	ö/ü
ø	–	elt	–	–	ült
ǰ	–	–	–	ǰulγ	–
š	šalǰ, šalb	–	–	šolb, šulγ	–
s	salt, salb, salm	selt	–	–	–
q/k	qal, qalt, qalb,qalč	kelt, kelb	–	qult, qolt, qolb	–
d	–	delb	–	dol, dolγ	dül
t	talt	–	–	–	–
b	bal, balb, balč	belt	bil, bilǰ, bilb, bilč	bulγ, bulb	bült
m	–	–	–	mulǰ, mult	mült
n	–	–	nil, nilγ	–	–

[1] Там же. – С. 1499.
[2] Там же. – С. 306.
[3] БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. – Улаанбаатар, 1988. – Боть 2. – Ойрд аялгуу. – 228-дахь тал.
[4] Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. – Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. – P. 2390.
[5] Там же. – С. 2172.
[6] Lessing F. D. Mongolian-English dictionary. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. – P. 185.

Как видно из таблицы, при вокалическом чередовании в инициальной позиции чаще всего встречаются согласные *b* – 25 %, *q*/*k* – 22 %, *s*/š – 20 %. В данной группе не представлены в анлауте согласные *y, č,* γ/*g, p.*

В результате исследования выявлено четыре основных действия, характеризуемых превербами с согласным *l*: удар, скольжение, царапание и щипание, которые можно представить в виде схемы.



Типы действий, передаваемых превербами с согласным l
Types of actions referred by preverbs with stem consonant l

Семантика корневой морфемы интерпретируется в зависимости от места и способа артикуляции её доминанты, в данном случае согласного *l*. Первая и четвёртая семы «удар» и «щипание» развились благодаря плотному прижиманию кончика языка к верхним резцам; вторая «скольжение» – благодаря плавности артикуляции доминантного звука; третья «царапание» – в результате объединения обоих признаков. Широкий спектр образных корней служит для передачи тончайших нюансов, формирует богатый словарь для характеристики действий, отличающихся друг от друга едва заметными, незначительными признаками. Несомненно, дальнейшее изучение звукосимволических свойств согласного *l* на основе как образной, так и «энциклопедически нагруженной» лексики позволит уточнить проведённый в данной работе анализ.

Список использованных сокращений

бао. – баоаньский
баят. – баятский
бур. – бурятский
бур. Барг. – баргузинский говор бурятского языка
даг. – дагурский
дерб. – дербетский
дзахч. – дзахчинский
др.-тюрк. – древнетюркский
ж.-уйг. – жёлто-уйгурский
калм. – калмыцкий
кирг. – киргизский
мог. – могольский
мнгр. – монгорский
нан. – нанайский
ойр. М. – язык ойратов Монголии
ойр. Синьцз. – язык ойратов Синьцзяна
орд. – ордосский
п.-монг. – старописьменный монгольский
Пмонг. – протомонгольские языки
Птунг. – прототунгусо-маньчжурские языки
Птюрк. – прототюркские языки
ср.-монг. – среднемонгольский язык
тат. – татарский
тув. – тувинский
урянх. – урянхайский
хотон. – хотонский
элет. – элетский

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Изд. 2. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.

2. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.

3. Рассадин В. И. Об одной тюрко-монгольской корреспонденции в морфологии // Монгольский лингвистический сборник. М.: Наука, 1985. С. 92–98.

4. Сундуева Е. В. Внутренняя форма названия обряда милаан в бурятском языке // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание, искусство: VI Доржиевские чтения. СПб.: Гиперион, 2015. С. 286–292.

5. Базаррагчаа М. Дүрслэх үг бие даасан ай болох нь // Монгол судлал. Боть 27. 3-р дэвтэр. 2007. 23–41-дэх тал.

6. Bese L. A Study in Buryat preverbs // Acta Orientalia Hungarica. 1966. T. XIX. P. 217–244.

7. Bese L. Contribution to the Problem of the Mongolian Preverbs // Acta Orientalia Hungarica. 1970. T. XXIII. Fasc. 2. P. 177–188.

8. Brown R. Psycholinguistics // First Free Press Paperback Edition. 1972. 382 p.

9. Rykin P. O. The Social Group and its Designation in Middle Mongolian: The Concepts Irgen and Oboq // Forum for Anthropology and Culture. 2004. P. 183–210.

10. Starostin S., Dybo A., Mudrak O. (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov). Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. 2096 p.

Статья поступила в редакцию 13.01.2017; принята к публикации 28.02.2017

Библиографическое описание статьи

Сундуева Е. В. Превербы с корневым согласным *l* в монгольских языках // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 163–169. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-163-169.

Ekaterina V. Sundueva,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 677047, Russia),
e-mail: sundueva@mail.ru

Preverbs with Stem Consonant *l* in Mongolian Languages

The paper deals with the sound symbolic nature of preverbs with the root consonant *l* in the Mongolian languages, which form a large part of 35 %. A wide range of preverbs serves to refer subtle nuances, forms a rich vocabulary to describe the actions that differ from each other by subtle signs. Using data of psychophysiology, the author aims to reveal the relationship between sound *l* and meaning of preverbs. The study identified four main actions, characterized by preverbs with consonant *l*: impact, sliding, scratching, and pinching. The semantics of the root morpheme is interpreted depending on where and how its dominant consonant *l* is articulated. The first and fourth actions 'impact' and 'pinching' developed in result of the tightly adjusting the tip of the tongue to the upper incisors. The second action 'sliding' appeared due to the smooth articulation of the dominant sound *l*, and the third 'scratching' in result of combining both features. In this case, the movements of the tongue and the air at the time articulation of the consonant *l* serve as mimic imitation of the process of external nature, sound complexes, generated by such movements replacing the facial expressions have become the symbols of depicted external processes.

Keywords: Mongolian languages, preverbs, sound symbolism, meaning, articulation

References

1. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka. Izd. 2. M.: Izd-vo inostrannoi literatury, 1955. 416 s.
2. Gasparov B. M. Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 352 s.
3. Rassadin V. I. Ob odnoi tyurko-mongol'skoi korrespondentsii v morfologii // Mongol'skii lingvisticheskii sbornik. M.: Nauka, 1985. S. 92–98.
4. Sundueva E. V. Vnutrennyaya forma nazvaniya obryada milaan v buryatskom yazyke // Buddiiskaya kul'tura: istoriya, istochnikovedenie, yazykoznanie, iskusstvo: VI Dorzhievskie chteniya. SPb.: Giperion, 2015. S. 286–292.
5. Bazarragchaa M. Dγrslekh γg bie daasan ai bolokh n' // Mongol sudlal. Bot' 27. 3-r devter. 2007. 23–41-dekh tal.
6. Bese L. A Study in Buryat preverbs // Acta Orientalia Hungarica. 1966. T. XIX. P. 217–244.
7. Bese L. Contribution to the Problem of the Mongolian Preverbs // Acta Orientalia Hungarica. 1970. T. XXIII. Fasc. 2. P. 177–188.
8. Brown R. Psycholinguistics // First Free Press Paperback Edition. 1972. 382 p.
9. Rykin P. O. The Social Group and its Designation in Middle Mongolian: The Concepts Irgen and Oboq // Forum for Anthropology and Culture. 2004. P. 183–210.
10. Starostin S., Dybo A., Mudrak O. (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov). Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. 2096 p.

Received: January 13, 2017; accepted for publication February 28, 2017

Reference to the article
Sundueva E. V. Preverbs with Stem Consonant *l* in Mongolian Languages // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 163–169. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-2-163-169.

 ISSN 1996-7853 ISSN 2542-0038 (Online)

ЗВЕНЯЩАЯ СТРУНА: ДУША УЧЁНОГО

A RINGING STRING: THE SOUL OF A SCIENTIST

(поэтическая рубрика памяти выпускающего редактора Галии Дуфаровны Ахметовой – Нины Ганьшиной)

ТЕМА НОМЕРА:

«Рифмы создаю не по указке,
Просто так пишу – по сердца зову…»

Д. Л. Стровский

Галия Дуфаровна АХМЕТОВА

доктор филологических наук,
профессор

* * *

Мне кажется, я всё ещё в пути.
Ах, чей там голос слышится вдогонку?
Не оглянусь. Ведь я должна дойти
Туда, где колокол сияет звонко.

Уйдите прочь, несмотреные сны.
Швырну в огонь написанные строки.
Ах, колокол в сиянии Луны!
Такой же гордый. Так же одинокий.

Но что за ним? Бессмертие Души?
Сияние невиданного мира?
…Заплачу я, когда поёт в тиши,
Как Божий дар, невидимая лира.

Е. Л.

Ах, услыхав мои стихи,
Вы скажете, смеясь глазами:
«Я не читал таких плохих,
Пока не повстречался с Вами».

И я, отчаянно грустна,
Слезами вымочу страницы
И напишу: «Взошла Луна.
Заснули радостные птицы».

Снежинок ясные глаза.
Семь звёзд Медведицы усталой.
Сияет тихая слеза
На лике старого квартала.

И, перепутав все следы,
Рыдали старые паяцы,
В лучах сиреневой звезды
Забыв над миром посмеяться.

Дмитрий Леонидович СТРОВСКИЙ

доктор политических наук, профессор,
Ариэльский университет
(Израиль, г. Ариэль),
e-mail: strovsky@mail.ru

* * *

Рифмы создаю не по указке,
Просто так пишу – по сердца зову…
Кажется мне, будто на салазках
Скатываюсь в детстве с горки снова.

Хорошо! И хочется мне очень,
чтобы мир наш сделался добрее.
И несусь я к детству, что есть мочи.
Все несусь. А хочется быстрее.

К маме с папой, к бабушке Матильде –
к стержню, что лежит в моей основе.
Пусть я взрослый, стал за годы сильным,
Но хочу вернуться в детство снова.

Я пишу стихи не по указке...
В них себя оцениваю будто,
Вспоминая детские салазки,
что катились с горки очень круто.

***

Мелкий дождик за окном,
Всё идёт не прекращаясь.
Колесо судьбы вращая
По спирали. День за днём.

Мелкий дождик есть везде,
Но в Израиле – особый.
Каждый день здесь – это новый
Мир познания в себе.

Открываю этот мир,
Как неопытный мальчишка.
И бесчисленные шишки,
Как лечебный эликсир.

Отступаюсь и встаю.
И опять иду по кругу,
По израильской округе –
той, которую люблю.

Уставать нельзя пока.
А на утренние лужи
Дождик листья мерно кружит.
Подгоняя их слегка.

Он идёт, неспешно так,
Проливая капли эти
По израильскому свету
И с молитвой на устах.

***

Уходят близкие, уходят дальние,
И никого потом не остаётся...
А на перроне ждут вагоны спальные,
Состав по рельсам вскоре понесётся.
И нам всё кажется: вагончик тронется,
И мы поедем в нём навстречу к лучшему…
Под стук колёс – по-прежнему бессонница,
И где-то в прошлом медвежонок плюшевый.
И время скорое, и поезд в скорости.
Так хочется нажать на ручку тормоза!
Совсем без умысла, без всякой кОрысти,
Чтоб оживить родные сердцу образы...

* * *

Я скучаю по душевным людям,
что мне очень дороги давно.
Говорю себе, что встречи будут,
что я жив и не залёг на дно.

Я несу в себе воспоминанья –
это не иссякнет у меня.
Тихо, без наветов и стенаний,
без снобизма, бури и огня.

Потому что если что-то помнишь –
то совсем не нужно много слов,
Я не знаю, пешим или конным,
но приду к вам я без громких слов.

Всё в душе живёт и тихо дышит.
Всё в себе несу в иной стране.
Человек случайный не услышит,
что осталось глубоко во мне.

Это что-то ёмкое, большое,
что уйдёт со мной в незримый век...
Может, и писать о том не стоит,
Но и я тогда не человек.

Александр Борисович ВИНОКУР

кандидат физико-математических наук
(Израиль, г. Тель-Авив),
e-mail: alex.vinokur@gmail.com

***

Страдать и мучиться словами,
Искать вопрос, а не ответ.
Найти. Украсить кружевами,
И осчастливить белый свет.

И стать в сторонке, словно лишний, –
Инстинкт, скорее, чем расчёт.
И, избегая встречи личной,
Мечтать, что кто-нибудь прочтёт...

Мир на угольях. Небо красно.
Осанна медному грошу.
А ты – о вечном, о прекрасном.
Не страшно? – Страшно. Но пишу.

***

И снова Бунина открою,
Найду зачитанный рассказ,
В котором грешные герои
Тайком сбегают на Кавказ.

Они всё там же, тот же вечер.
И я взволнован вслед за ним
Почти срывающейся встречей
И притяженьем неземным.

Нет никого, есть только люди.
Но вот сквозь страх и пустоту
Идёт она. И будь, что будет,
Пока Всевышний на посту.

Свисток последний, но не поздний,
Нет сил забыться и обнять.
Сто лет уходит этот поезд
И возвращается опять.

***

Недоскажи чуть-чуть. Оставь возможность
Быть понятым не так, как ты хотел.
Пусть говорят, что это слишком сложно,
Что выразить себя ты не сумел.

Что стих, как жизнь,
нельзя слагать не целясь...
Но ты ведь знаешь: дело просто в том,
Что истина рождается как ересь,
А истиной становится потом.

***

Ну, что тебе сказать про интроверта?
Письмо в нераспечатанном конверте,
Которое ни вскрыть, ни прочитать.
Не сострадай. Он всё берёт от жизни,
Предпочитая вечный опыт книжный.
С самим собой ему не одичать.

Конечно, есть соблазны и снаружи,
В соседнем мире можно жить не хуже,
И люди вызывают интерес.
Но не надолго – до того похожи,
И каждый раз одно, одно и то же,
Вовек. И не предвидится чудес.

***

В зазеркалье залива
Небо ярче огня.
Это слишком красиво,
Не для каждого дня.

Нам бы счастье попроще,
Мы немногого ждём.
Вечер. Гулкая площадь
С моросящим дождём.

И мечтать терпеливо,
Никого не виня, –
Зазеркалье залива,
Небо ярче огня.

Василий Васильевич ИВАНОВ
(литературный псевдоним ***Иванов-Тот***)

доктор филологических наук,
писатель, литературовед
(Россия, г. Петрозаводск),
e-mail:geolea@bk.ru

Прабабушка Марья

Памяти Галии Ахметовой

Сто пять было Марье,
Старейшина рода,
В округе вождём
Почиталась народа.

Собрав своих ближних,
На праздник весёлый
Велела готовить
Деревни и сёла.

Ни в книге народа,
Ни в книге церквей
Не значился праздник,
Но верили ей.

Кто брагу варил,
Кто избу убирал,
И вот этот праздник,
День третий, настал.

Весь дом двухэтажный,
Семь комнат жилых,
Сама мыла Марья,
Родню отстранив.

На Севере Русском,
С поры ледовитой,
С ведийской эпохи
Тот дом знаменитый –

И люди, и скот, –
Все под крышей одной,
Зима там долга,
Да и холод большой.

В том доме в аршин
Ширина половицы,
И вымыть тот пол –
Это надо трудиться.

Вода и песок –
Из реки Таржеполки,
Голик для мытья
Подарили ей волки.

Ведь Марья дружила
С народом волков,
И каждый из них
Помогать ей готов.

Вот верхний этаж
Засиял желтизной,
Запахло по комнатам
Свежей сосной.

А Марья запела,
Как пела когда-то,
Как парня её
Забривали в солдаты.

Потом завела она
Вдруг плясовую,
И снова голик
Замелькал вкруговую.

Работа внаклонку,
Но первый этаж
Сияет теперь,
Словно солнечный пляж.

И Марьюшка вышла
Босой на крыльцо,
И певное солнцу
Сказала словцо.

Был тонкий ледок
На весеннем крыльце,
И, падая, Марья
Смеялась в конце.

– Не плачьте, – сказала
Родне и соседям, –
Сегодня уедем,
А завтра приедем.

Гуляйте и пойте –
По нраву веселье
Тому, кто справляет
Своё новоселье…

И надо же, тёплый,
Бушующий ливень
Из тучи сверкнул,
Словно мамонта бивень.

Тот день после смерти
Могучей старухи
Сто лет уже с лишком
Запомнили слухи.

Тот год, а за ним
Ещё несколько кряду
Земля урожаем
Давала награду:

«За то нам даётся
Небесная сила,
Что Марья на Небе
За нас попросила».

23.01.2016

Елена Ивановна ЗЕЙФЕРТ

доктор филологических наук, профессор
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, г. Москва),
e-mail:elena_seifert@list.ru

На кончике языка

ощущая в себе новорождённое чувство
бесконечно долго
нащупывал края
той доли секунды
когда родившая самка
начинает
вылизывать или поедать
своего детёныша

* * *

хочу улететь одна
но при входе в аэропорт
звенят
крышки
канализационных люков
города
поселившегося
в лёгкой складочке
в уголочке
моего рта

* * *

мы разные

ты часовая стрелка
я минутная

но каждому из нас достаётся бокал вина
которым нас обносит суетливая
секундная стрелка

* * *

у всех дочкиных кукол вырваны ресницы

но зеркальце предательски молчит

* * *

и не нужно было этой встречи

ты закуриваешь подпаливая ресницы
я пью через соломинку жидкое мыло

* * *

что мы с тобой только ни делали
писали гвоздями и молотком слово angeln
на языке брайля
раскрашивали ночной ветер
ходили по заросшему грибком килю
движущегося корабля
но так и не додумались обнять друг друга

* * *

ты перестал улыбаться
словно боишься разбудить
младенцев
моих чувств
спящих
в твоих мимических морщинках

* * *

на меня
одетую в каплю духов
оглушительно падают
густые звёзды
из созвездия
твоей
трёхдневной небритости

* * *

прикасаюсь пальцами к твоей руке
и родинка у прожилки на твоём запястье
оказывается
крохотной живой офелией
с рассыпавшимися по плечам
ещё влажными волосами

* * *

дочка быстро бежит ко мне сквозь снегопад
оставляя за собой тысячи
воздушных человечков в нелепых позах
которых сразу убивает снег

Вячеслав Исаевич Теркулов

доктор филологических наук, профессор,
Донецкий национальный университет
(Украина, г. Донецк),
e-mail: terkulov@rambler.ru

Мария

Мария красива, потому что она Мария,
Потому что она существует
в написанных кем-то полотнах.
Она королева эфира, вырывающегося
из диглоссии
несказанных слов, мелодий свинга,
души бесплотной.

Мария ходит в красивых одеждах,
а иногда без оных,
И это важно – она гармонична
в обнажённости времени,
И утром её согреет кофе, озвученный
в телефоне
Вчерашнего дня, прожитого келейно.

В разговорах с подругой, в заботах
о хлебе насущном,
в прикосновеньях дождя
и бездушных прохожих...
Мария, завтрашний день будет
намного лучше:
Он будет пульсировать в венах
под тонкой кожей.

И ступа ступеней отзовётся гулко
в этом пульсе,
и пятен не будет на солнце, но будут на небе,
Которое исполнено
по всем законам искусства.
И как тут поверить в то, что ты не Небыль?

Привычка

Я становился привычен, как утренний кофе,
Как гулкое уханье лифта, везущего на работу,
Как врач, для которого и витамины, и морфий –
Всего лишь лекарства. Я вышел
на автопилоте
Из дома, увидев своё отраженье в витрине
напротив
Подъезда и гору, похожую чем-то
неназванным на Голгофу.

Я шёл повторяемой фразой навязчивой
песни,
в которой другие слова почему-то забыты.
Автобусный призрак катился со мной
бестелесным,
Мечтая приехать хотя бы к рассвету
на Крытый.
Я ехал, привычный, по улицам, светом
залитым,
В автобусе зимнем, обыденном,
неинтересном.

Я ехал, придуманный кем-то
в молчанье квартирном,
В стихах, сочиняемых ночью,
как перед расстрелом,
И люди напротив сидели в протёртых
мундирах.
В кармане звенела вчерашнего вечера
мелочь,
А я становился обыденных вин виноделом
В твоём
незашторенном
мире.

Призрак

Здесь холодно, здесь отблеск фар в окне
И звук шагов, застывший в анфиладах,
Здесь призрак мой не помнит обо мне,
Не ищет встреч и не сулит награды.

Здесь всё осталось в возрасте Христа,
В ночных кошмарах, в выпитом портвейне.
В осколках разведённого моста,
В несказанных словах прямолинейных.

Здесь не забыть распахнутую дверь,
Не рассказать о страсти бестелесной,
Здесь призрак мой колышет колыбель
Пустую и бубнит чужую песню.

Здесь часики на маленькой руке
Стучат-стучат, мучительно дотошны.
Здесь за окном – мальчишки на катке,
А перед ним – мой призрак еженощный.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

УДК 81`1

Замира Касымбековна Дербишева,
доктор филологических наук, профессор,
Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
(720044, Кыргызстан, г. Бишкек, пр-т Мира, 56),
e-mail: derb-07@rambler.ru

Тулебике Алимжановна Кульгильдинова,
доктор педагогических наук, профессор,
Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана
(A05F7H5, Казахстан, г. Алматы, ул. Муратбаева, 200),
e-mail: tulebike@mail.ru

Марина Владимировна Пименова,
доктор филологических наук, профессор,
Военный институт (инженерно-технический) ВА МТО
(191123, Россия, г. Санкт-Петербург,
ул. Захарьевская, 22),
e-mail: MVPimenova@yandex.ru

XXIII Зимняя научная школа, посвящённая 75-летию Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, 19–23 декабря 2016 г.)

В 2016 году 19–23 декабря состоялась XXIII Международная летняя научная школа «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования». Эта школа была проведена на базе Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (г. Алматы, Казахстан). Слушателями школы стали аспиранты, магистранты, преподаватели вузов из четырёх стран: России, Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана. Лекторами на научной школе выступили профессора из трёх стран: России, Казахстана и Кыргызстана: Ольга Игоревна Бродович (г. Санкт-Петербург, Россия), Замира Касымбековна Дербишева (г. Бишкек, Кыргызстан), Владимир Ильич Карасик (г. Волгоград, Россия), Багдан Катаевна Мамынова (г. Алматы, Казахстан), Ольга Николаевна Морозова (г. Санкт-Петербург, Россия), Марина Владимировна Пименова (Санкт-Петербург, Россия), Карлыга Таскалиевна Утегенова (г. Уральск, Казахстан). Темами лекций на школе стали проблемы когнитивной лингвистики, концептологии, лингвокультурологии, лингвоперсонологии, концептуальной, языковой, фольклорной картин мира. Красота бывшей столицы, живописные горы, живое научное общение, обширная культурная программа – вот те основные факторы, которые привлекают учёных разных стран, приехавших на эту школу от Балтики до Иссык-Куля.

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана берёт своё начало с трудного 1941 года, когда в Алма-Ате – столице республики – был создан Казахский государственный учительский институт иностранных языков. История становления и развития университета тесно связана с развитием иноязычного образования в стране, которая называлась Союз Советских Социалистических Республик. В трудные 90-е годы XX века университет вставал на свои ноги, поднимал кадры, учился быть независимым. В настоящее время КазУМОиМЯ – один из ведущих вузов Республики Казахстан.

© З. К. Дербишева, Т. А. Кульгильдинова, М. В. Пименова, 2017

Зимняя Международная научная школа «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования», которую возглавляет доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент САН ВШ, почётный доктор ВА МТО (г. Санкт-Петербург) Марина Владимировна Пименова, проводилась с 19 по 23 декабря 2016 года в стенах одного из самых первых вузов Казахстана, флагмана лингвистического образования – Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана (далее КазУМОиМЯ) в честь его 75-летия (рис. 1). Сопредседателем оргкомитета стала начальник управления учебно-методического объединения КазУМОиМЯ Абылай хана – доктор педагогических наук, профессор Тулебике Алимжановна Кульгильдинова.

Одним из гарантов успешности этого вуза является то, что во главе образовательной политики руководства вуза находится наука, благодаря чему университет имеет плодотворные связи со многими европейскими научными центрами, успешно реализует исследовательские проекты. Именно интерес к новым направлениям в развитии лингвистической науки инициировал ректора обратиться к когнитивной лингвистике как к новой платформе освоения технологий изучения иностранных языков. С этой целью в декабре 2016 года в университет были приглашены ведущие российские, казахские и кыргызские учёные-когнитологи.

Отметим, что мощный десант российских учёных был представлен такими специалистами, как д-р филол. наук, профессор Ольга Игоревна Бродович (ректор Института иностранных языков, г. Санкт-Петербург, Россия), Михаил Ильич Алексеев (Президент Санкт-Петербургского Института иностранных языков), д-р филол. наук, профессор Владимир Ильич Карасик (заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Россия), д-р филол. наук, профессор Замира Касымбековна Дербишева (профессор Кыргызско-Турецкого университета «Манас», г. Бишкек, Кыргызстан), д-р филол. наук, профессор Ольга Николаевна Морозова (заведующий кафедрой английской филологии, ЛГУ им. А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Россия).

За 75 лет университет достиг больших высот в науке и практике преподавания иностранных языков. В день чествования вуза об этом говорили все собравшиеся гости из разных стран. Особо отмечали заслуги педагогического коллектива КазУМОиМЯ, его возглавляет Салима Сагиевна Кунанбаева – ректор университета, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК, академик Международной академии наук высшей школы, основатель научно-методической школы иноязычного образования. Именно благодаря усилиям ректора и всего педагогического коллектива университет до-

Рис. 1. Пленарное заседание
Fig. 1. Plenary session

бился тех результатов, которые позволяют ставить его в ряд ведущих вузов Республики Казахстан.

Ректор университета – Салима Сагиевна Кунанбаева – руководит вузом уже не одно десятилетие. Будучи не только серьёзным учёным в области педагогической науки, она является топ-менеджером, благодаря чему ей удалось сохранить университет в смутное время становления независимой системы высшего образования Казахстана и, более того, осуществить кардинальные преобразования как в выборе образовательных приоритетов, так и в развитии инфраструктуры университета. Сегодня КазУМОиМЯ – это один из престижных вузов суверенного Казахстана, с высокими стандартами и современными технологиями.

Поскольку Зимняя научная школа «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» была посвящена 75-летию КазУМОиМЯ им. Абылай хана, в её рамках были проведены: 1) форум «Стратегические ориентиры профессионального иноязычного образования», посвящённый проблемам, связанным с иноязычным образованием и концептуальными исследованиями когнитивной лингвистики, что, на наш взгляд, отражает современные подходы к решению лингводидактических проблем вуза; 2) расширенное заседание УМО РУМС по группе специальностей «Иностранные языки» на тему «Теоретико-практические аспекты в подготовке трехъязычных специалистов» (рис. 2).

Научную школу «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» М. В. Пименова привезла в Алматы во второй раз. В первый раз такая школа была проведена в 2012 году в Казахском национальном университете им. аль-Фараби.

Для слушателей Зимней научной школы по когнитивной лингвистике был прочитан цикл лекций в объёме 72 часов, по завершению которого были вручены сертификаты.

В лекциях М. В. Пименовой для слушателей открылся увлекательный мир образов русской культуры, которые были раскрыты на материале русского фольклора. Марина Владимировна, будучи главным инициатором в организации научных школ на пространстве СНГ, объединяет учёных разных стран. С каждым годом уровень проводимых ею научных школ становится выше, а обучение в них – престижнее.

С особым волнением коллектив КазУМОиМЯ ждал лекции В. И. Карасика (г. Волгоград), который, отметим, был приглашён для сотрудничества в университет гораздо раньше, успешно читал лекции, вёл подготовку магистров. Лекции Владимира Ильича о языковой личности, о культурных стереотипах, лингвокультурных концептах в связи с сюжетными мотивами, а также когнитивных аспектах дискурса вызвали огромный интерес у аудитории.

Рис. 2. Заседание круглого стола
Fig. 2. Round table meeting

Лекции Ольги Игоревны Бродович (г. Санкт-Петербург) были посвящены проблеме фоносемантики, которая нашла живой отклик у слушателей, большинство из которых являются практиками преподавания иностранных языков. Именно обучение фонетическим аспектам в изучении языка в свете фоносемантики открыло для них новое осмысление и видение традиционных проблем методики изучения фонетических аспектов языка.

О. Н. Морозова из Санкт-Петербурга познакомила казахстанских коллег с основными положениями теории политического дискурса. Блестящее владение материалом, наглядность, богатство иллюстративного материала сделали её лекции незабываемыми. Востребованность её как специалиста по политической лингвистике была подтверждена тем, что во время пребывания в Алматы Ольгу Николаевну попросили прочитать лекции и в другом известном вузе.

Лекции кыргызского профессора Замиры Касымбековны Дербишевой были посвящены принципам и понятиям когнитивной лингвистики, апробированным на фактах кыргызского языка, представлен антропоцентрический взгляд на грамматику языка, а также дано описание кыргызской концептосферы через призму этноязыкового сознания.

Казахстанский учёный Багдан Катаевна Момынова рассказала об этноспецифике паравербальных казахских средств – жестов и мимики. Профессор Б. К. Момынова опиралась на художественные произведения и собственные наблюдения за носителями казахского языка.

Чтобы дать представление о проведённых мероприятиях, мы обратились к лекторам и слушателям. Участники Зимней школы высказали своё мнение о ней.

Владимир Ильич Карасик (д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета): «Мне было очень приятно принять участие в торжествах по случаю 75-летия Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана и в XXIII Международной зимней научной школе «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования». Запомнились сердечная теплота гостеприимных хозяев, заинтересованность слушателей школы, оживлённые дискуссии в коридорах, встречи с друзьями. Благодаря таким научным форумам происходит расширение круга учёных, которые исследуют актуальные проблемы когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, в наши ряды вливаются новые талантливые филологи. Мы прекрасно понимаем друг друга. Хотелось бы подчеркнуть значимость научных школ – встреч единомышленников, которые собираются по собственной инициативе и образуют ту научную среду, в которой непременно появляются новые идеи. Моя сердечная благодарность – профессору Марине Владимировне Пименовой, которой в 23-й раз удалось собрать интересную группу лекторов из разных городов России, Казахстана и Кыргызстана и привлечь в наше сообщество увлечённых лингвистикой слушателей».

Ольга Николаевна Морозова (д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина): «В первую очередь, конечно, большое спасибо Марине Владимировне Пименовой за такой чудесный шанс побывать в прекрасном месте и встретить таких замечательных людей!

С первых минут пребывания в Алматы и до отъезда я постоянно ощущала очень тёплую заботу, большой интерес и уважение ко всем лекторам школы. Самые сердечные слова благодарности организаторам школы и, несомненно, ректору университета, которая сумела в очень трудные времена создать прекрасную команду и вместе с ними построить университет, являющийся одним из ведущих в Казахстане – красивейшее здание, современные, хорошо оборудованные аудитории, творческий, высококвалифицированный коллектив, замечательные студенты.

И, конечно, особая благодарность за знакомство с такими замечательными слушателями. Очень интересно было услышать их вопросы и мнения по обсуждаемым в школе современным проблемам лингвистики.

Нельзя не выразить своё очарование природой и красотой города. Впервые увидела и полностью покорена сказочным видом гор. Я получила впечатления, которые навсегда будут напоминать мне о прекрасном зимнем Казахстане».

Карлыга Таскалиевна Утегенова (канд. филол. наук, доцент Западно-Казахстанского государственного университета им. Утемисова): «Размышляя о пройденном, я часто жалею о годах, потраченных на административную работу, на которую ушли самые продуктивные 15–20 лет моей жизни. Но, как гласит казахская мудрость “Өткен күнді қуып жетпессің” – вчерашний день и бегом не догонишь.

Мне кажется, что я начала интересно жить после встречи с Мариной Владимиров-

ной Пименовой, необыкновенным человеком и глубоким исследователем, во время проведения Зимней школы-2015 в Уральске. Это были дни, наполненные чудесными лекциями, встречами с удивительными людьми. Дни, оставившие массу положительных эмоций. И этот необыкновенный подъём продолжается по сей день. Сегодня дни мои наполнены творчеством, поиском нового, неизведанного вместе с моими студентами, магистрантами.

И каждая школа, в которой я участвую, дарит новые знания и дает новый импульс к моему саморазвитию и, соответственно, развитию моих студентов.

Зимняя школа, проведённая в КазУМОиМЯ им. Абылай хана, в декабре 2016 года отличалась, с одной стороны, академизмом, глубиной и фундаментальностью лекций учёных, с другой – их простотой и доступностью в общении.

Блестящие лекции профессора В. И. Карасика дали толчок к новым идеям и ещё, что немаловажно, я начала гордиться, что я филолог (как-то раньше об этом не задумывалась). Великолепные лекции профессора М. В. Пименовой вдруг родили мысль: “Как много у человека идей и как она видит то, чего не видят другие!”. Основательные лекции профессора З. К. Дербишевой заставили задуматься о глубинном сходстве казахской и кыргызской культуры. Исключительно интересными были и лекции профессора О. Н. Морозовой, которые нашли живой отклик в аудитории. Несмотря на то что, лекции профессора О. И. Бродович были посвящены достаточно узкой теме – фоносемантике, глубина и подача материала были настолько потрясающи, что захватили всех. Не могу не остановиться на фундаментальных исследованиях профессора Б. К. Момыновой и её захватывающей лекции.

Учёные представили язык как собственно ценность и как носитель ценностей, коснулись многих вопросов, которые оставили глубокий след в душе.

И вновь, возвращаясь к мысли о времени и о себе в нём, хочется вспомнить слова Вольтера “Время довольно длинно для того, кто им пользуется; кто трудится и кто мыслит, тот расширяет его пределы”».

Слушатели Зимней школы были из вузов четырёх стран: Казахстана, Кыргызстана, России, Узбекистана. Они поделились своими впечатлениями о школе.

Самал Абаевна Тулеубаева (д-р филол. наук, профессор кафедры востоковедения Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилёва, г. Астана, Республика Казахстан): «…Я впервые принимала участие в Зимней школе-2016, посвящённой проблемам когнитивной лингвистики и концептуальным вопросам. Получила новые знания, возможность послушать лекции известных учёных, имеющих опыт исследования и определённые достижения в данном направлении, углубила имеющийся научный фон. Полагаю, что подобный обмен информацией весьма важен и продуктивен с точки зрения генерации новых идей, обобщения имеющегося опыта и трансферта знаний, также он способствует поддержанию международных связей в области науки и образования.

Особо хотелось бы отметить позитивный дух, который царил в аудитории во время работы школы, культуру общения, которую при этом отличали открытость, непринуждённость, оптимистический и добрый настрой, умение достичь компромисса по всем вопросам. Выражаю благодарность всем организаторам за приложенные усилия и стремление делиться знаниями с широкой аудиторией специалистов и обучающихся. Это – благородная миссия, которая, несомненно, заслуживает уважения и всяческой поддержки».

Жанарсын Жуматовна Капенова (канд. пед. наук Павлодарского государственного университета имени С. Торайгырова): «Программа XXIII Зимней международной научной школы в Алматы была очень насыщенной и продуктивной. Прежде всего, хочется отметить организацию нескольких мероприятий в рамках актуальной на сегодняшний день проблемы полиязычного образования в Казахстане. Научная конференция, форум, школа – всё работало в унисон с главной темой. Сегодня, когда речь идёт о разноаспектном преподавании языка, возрастает роль когнитивной лингвистики и концептуальных исследований как научных направлений, позволяющих синтезировать достижения различных отраслей. В этом плане наиболее ценными были выступления д-ра филол. наук, профессора О. И. Бродович, д-ра филол. наук, профессора М. В. Пименовой, д-ра филол. наук, профессора З. К. Дербишевой, д-ра филол. наук, профессора О. Н. Морозовой.

Как слушатель школы, я получила новые знания и опыт сотрудничества в преподавании русского языка на современном этапе реализации полиязычного образования. Очень благодарна лекторам: д-ру филол. наук, профессору Л. К. Жаналиной, д-ру филол. наук, профессору В. И. Карасику, д-ру филол. наук, профессору М. В. Пименовой – за инновации-

онные научные идеи и содержательные лекции.

Особая благодарность оргкомитету мероприятий в лице М. В. Пименовой, Т. А. Кульгильдиновой и КазУМОиМЯ имени Абылай хана за тёплый приём и создание благоприятной научной ауры».

Дилрабо Келдиёровна Бахронова (ст. науч. сотрудник Узбекского государственного университета мировых языков): «Эта была моя первая поездка в Казахстан, в частности в Алматы. Главной целью посещения страны являлась Зимняя научная школа “Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования” и XXIII Международная научная конференция “Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике”, которые проходили 19–23 декабря 2016 года в одном из известных университетов Казахстана – КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Нас очень хорошо встретили организаторы школы и конференции, за что я им сердечно благодарна, к тому же они составили график работы, по которому мы не только занимались наукой, но культурно обогащались: посещали разные знаменитые места, в том числе и горные курорты Алматы.

Интересный материал подготовили В. И. Карасик, О. И. Бродович, М. В. Пименова, З. К. Дербишева, они поделились своими практическими знаниями о современной лингвистике.

На самом деле, мои знания о стране, о культуре народа ограничивались рассказами знакомых, впечатлениями из книг и фильмов. Благодаря добрым и отзывчивым людям, мои первые впечатления были очень яркими, потому что я смогла полностью окунуться в мир, который не известен человеку, не посетившему этот город.

Хочу выразить огромную благодарность Марине Владимировне Пименовой и сотрудникам вуза за то, что способствовали нашему отличному времяпрепровождению, и уверенно могу сказать, что при первой же возможности прилечу поучаствовать в таких научных мероприятиях».

В числе слушателей, которые побывали на предыдущей Зимней школе в Караганде, профессор *Батима Садыковна Жумагулова*. Она отметила: «Школы под руководством М. В. Пименовой собирают единомышленников, которым прослушанные лекции дают радость открытия, создания нового коммуникативного поля, обогащают знаниями. Это временный и в то же время постоянный коллектив, где общаются видные учёные, общение с ними даёт ощущение общего научного успеха, что способствует возрастанию авторитета научной школы. Школа представляет новое научное направление – концептологию. Зимняя научная школа “Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования” является связующим звеном между странами СНГ, независимо от страны и политической системы. Всё это не может не вызывать радость научного труда, понимание значимости подобных мероприятий, гордость за сопричастность к успеху лекторов этой школы.

Для лекторов этой школы наука – это призвание и служение. Все лекции, прослушанные на школе, носят творческий характер. Высококвалифицированный лекторский состав призван делиться научными знаниями, которые базируются на критериях объективности, соответствия истине, достоверности. Многие примеры, приводимые на лекциях, подтверждаются эмпирически, способны объяснить природу процессов и объектов, логику их существования. Несмотря на революционность некоторых положений, они не противоречат фундаментальным научным дисциплинам и методологии науки. Желание лекторов донести слушателям на лекциях школы новое, достоверное знание о концептологии нашло отлик у слушателей, которые пытались усвоить знания и привести их в стройную систему. Слушатели проявляли живой интерес к прослушанному, критически осмысливали некоторые положения межкультурного характера. Именно такое осмысление является движущим инструментом науки, который позволит расширить кругозор слушателей, нацелить их на поиск интересных фактов в собственной культуре.

Зимняя школа, которую организовала М. В. Пименова, является движущей силой в системе научного потенциала СНГ и пронизана научным содержанием благодаря участию ответственных учёных, лекции которых принимаются с особым восторгом.

В этом отношении научная зимняя школа обеспечивает развитие научного знания на базе достигнутого с чётко вырисовываемой перспективой, которая может быть выражена в форме соруководства докторскими диссертациями. М. В. Пименова, глубоко понимая пользу от таких школ, по собственной инициативе организовала школу в Алматы на средства выигранного ею гранта.

Проводимые школы являются не только источником научного и интеллектуального обновления знаний, но ещё и стимулом нравственного и эмоционального подъема, свя-

занного с посещением достопримечательностей города: высокогорный лыжный комплекс Чимбулак, высокорный каток Медео, парк Первого Президента и др.

Слушателями школы были не только лингвисты, но и философы, политологи, которые нашли общие точки соприкосновения, предложили разрабатывать учебники, в которых необходимо осмыслить с позиций концептуализации феномен власти, свободы, народа в двух и нескольких культурах.

Искренне восхищаюсь главным вдохновителем и движущей силой этой школы – Мариной Владимировной Пименовой! Она провела школу на высочайшем уровне, собрала столько людей, обеспечила достойное решение такого разнообразного круга проблем, уделила внимание каждому участнику и гостю! Спасибо Марине Владимировне за энергию, профессионализм, человечность».

Слушатели Зимней научной школы разъехались по домам с большим объёмом полученных знаний и впечатлений от города и КазУМОиМЯ.

Все – и лекторы, и слушатели – с большим нетерпением ждут следующую школу, которая состоится 17–23 апреля 2017 года в Бишкеке (эта научная школа будет посвящена 65-летнему юбилею профессора Замиры Касымбековны Дербишевой).

Статья поступила в редакцию 29.12.2016; принята к публикации 25.02.2017

Библиографическое описание статьи

Дербишева З. К., Кульгильдинова Т. А., Пименова М. В. XXIII Зимняя научная школа, посвящеённая 75-летию Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, 19–23 декабря 2016 г.) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 176–182.

Zamira K. Derbisheva,
Doctor of Philology, Professor,
Kyrgyz-Turkish University "Manas"
(56 pr. Mira, Bishkek, 720044, Kyrgyz Republic),
e-mail: derb-07@rambler.ru

Tulebike A. Kul'gil'dinova,
Doctor of Pedagogy, Professor,
Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages
(200 Muratbaeva st., Almaty, A05F7H5, Kazakhstan),
e-mail: tulebike@mail.ru

Marina V. Pimenova,
Doctor of Philology, Professor,
Military Institute (engineering and technical)
(22 Zakharievskaya st., St. Petersburg, 191123, Russia),
e-mail: MVPimenova@yandex.ru

XXIII Winter Scientific School: the 75th Anniversary of Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages (Almaty, 19–23 December, 2016)

The XXIII International Winter Scientific School "Cognitive linguistics and conceptual research" was organized on December 19–23, 2016. This school was conducted on the basis of the Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages (Almaty). School participants were graduate students, undergraduates, university professors from four countries: Russia, Kyrgyzstan, Kazakhstan, Uzbekistan. The lecturers at the School were the Professors Olga Igorevna Brodovich (Rector of the Institute of Foreign Languages, St. Petersburg, Russia), Zamira Kasymbekovna Derbisheva (Bishkek, Kyrgyzstan), Vladimir Ilyich Karasik (Volgograd), Olga Nikolaevna Morozova (Saint Petersburg), Marina Vladimirovna Pimenova (Saint Petersburg), Karlyga Taskalievna Utegenova (Uralsk, Kazakhstan). The themes of the lectures at the School were the issues of cognitive linguistics, conceptology, cultural linguistics, linguistic personology, conceptual, linguistic, folklore worldview. The beauty of the former capital, magnificent mountains, the living scientific communication, extensive cultural program – these are the main factors that attract scientists from different countries, who came to this school from the Baltic Sea to Issyk-Kul Lake.

Received: December 29, 2016; accepted for publication February 25, 2017

Reference to the article

Derbisheva Z. K., Kul'gil'dinova T. A., Pimenova M. V. XXIII Winter Scientific School: the 75th Anniversary of Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages (Almaty, 19–23 December, 2016) // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, №. 2. PP. 176–182.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объёмом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в жанрах:

Жанр	***Минимальный объем***
Статья (*теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором*)	0, 5 п. л. *(20 000 знаков)*
Научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. *(12 000 знаков)*
Научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. *(8 000 знаков)*

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указывается фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного лицензионного договора.
3. Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, если автор статьи – аспирант,
4. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК.

Имя, отчество, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна (на русском и английском языках).

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Источники финансирования статьи (при их наличии) – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация: 150–200 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи: актуальность, методы, выводы исследования. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи составляют следующие блоки: вводная часть, методология и методика исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы.

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы: например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг о друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

Список литературы указывается в алфавитном порядке и должен включать не менее 15 источников. Желательно, чтобы в нём были представлены зарубежные источники. Литература на иностранных языках должна следовать за литературой на русском языке.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются источниками, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р. 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются изд-во, общее количество страниц.

Объём цитирования в статье должен быть не более 40 % от общего объёма статьи.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СТАТЬИ

Рабочие языки: русский и английский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2 см; левое и правое – 2,5 см. Шрифт Arial, кегль14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставится дата и Ф. И. О. автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буквы) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо различать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами (например, *таблица 1*), в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excell, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка 170 × 240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют 200 р.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru

Адрес редакции:
672007, Россия, г. Чита, ул. Бабушкина, 129,
Забайкальский государственный университет,
Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь:
Елена Витальевна Седина,
Ирина Николаевна Блажевская
Тел.: 8(3022)35-24-79, e-mail: zab-nauka@mail.ru

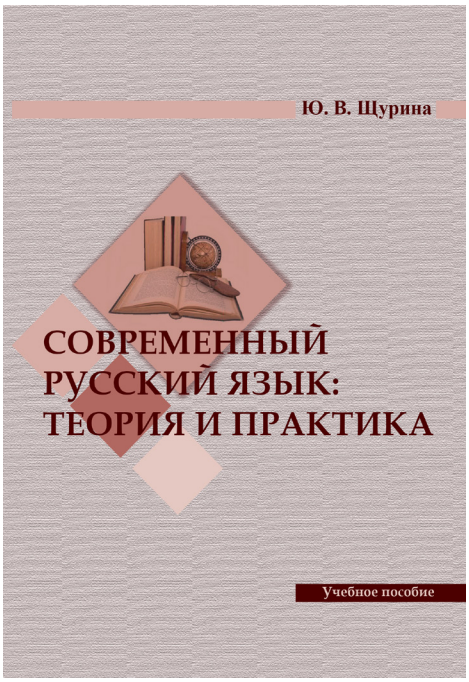
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

NEW BOOKS

Щурина, Юлия Васильевна

Современный русский язык: теория и практика : учеб. пособие / Ю. В. Щурина ; Забайкал. гос. ун-т. – Чита : ЗабГУ, 2016. – 137 с.

ISBN 978-5-9293-1798-9



Учебное пособие отражает современные научные представления о русском языке. Содержит теоретические сведения и практические задания по всем разделам курса «Современный русский язык» (введению, фонетике, лексикологии, морфемике, словообразованию, морфологии и синтаксису). Задания направлены на формирование умений узнавать и интерпретировать языковой факт, оценивать и сознательно использовать языковые средства в соответствии с целями и условиями общения.

Учебное издание предназначено как для аудиторных, так и для самостоятельных занятий студентов, обучающихся по направлениям 44.03.05 *Педагогическое образование* (профиль «Русский язык и литература»); 44.03.01 (профиль «Филологическое образование»); 42.03.02 *Журналистика* и 45.44.01 *Филология*. Представляет интерес для филологов, редакторов, журналистов, учителей, а также для широкого круга читателей, чьи интересы и деятельность связаны с продуцированием общественно значимых текстов.

Камедина, Людмила Васильевна

Текст в диалоге с читателем : учеб. пособие / Л. В. Камедина ; Забайкал. гос. ун-т. – 3-е изд., испр., доп. – Чита : ЗабГУ, 2017. – 179 с.

ISBN 978-5-9293-1840-5

В учебном пособии предлагаются различные подходы к изучению русской литературы, авторы знакомых хрестоматийных текстов обретаются в иных смысловых измерениях. Как известно, отражение реальности в литературе предполагает определённую меру условности, поэтому при анализе художественного текста учитываются смысловые переходы с уровня знаков-символов на уровень предметно-смыслового содержания. Снятие предыдущего уровня новым, более сложным, даёт читателю возможность приращивать иные смыслы и значения русской художественной мысли.

Учебное издание предназначено для студентов-филологов, учителей-словесников, а также всем обучающимся русской литературе.

Книжную продукцию можно приобрести по адресу:
Издательский комплекс
672039, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30
тел. (3022) 41-67-18; e-mail: chita-iio@mail.ru